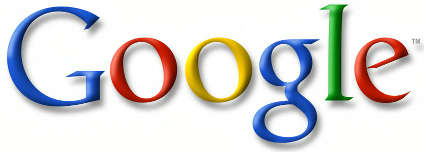


П. А. КУЛИШЪ

ИСТОРІЯ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

РЕЛИГІОЗНОЕ, СОЦІАЛЬНОЕ И НАЦІОНАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНІЕ ВЪ ЭПОХУ ІОВА БОРЕЦКАГО

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

МОСКВА
Типографія А. А. Гатцука, на Кузнецк. мосту, д. Торлецкаго
1877

Каждый томъ „Исторіи Возсоединенія Руси“ продается отдѣльно по 2 р.

I-й томъ „Матеріяловъ для Исторіи Возсоединенія Руси“ (который выйдетъ на дняхъ) составляетъ приложеніе къ III-му тому „Исторіи“. Цѣна ему 2 р. Онъ продается и отдѣльно.

Jeremiah Curtin.

ИСТОРІЯ

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

III

П. А. КУЛИШЪ

P. A. Kulisch

ИСТОРІЯ

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

РЕЛИГІОЗНОЕ, СОЦІАЛЬНОЕ И НАЦІОНАЛЬНОЕ
ДВИЖЕНІЕ ВЪ ЭПОХУ ІОВА БОРЕЦКАГО

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

МОСКВА

1877

Типографія А. А. Гатцука, на Кузнецкомъ мосту д. Торлецкаго.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ „Заявленіи, напечатанномъ во II-мъ томѣ „Исторіи Возсоединенія Руси“, авторъ высказалъ свое предположеніе издать сперва I-й томъ „Матеріяловъ для Исторіи Возсоединенія Руси“, а потомъ III-й томъ самой „Исторій“. Но причины совершенно случайныя заставили его выпустить III-й томъ „Исторіи“ прежде I-го тома „Матеріяловъ“, который отпечатанъ уже до половины и не замедлитъ своимъ выходомъ въ свѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строка*	*вмѣсто*	*слѣдовало бы*
8	28	саствы	паствы
—	29	птепени	степени
20	13	папы	паны
132	7	политпческихъ	полемическихъ
179	2	письменниками	письме́нниками
186	1	стекались	стекалась
193	29	о защитѣ.	съ прозьбой о защитѣ.
238	два первыя примѣчанія переставить одно на мѣсто другого, а третье уничтожить.		

ГЛАВА XXI.

Кіевскіе мѣщане и кіевское духовенство.—Выдѣлка фанатиковъ папизма изъ русскихъ людей.—Завоеванія уніи въ высшемъ классѣ. — Начало витебской трагедіи.—Мѣщане отстаиваютъ православіе въ отособленіи отъ русской шляхты.—Сословное лицемѣріе польско-русскихъ пановъ.

Въ первыхъ двухъ томахъ моей книги представлена, въ видѣ наброска для будущей обработки, картина борьбы экономическихъ и промышленныхъ классовъ польско-русскаго общества съ выдѣлившимися изъ нихъ козаками, которые не хотѣли знать иной жизни, кромѣ добычной, и дѣлали попытки разрушить порядокъ вещей, стѣснявшій ихъ похожденія.

Эти попытки, одинаково страшныя для всѣхъ сословій, состояній и народностей Рѣчи Посполитой, умѣлъ останавливать лучшій изъ козацкихъ предводителей, Петръ Конашевичъ Сагайдачный. По своимъ военнымъ талантамъ и общественнымъ заслугамъ, онъ былъ для русскаго народа въ Рѣчи Посполитой то, что былъ для польскаго Жовковскій, и даже болѣе. „Не вѣсте ли, яко властелинъ великъ паде въ сій день въ Израили"? Эти слова не случайно поставлены эпиграфомъ въ сборникѣ хвалебныхъ виршъ, скомпонованныхъ въ кіевобратскомъ училищѣ по случаю его кончины. Выборъ эпиграфа показываетъ, что представители тогдашней русской письменности въ Кіевѣ понимали великость общественной утраты. Не стало Конашевича-Сагайдачнаго, и козачество очутилось на произволѣ безпорядочныхъ ватагъ своихъ. Изчезъ

тотъ центръ, который заставлялъ обращаться вокругъ себя все своевольное въ Украинѣ, [1]) не давая дикимъ элементамъ жизни подавить элементы культурные. Съ прекращеніемъ единства дѣйствій въ козацкихъ „купахъ", прекратилась и полезность козачества для самаго важнаго изъ общественныхъ учрежденій — церкви. Козаки помогли Іову Борецкому въ его трудномъ дѣлѣ на столько, на сколько страшенъ былъ для противной стороны авторитетъ ихъ предводителя: они не чѣмъ инымъ, какъ только молвою о религіозной завзятости своей, дали ему возможность сдѣлать, въ пользу православія, захватъ изъ захвата, сдѣланнаго на Руси латинскою іерархіею. Существуя больше для своихъ военныхъ промысловъ, чѣмъ для какой либо болѣе возвышенной цѣли, они однимъ предполагавшимся въ нихъ рвеніемъ къ церкви и ея духовнымъ интересамъ удержали поборниковъ уніи отъ насильственнаго противодѣйствія важному для южной Руси акту—возстановленію православной митрополіи. Когда было рѣшено—въ виду утвержденнаго правительствомъ уніятскаго митрополита, посвятить, на перекоръ правительству, митрополита православнаго, отъ козаковъ скрывали актъ посвященія такъ точно, какъ и отъ противниковъ православія. Дѣло сдѣлано тайно, безъ всякой торжественности, въ присутствіи только тѣхъ лицъ, которыя, подобно Сагайдачному, были способны понимать гражданственную сторону предпріятія. Достоинство церкви велѣло творцамъ этого дѣла предотвратить столкновеніе падкой на разбой и хищеніе толпы съ уніятскою партіею, которая своими достатками, болѣе нежели чѣмъ либо, возбуждала въ козакахъ типическую охоту биться съ

[1]) Даже въ западной Европѣ, уже по смерти Сагайдачнаго, запорожское войско называли „козаками Сагайдачнаго". (Матер. для Ист. Возс. Р. т. I. докум. XV.).

ляхами. [1]) Конашевичъ-Сагайдачный помогъ великому дѣлу однимъ именемъ своимъ сподвижниковъ, оставляя грубую силу ихъ для грубыхъ операцій. Но вслѣдъ за тѣмъ наступила забота объ удержаніи отнятаго у похитителей. Исполненіе этой новой, несравненно болѣе трудной задачи возлегло, въ извѣстномъ смыслѣ слова, на одного Іова Борецкаго, и на сколько исторія есть повѣствованіе о результатахъ, на столько высоко цѣнитъ она заслугу великаго черноризца передъ его отдаленнымъ потомствомъ.

Предводитель русскаго движенія въ Кіевѣ стоялъ въ виду враговъ, овладѣвшихъ здѣсь всѣми позиціями нашей народности, до послѣдняго ея редута, до монастырскихъ стѣнъ. Могущество противной стороны заключалось не въ одномъ механизмѣ польской гражданственности. Предстояло бороться съ многовѣковой работою латинской культуры, выдвинувшей свои траншеи за черту католическаго міра — въ землю Владиміра и Ярослава; [2]) предстояло бороться съ пріобрѣтеніями

[1]) Во всей печатной и письменной литературѣ, возникшей по поводу борьбы съ уніею, ни разу не упомянуто даже имя козаковъ, какъ защитниковъ или охранителей народной церкви и православія.

[2]) Римская курія дѣйствительно смотрѣла на принадлежащую Польшѣ русскую территорію, какъ на военные форпосты. Въ тайной инструкціи, врученной, въ 1621 году, нунцію Торресу при отправленіи его ко двору Сигизмунда III, говорится, между прочимъ, слѣдующее:

„Во всѣ времена, на города и провинціи, лежащіе на границахъ государства, обращаемо было больше вниманія, нежели на серединныя его части, потому что, укрѣпивъ пункты, выставленные на непріятельскія покушенія, тѣмъ самымъ уменьшали опасенія относительно безопасности всего государства. Такъ и обширное Польское королевство съ присоединенными къ нему провинціями, надобно разумѣть не иначе, какъ членами христіянской республики, расположенными на самыхъ ея оконечностяхъ, или на окраинахъ государства, подчиненнаго власти папы и апостольской столицы. Поэтому они должны быть дороже имъ всѣхъ другихъ, и чѣмъ они отдаленнѣе и больше подвержены утратѣ или поврежденію, тѣмъ съ большею заботливостію и большими силами надлежитъ охранять ихъ“.

человѣческаго ума, которыми располагало энергическое общество полумонаховъ, все еще управлявшее вселенною, и въ добавокъ—съ религіознымъ фанатизмомъ, который находилъ себѣ оправданіе въ сознаніи святости дѣла своего. Наши поборники православія, въ устахъ папы, были „зараженные корни и не приносящія плода вѣтви". Наша отрозненная Русь, подъ его перомъ, была „разсадникомъ ядовитыхъ растеній и пастбищемъ драконовъ". Наше вѣроисповѣданіе называлъ онъ „чудовищемъ нечестивыхъ догматовъ и дѣломъ діавола". По его убѣжденію, щадить насъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало. Напротивъ, глава католическаго міра взывалъ къ королю, „знаменитому пораженіемъ турокъ", чтобъ онъ, ради общаго блага, огнемъ и мечемъ истреблялъ на Руси православіе, а пламенные слуги его, іезуиты, работали въ Царьградѣ надъ тѣмъ, чтобы іерусалимскій патріархъ, этотъ „факелъ мятежа", этотъ вождь „злодѣевъ", въ свою очередь, „испыталъ силу королевскаго гнѣва, и своимъ бѣдствіемъ обуздалъ дерзость остальныхъ". [1])

Все это мы видѣли, слышали, знали, чувствовали. Съ каждымъ днемъ ожидали мы послѣдняго удара, и съ каждымъ днемъ воскресала въ насъ молчаливая энергія отпора. Не даромъ наши убогіе чернецы, вписываясь въ церковное братство, выражали вмѣстѣ съ тѣмъ готовность пролить за него кровь свою. Если католиками руководилъ фанатизмъ нетерпимости, то православныхъ одушевлялъ энтузіазмъ стойкости. Драма, возникшая такимъ образомъ изъ напора видимой силы

[1]) По настоянію апостоловъ папы, іезуитовъ, французскій король повелѣлъ тогдашнему своему посланнику въ Царьградѣ „procurer, s'il est possible, la ruine du patriarche de Constantininople, comme d'un hérétique très dangereux," какъ объ этомъ писалъ самъ посланникъ, находившійся при турецкомъ дворѣ въ 1623 и слѣд. год. (Historia Russ. Monumenta, deprompta a Turgenevio, II, 224).

на кажущееся безсиліе, тѣмъ еще болѣе знаменательна, что доказала побѣдительное могущество нравственныхъ рессурсовъ, которые, въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ человѣческихъ, являются столь слабымъ двигателемъ ихъ, сравнительно съ рессурсами умственными. По вдохновенію простого чувства правды, люди нашего прошедшаго преподали въ ней людямъ нашего будущаго урокъ драгоцѣнный.

Да, монастырскія стѣны въ Кіевѣ и въ тѣхъ немногихъ уже монастыряхъ, которые сохранили древнюю связь съ разсадникомъ русскаго православія, были послѣднею опорою русской народности въ то время, когда, среди отчаянной борьбы за наслѣдіе послѣ предковъ, изнемогавшіе борцы дерзновенно провозгласили православную митрополію въ виду облеченной законностью митрополіи уніатской. „Не имамы къ кому прибѣгнути (писалъ въ 1622 году Исаія Копинскій въ Москву): царей и князей и болѧръ благочестивыхъ не имамы. Всѣ отступницы отъ благочестивой вѣры нашей. Едины ляхи, вторые унеяты, третиі сынове еретическиі... И нигдѣ не имамы отъ нихъ упокою, только всѣ мы благочестивыі въ маленькомъ кутку тѣснимося на Украинѣ въ землѣ Киевской, колько насъ особъ святительскихъ благочестивыхъ, которыхъ посветилъ патріархъ іерусалимскій“. [1])

Вотъ вѣрное изображеніе тогдашняго православія въ Рѣчи Посполитой, соотвѣтствующее поголовному осужденію русской шляхты въ апостольскомъ посланіи Іоанна Вишенскаго. [2])
Изъ всей обширной нѣкогда паствы воспитанниковъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, одни мѣщане оставались хранителями родной земли во имя Руси. Въ сословіи дворянскомъ православная Владимірова Русь сливалась уже безразлично съ ка-

[1]) Матер. для Ист. Возс. Р. т. I, докум. XIII.
[2]) См. томъ I, стр. 298 и 306.

толическою и протестантскою Польшею. Мѣщане для Іова Борецкаго и его товарищей по іерархіи, тѣснившихся въ маленькомъ уголкѣ среди ляховъ, уніятовъ и сыновъ лютеранской, кальвинской, аріянской ереси, составляли народъ, который надлежало вывести изъ Египта, то есть воспитать сызнова въ древнемъ православіи, поколебленномъ сперва безпорядочною панскою жизнью однихъ іерарховъ, а потомъ продажнымъ переходомъ въ унію другихъ. Мѣщане, съ убогимъ духовенствомъ своимъ во главѣ, были еще чутки къ цѣлости русскихъ преданій стараго времени. Мѣщане своею стойкостью въ русскомъ обычаѣ какъ бы ручались передъ новыми іерархами своими за русское единство въ будущемъ, и если гдѣ, то всего больше въ Кіевѣ изображали собою народъ русскій среди „шляхетскаго народа" польскаго. Не на шляхту Кіевской земли, а на кіевскихъ мѣщанъ смотрѣли православные жители городовъ Вильны, Полотска, Могилева, Мстиславля, Орши, Луцка, Литовскаго Берестья, Львова съ готовностью подражать имъ въ сомнительныхъ обстоятельствахъ. Украинская шляхта, какъ видимъ изъ жалобы Копинскаго, положительно причислялась вождями церкви къ отступникамъ, которыми, въ глазахъ Іоанна Вишенскаго, были всѣ князья и паны Рѣчи Посполитой. Центръ тяготѣнія народной жизни перешелъ рѣшительно въ Кіевъ, и именно къ представителямъ мѣстной муниципіи, послѣ того, какъ русская шляхта, защищая православіе въ карпатскомъ Подгорьѣ, на Волыни и въ Литвѣ юридически, признала перевѣсъ надъ нимъ уніи и латинства ipso facto. Кіевъ былъ послѣдній спорный пунктъ между посягательствомъ римской куріи и самозащитою подкопаннаго чуждою народностью русскаго элемента. Восторжествуй унія въ Кіевѣ,—торжество ея было бы въ отрозненной Руси повсемѣстнымъ. Уже на Волыни и въ Бѣлоруссіи паны

Скумины-Тишкевичи, первые противники уніи, паны Друцкіе-Соколовскіе, паны Корсаки, паны Щиты, паны Воловичи, поддерживавшіе велерѣчивые протесты князя Острожскаго, приняли, одни за другими, если не унію, вѣроисповѣданіе, сохранявшее тѣнь древняго православія, то католичество, которое отрывало человѣка отъ его предковъ окончательно. „Плачъ Восточной Церкви“, книга, напечатанная въ 1610 году, всего спустя два года по смерти такъ называемаго протектора православія, въ числѣ совращенныхъ въ католичество чадъ этой церкви именуетъ князей Острожскихъ, Слуцкихъ, Заславскихъ, Вишневецкихъ, Сангушекъ, Чорторыйскихъ, Пронскихъ, Рожинскихъ, Соломирецкихъ, Головчинскихъ, Лукомскихъ, Пузинъ и другихъ, которыхъ, по словамъ „Плача“, и сосчитать трудно. Потомъ оплакивается въ ней потеря пановъ Ходкевичей, Глѣбовичей, Кишекъ, Сопѣгъ, [1]) Дорогостайскихъ, Хмѣлецкихъ, Военъ, Зѣновичей, Тышкевичей, Пацовъ, Скуминыхъ, Хребтовичей, Тризнъ, Горностаевъ, Мышекъ, Гойскихъ, Сѣмашекъ, Гулевичей, Ярмолинскихъ, Чолганскихъ, Калиновскихъ, Кирдіевъ, Загоровскихъ, Мелешковъ, Боговитиновыхъ, Павловичей, Сосновскихъ, Потѣевъ. Такія лица, какъ Анна Гулевичевна, отписывая въ пользу церквей свое имущество, выражали фактически колебаніе свое между двумя тенденціями своего сословія: между политической тенденціей къ католичеству и религіозной—къ православію. Сердца ихъ были уже сорваны съ

[1]) Это имя мы русскіе стали писать и пишемъ до сихъ поръ съ польскаго голоса, какъ имя Болóбана, (Балабанъ) Потѣя (Поцѣй) и многихъ другихъ, тогда какъ въ актахъ русскихъ людей, писавшихъ даже по польски, находимъ начертаніе Sopiha, и только въ актахъ природныхъ поляковъ—Sapieha.

якоря вѣры и народности. Какъ носимые бурей корабли, эти люди не знали, гдѣ найдутъ себѣ пристань. Какъ подгнившія въ корнѣ деревья, русская шляхта готова была уже и безъ борьбы къ паденію. Она, даже и въ крѣпкихъ вѣрою семействахъ, давала подтачивать корни свои—если не прямому латинству, то переходной къ нему уніи. Надѣяться на князи и на сыны человѣческіе сдѣлалось тогда для южнорусскаго православнаго міра по истинѣ тщетнымъ. Хотя между русскою шляхтою оставались еще люди, преданные православію, по старой памяти, искренно; но двоякость тенденціи дѣлала и этихъ неспособными къ энергической защитѣ его. Защита православія всею тяжестью задачи своей и всею грозою своей опасности лежала на духовенствѣ. Она требовала отъ духовенства усилій чрезвычайныхъ. Вотъ почему въ этомъ періодѣ южнорусской церкви встрѣчается намъ больше самоотверженныхъ ея представителей, нежели послѣ, когда она восторжествовала надъ своими противниками. Только поднятіемъ нравственнаго уровня запуганной, сбиваемой съ пути и расхищаемой иновѣрцами паствы могло духовенство обрѣсти въ ней опору себѣ, а поднять общественную нравственность можно было ему только примѣромъ собственной жизни своей. Духовенство нуждалось тогда въ мірянахъ болѣе, нежели когда либо прежде, и потому естественно больше прежняго стало заботиться о нихъ. Въ свою очередь и для мірянъ оно сдѣлалось необходимымъ болѣе, нежели въ какую либо иную эпоху народнаго самосознанія, и потому привязанность саствы къ пастырямъ возрасла въ это время до небывалой птепени. Между мѣщанами, которые были самою доступною, подручною паствою для монастырскихъ подвижниковъ, и духовенствомъ, для котораго монастыри сдѣлались послѣдними редутами православія, установился такимъ образомъ тѣ-

сный союзъ: явленіе важное. Этимъ явленіемъ объясняется непонятный иначе фактъ: что унія, разсчитывавшая сперва на соблазнъ знатныхъ шляхтичей владыцтвами, архимандріями и возвышеніемъ ихъ общественнаго значенія, стала потомъ искать своихъ прозелитовъ среди городскихъ ремесленниковъ, и на ступень, доступную прежде однимъ членамъ привилегированнаго сословія, начала возводить людей низкаго званія, подобныхъ Іосафату Кунцевичу. Кунцевичъ, съ простонародными товарищами церковной дѣятельности своей, составлялъ, въ рукахъ творцовъ уніи, самый надежный противовѣсъ тому упорству въ старыхъ обычаяхъ церкви и вѣры, которымъ русскіе мѣщане, руководимые духовенствомъ, и особенно мѣщане кіевскіе, отдѣлились весьма рѣзко, какъ отъ образованной въ латинскихъ школахъ русской шляхты, такъ и отъ невѣжественнаго класса разсѣянныхъ по селамъ земледѣльцевъ. Исторія жизни этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ человѣка характеризуетъ эпоху съ новой, еще нетронутой мною стороны. Онъ стóитъ самаго внимательнаго изученія.

Уроженецъ Владиміра Волынскаго, сынъ городского чеботаря, Іосафатъ Кунцевичъ, будучи агентомъ у одного изъ виленскихъ купцовъ, прилѣпился къ дому Божію во имя излюбленнаго имъ почему то римскаго папы. Изъ ревности къ дому Божію, бросилъ онъ торговлю, считалъ за счастье быть простымъ звонаремъ въ отпадшемъ къ уніи Святотроицкомъ виленскомъ монастырѣ, подвизался при этомъ съ большимъ успѣхомъ въ искусствѣ совращенія православныхъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался унитскимъ архіепископомъ. Такая быстрота возвышенія имѣла свои постепенности, въ которыхъ надъ судьбой Кунцевича бодрствовала сила, устраивавшая политическое, религіозное и соціальное объединеніе Руси съ Польшею. Изъ набожныхъ звонарей Кунцевичъ попалъ въ

воспитанники іезуитскаго коллегіума. Тамъ Фабрицій и Грушевичъ, въ послѣдствіи исповѣдники при дворѣ Сигизмунда III, обратили подобающее вниманіе на пламеннаго юношу, и съ умѣньемъ, въ которомъ іезуитовъ не превзошелъ никто, развили въ немъ природный энтузіазмъ до умоизступленія. Въ 1604 году, когда другой столь же пылкій юноша, обработанный іезуитами, шелъ съ польскою вольницею на захватъ сѣверной Руси, [1]) Іосафатъ Кунцевичъ сдѣланъ былъ уніятскимъ монахомъ, въ видахъ захвата подъ иноземную власть Руси южной. Въ 1614 году, когда козаки, разорители Синопа, сдѣлались опасны для творцовъ уніи своимъ именемъ православнаго воинства, Кунцевичъ сдѣлался еще страшнѣе для поборниковъ древней русской религіи—чернецовъ и свѣтскихъ священниковъ—своимъ апостольскимъ краснорѣчіемъ и видимою законностью дѣйствій своихъ. Въ этомъ году Іосифъ Веляминъ Рутскій былъ возведенъ въ санъ митрополита, на мѣсто скончавшагося Ипатія Потѣя, а Кунцевичу предоставлено было важное мѣсто архимандрита въ Святотроицкомъ монастырѣ. Іезуиты знали, къ чему готовили Кунцевича: они признали излишнимъ обучить его необходимому въ тогдашнемъ образованіи латинскому языку. Даже по русски и по польски Кунцевичъ писалъ весьма безграмотно; но его природное краснорѣчіе тѣмъ вѣрнѣе плѣняло слушателей. Оно дѣйствовало до такой степени неотразимо, что православные уподобляли Кунцевича самому діаволу, по его искусству увлекать человѣческія души въ погибель. Стоило только послушать этого паписта нѣсколько минутъ, и невооруженный догматами православія слушатель дѣлался сторонникомъ папы. Въ Вильнѣ, у его ненавистниковъ, появилась большихъ раз-

---

[1]) Говорится о Димитріѣ самозванцѣ

мѣровъ картина, на которой Потѣй и Рутскій были представлены въ свойственныхъ ихъ сану одеждахъ, съ сіяющими радостью лицами, а Кунцевичъ намалеванъ былъ въ видѣ духа тьмы, съ крюкомъ въ рукѣ и съ надписью: душохватъ. Онъ хваталъ души необразованныхъ людей тѣмъ успѣшнѣе, что происходилъ изъ ихъ простонародной среды, а души людей образованныхъ уловлялъ тѣмъ скорѣе, что являлъ имъ въ себѣ повтореніе вдохновенныхъ свыше простолюдиновъ, которые покорили Христу владыкъ міра сего. Отправляясь, въ качествѣ новаго митрополита, въ Кіевъ, Рутскій взялъ Кунцевича съ собою, въ надеждѣ совратить, при его посредствѣ, даже печерскую братію. Но въ обители преподобнаго Ѳеодосія краснорѣчіе унитскаго апостола оказалось безсильнымъ. Тамъ стояли на древнемъ преданіи, какъ на гранитной скалѣ, и всякую попытку поколебать его принимали за внушеніе отца лжи. Увлекшись жаромъ своего убѣжденія, Кунцевичъ промолвилъ нѣсколько словъ, нестерпимыхъ для слуха честныхъ иноковъ. Ревнители древняго благочестія избили его до полусмерти, и только бѣгство спасло знаменитаго проповѣдника отъ преждевременнаго мученичества.

Этотъ случай еще больше воспламенилъ прозелита новой церкви къ ниспроверженію старой. Вернувшись въ Бѣлоруссію, Кунцевичъ сдѣлался всепобѣждающимъ ловцемъ человѣковъ не только между мѣщанами, но и между панами, которые обыкновенно пренебрегали уніею и, получивъ отвращеніе къ „хлопской вѣрѣ“, переходили прямо въ католичество. Между прочими, сумѣлъ онъ совратить въ унію и того Мелешка, смоленскаго каштеляна, который, при воцареніи Сигизмунда III, такъ саркастически осмѣивалъ польскій элементъ, развращавшій старинные русскіе нравы. Совратилъ онъ въ унію и сподвижника князя Острожскаго въ борьбѣ

за православіе, Θедора Скумина-Тишкевича, новгородскаго воеводу, и сына его Януша, референдарія великаго княжества Литовскаго, въ послѣдствіи троцкаго и виленскаго воеводу. Не только православные дома, но и дома самыхъ яростныхъ кальвинцевъ увлеклись проповѣдуемою имъ вѣрою въ спасительность единой истинной церкви. Брестскій воевода Христофоръ Зѣновичъ, умирая, оставилъ завѣщаніе: чтобы, на случай перехода потомства его въ „языческую религію", тѣло его было вынесено изъ церкви и похоронено подъ открытымъ небомъ. Теперь вдова этого самого Зѣновича, пани Θедора, сдѣлалась послѣдовательницею ученія Душохвата.

Въ награду за необыкновенные подвиги, римская курія возвела Кунцевича въ санъ полотскаго архіепископа. Въ тотъ самый годъ, когда Конашевичъ-Сагайдачный созвалъ 20 тысячъ козаковъ на выручку изъ бѣды королевича Владислава съ его Оссолинскими, съ его Казановскими и Ходкевичами, Кунцевичъ торжественно вступилъ въ резиденцію своей архіепископіи, какъ бы готовясь восполнить неуспѣхъ польскаго элемента въ Московщинѣ покореніемъ ему русскаго элемента дома. Іезуиты, во главѣ мѣстнаго духовенства латинскаго, встрѣтили созданнаго ими апостола процессіею у входа въ городъ. Участвовали въ процессіи и православные члены городского управленія. Чувства ненависти, страха новыхъ гоненій и рѣшимости не даться въ руки иновѣрцамъ выразились глухо, но многозначительно, въ привѣтствіи одного изъ бургомистровъ, который заключилъ свою рѣчь къ архіепископу словами: „Если вступаешь въ градъ сей съ благими намѣреніями, гряди во имя Господне; если же замышляешь противное, лучше бы тебѣ не входить въ него" !

Еще завзятѣе обошелся съ законнымъ архіепискомъ городъ Могилевъ. Когда Кунцевичъ приблизился къ городу, зазвони-

ли въ вѣчевой колоколъ, висѣвшій на ратушѣ. Произошла тревога. Народъ высыпалъ на городской валъ съ оружіемъ въ рукахъ, а магистратъ вышелъ за городъ съ цеховыми знаменами, и совѣтовалъ Кунцевичу не въѣзжать въ Могилевъ, чтобъ не было съ нимъ того, что постигло Рогозу въ Слуцкѣ, Потѣя въ Кіевѣ, Вильнѣ и Львовѣ, а Грековича въ Перемышлѣ и другихъ мѣстахъ. [1])

Но это значило—лить масло на огонь. Кунцевичъ вовсе не былъ злой, напротивъ, по природѣ своей, это былъ энергически добрый человѣкъ. Не за богатство, не за власть перешелъ онъ изъ православія въ унію, какъ сдѣлали первые уніяты епископы и архимандриты. Онъ вѣровалъ искренно въ нравственное превосходство латинской церкви и въ святость Христова намѣстника на землѣ. Онъ презиралъ глубоко мѣщанство, какъ тупоумную чернь, вмѣшивающуюся въ церковныя дѣла. Онъ всей душею жаждалъ одолѣть схизму, которая представлялась ему „чудовищемъ нечестивыхъ догматовъ и дѣломъ діавола“, какъ выражалась о ней папская булла. Себя онъ не щадилъ ни мало, и мученическая смерть была для него идеаломъ счастья въ земномъ странствованіи. Погружаясь въ душеспасительные помыслы, онъ взиралъ на собственное тѣло, какъ на препятствіе ко входу въ божественную область человѣческаго существованія. Онъ изнурялъ себя

[1]) До насъ дошла только угроза могилевскихъ мѣщанъ, но какія именно демонстраціи противъ уніи дѣлались православными въ означенныхъ мѣстахъ, мы не знаемъ. Что касается до бунта могилевскихъ мѣщанъ противъ уніи, то онъ окончился сидѣньемъ зачинщиковъ въ тюрьмѣ и окупомъ у предержащихъ властей, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ „кіевскихъ обывателей“, приписавшихся къ войску Сагайдачнаго: „у Могилевѣ килька мѣщанъ за вѣру на горло посажено, отъ которыхъ панъ канцлеръ Литовскій шесть тысячей червонныхъ хочетъ, если хотятъ быти вольными, а иншыхъ вѣдь и вылічити трудно всюды“. (Археогр. Сб. I. 265).

постами и ночными бдѣніями; онъ бичевался до кровавыхъ синяковъ, и на свѣжія раны надѣвалъ власяницу. Экзальтированный іезуитами умъ его, задолго до постигшей его мученической кончины, уготовилъ ему ту святость у Господа на небесахъ, которою, въ католическихъ сказаніяхъ, сіяетъ столько истинно добродѣтельныхъ людей и столько безумныхъ злодѣевъ. Встрѣчаемыя имъ на пути къ своей цѣли препятствія только усиливали въ немъ фанатизмъ, который въ своихъ проявленіяхъ отличался мрачной холодностью, чѣмъ онъ въ особенности „омерзѣлъ народу", какъ выражается о немъ, въ письмѣ къ Рутскому, Левъ Сопѣга. На него собиралась гроза со всѣхъ сторонъ, и всего сильнѣе—въ сердцахъ жителей древняго города Витебска. Но чѣмъ больше было опасности, тѣмъ больше разгоралось его сердце, созданное, какъ это иногда бываетъ, или для высокихъ подвиговъ любви, или для мрачной тиранніи.

Городъ Витебскъ имѣлъ самыя древнія привилегіи между сосѣдними городами. По этимъ привилегіямъ, витебцы не платили королю никакого мыта и даже не помогали ему своими „сябрами" (согражданами) въ его обычныхъ ловахъ. У нихъ со временъ варягорусскихъ сохранился вѣчевой колоколъ, съ которымъ они соединяли неопредѣленное, но дорогое для нихъ понятіе о своей независимости. Кто бы изъ витебцевъ пожелалъ удалиться изъ городской республики (было написано въ ихъ древней хартіи), король, какъ хозяинъ города, не властенъ былъ ни надъ нимъ самимъ, ни надъ его имуществомъ. „Путь ему" былъ „чистъ, куды исхочетъ, безъ всякое зачеики". Удаляющійся долженъ былъ только „ударити чоломъ Святому Благовѣщенню и обвѣститися королевскому воеводѣ да мужомъ витебляномъ". Между прочимъ, король, на основаніи стариннаго русскаго права, обязывался мѣщанамъ женъ

ихъ силой за мужъ не давати, и кто изъ нихъ, умирая, откажетъ кому нибудь свое имущество, въ это дѣло не вступатися; холопу и рабѣ вѣры не няти, судовъ, принадлежавшихъ великимъ князьямъ литовскимъ, не посужовати; кто будетъ заочно наговаривать на витеблянъ, того имъ витебляномъ выявити; въ заставу нигдѣ витеблянъ не сажати; королевскому воеводѣ по витебской волости не ѣздити; кто изъ витеблянъ проступитъ у вѣса или въ локтѣ, того витебляномъ самимъ казнити; даже если въ отдаленныхъ торговыхъ городахъ у кого нибудь изъ витеблянъ забракуютъ воскъ, и въ этомъ случаѣ казнити виновнаго самимъ витеблянамъ, по пріѣздѣ его въ Витебскъ; а когда королевскій воевода витеблянамъ не понравится, король обязывался дать имъ другого по ихъ волѣ. Такъ велики были уступки со стороны короны въ пользу городской республики. Но всего дороже для нея было обязательство короля не вступаться въ церковные дома и въ церкви витебскихъ „мѣстичей". Даже въ тѣхъ случаяхъ, когдабы литвинъ или ляхъ былъ крещенъ въ русскую вѣру, король далъ обѣщаніе „права ихъ крестіанскаго ни въ чымъ не ламати".

Сознавая себя, такимъ образомъ, государствомъ въ государствѣ, какъ это было свойственно составнымъ частямъ Рѣчи Посполитой, жители Витебска не хотѣли подчиниться новому архіепископу, который столь очевидно былъ назначенъ для того, „чтобы право ихъ крестіанское" сломать на вѣки. Они привели свой городъ въ оборонительное положеніе, какъ бы въ ожиданіи непріятельскаго нашествія. Они, по видимому, рѣшились пасть въ борьбѣ съ той властью, которая измѣняла собственнымъ обязательствамъ. Но велика разница между рѣшимостью и выполненіемъ. Еслибъ Кунцевичъ наступилъ на нихъ съ вооруженною силою, могла бы завязать-

ся религіозная война; могли бы принять въ ней участіе другіе бѣлорусскіе города; могли бы тогда и козаки явиться къ нимъ на помощь, въ чаяніи поживы. Тогда рѣшеніе вопроса между Русью и Польшею наступило бы раньше двумя-тремя десятилѣтіями. Вмѣсто всего этого, драма защиты православія въ Бѣлоруссіи ограничилась однимъ городомъ Витебскомъ, и кровавый конецъ ея послужилъ (какъ мы увидимъ) только косвенно къ расторженію связи между двумя народностями. Когда Кунцевичъ, объѣзжая свою діоцезію, приблизился въ сопровожденіи своего клерикальнаго конвоя къ Витебску, онъ нашелъ городскія ворота запертыми; на стѣнахъ стояли пушки; между пушекъ расхаживали вооруженные люди. Именемъ короля онъ требовалъ объяснить ему: почему не хотятъ впустить его въ городъ, порученный его духовной опекѣ? Въ отвѣтъ на это требованіе, ворота отворились. Съ оружіемъ въ рукахъ и съ церковными хоругвями, появились въ нихъ витебскіе мѣстичи. Они осыпали Кунцевича упреками въ отступничествѣ и грозили смертью, если не удалится отъ ихъ города. Кунцевичъ удалился; но вскорѣ послѣдовалъ королевскій допросъ: на какомъ основаніи витебскіе мѣщане осмѣлились дѣйствовать, какъ осажденные непріятелемъ, когда опасности ни отъ кого не было? Мѣщане указали на свои привилегіи, подтвержденныя многими сеймами; но самыя оправданія обращены въ доказательство ихъ виновности. Королевскимъ декретомъ повелѣвалось назначить коммиссію для открытія зачинщиковъ бунта и заговорщиковъ, съ тѣмъ чтобы казнить ихъ смертью; витебскіе же церкви и монастыри, а равно поповъ и монашество, предписывалось отдать немедленно подъ юрисдикцію и послушаніе владыкѣ, со всѣми церковными и монастырскими аппаратами, украшеніями, фундушами, со всѣми пожертвованіями и доходами; а на будущее

время (сказано въ декретѣ—и это самое главное) витебскіе мѣщане не должны вмѣшиваться въ дѣла церквей и монастырей, поповъ и чернецовъ, и никакой власти себѣ надъ ними не присвоивать, подъ страхомъ уплаты въ казну 20 тысячъ злотыхъ. [1])

Такова была увѣренность іезуитской партіи въ торжествѣ уніи надъ православіемъ. Рѣшительная мѣра въ подавленію православія въ одномъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ показываетъ, что въ успѣхѣ уніи тогда еще не сомнѣвались ни въ королевской радѣ, ни въ римской конгрегаціи для проповѣданія вѣры.

И вотъ витебскіе мѣщане одни, безъ союзниковъ и защитниковъ, отдѣльно отъ шляхты и принадлежавшаго шляхтѣ посполиства, отдѣльно отъ мѣщанъ прочихъ бѣлорусскихъ городовъ, отъ Волыни, Червонной Руси и Украины, стали лицемъ къ лицу съ польскимъ правительствомъ, какъ бунтовщики, какъ оскорбители королевской власти и церковные анархисты. Имъ предлагали—или покориться иновѣрному архіерею, отступнику древняго русскаго благочестія, или подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ безсильнаго бунта. Неготовые къ борьбѣ за свои привилегіи и за свое обычное право вмѣшательства въ церковныя дѣла, они смирились; но сердца ихъ были подготовлены къ роковой вспышкѣ.

Между тѣмъ Кунцевичъ продолжалъ неуклонно выполнять программу римской куріи. Іезуиты помогали ему всѣми зависѣвшими отъ нихъ мѣрами; а ихъ партія преобладала въ королевской радѣ безусловно. По старанію іезуитовъ, король, въ

[1]) Декретъ подписанъ королемъ въ Варшавѣ 1619 года марта 22, за скрѣпою Льва Сопѣги, литовскаго канцлера.

качествѣ верховнаго патрона русской церкви, [1]) предоставилъ въ распоряженіе Кунцевича всѣ православные храмы и монастыри въ Полотскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Мстиславлѣ, Оршѣ и во всѣхъ предѣлахъ его архіепископіи. Тогда Кунцевичъ потребовалъ отъ каждой ратуши списка „церковныхъ стацій“ и привелъ ихъ въ извѣстность. Онъ зналъ, что путемъ захвата и ловкаго распредѣленія собственности возможно подчинить папѣ даже и такихъ схизматиковъ, которые затыкали уши отъ уніятской проповѣди. Если онъ и ошибся въ разсчетѣ на пассивную покорность мѣщанства, которое презиралъ, какъ закоренѣлую въ предразсудкахъ чернь, то не ошибся въ разъединеніи предводителей оппозиціи. Мало по малу протесты со стороны духовныхъ людей умолкли. Одни были смѣщены, другіе куплены, третьи запуганы гоненіемъ, а не то—соблазнены перспективою спокойной жизни. По смыслу королевской привилегіи, каждый противящійся распоряженіямъ архіепископа являлся нарушителемъ общественнаго порядка. Ревнителей древней русской вѣры, отстаивавшихъ свои приходскія церкви, Кунцевичъ призывалъ къ суду, какъ бунтовщиковъ, а судъ каралъ ихъ заключеніемъ въ тюрьму и денежными пенями. Даже публичныя рѣчи православныхъ и печатаемыя ими книги „подводились подъ криминалы“, какъ покушенія на существующій порядокъ вещей. Церкви, не согласившіяся на унію, стояли запечатанными. Приписанныя къ нимъ имущества отдавались въ пользованіе уніятскому

---

[1]) Это значеніе признавала за нимъ и православная шляхта, вступавшаяся за русскую церковь. Въ ея суппликаціи къ сенату сказано: „Do krola J. M. pana naszego M. poważną przyczyną swoią serio za nami włożyć się raczcie, aby nas przy tey wiary wolności praesentaciey sachomać raczył, ktorą za szczęsliwym swym na te państwo nastąpieniem w cerkwi naszey Ruskiey, ktorey iest na ten czas p a n e m p o P. B o g u y obrońcą, zastał. (Докум. Ист. Западнор. Края, 238).

духовенству. Городской народъ, вѣрный своей старинѣ, въ праздничные дни собирался за городомъ и молился подъ открытымъ небомъ; но священниковъ среди молящихся не было. Священники смѣли совершать христіянскія требы и поучать истинамъ вѣры только украдкой, по ночамъ. При этомъ ихъ старались изловить для заключенія въ тюрьму, какъ бунтовщиковъ, а кто ихъ защищалъ, тѣ рисковали поплатиться баниціею и секвестромъ имущества, какъ это постигло первыхъ фактическихъ противниковъ уніи, мѣщанъ города Бреста или Берестья.

Новорожденныхъ дѣтей мѣщане возили иногда за десять и болѣе миль для крещенія по православному обряду. Въ такія же отдаленныя мѣста отправлялись и новобрачные для вѣнчанья. Умершихъ въ древнемъ русскомъ благочестіи старались хоронить тайно у церквей, окруженныхъ могилами предковъ; но случалось, что новыя могилы были раскапываемы фанатиками, и мертвыя тѣла выбрасывались, какъ падаль, въ поруганіе православія. Случались и такія сцены, что погребенное, какъ говорилось, на „королевскомъ грунтѣ“ неотпѣтое тѣло вынималось изъ земли и отпѣвалось уніятскимъ священникомъ, но мѣщане вырывали его изъ рукъ у признаннаго законнымъ духовенства и погребали неотпѣтымъ.

Все это вмѣстѣ представляло явленіе крайне дикое, но, по соціальному строенію Рѣчи Посполитой, совершенно естественное. Рѣчь Посполитая была не монархія и не республика, а собраніе монархій и республикъ, существовавшихъ рядомъ одна съ другою на правѣ невмѣшательства. Лишь только церковная унія была объявлена, многія церкви, подаванье которыхъ (jus patronatus) принадлежало непосредственно королю, переданы были архіереямъ-унитамъ фактически, а на прочія

распространено ихъ владычное право во всѣхъ такъ называемыхъ королевскихъ городахъ и во всѣхъ „маетностяхъ королевскаго стола". Урядники, управлявшіе этими маетностями, въ качествѣ старостъ и державцевъ, получили отъ короля строгое повелѣніе—не допускать мѣстныхъ поповъ до непослушанія своимъ іерархамъ. Такъ точно распорядились и расположенные къ уніи помѣщики въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ, по отношенію къ которымъ они были такіе же государи, какъ Сигизмундъ III—по отношенію къ своимъ королевщинамъ. Напротивъ, паны, остававшіеся покамѣсть вѣрными православію, сохранили принадлежащія къ ихъ маетностямъ церкви въ послушаніи цареградскому патріарху, а паны-протестанты—или оставляли у себя православныя церкви на полной волѣ прихожанъ, или передѣлывали въ лютеранскіе и евангелическіе храмы, или же уничтожали, какъ притоны суевѣрія. Образовалось такимъ образомъ четыре монархіи, изъ которыхъ первая основана была на ленномъ правѣ, имѣя во главѣ своей короля, раздавателя леновъ, то есть королевщинъ, а три остальныя представляли группы болѣе или менѣе мелкихъ королей — владѣльцевъ, окруженныхъ своими вассалами, такъ называемою низшею шляхтою. По закону невмѣшательства, каждая изъ этихъ монархій имѣла полную возможность позволять себѣ дѣлать съ религіей всевозможныя безобразія, и потому то въ королевскихъ городахъ могли униты и католики выбрасывать мертвыхъ изъ гробовъ совершенно такъ безнаказанно, какъ въ панскомъ городѣ Острогѣ печатались протесты противъ римскаго папы, а въ другихъ панскихъ городахъ (которыхъ, впрочемъ, было немного) и во всѣхъ панскихъ мѣстечкахъ и селахъ строились лютеранскія и кальвинскія молельни.

Положеніе монархій, входившихъ въ составъ Рѣчи Поспо-

литой подъ главенствомъ короля, было совершенно независимое; но далеко не таково было положеніе республикъ, именно городскихъ муниципій, которыя величали себя мѣстскими рѣчами посполитыми. Члены этихъ республикъ, мѣщане, по отношенію къ королю, а въ помѣщичьихъ городахъ по отношенію къ пану, были не только подданные, но и хлопы. Они къ гражданскому обществу не принадлежали и никакого участія въ конституціонныхъ съѣздахъ или сеймахъ не принимали. Какъ у пана въ селѣ мужики, такъ у короля и магната въ городѣ мѣщане, а съ мѣщанами и ихъ попы, безпрекословно обязаны были подчиняться административнымъ распоряженіямъ владѣльца. По обнародованіи въ Брестѣ Литовскомъ церковной уніи, виленскіе мѣщане возмутились противъ нея, подобно мѣщанамъ брестскимъ. Присланная по этому случаю въ виленскій магистратъ королевская грамота не обинуясь называетъ ихъ желаніе сохранить отеческое православіе своевольствомъ противъ верховной власти, бунтами и рóзрухами, нарушающими общественное спокойствіе. Король воспретилъ виленцамъ строить предпринятую ими новую церковь, говоря, что они имѣютъ въ виду не столько хвалу Божію, сколько распространеніе своей ереси и бунтовъ въ Рѣчи Посполитой. Онъ сослался на привилегіи предшественниковъ своихъ, по смыслу которыхъ, нигдѣ и никакихъ церквей въ его государствѣ строить не позволялось, безъ вѣдома и разрѣшенія господарскаго. Онъ, конституціонный государь относительно шляхты, выставилъ себя неограниченнымъ владыкою коронныхъ имуществъ. И паны, будучи столь же неограниченными государями въ томъ, чтò ими, какъ говорилось, выслужено на государяхъ, не могли, въ подобныхъ случаяхъ, оспаривать панское право короля въ королевщинахъ.

Такъ стояли вещи въ Рѣчи Посполитой, и потому то мѣ-

щане, вѣрные религіи предковъ, должны были отдѣльно отъ шляхты отстаивать православіе. Церковная унія, разсматриваемая юридически, имѣла такія же непреложныя основанія, какъ и унія политическая, устроенная на люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Польская государственность, развившаяся изъ древнихъ лехитскихъ началъ, выработала у насъ въ отрозненной Руси народъ въ народѣ, и такіе люди, какъ Острожскій, помогли ей скрѣпить свою работу политическою уніею. Оставалось увлеченную польскими правами и вольностями русскую шляхту разлучить съ единовѣрцами, которые, не называясь народомъ по государственной конституціи, тѣмъ не менѣе продолжали разумѣть себя народомъ, и на самое дворянство смотрѣли, только какъ на охраненныхъ привилегіями собратій своихъ. Отсюда вышло, что русскіе мѣщане, относительно вѣры предковъ, стояли въ естественномъ, исторически вѣрномъ положеніи, напротивъ русская шляхта—въ положеніи двусмысленномъ. Русская шляхта принадлежала къ двумъ лагерямъ, и по этому самому не могла дѣйствовать въ пользу православія такъ искренно, какъ это представляется на первый взглядъ читателю ея манифестацій. Тамъ, гдѣ мѣщане съ своимъ духовенствомъ, въ случаѣ торжества уніи, потеряли бы все, и даже имя русскихъ людей, тамъ дворяне сбросили бы съ себя только простую русскую одежду и облеклись бы въ польскіе нарядные жупаны. Изъ за какихъ же благъ было имъ жертвовать правами и вольностями, равнявшими ихъ съ вѣнценосцами? Только такіе капризные магнаты, какъ Острожскій, могли вдругъ повернуть оглобли обратно къ православію, когда все уже было у нихъ улажено для путешествія въ польскую будущность. Только такіе недалекіе, какъ онъ, люди могли подчиняться внушеніямъ русскихъ протестантовъ, которые сами, въ ихъ глазахъ, отверглись отече-

скаго православія и такимъ образомъ примкнули къ чуждымъ народностямъ. Только такіе дѣланные изъ пановъ архіереи, какимъ былъ Гедеонъ Болобанъ, способны были, продавъ неосмотрительно свое отступничество королевской партіи, предпочесть потомъ главную роль среди православныхъ второстепенной роли среди унитовъ. Протесты шляхты обходились ей весьма дешево, и притомъ располагали королевскую партію къ уступчивости въ сдѣлкахъ вовсе не религіозныхъ. Протесты мѣщанъ вели ихъ въ суды, гдѣ судьи прямили иновѣрному королю, подвергали ихъ тяжелымъ взысканіямъ, заключеніямъ въ темницы, изгнаніямъ, а часто и смертной казни.

На брестскій синодъ 1596 года съѣхались, какъ мы знаемъ, весьма важные представители отрозненной Руси; но королевская партія отнеслась къ нимъ съ замѣчательнымъ невниманіемъ, будучи, конечно, убѣждена, что этимъ господамъ нужны дигнитарства, находившіяся въ рукахъ у короля, нужны почетныя роли въ польскомъ обществѣ, нужно политическое значеніе патроновъ церкви, но вовсе не догматическіе интересы греческой вѣры. И дѣйствительно первыми жертвами ихъ лицедѣйства были—представитель патріаршей власти на брестскомъ синодѣ, европейская ученая знаменитость, грекъ Никифоръ, и искренніе противники церковной уніи, мѣщане города Берестья съ ихъ приходскими попами. Русскіе паны, предводимые такъ называемымъ столпомъ и украшеніемъ православной церкви, княземъ Острожскимъ, только и сдѣлали въ защиту подведенныхъ ими подъ королевскіе декреты людей, что издали величавый „Шкриптъ Синоду Берестейскаго“, ни въ чемъ не уступающій соборному посланію сеймовой русской шляхты 1585 года. [1])

---

[1]) См. томъ I, стр. 208.

Въ Шкриптѣ прежде всего выражено желаніе русской шляхты оставить по себѣ память своихъ дѣлъ и поступковъ, [1]) въ чемъ она совершенно успѣла у русскихъ историковъ; но ни единымъ словомъ не упомянуто о принадлежности мѣщанъ къ составу не только съѣзда, но даже и православнаго общества, а они то и понесли на себѣ послѣдствія панскаго кокетства съ римскою куріею. Потомъ высказывается довольно рельефно негодованіе на то, что митрополитъ съ нѣкоторыми владыками предупредилъ панскую лигу въ соглашеніи съ „панами римской религіи", съ которыми она не прочь была бы войти въ компромисъ, еслибы починъ принадлежалъ (какъ и было въ началѣ) ей. Далѣе лига домогалась низложенія этихъ выскочекъ, предвосхитившихъ честь согласованія „всѣхъ со стороны вѣры и церемоній розницъ между восточною и западною церковью". Въ слѣдъ за тѣмъ соединеніе церквей, устроенное безъ ея посредства, объявляетъ она недѣйствительнымъ. Это постановленіе положено было сообщить для обсужденія всѣмъ повѣтовымъ сеймикамъ, а между тѣмъ члены православнаго синода обязывались взаимно за себя и за своихъ потомковъ не повиноваться отступникамъ архіереямъ и не допускать ихъ властвовать не только въ панскихъ маетностяхъ, но и въ городахъ Рѣчи Посполитой; если же отступники рѣшатся на какія нибудь болѣе настойчивыя мѣры, то всѣми силами, не щадя никакихъ издержекъ, противодѣйствовать преслѣдованіямъ, насиліямъ и нововведеніямъ.

Архивы сберегли для насъ и другой, не менѣе громкій и безплодный актъ, представляющій весьма важный, въ извѣстномъ смыслѣ, историческій документъ, именно—постановле-

---

[1]) „Мы такіе то (говоритъ Шкриптъ), хотячи справъ и поступковъ нашихъ памятку зоставити", и т. д.

ніе, состоявшееся въ столицѣ великаго княжества Литовскаго, Вильнѣ, куда, въ 1599 году, подогрѣтые протестантами защитники православія съѣхались, подъ предводительствомъ того же князя Василія Острожскаго. Въ этомъ актѣ наши паны ссылались на знаменитую варшавскую конфедерацію 1573 года, торжественно опредѣлившую полную вѣротерпимость въ Рѣчи Постолитой. Они объявили: что конфедерація нарушепа католиками во всѣхъ постановленіяхъ своихъ; что уже почти нѣтъ угла въ обширныхъ владѣніяхъ польскихъ, въ которомъ бы иновѣрцы не терпѣли обидъ, притѣсненій и насилій; что никто уже не можетъ хвалиться свободой, принадлежащею членамъ и сынамъ Рѣчи Посполитой, ни относительно безопасности жизни, ни относительно имущества и благосостоянія. Они вопіяли: что православные церкви и монастыри большею частью отняты у нихъ съ позорнымъ грабительствомъ, съ крайнимъ жестокосердіемъ, съ неслыханнымъ поруганіемь не только живыхъ, но и мертвыхъ; что захватъ церковныхъ имуществъ сопровождался нерѣдко кровавыми приступами и вторженіями; что православное духовенство, за преданность своей религіи, подвергается разнообразнымъ преслѣдованіямъ, разграбленію домовъ, изгнанію изъ городовъ, [1]) захвату среди вольной для каждаго дороги, заключенію въ темницы, пыткамъ, утопленіямъ и всевозможнымъ мукамъ; что не только мѣщане, происками римскихъ прелатовъ, лишаются своихъ магистратскихъ мѣстъ, терпятъ стѣсненія въ торговлѣ и промыслахъ, не принимаются въ свидѣтели, но и люди шляхетноурожденные не допускаются до почетныхъ званій и хлѣба Рѣчи Посполитой. Они обязывались за себя и за своихъ потомковъ противодѣйствовать стѣсненію

[1]) Но не изъ селъ: въ селахъ оппозиціи не было.

религіозной свободы и захвату церковныхъ имуществъ, будетъ ли то дѣлаться насильственными, или же хитрыми мѣрами. Они клялись, при всякомъ подобномъ случаѣ, спѣшить на помощь своимъ единовѣрцамъ, какъ на общественный пожаръ, и пр. и пр. и пр.

Этотъ актъ отличался отъ предыдущаго тѣмъ, что шляхта въ немъ упоминаетъ о мѣщанахъ. Но еслибъ она ограничилась только собственнымъ сословіемъ, то ей не на что было бы жаловаться: ея имѣнія были до такой степени неприкосновенны, что когда унитскіе архіереи просили короля, въ 1596 году, чтобъ унитскихъ церквей никто не обращалъ въ латинскіе костелы, король нашелся вынужденнымъ отвѣчать письменно: „въ королевскихъ имѣніяхъ мы это воспретимъ, но въ маетностяхъ шляхетскихъ того учинити не можемъ". Какъ бы то ни было, только съ этого времени вошло у шляхты въ обычай шумѣть на сеймахъ о притѣсненіяхъ, которымъ подвергались православные, умышленно смѣшивая свои претензіи съ гоненіями, которымъ подвергались только мѣщане. До насъ дошла одна изъ безыменныхъ и неизвѣстно гдѣ напечатанныхъ брошюръ, подъ именемъ „Суппликаціи къ свѣтлѣйшему и ясновельможному Сенату", распространенная между сеймующими панами въ 1622 году. Въ это время Кунцевичъ находился уже въ полномъ разгарѣ своей апостольской дѣятельности. По замѣчанію одного изъ панскихъ нунціевъ, шляхта вообще нуждалась въ королевскихъ пожалованіяхъ, потому что родовыхъ имѣній не хватало для ея обихода. Этимъ объясняется, почему никто не рѣшился объявить въ Суппликаціи имя свое, и самое мѣсто изданія брошюры не означено. Тѣмъ краснорѣчивѣе говоритъ она объ отчужденномъ и безпомощномъ положеніи мѣщанъ. Это одна изъ самыхъ многоглаголивыхъ манифестацій русской шляхты въ

пользу православія, какія только дошли до насъ. Рядъ подобныхъ писаній начинается соборнымъ посланіемъ къ митрополиту Онисифору въ 1585 году и непрерывно идетъ вплоть до Хмельнищины. Сеймовые діаріуши наполнены жалобами православныхъ земскихъ пословъ и спорами за свободу вѣроисповѣданія; но то были не болѣе, какъ политическія агитаціи людей, домогавшихся этимъ способомъ королевскихъ пожалованій, по полученіи которыхъ они дѣлались латинцами.

Эти жалобы, эти споры и письмена, подобныя Суппликаціи, съ одной стороны, изображаютъ намъ, какъ дѣйствительно страдали непривилегированные и безоруженные классы отъ религіозныхъ гоненій, а съ другой показываютъ, какъ лицемѣрно плакались надъ ними люди, изъ которыхъ не одинъ, подобно Острожскому, владѣлъ вооруженными замками, собственными городами, десятками и сотнями автократически подчиненныхъ имъ селъ и часто такими запасами денегъ, какіе весьма рѣдко можно было найти въ государственной казнѣ. Положеніе русской церкви и опиравшейся на нее русской народности было тѣмъ опаснѣе, что привычка мыслить іерархически не давала мѣщанамъ и ихъ духовенству видѣть нравственной несостоятельности людей, на которыхъ они взирали, какъ на своихъ представителей въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Даже и въ наше время эта привычка мѣшаетъ многимъ различать явственно истинныя страданія защитниковъ православія отъ лицемѣрныхъ воплей ихъ предателей. „Развѣ съ однимъ человѣкомъ имѣете вы здѣсь дѣло? говорили своимъ оппонентамъ сочинители сеймовой Суппликаціи. „Развѣ съ однимъ городомъ? Развѣ съ однимъ повѣтомъ? Правда, что только съ **однимъ** народомъ русскимъ; но русскіе люди такъ преданы своей православной вѣрѣ, что мы скорѣе всѣ готовы умереть, нежели допустимъ нашимъ отступникамъ вы-

рвать изъ нашихъ сердецъ данную намъ Богомъ нашу вѣру. Развѣ мы хлопочемъ объ имуществѣ? о здоровьѣ? о жизни? или намъ дороги какія либо другія временныя блага? Дорога намъ вѣра, дорога намъ душа, дорого намъ царство небесное. И потому то, повторяемъ, скорѣе доведутъ насъ до того, что мы дадимъ разлить нашу кровь до остатка, нежели отвлекутъ отъ той вѣры, которая чудеснымъ образомъ пришла къ намъ съ востока,—отъ той древней, святой вѣры, которая семью вселенскими соборами, какъ серебро въ горнилѣ, по св. псалмопѣвцу, седмерицею искушена, очищена".

Такъ умѣли говорить наши паны о самопожертвованіи, и однакожъ никто изъ нихъ не пожертвовалъ ничѣмъ во все время борьбы православія съ уніей. Ни одного можновладнаго мученика не представило намъ смутное время въ исторіи южнорусской церкви, и даже ни одно панское имѣніе не было секвестровано за обѣщанную панскими манифестаціями поддержку и защиту мѣщанъ, гонимыхъ всевозможными способами, караемыхъ денежными взысканіями и казнимыхъ смертною казнью. Суппликація 1622 года была такою же фальшивою тревогою со стороны православной шляхты, какъ и всѣ протесты „патрона православной вѣры", прозваннаго, какъ бы въ насмѣшку, Святопамятнымъ. [1]) Можно сказать, что уже въ его время дѣло отечественной вѣры сознавалось проиграннымъ. Изъ нея старались только извлечь фамильныя выгоды, то есть не отказаться отъ нея безвозмездно. Какъ люди по своему вѣку широко образованные, они въ душѣ пренебрегали простонароднымъ и монастырскимъ

[1]) Сіе названіе соединилъ впервые съ именемъ князя Константина-Василія Острожскаго сочинитель панегирическаго посвященія Петру Могилѣ изданнаго во Львовѣ въ 1630 году „Октоиха сирѣчь Осмогласника".

православіемъ. Какъ привилегированное сословіе, они изъ за интересовъ валящейся передъ ними церкви не смѣли возмущать источникъ своихъ привилегій. Какъ члены общества, привыкшаго жить не по средствамъ, они непреодолимо увлекались матеріяльными выгодами. Наконецъ, какъ жертвы соціальнаго соблазна, предстоявшаго имъ въ видѣ высшихъ и низшихъ дигнитарствъ, они ораторствовали на каждомъ сеймѣ въ пользу православія, какъ будто для того только, чтобы подороже продать себя, и съ каждымъ годомъ увеличивали собою число явныхъ отступниковъ. Между тѣмъ люди, одушевленные истинною любовью къ предкамъ и старинѣ, люди, подобные Исаіи Копинскому или Іову Борецкому, напрасно гальванизировали умирающее сословіе электрическимъ токомъ духа своего; напрасно выпрашивали у пановъ такія, можно сказать, прощальныя фундаціи, какими оказались заднѣпровскіе монастыри въ имѣніяхъ Корибутовъ Вишневецкихъ и самое пожертвованіе дома Ложекъ отъ имени Анны Гулевичевны; напрасно сочиняли для нихъ краснорѣчивыя манифестаціи въ родѣ „Суппликаціи къ свѣтлѣйшему и ясновельможному Сенату". Видя неудержимое тяготѣніе своихъ двуличныхъ патроновъ къ польскому центру, они оставляли ихъ безъ ругательствъ, какими противная сторона осыпала поборниковъ православія, и, вмѣстѣ съ низшими классами русскаго народа, стремились къ болѣе сильной точкѣ тяготѣнія, къ центру московскому.

ГЛАВА XXII.

Притокъ въ Украину бѣлорусскаго населенія по поводу уніи —Отношенія козаковъ къ церкви и вѣрѣ.—Образцы шляхетскаго православничанья.—Опасное положеніе представителей православной іерархіи.—Малодушіе самаго ученаго изъ нихъ.—Витебскіе мѣстичи въ борьбѣ съ уніею.—Образецъ русской правдивости подъ польскимъ жупаномъ.—Оправдательная сторона распространенія католичества.—Осужденіе уніи католиками.—Витебская трагедія.—Польскій народный пророкъ.—Воззваніе папы къ королю о наступленіи на православныхъ.—Терроръ въ Кіевѣ.

Исторія Руси, находившейся въ составѣ Польскаго королевства, долго еще будетъ писаться съ пробѣлами. Кромѣ молчанія малограмотныхъ ея представителей, насъ постоянно останавливаетъ молчаніе о ней людей, которые, считая народомъ одно привилегированное сословіе, занимались только его интересами, и лишь по отношенію къ этимъ интересамъ упоминали отрывочно о движеніяхъ въ низшихъ классахъ. Къ такимъ отрывочнымъ упоминаніямъ принадлежатъ заключительныя слова сеймовой записки Щенснаго Гербурта, [1]) которою онъ, въ 1613 году, увѣщевалъ своихъ собратій относиться къ русскимъ правамъ и обычаямъ внимательнѣе: „Нѣсколько десятковъ тысячъ руснаковъ, вытѣснен-

[1]) О Гербуртѣ Щенсномъ Кальнофонскій упоминаетъ въ своей Т е р а т у р г и м ѣ (стр. 172), и намъ слѣдуетъ принять его отзывъ къ свѣдѣнію: „Napisał niedawno pożyły y wysokiey nauki, mądrości, vwagi

ныхъ поборами, поселилось около Эгра и Сольнока. Чего надобно ждать отъ нихъ? Одного: что за грабежъ они воздадутъ грабежемъ, а за нарушеніе вѣры своей—нарушеніемъ нашихъ денежныхъ мѣшковъ, возовъ и послѣдняго нашего имущества“. Это—темное, но весьма важное указаніе на эмиграцію, бывшую слѣдствіемъ національной и религіозной нетерпимости извѣстной части польскаго общества. Другое подобное указаніе мы находимъ въ знаменитой сеймовой Суппликаціи 1623 года: „Какой духъ мы возбуждаемъ одинъ противъ другого внутри отечества для отпора ежедневнаго нашего непріятеля (Татарина)?... Нѣтъ надобности говорить, какой: онъ высказывается слишкомъ ясно. До слуха каждаго изъ насъ доходитъ плачъ, рыданіе и нареканье нашего несчастнаго русскаго народа [который былъ нерушимой стѣной Польскому королевству отъ этого непріятеля] по городамъ и мѣстечкамъ, наконецъ уже и по селамъ королевскимъ и панскимъ, что людей, вытѣсненныхъ по поводу уніи изъ домовъ и имуществъ своихъ, едва можетъ уже вмѣщать Понизовье [1]) и Украина“.

Какъ ни глухо говорится въ этихъ документахъ о томъ, на что не хотѣла шляхта смотрѣть, какъ на дѣло, одинаково опасное и для государства, и для отдѣльныхъ панскихъ домовъ, но нельзя не видѣть, что унія присоединилась къ без-

---

y doskonałey w starożytności przesiwiałey wiadomości Szczęsny Herburt, w owym Krakowskim po rokoszowey porazce zasadzony gmachu:

Spiewa słowik na topoli,
A przecie go w sercu boli:
Spiewa więzień okowany,
Licząc w swoim ciele rany..

[1]) Здѣсь разумѣется понизовье Бѣлорусское, примыкавшее къ Днѣпру, а не украинское, лежавшее ниже Черкасъ и Кременчука.

порядочному польскому хозяйничанью въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ, чтобы еще больше усилить движеніе населенія изъ внутреннихъ русскихъ провинцій Польши къ ея окраинамъ. Этимъ способомъ Кіевская земля, продолжавшая колонизоваться до самой Хмельнищины, получила притокъ бѣлорусскаго населенія, и въ лицѣ страдавшихъ изъ за уніи эмигрантовъ пріобрѣтала опору православію. Этимъ же способомъ козаки—что было еще опаснѣе для шляхты—дѣлались болѣе или менѣе солидарны съ церковью. Послѣднія слова требуютъ немедленнаго объясненія.

Мы уже знаемъ, что послѣ всякаго татарскаго набѣга и опустошенія украинныхъ областей Рѣчи Посполитой, козаковъ на Низу прибывало. [1]) Люди, лишенные крова и семьи, искали собственной гибели въ наѣздахъ на мусульманскія владѣнія и въ нападеніяхъ на турецкія морскія суда, а не то—разбойничали дома, презирая одинаково, какъ опасности войны, такъ и страхъ отвѣтственности передъ закономъ. Мы знаемъ также, что козацкія купы росли отъ бѣгства за Пороги всѣхъ тѣснимыхъ тогдашнею семьею, школою, общественностью и вообще—какихъ бы то ни было преступниковъ. Много было между козаками шляхтичей, доведенныхъ до бѣдности такъ называемыми экзорбитанціями крупныхъ землевладѣльцевъ; еще больше—такихъ, которые были инфамизованы и объявлены банитами за собственную необузданность. Теперь къ старому контингенту козачества прибавлялся новый. Принужденіе мѣщанъ къ уніи, лишеніе мѣстъ въ магистратскихъ лавицахъ, судебное преслѣдованіе сопротивляющихся королевскимъ повелѣніямъ, кара за такія дѣла, какъ убійства и увѣчья при запечатываніи церквей и захватѣ, во

---

[1]) См. томъ II, стр. 215.

имя закона, церковныхъ имуществъ,—все это производило, пожалуй, столько же отчаянныхъ людей, какъ и татарскіе набѣги, и столько же людей мстительныхъ, какъ и шляхетское безсудье. Бѣглецы и скитальцы приносили съ собою въ Украину и на Запорожье самыя мрачныя воспоминанія о новой, измышленной іезуитами вѣрѣ, которая всѣми неправдами старалась побороть вѣру старую. Они подкрѣпляли религіозный энтузіазмъ кіевскихъ мѣщанъ, среди которыхъ водворялись; они по всѣмъ украинскимъ городамъ и селамъ проносили имя уніи, какъ чудовищно-отвратительное явленіе, а козакамъ, проживавшимъ въ панскихъ стражницахъ или по городскимъ винокурнямъ и броварнямъ, давали новый предлогъ къ грабежу и разбою во имя обижаемой вѣры, которою иногда прикрывалась и Наливайкова вольница.

Вотъ въ какомъ печальномъ смыслѣ козаки дѣлались болѣе или менѣе солидарны съ православною церковью. Разбойно-промышленные интересы ожесточенной и безнравственной орды самымъ зловѣщимъ образомъ совпали съ нравственно-религіозными интересами церкви. Руина, сдѣлавшаяся въ народныхъ воспоминаніяхъ синонимомъ эпохи Хмельницкаго, зародилась въ этомъ неестественномъ союзѣ. Къ чести своей, православная іерархія крайне осторожно пользовалась заступничествомъ козаковъ, и въ свои возвышенные виды посвящала только такихъ людей, какъ Сагайдачный. Козаки, говоря вообще, понимали церковь довольно грубо, и потому, съ одной стороны, могли бы вліять па нее въ ущербъ чистотѣ и святости духовныхъ цѣлей ея, характеризующихъ православіе даже въ эпоху упадка вѣдомыхъ исторіи представителей его, а съ другой—давали чувствовать мудрымъ охранителямъ вѣры опасность, указанную въ Евангеліи: кто мечемъ воюетъ, тотъ отъ меча и погибнетъ. Запорожскій братчикъ,

по большей части, былъ такой человѣкъ, который находилъ для себя опаснымъ появляться среди осѣдлаго народа въ церковныхъ собраніяхъ и церемоніяхъ. Стоя внѣ закона подобно утлавамъ (outlaw) [1]) старой Англіи и проводя всю жизнь такъ, что его не по чемъ было сыскивать, запорожскій добычникъ естественно отвыкалъ отъ церкви, въ ея духовномъ значеніи, и въ своей скитальческой жизни, полной грабежа, убійства и „непочестныхъ рѣчей", вырабатывалъ довольно грубую идею божества, карающаго за грѣхи и милующаго за молитвы. Вѣчно гнѣвающееся за человѣческія беззаконія, оно, по запорожской философіи, только и ждало умилостивленія, подобно темному деспоту, котораго все удовольствіе заключается въ сознаніи собственной силы и безпомощномъ трепетѣ своихъ поклонниковъ. Во всякомъ случаѣ, козаки не пошли въ новомъ завѣтѣ дальше идеи божества ветхозавѣтнаго. Доступъ къ этому божеству имѣли, по ихъ понятіямъ, только служители дома его. Они знали, такъ сказать, его господскій нравъ: знали, какими словами можно его смягчить и умилостивить. Къ нимъ то и обращались отъ времени до времени наши пираты, наши наѣздники, наши кровавые мстители и непробудные пьяницы. Обращались они къ духовнымъ лицамъ съ приношеніями, составлявшими лучшую часть ихъ добычи. Эту часть, по словамъ кобзарской думы, они

На церквы накладали,
Щобъ за ихъ устаючи й лягаючи
Милосердного Бога благали... [2])

[1]) Удерживаю то произношеніе этого слова, которое введено въ русскую литературу первыми переводчиками Вальтера Скотта.

[2]) Объ основаніи Самарскаго монастыря сохранилась слѣдующая легенда, записанная архіепископомъ Гавріиломъ (правившимъ 20 лѣтъ епархіею Екатеринославскою, Херсонскою и Таврическою). Она характеризуетъ козацкую приверженность къ церкви.

а въ монастыри, существовавшие, по мнѣнію большинства, лишь для того, чтобъ изъ нихъ „текли къ небесамъ рѣки моленій", являлись они иной разъ и собственной испуганно-свирѣпой особою. „У васъ въ монастырѣ (говорится въ одномъ старинномъ панегирикѣ межигорскому игумену) найдешь штодень коваля зъ молотомъ, теслю зъ сокирою и инишхъ мастеровъ изъ далекихъ мѣстъ зъ розныиъ начиньемъ, мовячихъ съ покорою: Отче, роскажи, што робити: обѣцялихмося за спасеніе души попрацювати тому святому мѣстцю". Изъ „Тератургимы" Кальнофойскаго [1]) мы знаемъ, что такъ поступали и черноморскіе пираты, давая, въ минуту видимой гибели или крайняго бѣдствія, набожные обѣты; а нѣкоторые монастыри, какъ на примѣръ Межигорскій, отъ частыхъ вкладовъ и пособій со стороны козаковъ, даже назывались козацкими. [2]) Надобно при этомъ помнить, что, при суще-

„Среди дикаго дубоваго лѣса, какимъ точно и теперь окружается Самарскій монастырь, поселились, якобы, откуда то взявшись, два отшельника, іеромонахи будто бы: Нѣсколько времени они никому не были извѣстны; однакожъ наконецъ въ глуши лѣса нашли ихъ изъ Запорожцевъ нѣкоторые, разбоями занимавшіеся, кои, по ихъ укрывательству между каменьями при Днѣпрѣ, и назывались каменниками. Каменники сіи всемѣрно охраняли отшельниковъ; и, сдѣлавъ имъ келью, приносили и пищу. Но отшельники, узнавъ беззаконный промыселъ благодѣтелей своихъ, вздумали и всѣ способы изыскивали было уйти отъ нихъ; однакожъ не могли. Ибо каменники, думая, что, ради молитвъ отшельниковъ, удобно могутъ они въ беззаконіяхъ своихъ отъ Бога получать себѣ прощеніе, ихъ отъ себя никакъ не отпущали и строго за ними подсматривали. Въ послѣдствіи времени каменники командою кошевыхъ запорожскихъ атамановъ, переловлены и истреблены, а отшельники на мѣстахъ своихъ остались неподвижны и спокойны". (Очеркъ Повѣствованія о Новоросс. Краѣ Г. А. Т. и К. Тверь, 1857, стр. 9, нум. 2.).

[1]) Стр. 223 и 271.

[2]) Въ Львовской Лѣтописи Межигорскій монастырь названъ козацкимъ подъ 1630 годомъ.

ствовавшемъ въ Польшѣ самоуправствѣ, въ козацкое войско вписывались и такіе люди, какъ Сагайдачный, люди шляхетные и по происхожденію и по обычаямъ. Они то, отъ лица низовыхъ утлавовъ, дѣлали манифестаціи въ пользу православія въ моменты своего перевѣса надъ партіею „козаковъ-черни"; но и эти люди не были въ состоянін козацкую религіозность поднять выше язычества. [1])

Такими то путями политика объединенія Руси съ Польшею, сперва въ духѣ шляхетскаго полноправства, а потомъ въ духѣ римскаго католичества, приводила къ соціальному и религіозному единенію на Руси, какъ лучшихъ между людьми божественнаго слова и людьми кроваваго меча, такъ и худшихъ между ними. Изъ подъ многолѣтней ржавчины, произведенной чужеземными вліяніями, въ огнѣ сильно возбужденныхъ страстей, выковывалась народность первобытная. Незримо для польскихъ политиковъ и безсознательно для самихъ русичей южнорусскій элементъ все болѣе и болѣе отсобляется отъ польскаго, для возсоединенія съ элементомъ сѣвернорусскимъ, подъ охраною церкви.

---

[1]) Сохранилось ходатайство вписавшихся въ козацкое войско кіевскихъ обывателей" объ употребленіи козаковъ (въ 1621 году) на застращаніе жолнеровъ, разорявшихъ своими стоянками монастырскихъ подданныхъ, о расположеніи козацкаго войска къ милостынѣ на церковь Божію и о допущеніи въ него священниковъ, по примѣру иновѣрныхъ войскъ. Объ этомъ послѣднемъ пунктѣ читаемъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Пильная того потреба, если ся христіанами зовемо и если по смерти вѣчного живота водлугъ вѣры нашея чекаемо, ижъ въ забавахъ нашихъ военныхъ завше смерть передъ очима маемо, черезъ которую альбо до неба, альбо до пекла достатися прийдеть,—прикладомъ разное и вонтпливое вѣры войскъ, которые завше полно духовныхъ межи собою у войску для всякое смертельное пригоды мають, чому бы и намъ, покинувши поганскіе ворожки [же попъ на всякую потребу нещасливый], положивши на Бога надѣю, для исповѣди и для причастя завше своихъ поповъ, людей духовныхъ и богобойныхъ, у войску не мѣти"? (Археогр. Сб. I, 255.)

Возсоединенію Руси помогалъ, на перекоръ самому себѣ, и праведный въ своемъ родѣ Кунцевичъ. Онъ, сынъ новоград-волынскаго чеботаря, по важности своего поста и по противоположности достигнутыхъ имъ результатовъ съ его намѣреніями, стоитъ весьма близко къ высокоурожденнымъ Острожскимъ, Замойскимъ, Жовковскимъ, Конецпольскимъ, Потоцкимъ, которые воображали, что созидаютъ изъ развалинъ Руси новую Польшу, а въ самомъ дѣлѣ вырабатывали въ ней людей, предназначенныхъ для расширенія Россіи. Кунцевичъ, добиваясь единства вѣры въ Польшѣ съ энергіей, въ которой не превзошелъ его никто изъ ренегатовъ православія, едва ли не больше всѣхъ ихъ подвинулъ югозападную Русь къ сліянію съ сѣверовосточною.

Полотскій архіепископъ прибѣгалъ къ самымъ радикальнымъ мѣрамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда краснорѣчіе его оказывалось недѣйствительнымъ. Гдѣ уніи не принимали, тамъ церкви и монастыри стояли пустками; поповъ и монашествующую братію изгоняли съ позоромъ, не взирая ни на лѣта, ни на убожество; а когда народъ, лишенный предковскихъ святилищъ, устраивалъ шалаши для ненавистнаго папистамъ богослуженія (нерѣдко плетневые),—архіепископъ, вспомоществуемый мѣстною властью и религіозными фанатиками, разрушалъ народныя молельни, какъ языческія капища. Этого мало: подобно тому какъ на Западѣ изгонялись иногда изъ государствъ цѣлыя корпораціи и даже народности ради единства вѣроисповѣданія, Кунцевичъ домогался поголовнаго изгнанія изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой всѣхъ схизматиковъ, то есть бывшихъ его единовѣрцевъ. [1])

[1]) Современный Кунцевичу фанатикъ папизма, императоръ Фердинандъ II, въ 1621 году казнилъ чеховъ, возставшихъ за свободу вѣроисповѣданія, въ 1622 году, въ день годовщины сожженія Гуса, 6

Народная вражда къ нему съ каждымъ годомъ росла, и давно бы уже могъ онъ сдѣлаться мученикомъ, къ чему готовъ былъ во всякое время; но мірянъ удерживали отъ пролитія крови люди духовные, кто изъ высшихъ внушеній вѣры, кто изъ практическихъ соображеній, кто, наконецъ, изъ недостатка отваги. Подъ мірянами я разумѣю здѣсь однихъ горожанъ или мѣщанство: о сельскихъ мужикахъ въ подобномъ дѣлѣ не для чего и упоминать. Что касается до бѣлорусскихъ пановъ, остававшихся еще въ православіи, то лучшіе изъ нихъ воображали, что отъ нихъ требуются одни манифестаціи, не имѣвшія послѣдствій даже и во времена „князя Василія", а худшіе старались извлечь изъ православія ближайшія свои выгоды. Нѣкоторые подчинялись внушеніямъ добродѣтельныхъ попрошаекъ и давали имъ средства преграждать путь уніи основаніемъ новыхъ монастырей на своей привилегированной землѣ, но всѣ вели себя такъ вяло, что самъ Исаія Копинскій, пользовавшійся успѣшнѣе другихъ подобными фундаціями, долженъ былъ какъ мы видѣли, сказать: „князей иболяръ благочестивыхъ не имамы". Хуже всѣхъ пописались во времена Кунцевича участники въ манифестаціяхъ давно уже почившаго князя Острожскаго, паны Корсаки и паны Щиты. Когда обнародована была, при его жизни, церковная унія, они, по старой памяти, объявили себя главными ктиторами полотскаго Борисоглѣбскаго монастыря и, яко потомки его фундаторовъ, захватили оный со всѣми приписанными къ нему имѣніями. Два предшественника Кунцевича на полотской архіепископіи не могли ничего съ ними

іюня, заперъ всѣ не-католическія церкви въ Чехіи, а въ 1623 году объявилъ лишеніе всѣхъ гражданскихъ правъ и изгнаніе изъ государства всѣхъ, кто не приметъ католическаго исповѣданія. Съ 1623 по 1636 годъ изъ Чехіи выселилось 36.000 семействъ, гонимыхъ за вѣру.

сдѣлать, нужды нѣтъ, что имѣли въ рукахъ королевскія привилегіи на владѣніе этимъ монастыремъ. Получивъ привилегію отъ короля въ свою очередь, Кунцевичъ собралъ вооруженную толпу унитовъ и католиковъ, подкрѣпилъ ее отрядомъ замковой стражи и осадилъ ревнителей православія въ захваченномъ ими монастырѣ. Но тѣ поставили на стѣнахъ пушки и рѣшились, по видимому, защищаться. Ихъ поддерживали мелкіе шляхтичи, охотники до шумной, не весьма опасной драки; помогало имъ также и нѣсколько отчаянныхъ мѣщанъ, готовыхъ, въ случаѣ чего, къ эмиграціи; а сельскіе мужики, каковы бы ни были ихъ симпатіи, должны были въ этомъ случаѣ творить волю пановъ своихъ, какъ со стороны осаждавшихъ, такъ и со стороны сидѣвшихъ въ осадѣ. Прошло въ такой борьбѣ недѣли три, и намъ совершенно не извѣстно, ознаменовано ли это время какими нибудь смертоубійствами, составляющими у насъ поэзію исторіи, или же дѣло обошлось безопасными маневрами. Знаемъ только, что противники королевской власти, уступивъ Кунцевичу монастырь, продолжали удерживать въ своемъ владѣніи приписанныя къ нему земли. Наконецъ въ 1621 году Кунцевичъ, судебнымъ порядкомъ, принудилъ шляхетныхъ рыцарей вѣры къ уплатѣ 30.000 злотыхъ проторей и убытковъ. Чтобъ не платить пени, паны Корсаки и Щиты обязались быть унитами, но вслѣдъ затѣмъ перешли въ латинство, въ которомъ давно пребывали уже члены ихъ домовъ, не заинтересованные въ православіи захватомъ церковныхъ имуществъ.

Характеристика тогдашнихъ русскихъ пановъ, говоря о нихъ вообще, состояла въ стараніи получить свою долю въ общественномъ дѣлежѣ властью, которая вела къ богатству, и богатствомъ, которое давало власть. Потому то, въ религіозныхъ своихъ манифестаціяхъ, они имѣли въ виду вовсе не

то, что защищали, и вовсе не тѣхъ, кого отстаивали, а отсюда и самые подвиги ихъ на пользу православія имѣли характеръ двоякій. Къ которой бы сторонѣ русскіе паны ни присоединились, во всякомъ случаѣ они себя продавали, и старались продать какъ можно выгоднѣе. Въ свою очередь мѣщане, сбиваемые съ толку ихъ традиціонными интригами и предательствомъ, не знали, на которую ступить, и нерѣдко, принявъ унію, возвращались въ православіе, а изъ православія опять переходили въ унію. Такъ общество, подпавъ подъ иноплеменную власть, неизбѣжно деморализуется, доколѣ беззавѣтно не признаетъ въ ней охранительнаго начала благоустройства, или же не возстанетъ противъ нея со всей энергіей отчужденія.

Отрозненные русичи имѣли много представителей того и другого движенія, но полученные въ настоящемъ результаты прошедшаго привлекаютъ наши симпатіи преимущественно къ послѣднимъ. Среди бури общественныхъ смятеній, представляемыхъ исторіею того смутнаго времени, взглядъ нашъ постоянно обращается къ Кіеву, откуда „пошла есть русская земля“ и гдѣ остался корень ея самобытности. Мы воображаемъ, съ какимъ робкимъ упованіемъ устремляли свой взоръ бѣлорусскіе мѣщане къ древней столицѣ Руси: устоитъ ли въ ней православная митрополія противъ необоримой силы уніи, поддерживаемой королемъ и сенатомъ? Когда знаешь, какъ подвигали іезуиты все далѣе и далѣе свои апроши, охватывая полудикую Кіевскую украину съ сѣверозапада разсадниками своей иноземной науки отъ Вильны до самого Львова, и какъ по слѣдамъ ихъ двигалась къ центру православія унія во всеоружіи прельщенья и гоненій,—становится еще виднѣе заслуга Іова Борецкаго передъ русской народностью въ томъ, что онъ не побоялся принять на себя опасный санъ право-

славнаго митрополита при жизни митрополита унитскаго, утвержденнаго правительствомъ. Кому бы ни принадлежалъ починъ возстановленія народной митрополіи, проданной отступниками иновѣрному потентату, это было вдохновеніе великой минуты. Въ годъ его посвященія въ митрополиты, фанатики разрушили православную церковь въ Вильнѣ, и это сдѣлано было при такомъ настроеніи католическаго общества, что на трагическое событіе смотрѣли, какъ на предметъ анекдотическаго разсказа. Бѣжавшіе въ Кіевъ защитники поруганнаго храма распространили между своими единовѣрцами сильное волненіе; но польская шляхта смотрѣла на досаду православныхъ глазами проповѣдниковъ латинства. Даже о томъ толковала она, какъ о дѣлѣ маловажномъ, что козаки (представляемые людьми, подобными Сагайдачному), изъ за гоненія на православную іерархію, не хотѣли помогать королю въ войнѣ противъ турокъ, которые двигались уже отъ Дуная къ Днѣстру. Между тѣмъ королевскіе мандаты противъ новыхъ православныхъ іерарховъ находились уже въ рукахъ у Рутскаго; [1]) оставалось только сформировать вооруженную силу для приведенія мандатовъ въ исполненіе. Но это, по мнѣнію благоразумныхъ пановъ католиковъ, могло повести къ опасному бунту и кровопролитію, „да и на козаковъ (говорили они) надобно оглядываться, чтобъ они не сдѣлали намъ чего худого". [2]) Въ такихъ обстоятельствахъ рѣшимость козаковъ идти противъ Османа II была вдвойнѣ благословенна въ глазахъ Іова Борецкаго. Одни изъ нихъ пошли съ Сагайдачнымъ подъ Хотинъ, а другіе съ отаманомъ Срѣбнымъ на море. [3]) Королевскіе мандаты, по настоянію Сагайдачнаго, были

---

[1]) Археогр. Сборникъ, II, 30.

[2]) Письмо Льва Сопѣги къ Рутскому отъ 9 февраля 1621 года.

[3]) Польское общество замѣняло тогда отсутствіе газетъ летучими брошюрами, подъ названіемъ новинъ. Въ 1621 году появилась въ

отмѣнены, и тогда только Борецкій могъ считать свое положеніе въ извѣстной степени обезпеченнымъ: тогда только приступилъ онъ ко второму акту своего апостольства—къ замѣщенію епископскихъ каѳедръ посвященными Ѳеофаномъ архіереями, въ виду епископовъ-уніятовъ, захватившихъ русскія владычества и архимандріи во имя римскаго папы. Самый опасный для непризнанныхъ, хотя и терпимыхъ, королемъ архіереевъ русскихъ постъ представляла полотская архіепископія, въ которой столь побѣдоносно подвизался Кунцевичъ. На этотъ постъ Іовъ Борецкій назначилъ, по видимому, самаго надежнаго изъ своихъ избранниковъ—Мелетія Смотрицкаго.

Это — одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ нашей исторіи, какъ по своимъ подвигамъ на пользу православія, такъ и по своему отступничеству отъ него въ самое трудное для нашей церкви время. Намъ не извѣстно, по какимъ именно причинамъ измѣнилъ русскому обществу Смотрицкій: по недостатку ли вѣры въ судьбу православія, изъ ложной ли гордости своей ученостью среди невѣждъ, или же изъ простой, практической разсчетливости. Во всякомъ случаѣ, его измѣна даетъ намъ понять, съ одной стороны, трудное положеніе возстановленной въ Кіевѣ митрополіи, а съ другой — шаткость нравственныхъ основаній, на которыхъ стояла воспитавшая Смотрицкаго православношляхетная среда.

Краковѣ такого рода книжечка подъ заглавіемъ: „Nowiny ponowione, Gniazdo, w ktorym się Tumulty Niezgody lęgą. Rozmowy swieże o Nowinach z Ukrainy, z Węgier i z Turek.“ Въ ней мы читаемъ о козакахъ: „Bardzo się byli poczęli gniewać o zburzenie cerkwi Naleway-kowey (т. е. православной) w Wilnie i chcieli swoim rebellizować, ale ich ieden pan ubłagał i kontentował. Tak iedni są w woysku koronnem z hetmanem swym Saydacznym, a drudzy z Serebrnym obrocili się na morze ku burzeniu tureckich galer. Ciż z Saydacznego obozu teraz dwu carzykow tatarskich poimali, ktorych podobno dadzą w okup, albo za odmianę na inszych przednieyszych więzniow, ktorzy są v pogan“.

Смотрицкій былъ сынъ ученаго по своему времени южно-русскаго шляхтича, каменецкаго подстаростія, завѣдывавшаго острожскимъ училищемъ. Въ этомъ училищѣ получилъ онъ первоначальное образованіе, подъ руководствомъ Кирилла Грека (Лукаря), въ послѣдствіи константинопольскаго патріарха. По смерти отца, въ 1601 году, онъ былъ помѣщенъ опекуномъ своимъ, княземъ Острожскимъ, въ виленскій іезуитскій коллегіумъ и нѣсколько лѣтъ слушалъ въ немъ философію. Потомъ онъ принялъ на себя званіе наставника при молодомъ князѣ Соломирецкомъ и вмѣстѣ съ нимъ долго жилъ за границею, переѣзжая изъ одного университета въ другой. Въ то время медицина только что освободилась отъ астрологическихъ предразсудковъ и домашняго знахарства. Смотрицкій первый изъ русскихъ людей получилъ ученую степень доктора медицины, и вообще усвоилъ себѣ за границею научные пріемы, какихъ не обнаружилъ ни одинъ изъ его земляковъ. Книжное дѣло представителей нашей образованности въ XVII вѣкѣ, при всей горячности ихъ къ защитѣ вѣры, отзывалось домашнею простоватостью. Смотрицкій, въ своихъ сочиненіяхъ, равнялся съ лучшими изъ польскихъ писателей. Собственно говоря, онъ и былъ писатель польскій. Исторія польской литературы отводитъ ему почетное мѣсто между Потѣемъ, Рутскимъ, Скаргою, Мороховскимъ и Креузою-Ржевускимъ. Но, владѣя польскимъ языкомъ въ совершенствѣ, Смотрицкій употреблялъ изрѣдка и языкъ русскій, а славу его составила написанная имъ славянская грамматика, по которой еще и во времена Ломоносова учились на всемъ пространствѣ отъ Москвы до Далмаціи. Между прочимъ, ему первому принадлежитъ честь отрицанія въ русскомъ языкѣ силлабическаго стихосложенія въ пользу метрическаго. Лучшимъ изъ его полемическихъ сочиненій противъ уніи признается

„Плачъ Восточной Церкви“ (Θρῆνος to iest Lament iedney powszechney Apostolskiey Wschodney Cerkwie). Въ наше время трудно вообразить, какъ много, при тогдашней малочисленности книгъ, значили для борющихся сторонъ полемическія сочиненія такого свѣдущаго и талантливаго человѣка. Они дѣйствовали до такой степени сильно на враговъ православія, и такъ ободряли нашихъ поповъ и чернецовъ правотою народнаго дѣла, что католическіе писатели даже смерть митрополита Потѣя приписываютъ впечатлѣнію, сдѣланному на него разоблаченіями, укорами и сарказмами Смотрицкаго. Около 1616 года, Смотрицкій постригся въ монахи въ виленскомъ монастырѣ Св. Духа, и вскорѣ сдѣлался архимандритомъ того же монастыря. Ученость, пламенная ревность къ вѣрѣ, а можетъ быть и то обстоятельство, что онъ былъ соученикомъ Сагайдачнаго по острожскому училищу, помогли ему возвыситься до степени архіепископа. Стоять на этой высотѣ было, однакожъ, въ то время опасно. У городскихъ воротъ, у ратушъ, у церквей и костеловъ прибиты были королевскіе мандаты, повелѣвавшіе ловить и предавать смерти самозванныхъ, какими они были въ глазахъ закона, іерарховъ. Но гоненія сильнаго имѣютъ на человѣческій духъ двоякое дѣйствіе: или они убиваютъ его, или же возвышаютъ надъ всѣми страхами и искушеніями. Смотрицкій чувствовалъ себя, покамѣсть, непоколебимымъ въ православіи; но, воспитанный въ тлетворной средѣ дома Острожскихъ, вращаясь между людьми характера двусмысленнаго, каковы были почти всѣ наши патроны, едвали сознавалъ онъ, что его преданность отеческой вѣрѣ стоитъ на почвѣ зыбкой. Ему, какъ человѣку, одаренному рѣдкими способностями, предстояли въ жизни высокій почетъ, власть, богатство: три соблазна, которыми увлекались прославляемые донынѣ покровители и образцы его.

Почета достигъ онъ рано, путемъ защиты православія. Теперь и власть казалась ему достижимою. Но изъ за нея выглядывало убожество. Православные владыки тогдашніе тѣмъ и отличались отъ владыкъ унитскихъ, что были убоги. Тѣмъ и сильна была приманка къ уніи, что унія сулила богатство. Тѣмъ и побѣдило наше духовенство унію, что не пошло на эту приманку. Не даромъ нашъ аѳонскій апостолъ такъ широко проповѣдывалъ о безобразныхъ чеботищахъ да о ременныхъ поясищахъ. [1]) Простота и убожество жизни были тогда символомъ православія и залогомъ его торжества надъ папизмомъ. Смотрицкій видѣлъ эту простоту и убожество, покамѣсть, въ поэтическомъ освѣщеніи горячей, опасной, но блистательной борьбы. Не испыталъ еще онъ крайней нужды и совершенной безпріютности. Еще его лѣта не перешли въ тотъ періодъ жизни, который только у весьма немногихъ личностей бываетъ лучшимъ изъ всѣхъ,—въ тотъ критическій періодъ нравственнаго развитія, когда, вмѣсто юношеской готовности служить самоотверженно ближнему, чаще всего водворяется въ сердцѣ холодъ себялюбія. Пока Сагайдачный не заставилъ короля отмѣнить внушенные ему іезуитами мандаты, Смотрицкій вкусилъ отъ сладкаго чувства, которое испытываютъ политическіе агитаторы въ виду фактическаго безсилія своихъ могущественныхъ гонителей. Онъ, архіепископъ на зло римскому папѣ, и польскому королю, былъ скитальцемъ восторженнымъ. Онъ дышалъ духомъ южнорусскихъ монастырей, ограбленныхъ уніятами, угрожаемыхъ отступничествомъ фундаторовъ своихъ, но самой крайностью борьбы за существованіе доведенныхъ до героическаго безстрашія. Переходя изъ обители въ обитель, тайно отъ преслѣдователей

---

[1]) См. томъ I, стр. 294.

православной агитаціи, Смотрицкій, въ началѣ 1621 года, появился среди бѣлорусской паствы своей, побѣдительно принуждаемой къ уніи. Ревностнѣе всѣхъ ухватились за православнаго архіепископа жители Витебска. Преслѣдованіе отеческой вѣры возвысило витебскихъ мѣщанъ до патріотизма. Витебскіе мѣщане явили собой самый разительный примѣръ возстанія за вѣру, какой только можетъ указать исторія юго-западной Руси въ польскій періодъ ея существованія, и явили именно въ то время, когда ими были сдѣланы уже всѣ уступки напиравшимъ на нихъ папистамъ. Уже не молились они въ церквахъ. Изъ страха кары за свою вооруженную демонстрацію, отступились они отъ Святого Благовѣщенія. Уже и самихъ шалашей для богослуженія не было у нихъ въ городѣ. Замковая команда и фанатизованные іезуитами ватаги ренегатовъ разрушали эти убогія прибѣжища вѣры, разгоняли и самихъ „прибѣжанъ", [1]) какъ идолопоклонниковъ. Только купивъ у шляхтича право пользоваться шляхетскимъ или, что̀ все равно, привилегированнымъ домомъ, могли мѣщане молиться русскому Богу безъ насилія со стороны иновѣрцевъ; но и такого пристанища гонимая вѣра наша не имѣла еще тогда въ Витебскѣ. [2]) Въ этой „рѣчи посполитой мѣстской",

---

[1]) Іовъ Борецкій, въ своей грамотѣ одному изъ новыхъ братствъ, называетъ прибѣжанами братчиковъ, которые искали у него прибѣжища отъ уніи.

[2]) Черезъ три мѣсяца по прибытіи Смотрицкаго въ Витебскъ, мѣщане уладили дѣло съ шляхтичемъ Стабровскимъ, который, для большей защиты мѣщанъ, не нанялъ имъ свой домъ, а въ качествѣ ревнителя отеческой вѣры, какъ бы совмѣстно съ ними устроилъ въ немъ молельню. Языкъ письменнаго акта показываетъ, что панъ Стабровскій давно уже принадлежалъ къ обществу польскому.

„Я Янъ Стабровскій ознаймуе тымъ квитемъ моимъ, ижъ кгды вси церкви нашое старожитнои релеи грецкой и монастыри и церковъ Светое Софѣи, у замку въ месте Полоцке будучие, архиепископъ Іо-

во имя закона, совершались изъ за уніи тѣ же беззаконія, что и по всей Бѣлоруссіи. Гродскія книги, въ которыя обиженные вносили обыкновенно свои протесты и жалобы, для православныхъ были недоступны: ни одинъ замковой или гродскій урядъ религіозныхъ протестацій не принималъ, яко противозаконныхъ по самой цѣли своей. Напротивъ, Кунцевичъ позволялъ себѣ вписывать въ гродскія книги, отъ имени сенаторовъ, безъ ихъ вѣдома, такіе акты, которые нерѣшительныхъ людей колебали въ пользу новой церкви, а на людей рѣшительныхъ наводили страхъ. И не напрасны были опасенія смѣльчаковъ нажить себѣ большое горе изъ за стойкости въ любезной сердцу старинѣ: даже возныхъ и уполномоченныхъ вести процессы со стороны православныхъ—партія Кунцевича, поддерживаемая при королевскомъ дворѣ, умудрялась карать взысканіями и запирать въ темницы.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ появилось въ Витебскѣ апостольское посланіе Смотрицкаго! И витебскіе мѣстичи приняли его съ восторгомъ. Сидя въ своихъ урядовыхъ лавицахъ, они выслушали торжественное обвиненіе Кунцевича

сафатъ, самъ оборотившися внову веру унию, неслушне и кгвалтемъ ихъ у насъ зафытилъ, а ижбы хвала бозка у насъ релеи грецкой землянъ и мещанъ воеводства полоцкого никгды неуставала, домъ его милосги пана ерекго (Юрія) стабровскекго, пана брата мекго, кторы есть вместе полоцкимъ надъ рекою двиною належонцы до маетности пола за ужитемъ ихъ милости пановъ пріятеловъ земянъ воеводства полоцкого, пановъ брати моихъ и мещанъ некоторыхъ в нашей старожитной релеи грецкой подъ послушенствомъ константинополскаго патриархи до часу слушного на отправоване набоженства ведлугъ нашее светое релеи кгрецкое, а для лепшей невности и далъ есмь тенъ мой квитъ записъ сподъ печатю моею и сподписемъ руки моее, также сподписомъ ихъ милостя пановъ брати моихъ. Писанъ уполоцку десятого Юня роктисеча шесть сотъ двадцать первого. Янъ Стабровскій рукою своею. Прошоны печентаръ Петръ Корсакъ. Прошоны печентаръ Севастянъ Селицкій. Прошоны печентаръ Янъ Селява рукою своею“.

въ отступничествѣ. Сидѣть въ магистратской лавицѣ—въ то время значило признавать единство своей вѣры съ вѣрою, господствующею въ государствѣ, то есть признавать, какъ политическую, такъ и церковную унію. Отрицавшихъ церковную унію лишали муниципальныхъ должностей, которыя въ городахъ королевскихъ вполнѣ зависѣли отъ короля, такъ точно какъ въ городахъ панскихъ онѣ зависѣли отъ пана. И все-таки члены витебской ратуши единодушно отказались повиноваться предателю отеческой вѣры, составили актъ передачи церквей съ духовенствомъ въ вѣдѣніе Мелетія Смотрицкаго и признали его своимъ законнымъ архипастыремъ. Примѣру Витебска послѣдовали жители Полотска, Могилева, Мстиславля, Орши. Только столица литовской Руси, Вильна, имѣя издавна въ магистратѣ своемъ двѣ лавицы, римскую и русскую, не могла дѣйствовать единодушно. Но за то этотъ городъ былъ центромъ литовскихъ протестантовъ, которыхъ предводитель, князь Христофоръ Радивилъ, не переставалъ поддерживать православныхъ противъ уніятовъ со времени знаменитаго Брестскаго синода. [1]) Этимъ обстоятельствомъ и дружескими отношеніями, въ какихъ состоялъ Іовъ Борецкій съ главою литовскихъ протестантовъ, надобно объяснять смѣлость, съ которою Смотрицкій появился среди братіи виленскаго Святодуховскаго монастыря, священнодѣйствовалъ въ аппаратахъ архіепископа, рукополагалъ въ православные священники, разсылалъ чернецовъ и свѣтскихъ людей для ободренія гонимыхъ ревнителей древняго русскаго благочестія.

) Князь Острожскій выразилъ свое нравственное безсиліе въ тотъ важный моментъ интимнымъ письмомъ къ Христофору Радивилу. (См. прилож. ко II-му т. Ист. Возс. Руси, стр. 439). Особенно выразительны слѣдующія слова его: „Smiałbym o to misernie prosić i wiernie radzić, zebyś W. M. natenczas gdzie niepodaleku być raczył w imionach swych“.

Душохватъ не преминулъ позвать Смотрицкаго къ суду, какъ самозваннаго іерарха; но исполнительная власть была тогда озабочена грозою нашествія турокъ, а многіе, какъ это случалось часто въ церковныхъ смутахъ Рѣчи Посполитой, „оглядывались и на козаковъ". При такихъ обстоятельствахъ, представитель папскаго вторженія въ православную Славянщину очутился, въ виду Смотрицкаго и его смѣлыхъ агитаторовъ, почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ увидѣлъ себя подъ Хотиномъ Османъ II, столкнувшись въ бою съ козаками Сагайдачнаго. Но Османъ, какъ пишутъ, въ безсильной злобѣ на воинственныхъ гяуровъ, плакалъ; напротивъ представитель римской правовѣрности въ Бѣлоруссіи тѣмъ еще выше возносился пламеннымъ духомъ своимъ въ обѣтованныя ему римскою церковью небесныя селенія. Его ободряло, между прочимъ, то обстоятельство, что въ непріятельскомъ стану все дѣло опиралось на дѣятелей простонародныхъ; что̀ же до мѣстной шляхты, то она вообще устранялась отъ мѣщанскихъ демонстрацій, имѣвшихъ цѣлью фактическое возстановленіе православія; она ограничивалась подписываніемъ именъ своихъ подъ мѣщанскими суппликаціями королю, но и суппликаціи мѣщанскія подписывала только тогда, когда ее поили до безпамятства. По крайней мѣрѣ такъ самъ Кунцевичъ описывалъ положеніе дѣлъ своему другу, унитскому митрополиту. [1]) Впрочемъ іезуиты, разливая въ высшей сферѣ

[1]) Въ началѣ 1622 года Кунцевичъ писалъ къ Рутскому: „Осьмъ хлоповъ або десять тилько то бробятъ: шляхты немашъ жадное. Ездили або ходили до нѣкоторыхъ герштиковъ шляхты полоцкое, листъ справивши до короля его милости, и упросили ихъ, же ся подписали попившися, чого напотомъ жаловали и сами не вѣдали, до чого ся подписовали, яко потомъ самы вызнали". (Автографъ находится въ архивѣ Св. Сѵнода, въ отд. б. унитскихъ митрополитовъ; записанъ въ прибавительной описи подъ № 13-мъ 1622 г.).

русскаго населенія польскій элементъ, въ самомъ дѣлѣ разъединяли ее съ народомъ повсемѣстно, и этимъ помогали дѣлу уніи столь же дѣйствительно, какъ и королевскими мандатами.

Какъ бы то ни было, только универсалы и словесные наказы Смотрицкаго, подъ шумъ Хотинской войны, надѣлали такого волненія въ бѣлорусскомъ мѣщанствѣ, что наконецъ король, по настоянію литовскаго канцлера, призналъ необходимымъ отпечатать нѣсколько церквей. Кунцевичъ не хотѣлъ слушаться короля: намѣстникъ Іисуса Христа одинъ владычествовалъ сердцемъ его. Съ негодованіемъ пренебрежнаго пророка обратился онъ къ литовскому канцлеру Льву Сопѣгѣ, упрекая канцлера въ холодности къ истинной вѣрѣ и къ единой спасающей церкви. Изъ отвѣта Льва Сопѣги видно, какъ стояли вещи въ Польской Рѣчи Посполитой, какую позицію занимала въ ней партія Кунцевича и какими представлялись издали ревнители вѣры — козаки.

Сопѣга, политическій дѣятель временъ Стефана Баторія, Ивана Грознаго, Годунова, названнаго Димитрія и потомъ важный участникъ въ смутахъ Московскаго государства, былъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ людей въ польскомъ обществѣ. Наша древняя отрозненная Русь и съ юга, и съ сѣвера весьма щедро снабжала Польшу хорошими и талантливыми людьми; но римская система единенія Славянщины съ народами старой формаціи обращала въ ничто богатый нашъ вкладъ въ сокровищницу польскаго духа. Сопѣга вѣровалъ въ единеніе славянскаго Сѣвера съ латинскимъ Югомъ, а тѣмъ болѣе—въ единеніе Руси съ Польшею. Онъ уважалъ русскій элементъ, но лишь на столько, на сколько этотъ элементъ могъ способствовать процвѣтанію польскаго. Съ цѣлью подкрѣпить польское законодатальство выработанными нашею стариною понятіями о справедливости,

переложилъ Литовскій Статутъ съ русскаго на польскій языкъ. Для поддержанія государственнаго единства, давалъ ходъ талантливымъ людямъ, отрекавшимся отъ отеческой вѣры. Въ надеждѣ возвеличить Польшу, поддерживалъ виды Сигизмунда III на Мономахову шапку, и съ той же цѣлью прилагалъ стараніе о церковной уніи, которая долженствовала землю Владиміра Мономаха слить нераздѣльно съ царствомъ предположеннаго обладателя этой шапки. Унія церковная представлялась ему естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ уніи политической. Даже и послѣ воцаренія въ Москвѣ Романова, и послѣ возстановленія въ Кіевѣ православной іерархіи, Сопѣга находилъ неблагоразумнымъ дѣломъ (rzeczą nierozumną) отложить попеченіе о церковной уніи. Но въ его честной и ясной душѣ не возникало мысли о такихъ насильственныхъ мѣрахъ, къ какимъ способны были прибѣгать іезуиты, не пренебрегавшіе, какъ извѣстно, самыми низкими мѣрами для достиженія самыхъ высокихъ цѣлей.

Въ качествѣ государя своихъ панскихъ владѣній въ Бѣлоруссіи, Сопѣга покровительствовалъ пропагандѣ латинства на счетъ православія; но если вглядѣться въ его побужденія, то выйдетъ, что онъ покровительствовалъ образованности на счетъ невѣжества. Воспитанникъ лейпцигскаго университета, онъ оставилъ сперва православіе для евангелическаго исповѣданія, а потомъ, уже въ зрѣлыхъ годахъ, оставилъ евангеликовъ для католичества. Въ обоихъ случаяхъ руководился онъ видимымъ превосходствомъ представителей одной вѣры надъ представителями другой. Во времена Сопѣги, въ литовской Руси, главномъ сѣдалищѣ польскаго протестантизма, трудно было найти между диссидентами образованнаго человѣка, который посвятилъ бы себя духовному званію. Многія евангелическія общины оставались безъ пасторовъ. Выбирать въ это званіе

людей достойныхъ было не изъ кого, и потому между пасторами немало было круглыхъ неучей, которымъ такъ же, какъ и православнымъ попамъ, [1]) католики подсовывали свои догматическія сочиненія для назиданія прихожанъ. Между тѣмъ іезуиты, въ качестсѣ людей ученыхъ, взяли такой замѣтный и повсемѣстный перевѣсъ надъ протестантскими пасторами, что эти послѣдніе должны были уклоняться отъ ихъ вызова на публичныя состязанія, изъ одного страха обнаружить свое невѣжество. Стефанъ Баторій видѣлъ въ іезуитахъ только научную сторону ихъ дѣятельности. [2]) Ту же сторону цѣнилъ въ нихъ и Сопѣга. При тогдашнемъ состояніи школъ и всеучилищъ даже на Западѣ, „братчики Іисуса“ (braciszki Jezusa) играли въ кругу, заинтересованномъ образованностью, весьма видную роль. Въ публичныхъ диспутахъ и полемическихъ сочиненіяхъ, они побивали своихъ противниковъ не одними религіозными идеалами, не одной казуистической логичностью своихъ доводовъ, но и научными свѣдѣніями. Они весьма искусно пользовались тогдашними сумерками науки, только что начинавшей освобождаться отъ средневѣковой тьмы своей, и не одному Сопѣгѣ казались провозвѣстниками дня послѣ долгой умственной ночи. Онъ отбиралъ у кальвинистовъ косте-

[1]) Объ этихъ послѣднихъ свидѣтельствуетъ Петръ Могила.

[2]) Въ „Дневникѣ послѣдняго Похода Баторія на Россію„ (стр. 28) записано объясненіе ¡Баторія передъ полотскою шляхтою. Онъ говорилъ: że nie dla tego Iesuiti zakłada, aby ich wolność miał łamać, ale żeby in religione Christiana et politioribus moribus insituerentur, na ktorei to educatiey iuventutis, iako należy wiele, nietylko Polska zna, ale wszitek swiatb. Przipominał tu o obyczaiach y życiu sprosnem tych kraiow ludzi, iako neque humanitatem neque politiem nie maią et fere belluinam vitam agunt. По словамъ Баторія, jus patronatus, или право располагатъ церквами, принадлежало ему, какъ завоевателю края. Впрочемъ онъ отказывался отъ этого права по отношенію къ тѣмъ церквамъ и церковнымъ имуществамъ, на которыя русская шляхта представляла ему фундаціи предковъ своихъ.

лы въ пользу прихожанъ, обратившихся въ высшую, по его мнѣнію, форму вѣроисповѣданія — католичество. Въ томъ же смыслѣ отобралъ онъ и у православныхъ уфундованный имъ же самимъ, въ память отца, Черейскій монастырь, [1]) равно какъ и всѣ церкви, находившіяся въ его владѣніяхъ. Въ своихъ административныхъ дѣйствіяхъ, Левъ Сопѣга былъ поборникъ не Рима и его папы, какъ Сигизмундъ III, а того улучшенія общественной нравственности, которое обѣщала ему обманувшая не одного его, но и всю вселенную, римская церковь. Въ этихъ видахъ, онъ основалъ въ Вильнѣ католическій монастырь, а въ разныхъ мѣстахъ 24 католическихъ и нѣсколько десятковъ уніятскихъ церквей, соперничая въ ревности къ вѣрѣ съ своими родными, Павломъ, Казиміромъ, Фридерикомъ, Александромъ Сопѣгами, и съ такими же усердными фундаторами католическихъ святилищъ, Стефаномъ Пацомъ, Юріемъ Литаворомъ-Хребтовичемъ, Евстафіемъ Воволочемъ, Юріемъ Тышкевичемъ, Яномъ, Александромъ, Криштофомъ Ходкевичами и другими панами, которыхъ фамильныя имена были еще свѣжи въ православныхъ синодикахъ.

Протестантское движеніе въ Польшѣ пробудило латинцевъ отъ ихъ безпечности, заставило ихъ озаботитьтя улучшеніемъ

---

[1]) Въ 1599 году, черезъ десять лѣтъ, по переходѣ своемъ изъ евангелическаго исповѣданія въ католичество, онъ далъ подтвердительную запись Черейскому монастырю на нѣсколько селъ, гарантируя православіе этого монастыря въ будущности тѣмъ, чтобы „игумены черейскіе были отъ всихъ чернцевъ межъ ними жъ самими згодне обраны и за поданіемъ моимъ и потомковъ моихъ водлугъ закону греческого установлены". Безъ сомнѣнія, актъ фундаціи былъ составленъ съ участіемъ самой братіи; но чѣмъ дальше развивалась въ югозападной Руси работа католичества подъ видомъ уніи, тѣмъ труднѣе было черейской братіи сохранить единогласіе, и весьма можетъ быть, что сама она большинствомъ адептовъ папизма (какъ это постоянно устраивалось іезуитами) ходатайствовала у своего патрона о передачѣ монастыря въ уніятское вѣдомство.

нравственности своего духовенства посредствомъ просвѣщенія, усилить его моральное вліяніе на свѣтское общество, водворить въ немъ единство мнѣній. Симпатіи такихъ честныхъ людей, какъ Сопѣга, естественно склонились тогда въ пользу католичества, къ какимъ бы вѣроученіямъ ни располагались они въ предшествовавшую эпоху умственнаго броженія; и, подобно тому, какъ это было въ современной Франціи, — въ литовской Руси изъ протестантства прежде всего перешли въ католичество представители знатнѣйшихъ домовъ, то есть наиболѣе образованные люди. Въ церкви православной движеніе къ улучшенію общественной нравственности обнаружилось также подъ вліяніемъ реформаціи, но обнаружилось въ весьма узкихъ размѣрахъ. Оно ограничилось, можно сказать, только немногими лицами, стоявшими на доступной для того времени высотѣ умственнаго развитія. При недостаткѣ между нашимъ духовенствомъ такихъ людей, которые распространяли бы въ обществѣ понятія высшаго порядка, смягчали бы собственнымъ поведеніемъ нравы, укрощали бы силою своей праведности запальчивые характеры, ревность къ отеческой вѣрѣ у мѣщанъ, и въ особенности у мѣщанъ окозаченныхъ, выражалась чаще всего грубою бранью и порывами къ такой расправѣ, отъ которой не воздержалась даже кіевопечерская братія относительно Кунцевича. Это не могло внушать ни сочувствія, ни уваженія къ нашей церкви, въ смыслѣ собранія вѣрующихъ, просвѣщенному переводчику Литовскаго Статута, воспитанному въ лучшемъ изъ современныхъ университетовъ. А если принять во вниманіе, что бѣлое и черное духовенство представляло примѣръ не одной только ревности къ дому Божію; если вообразить, какимъ оно должно было выйти изъ рукъ старинныхъ орудователей нашими духовными хлѣбами; то надобно признать, что Сопѣга, во глубинѣ души своей,

считалъ не насиліемъ, а дѣломъ истиннаго благочестія, передачу церквей изъ рукъ невѣжественныхъ и пьяныхъ православниковъ [1]) въ руки образованныхъ католиковъ или выдержанныхъ іезуитами въ школѣ воздержанія униятовъ.

Уже по одному осужденію насильственныхъ мѣръ въ распоряженіяхъ Кунцевича — можно заключить, какъ Левъ Сопѣга гнушался всякимъ грубымъ заявленіемъ права и силы. „Всевышній (писалъ онъ) зоветъ къ себѣ кротко: пріидите ко мнѣ и т. д., но не хочетъ и не пріемлетъ рабовъ, привлеченныхъ насильно“.

Для Сопѣги тѣмъ непріятнѣе былъ фанатизмъ Кунцевича, что самое отпаденіе московскихъ людей отъ избраннаго ими въ цари Владислава приписывалъ онъ распространившимся вездѣ слухамъ о насильственномъ введеніи уніи въ польско-русскихъ областяхъ. Въ то время агитація странствовавшихъ по нашей Руси греческихъ и украинскихъ монаховъ достигла крайняго возбужденія умовъ противъ королевскаго правительства. Сравнивали безопасность Аѳонской горы съ нашими монастырями, спокойствіе турецкихъ христіянъ съ положе-

---

[1]) Въ 1624 году князь Христофоръ Радивилъ, намѣреваясь основать въ Слуцкѣ латинскія школы съ преподаваніемъ въ нихъ и „русскихъ наукъ“, просилъ Іова Борецкаго прислать къ нему ученаго и трезваго человѣка. Іовъ Борецкій отвѣчалъ: „Zaiste tu [iuż citra ambages moich uczonych miłych bez grzechu musi się veritas] rzecz rara foenix in mundo, drogi diament między kamieńmi y złoto między kruszicami, rarior y droższy z obiema [z nauką y trzezwoscią] cnotam-człowiek między nami, iż [mie aż y nader wstyd że siła kusząc się] y przy samem boku swoiem, krom iednego prostaczka, wychowanca swego, od narodu uczonych dla spraw sądowych nie mogę mieć żadnego“. (Археогр Сб. VII, 82.) Вспомнимъ здѣсь также, что Іоаннъ Вишенскій долженъ былъ прежде всего отражать нападки свѣтскихъ щеголей на монашеское пьянство. Оно было порокомъ большинства. Противъ него не въ силахъ былъ ничего предпринять ни Іовъ Борецкій, ни его современникъ, преподобный Іовъ Желѣзо, почаевскій игуменъ.

ніемъ православія въ польскихъ владѣніяхъ, и у многихъ на языкѣ была готовность принять турецкое подданство. Сильнѣе этого нельзя было ничего придумать противъ соотвѣтственной агитаціи съ другой стороны. Не говоря объ оскорбленіи религіознаго чувства въ русскомъ народѣ и о естественномъ желаніи прозелитовъ папизма оправдать свое отступничество, попы и монахи той и другой религіи изо всѣхъ силъ раздували международную вражду, и конечно не столько изъ религіозныхъ, сколько изъ корыстныхъ побужденій. Греческій патріархатъ лишался, по милости уніи, своей эксплоатаціи югозападной Руси, а римская курія, осѣкшись на Москвѣ, боялась — и, какъ видимъ, не напрасно — что Москва притянетъ къ себѣ все русское населеніе католической Польши. Двѣ экономическія системы, образовавшіяся въ теченіе столѣтій изъ первобытной христіянской общины, византійская и римская, продолжали быть живымъ свидѣтельствомъ той истины, что большинство историческихъ дѣятелей христіянства управлялось матеріяльными интересами, и только весьма ограниченное меньшинство — чисто нравственными. Въ настоящемъ случаѣ матеріялисты едвали не сильнѣе идеалистовъ ожесточали одну партію противъ другой, такъ какъ языкъ ихъ былъ понятнѣе для невѣжественной и грубо-эгоистической массы. Въ воздухѣ пахло уже будущими пожарами и кровью: эти слова часто встрѣчаются въ современныхъ писаніяхъ. Просвѣщенные католики приходили къ сознанію, что „соединять насильственно значитъ расторгать", какъ это выразилъ въ своемъ отвѣтѣ Кунцевичу и Сопѣга. Сагайдачный взялся склонить козаковъ къ походу на Османа II только подъ условіемъ, что Борецкій и его архіереи будутъ утверждены въ своихъ епархіяхъ. Для разсмотрѣнія этого дѣла назначена была коммиссія. Рѣшенія коммиссіи дожидались

козацкіе вожди въ Кіевѣ спокойно; но Сопѣга въ этомъ спокойствіи провидѣлъ бурю за много лѣтъ раньше, чѣмъ она разразилась.

„Вы управляетесь больше праздной мечтательностью и частной ненавистью (писалъ онъ), нежели любовью къ ближнему, а между тѣмъ зажгли тѣ опасныя искры, которыя всѣмъ намъ угрожаютъ пагубнымъ и всеистребительнымъ пожаромъ. Вы пишете (продолжаетъ онъ), что и политика [1]) обращаетъ на нихъ (козаковъ) вниманіе; а я прибавлю, что не только политика, но и правительство: ибо отъ ихъ повиновенія больше пользы для края, чѣмъ отъ вашей уніи. Пишете объ обращеніи отщепенцевъ къ вѣрѣ и т. д. Согласенъ съ вами: надобно стараться, чтобы было одно стадо и одинъ пастырь; но въ этомъ дѣлѣ надлежитъ поступать благоразумно, сообразуясь съ обстоятельствами времени: оно зависитъ отъ свободнаго согласія, особенно въ нашемъ отечествѣ, гдѣ не примѣнима сентенція: понуди внити, coge intrare. Прочитайте житія всѣхъ благочестивыхъ епископовъ, перечитайте творенія Златоустаго: вы не найдете въ нихъ ни жалобъ, ни протестацій, ни единаго намека на процессы, ни ссоръ и судебныхъ свидѣтельствъ, ни позвовъ къ суду антіохійскому или цареградскому о гоненіи, объ отрѣшеніи отъ должности, о лишеніи жизни благочестивыхъ духовныхъ. А у васъ земскіе суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епископскія канцеляріи полны позвовъ, тяжебъ, протестовъ. Этимъ не только не утвердите уніи, но расторгнете и послѣдній союзъ любви въ об-

[1]) Политиками въ то время назывались въ Польшѣ новаторы, радикалы и толерантные люди, непріятные такимъ ревностнымъ католикамъ, какъ Скарга и Бирковскій, отзывающіеся о нихъ съ негодованіемъ. Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и отзывъ Кунцевича о политикѣ. На его языкѣ это слово значило примиреніе, уступчивость.

ществѣ, а сеймы и всѣ уряды наполните разладомъ и ссорами. Вы увѣряете, что имѣете право топить отступниковъ уніи, рубить головы и т. д. А божественное Евангеліе строго запрещаетъ мщеніе, что относится и къ вамъ. Вы говорите, что на сеймахъ поднимаются вредные голоса не только противъ уніи, но и противъ всего правовѣрнаго духовенства римскаго. Кто же тому виною? одна унія! Когда вы насилуете человѣческую совѣсть, когда замыкаете церкви, чтобы люди погибали какъ невѣрные безъ богослуженія, безъ христіянскихъ обрядовъ и таинствъ, когда злоупотребляете королевскими милостями и наградами, вы обходитесь въ этомъ безъ насъ; а когда надобно усмирять волненіе въ народѣ по вашему безразсудству, тогда двери загораживать нами! Отъ того даже и противная сторона думаетъ, яко бы мы съ вами сговорились насиловать людскую совѣсть и нарушать общее спокойствіе, чего никогда не было. Довольно съ васъ, что вы съ нами въ уніи; ну, и берегите ее для себя, а насъ на общую ненависть не выставляйте, да и самого себя не подвергайте опасностямъ и такому уничиженію передъ всѣмъ народомъ. Вы совѣтуете изгнать изъ государства всѣхъ непринимающихъ уніи и т. д. Сохрани Боже! да не будетъ въ нашемъ отечествѣ такого страшнаго беззаконія! Давно въ этихъ областяхъ введена святая римскокатолическая вѣра, и пока не имѣла подражательницы себѣ въ благочестіи и послушаніи святому отцу, до тѣхъ поръ славилась любовью къ спокойствію и могуществомъ внутри и внѣ государства; а теперь, когда приняла къ себѣ какую то сварливую и безпокойную пріятельницу, терпитъ изъ за нея на каждомъ сеймѣ, въ каждомъ народномъ собраніи, въ каждомъ повѣтовомъ засѣданіи множество раздоровъ и обвиненій. Лучше бы, кажется, и полезнѣе было для общества разбрататься съ такою задорною со-

юзницей. Никогда не было у насъ въ отечествѣ такихъ раздоровъ, какихъ надѣлала намъ эта размалеванная унія. Вы рукополагаете такихъ священниковъ, отъ которыхъ церкви больше разоренія, нежели созиданія. Покажите, кого вы пріобрѣли, кого привлекли къ себѣ этой суровостью, этой жестокостью, этимъ запечатываніемъ и замыканіемъ церквей? Вы потеряли даже и тѣхъ, которые были послушны вамъ въ Полотскѣ. Изъ овецъ вы превратили ихъ въ козлищъ, повергли край въ опасность, а можетъ быть—навлекли гибель на всѣхъ насъ, католиковъ. Вотъ плоды вашей хваленой уніи! Вы пишете, что вамъ далъ въ этомъ повелѣніе верховный пастырь. Противиться верховному пастырю было бы проклятымъ покушеніемъ; но я смѣю утверждать, что еслибы святой отецъ зналъ, какіе раздоры возникаютъ въ нашемъ отечествѣ по поводу вашей уніи, то, безъ сомнѣнія, дозволилъ бы то, чему вы упорно сопротивляетесь. Въ слѣдствіе всего этого, король повелѣваетъ вамъ распечатать и отворить въ Могилевѣ церкви; а если вы этого не сдѣлаете, то я, по повелѣнію его королевской милости, самъ прикажу церкви распечатать и возвратить. Жидамъ и татарамъ не возбранено имѣть въ королевскихъ владѣніяхъ свои синагоги и мечети, а вы печатаете христіянскія церкви! Уже со всѣхъ сторонъ отзываются слухи, что они (православные) хотятъ разорвать съ нами всякій союзъ, и всюду пошла поголоска, что они лучше готовы быть въ подданствѣ у невѣрныхъ турокъ, нежели терпѣть такое угнетеніе своей совѣсти. Что касается до полочанъ и другихъ бунтовщиковъ противъ васъ, то можетъ статься, что они таковы въ самомъ дѣлѣ; но вы сами подняли ихъ къ возмущенію".

Письмо это писано въ Варшавѣ 12 марта 1622 года, въ то самое время, когда въ Кіевѣ догаралъ послѣдній пламень

жизни Сагайдачнаго. Коммиссія по вопросу уніи медлила, какъ водится, своимъ рѣшеніемъ, и вліяніе іезуитовъ заставляло опасаться, что ея рѣшеніе къ добру не приведетъ. Замѣчательны въ этомъ отношеніи слѣдующія слова Сопѣги: „Того мало, что козаки ждутъ въ Кіевѣ рѣшенія назначенной по сему предмету коммиссіи: дѣло въ томъ, удачна ли будетъ ея работа! Результаты этой коммиссіи даютъ намъ лишь надежду невѣдомаго доселѣ блага, и потому безразсудно прерывать грубымъ насиліемъ столь желанное согласіе".

Еще интереснѣе для насъ противоположные взгляды Кунцевича и Сопѣги на отношенія козаковъ къ вопросу церкви. Кунцевичъ писалъ, что уніи сопротивляются только нѣкоторые монахи изъ епархіи Борецкаго и Смотрицкаго да нѣсколько лицъ изъ кіевской шляхты; а Сопѣга отвѣчалъ ему: „Нѣтъ, просьба королю подана не отъ нѣсколькихъ чернецовъ, а отъ всего Войска Запорожскаго, съ домогательствомъ, чтобы Борецкаго и Смотрицкаго въ ихъ епархіяхъ утвердить, а васъ вмѣстѣ съ другими удалить".

Въ этомъ случаѣ показаніе Кунцевича согласуется съ позднѣйшимъ свидѣтельствомъ очевидца, по которому только немногія лица присутствовали секретно при посвященіи Іова Борецкаго въ митрополиты. Эти то лица и могли быть шляхтичами, въ родѣ самого Конашевича-Сагайдачнаго, которые дѣйствительно подали королю просьбу съ прибавленіемъ къ своимъ титулованнымъ по козацки именамъ обычныхъ словъ: „со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ". Въ отзывѣ Сопѣги мы видимъ документальность; въ показаніи Кунцевича—реальность. Сопѣга, какъ человѣкъ кабинетный, принималъ написанное на бумагѣ въ буквальномъ смыслѣ, тогда какъ на дѣлѣ все Войско Запорожское, именемъ котораго импонировали короля и его раду, состояло только изъ домовитыхъ кіянъ,

присутствовавшихъ въ запертой накрѣпко церкви во время совершенія великаго акта. Отъ Запорожскаго Войска, толкавшагося даже по кіевскимъ базарамъ, скрывались его вожаки съ тѣмъ дѣломъ, которому служили по дружбѣ къ такимъ лицамъ, какъ Іовъ Борецкій; и каждый изъ членовъ возстановленной іерархіи былъ посвящаемъ Ѳеофаномъ неожиданно то въ одномъ, то въ другомъ изъ украинскихъ монастырей, безъ всякой парадности.

Сопѣга, видѣвшій религіозную агитацію чрезъ медіумъ панскихъ съѣздовъ, писалъ далѣе къ Кунцевичу: „На сеймахъ же развѣ мало мы получаемъ жалобъ отъ всей Украины и отъ всей Руси,—не отъ нѣкоторыхъ только чернецовъ"?

Но мы знаемъ уже, что это были за жалобы и какъ мало общаго имѣли съ ними дѣйствія тѣхъ, которые пользовались правомъ присутствовать въ посольской избѣ. Все Войско Запорожское дѣйствовало въ настоящемъ случаѣ никакъ не единодушнѣе, какъ и вся Украина или вся Русь. Принимать эти слова въ буквальномъ смыслѣ могли сеймовые паны, пугаемые своими собратіями, именно диссидентами, всегда подогрѣвавшими православниковъ, самими православниками, постоянно лицемѣрившими передъ своимъ духовенствомъ и мѣщанствомъ, и, наконецъ, такъ называемыми политиками, къ которымъ Кунцевичъ, очевидно, причислялъ и Льва Сопѣгу; но потомству это яснѣе, чѣмъ было современникамъ. Положеніе церковныхъ дѣлъ зависѣло отъ немногихъ личностей, умѣвшихъ агитировать простонародную массу въ томъ или въ другомъ направленіи. Со стороны православія, число такихъ агитаторовъ, въ данный моментъ нашей исторіи, не увеличивалось, а уменьшалось. Это доказалъ, въ числѣ другихъ, и знаменитый Мелетій Смотрицкій, къ которому никакъ нельзя было намъ возвратиться раньше.

Смотрицкій, вмѣстѣ съ православною іерархіею, былъ терпимъ правительствомъ, но не утвержденъ въ своемъ званіи королемъ и сенатомъ. Кунцевичъ, какъ это видно изъ письма Сопѣги, признавалъ существованіе его епархіи, но тѣмъ не менѣе считалъ ее вторженіемъ въ область главы христіянства. Фанатикъ, писавшій литовскому канцлеру, что имѣетъ право топить отступниковъ уніи и рубить имъ головы, былъ человѣкъ опасный. Смотрицкій прятался отъ него въ монашескомъ общежитіи и дѣйствовалъ, въ предѣлахъ своей епархіи, не иначе, какъ чрезъ посредство своихъ темныхъ и убогихъ апостоловъ. Можно себѣ вообразить, какого закала были эти люди. Они готовы были на мученическую смерть, и нерѣдко погибали въ своей миссіи, какъ объ этомъ сохранилось не одно указаніе въ современной полемикѣ. Раздраженіе умовъ съ обѣихъ сторонъ дошло до послѣдней крайности. Въ послѣдствіи, гонимые за православіе, уже успокоясь въ безопасности, говорили своимъ гонителямъ: „Вы, какъ огонь пожирающій, накинулись на насъ; вы повернули намъ всю душу и переполнили ее горечью. Мы думали, что наступаетъ послѣдній день міра и страшный судъ". Смотрицкій видѣлъ изъ своего убѣжища, какъ православныхъ преслѣдовали въ судахъ, на улицѣ, въ домахъ, какъ запрещали имѣть съ ними какія бы то ни было сношенія, даже обращаться къ нимъ съ обыкновеннымъ словомъ. Въ самый монастырь Св. Духа бросали къ нему камни изъ пращей и горящія головни во время грустныхъ и торжественныхъ „церемоній" Страстной недѣли. Въ такомъ положеніи провелъ онъ больше двухъ лѣтъ, и душа его, не созданная для открытой, отчаянной борьбы, истомилась. Вдругъ узнаетъ онъ, что Кунцевичъ убитъ и городъ Витебскъ кипитъ открытымъ бунтомъ. Это можно было предвидѣть; это слѣдовало предвидѣть; этого ждалъ

самъ Кунцевичъ, но вовсе не ожидалъ православный его соперникъ.

Заговоръ на жизнь Кунцевича составился, какъ полагали, еще въ концѣ октября 1623 года. Въ той самой ратушѣ, гдѣ, тому назадъ два съ половиною года, славетные мѣстичи выслушали православное заявленіе Мелетія Смотрицкаго, они, по словамъ ихъ обвинителей, постановили тайное рѣшеніе уничтожить унію, которая, по ихъ мнѣнію, держалась только Кунцевичемъ. Можетъ быть, ихъ рѣшеніе было вовсе не то, какимъ оно явилось въ устахъ молвы и во мнѣніи судей по совершеніи убійства. Можетъ быть, въ этой секретной радѣ мѣщане были еще далеки отъ кроваваго дѣла. Кто знаетъ? можетъ быть, они колебались между двумя предпріятіями, на что сохранились намеки и въ современныхъ письменахъ: взять ли защиту церкви на себя, или же ввѣрить ее козакамъ? На козаковъ, говоря вообще, мѣщане смотрѣли, какъ на отребіе „статечнаго" общества; но, что козаки дѣйствительно могли быть предметомъ ихъ мимолетныхъ мечтаній, это доказываютъ и нѣкоторыя событія въ Кіевѣ, и тѣ слухи о стачкахъ мѣщанъ съ бывшими ихъ потужниками, которые такъ упорно поддерживались противниками православія. Быть можетъ, витебцы еще взвѣшивали: не будетъ ли разливъ козачества въ Бѣлоруссіи хуже всякаго другого бѣдствія для городовъ и селъ? Память о сожженіи Могилева и обо всемъ, чѣмъ сопровождалось это событіе въ 1596 году, была еще свѣжа въ устахъ очевидцевъ. Да и на самихъ себѣ испытали витебцы, въ 1601 году, что такое козаки. На возвратномъ пути изъ шведскаго похода, зацѣпили козаки, по дорогѣ, Полотскъ варяжскимъ обычаемъ и, по словамъ лѣтописца, причинили ему великую шкоду, а съ Витебскомъ обошлись по татарски, и „такую содомію въ немъ чинили", что показались

честному составителю лѣтописи хуже всякаго непріятеля. [1]) По этому то, хоть и старались православные, чтобъ „имя козаковъ было въ устахъ у папы и у митрополита уніатскаго“; [2]) хоть и пугали мѣстичи своихъ напастниковъ низовыми братчиками, но въ сущности не знали, которая изъ трехъ ордъ была для нихъ опаснѣе: татарская, жолнерская, или козацкая. Если козаки были крайне антипатичны хозяйничавшей шляхтѣ, то не меньше шляхты сторонились отъ этихъ добычниковъ и промышленные горожане, къ какому бы вѣроисповѣданію ни принадлежали они. Иначе—не смотрѣли бы они на московскаго царя, какъ на освободителя городовъ отъ двухъ противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу элементовъ—жидовства и козачества. [3]) Но, какъ бы оно ни было, только, повидимому, ничего еще не было рѣшено въ Витебскѣ относительно крайнихъ мѣръ противъ уніи. Случай, въ то фанатизованное время довольно обыкновенный, заставилъ горючіе матеріялы вспыхнуть въ сердцахъ витебцевъ, можетъ быть, раньше того времени, къ которому они готовились агитаторами свободы совѣсти.

Утромъ 12 ноября 1623 года, въ воскресенье, архидіяконъ Кунцевича, Дороѳей, напалъ на православнаго священника, переправлявшагося за рѣку Двину для совершенія тайкомъ

---

[1]) См. въ I-мъ томѣ Матер. для Ист. Возс. Р. „Боркулабовскую хронику“ подъ 1601 годомъ. Очевидецъ козацкаго звѣрства, описавъ его, говоритъ: „Всѣ люди плакали, глядя на это, и молились Богу сотворителю, чтобъ этихъ своевольниковъ истребилъ на вѣки“. См. также жалобу могилевск. правосл. духовенства на козаковъ въ „Бѣлор. Арх.“I, 73.

[2]) Занимающіеся исторіею знаютъ, у кого изъ нашихъ историковъ эти самыя данныя сопоставлены совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Вопросъ о козацкомъ элементѣ въ судьбахъ южнорусскаго народа до такой степени затемненъ любителями его исторіи, что даже писатели, не симпатизирующіе козачеству, видятъ его въ соціальной средѣ не на истинномъ его мѣстѣ.

[3]) См. въ X-мъ т. „Исторіи Россіи“ Сол. по 2-му изд. стр. 321.

богослуженія въ заречной „будкѣ“, или „шопѣ“, какъ назывался шалашъ, устроенный гонимыми поборниками древняго благочестія. Фанатикъ былъ не одинъ. Онъ избилъ священника до полусмерти и, связавъ по рукамъ и по ногамъ, заперъ въ архіепископской кухнѣ. Слухъ объ этомъ насиліи поднялъ весь городъ: сердца были подготовлены множествомъ предшествовавшихъ обидъ. Загудѣлъ вѣчевой колоколъ; ударили въ набатъ по всѣмъ колокольнямъ. Еще недавно молчаливые витебцы взревѣли подобно стаду бѣлорусскихъ туровъ. Толпа отчаянныхъ людей вломилась въ архіепископскій домъ. Православный священникъ былъ освобожденъ, а предводитель ненавистной уніи палъ среди своихъ перекалѣченныхъ слугъ. Тѣло его, брошенное съ высокаго берега въ рѣку, [1]) подхватили рыбаки, отвезли вверхъ по Двинѣ, на урочище Песковатикъ, и, привязавъ къ нему каменье, бросили на самой срединѣ рѣки въ воду. [2])

---

[1]) Напротивъ Успенской церкви.

[2]) На третій день, когда народное волненіе утихло, тѣло Кунцевича было вытащено, по приказанію замковаго каштеляна и, по освидѣтельствованіи законнымъ порядкомъ, отвезено водою въ Полотскъ, гдѣ и погребено въ Софійскомъ соборѣ. По ходатайству короля и уніятскаго духовенства, папа причислилъ Іосафата Кунцевича къ лику мучениковъ римской церкви. Гробъ съ набальзамированнымъ тѣломъ его былъ вынутъ изъ склепа и поставленъ въ церкви, гдѣ и находился до вступленія въ древній Полтескъ русичей царя Алексѣя Михайловича. Когда они приближались къ городу, тогдашній архіепископъ, Антоній Селява, бѣжалъ изъ него со всѣмъ унитскимъ духовенствомъ и увезъ съ собой гробъ Іосафата. Сперва этотъ гробъ оставленъ былъ въ мѣстечкѣ Жировцахъ, потомъ перенесенъ въ городъ Замостье. Преемникъ Селявы, унитскій митрополитъ и полотскій архіепископъ Гавріилъ Коленда, опять перевезъ гробъ Іосафата въ Полотскъ, по возвращеніи сего города Польшѣ, и самъ переселился сюда на жительство. Впрочемъ гробъ Іоасафата (какъ оказалось послѣ) былъ пустъ, тѣло его неизвѣстно куда дѣвалось во время многолѣтнаго странствованія. Въ послѣдствіи, по правой сторонѣ новосозданной архіепископомъ Гребницкимъ Софійской церкви, устроенъ былъ особый придѣлъ во имя

Молва объ убіеніи полотскаго архіепископа быстро облетѣла всю Польшу. Думали, что это — сигналъ къ избіенію всѣхъ католиковъ, котораго давно опасался Сопѣга. Католической партіи мерещилось, что въ Бѣлую Русь нагрянутъ козаки, и начнется во имя религіи кровавый грабежъ. Но козаки, въ лицѣ Сагайдачнаго, потеряли свой центръ и, подобно хаотическому тѣлу, разорвались на нѣсколько хаотическихъ тѣлъ, изъ которыхъ каждое вращалось на собственной оси. Однѣ ватаги продолжали работу Сагайдачнаго на морѣ, о чемъ разскажу въ своемъ мѣстѣ; о другихъ было слышно, что онѣ гостятъ въ Волощинѣ; третьи кочевали съ конскими табунами въ дикихъ поляхъ или „дубовали" въ Великомъ Лугу, воспѣвая родной Днѣпръ, неизмѣнный среди множества перемѣнъ и недовѣдомый для развѣдчиковъ:

Ой изъ устья Днѣпра та до вершины
Сѣмсотъ рѣчóкъ и чотыри,
Та й усѣ жъ вони у Днѣпрó впали,
У Днѣпро правый, несказанный.

Пишутъ, будто бы витибскіе мѣщане отправили посольство къ козакамъ и звали ихъ для своей защиты. Но прошелъ ноябрь, прошелъ и декабрь, а козаки, эта надежда православныхъ, этотъ фантастическій образъ изъ Валгалы украинскихъ патріотовъ, не являлись. Между тѣмъ время было

Іоасафата. Въ немъ на престолѣ помѣщена была бронзовая гробница съ серебрянными украшеніями, а сверху ея образъ Іоасафата. Базиліянскіе монахи распускали въ народѣ молву, будто бы въ этой гробницѣ лежали мощи Іоасафата, и хотя ежегодно, въ день праздника его, выносили эту гробницу на средину церкви для поклоненія, но никогда не вскрывали, поэтому мощей Іоасафатовыхъ никому не случалось видѣть. Послѣ недавняго возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, рака эта перенесена была въ ризницу и вскрыта въ присутствіи многихъ свидѣтелей, но, кромѣ клока волосъ и нѣкоторыхъ принадлежавшихъ Іосафату архіерейскихъ облаченій, не оказалось въ ней никакихъ мощей.

именно такое, когда они сидѣли по своимъ хатамъ, у кого была хата, или пропивали въ шинкахъ лѣтнюю добычу, или, пропивши все, до рубахи, „курили по винницамъ горѣлки́, варили по броварнямъ пива́“, служили истопниками въ городскихъ „лазняхъ“ и уже не одежею, а голыми „плечами вытирали сажу“, какъ изображаютъ ихъ наши простонародные Гомеры. Ни одна ватага не нашла себѣ ватажка, никто не „обозвался гетманомъ“ для защиты витебцевъ, которымъ угрожалъ „длинный королевскій мечъ“. Черезъ два мѣсяца и десять дней по убіеніи Кунцевича, спокойно, безъ всякой со стороны козаковъ помѣхи, прибыла въ Витебскъ уполномоченная королемъ коммиссія для разбора дѣла и казни виновниковъ бунта. Во главѣ коммиссіи явился тотъ самый Левъ Сопѣга, который такъ внушительно предостерегалъ Кунцевича и такъ гуманно относился къ угнетенной религіи. Теперь онъ представлялъ собою всю католическую партію. Надобно было показать сеймовымъ защитникамъ православія, что господствующая въ королевствѣ религія дѣйствительно господствуетъ. Надобно было показать и мѣщанамъ, что напрасны ихъ угрозы козаками. Надобно было застращать и схизматика Борецкаго, который, наперекоръ всему строю придворной политики, продолжалъ держать „зараженное неизлечимою ересью“ православіе на высотѣ народной святыни. Молва разгласила, что Витебскъ поднялся не безъ союза съ другими бѣлорусскими городами. Рѣшено было подавить въ Бѣлоруссіи возможность возстанія навсегда. При томъ же, искателямъ хлѣбовъ духовныхъ представился дорогой случай захватить ихъ всѣ разомъ. Еслибы придворная рада Сигизмунда III размышляла спокойно, то и въ такомъ случаѣ консеквентно надлежало бы верховной власти явить надъ Витебскомъ всю строгость оскорбленнаго имъ закона. Но эту шаткую раду экзальтировали іезуиты, и,

кромѣ того, по всей Польшѣ гремѣло воззваніе знаменитаго доминиканца, Фабіана Бирковскаго, котораго и современные намъ поляки называютъ „такимъ же, какъ и самъ Скарга, народнымъ пророкомъ“. [1])

Бирковскаго знали всѣ военные люди. Онъ участвовалъ во всѣхъ московскихъ походахъ, возбуждая народную Немезиду противъ исконныхъ враговъ католичесва и польщизны, противъ „дикихъ звѣрей, которые живутъ только ночью“, противъ „московской фуріи, вѣчно стремящейся въ Польшу“. Онъ былъ популяренъ; онъ былъ любимъ всѣми сословіями, и о его проповѣдяхъ можно сказать, что слово его было со властію. Польская шляхта выслушивала отъ него не однѣ хвалы. Бирковскій, въ восторгѣ отъ ея храбрости, уподоблялъ ея героевъ тѣмъ звѣздамъ, изъ которыхъ каждую Господь зоветъ по имени; но онъ же позорилъ участниковъ Хотинскаго похода, какъ очевидецъ ихъ лагернаго распутства. [2]) Онъ восхвалялъ предпріимчивость фуражировъ, которые „тайными ходниками“, черезъ лѣса, носили въ лагерь живность изъ сосѣднихъ мѣстечекъ и селъ, и тутъ же осмѣивалъ лѣнтяевъ, которые хотѣли, чтобъ имъ летѣли въ ротъ жаренные голуби. Онъ благодарилъ Бога за то, что на волошскихъ горахъ оставилъ онъ довольно травы для своихъ слугъ, и хвалилъ искусство, съ которымъ добывали ее своимъ лошадямъ

---

[1]) Юліанъ Бартошевичъ, Hist. Liter. Polskiej.

[2]) Бирковскій, говорилъ: „I nie godneż woyska nasze tego (т. е. божественной кары), w których wiele było niewiast wszetecznyh, cudzołożnych, z żołnierzem postronnym, ale i z swoim? Co miały niewiasty w obozie czynić? Jaki pośmiech ponosimy dla tey zbrodni od Turkow i Tatarow, między którymy rzymska ona karność po te czasy się znayduie, iż żaney niewiasty na woynę z sobą nie biorą. Jakoż i teraz żadney nie mieli, oprocz branek nędznych z Rusi, których Tatarowie nagnali, iako bydła do taborow tureckich na przeday“!

смѣлые люди; но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣялся надъ шляхтичами, которые убивали все свое состояніе на пріобрѣтеніе добраго коня, въ надеждѣ, что онъ вынесетъ ихъ изъ тѣснаго кутка, а потомъ допустили быстроногихъ товарищей своихъ околѣвать съ голоду. Бирковскій былъ возвышенъ и грубо саркастиченъ въ проповѣдяхъ своихъ. Въ духѣ своей „казнодѣйской" среды, онъ, для извѣстной цѣли, выдавалъ правду за ложь и ложь за правду. Онъ былъ ораторъ фанатизма, и будилъ въ душахъ слушателей энтузіазмъ, достойный лучшаго назначенія. Онъ обладалъ вполнѣ искусствомъ заставить слушать себя. Онъ публикой своей властвовалъ могущественно. И такой то проповѣдникъ написалъ теперь „челобитную" самому Богу отъ всей Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго и отъ всѣхъ вѣрныхъ Божіихъ. Челобитную озаглавилъ онъ такъ; „Голосъ Крови Благословеннаго Іосафата Кунцевича, Полотскаго Архіепископа". Этотъ голосъ вопіялъ у него противъ „Наливайковской секты", которой онъ приписывалъ убійство праведника, и которая жестокосердіемъ своимъ превосходила, по его словамъ, дикихъ звѣрей вавилонскихъ пустынь и африканскихъ степей.

Такимъ образомъ противъ православія, можно сказать, объявлялся крестовый походъ. Дѣло разжиганія международной вражды было въ полномъ ходу. Свѣжія сѣмена кровавой козацко-шляхетской войны засѣвались въ томъ и другомъ обществѣ обильно.

Королевская коммиссія нашла, что въ заговорѣ принимали участіе не только почти всѣ жители Витебска, но даже Орши, Могилева, Полотска и самой Вильны, а зачинщиками заговора признала она писаря Гурка, священника Коменца, бургомистровъ Наума Волка, Семена Нишу и въ особенности

полотскаго лентвойта Петра Васил'вича. [1]) Около ста человѣкъ приговорено къ смерти; но большая часть осужденныхъ успѣла скрыться. Только двадцати отрублены головы на плахѣ передъ ратушею. Имущество всѣхъ конфисковано. Витебскъ лишенъ магдебургскаго права и древнихъ привилегій своихъ; вѣчевой колоколъ снятъ и переплавленъ; ратуша разрушена въ виду рыдавшаго народа. Соборную Пречистенскую церковь, при которой совершено убійство, опредѣлено сломать, съ тѣмъ чтобъ на счетъ горожанъ выстроить новую, большую и великолѣпную, и на колокольнѣ повѣсить колоколъ, вылитый изъ колоколовъ прежней церкви, изъ вѣчевого колокола и тѣхъ, которыми сзывали народъ во время мятежа; надпись на немъ должна была содержать краткую повѣсть объ убіеніи Іосафата. Многихъ горожанъ, признанныхъ менѣе виновными, заключили въ темницу, многихъ наказали плетьми, нѣкоторыхъ осудили на изгнаніе изъ города и государства, а не то сослали на поселеніе въ отдаленные города. Всѣ церкви отданы унитамъ; всѣ безъ исключенія жители Витебска должны были принять унію, чтобъ не осталось въ немъ никакихъ слѣдовъ „Наливайковской секты“, а въ слѣдъ за тѣмъ, королевскими декретами, въ Полотскѣ, Могилевѣ, Оршѣ и Мстиславлѣ, по примѣру Витебска, запрещена схизма, то есть православная вѣра; не дозволено строить и подчинять схизматическихъ церквей; всѣмъ нешляхетнымъ жителямъ Бѣлоруссіи повелѣно принять унію и быть, по дѣламъ вѣры, въ послушаніи новаго полотскаго архіепископа Антонія Селявы.

---

[1]) У Петра Василевича была ссора съ Кунцевичемъ еще въ 1621 году за то, что Василевичъ похоронилъ своего внука безъ священника у приходской церкви, а Кунцевичъ велѣлъ уніятскому попу вынуть мертвое тѣло изъ земли и отпѣть. Василевичъ не допустилъ уніята напутствовать своего внука на тотъ свѣтъ и похоронилъ его въ другой разъ неотпѣтымъ. (Архогр. Сб. I, 163.)

Въ этой политикѣ утвердило короля повелѣніе верховнаго пастыря, которому противиться, даже по мнѣнію Сопѣги, было бы покушеніемъ проклятымъ. Урбанъ VIII, отъ 10 февраля 1624 года, писалъ къ Сигизмунду III: „Кто дастъ источникъ слезъ очамъ нашимъ, чтобы мы могли оплакать жестокость схизматиковъ и смерть полотскаго архіепископа? Вотъ до чего дошла свирѣпость нечестія, которое не насыщается плачемъ невинныхъ, а утоляетъ свою жажду развѣ кровію священниковъ! Святой архіепископъ, почтенный не митрою только, но и добродѣтелями, убитъ въ собственномъ дворцѣ преступнымъ духовенствомъ и свирѣпымъ народомъ. Вотъ ясное доказательство мщенія Божія надъ этими людьми! Дѣло отвратительное для зрѣнія, жалостное для слуха! Слышали мы, что тѣло, которое было храмомъ Святаго Духа, влачили по стогнамъ града руки разсвирѣпѣвшихъ, и говорятъ, что дышавшіе злобою схизматики, по обычаю варваровъ, съ величайшимъ, свойственнымъ нечеловѣческой лютости поношеніемъ, издѣвались надъ тѣмъ, кому, надобно думать, рукоплещущіе ангелы принесли вѣнецъ мученичества. Мы дѣйствительно думаемъ, что церковь можетъ ублажать лучшаго изъ архіереевъ за сію драгоцѣнную смерть, за каковую преимущественно дается небесное наслѣдіе. Но жестокость убійцъ не должна остаться ненаказанною. Тамъ, гдѣ столь свирѣпое злодѣяніе требуетъ бичей мщенія Божія, да проклятъ будетъ тотъ, кто удержитъ мечъ свой отъ крови! Не воздерживайся же, могущественный король, отъ меча и огня. Пусть ересь чувствуетъ, что жестокосердымъ преступникамъ нѣтъ помилованія. Посему да отложитъ ваше величество всякое замедленіе и, воспламенившись благочестивымъ негодованіемъ, да утѣшится слезами нечестивцевъ, наказанныхъ за оскорбленіе религіи“.

Дѣйствительно ли смерть Кунцевича огорчила папу, намъ не извѣстно; но не подлежитъ сомнѣнію, что она обрадовала іезуитовъ. На этомъ событіи построено было много надеждъ. Да и въ самомъ Римѣ думали, что настало наконецъ для Сигизмунда время поразить „чудовище нечестивыхъ догматовъ", эту схизму, которая, какъ издали казалось, „хитро прокралась въ козацкія рады и вооружилась силами храбрѣйшихъ воиновъ на защиту дѣла Сатаны". Папа, наслушавшись ходячихъ между католиками легендъ, писалъ къ королю: „Такъ какъ нечестіе обыкновенно презираетъ угрозы, наказаніями не вооруженныя, то да потщится твое величество, чтобы русскіе лжеепископы, стремящіеся возбуждать волненія и господствующіе въ козацкихъ кругахъ, понесли наказаніе, достойное такого дерзкаго поступка: защищай это дѣло всею твоею ревностью и властію".

И король, какъ мы видѣли, не оказался ниже великихъ надеждъ, возлагаемыхъ на него главою церкви. Но преслѣдовать какую бы то ни было вѣру значитъ—утверждать ее въ оскорбленныхъ преслѣдованіемъ сердцахъ. Ни одинъ шляхтичъ не замѣшанъ въ витебскомъ бунтѣ. Всѣ Корсаки и Щиты, еще недавно отстаивавшіе православіе въ духѣ князя Острожскаго, уклонились отъ общенія съ раздраженными Кунцевичемъ мѣщанами. Какъ на Волыни, въ Галицкой Руси и въ Украинѣ, такъ и въ Бѣлоруссіи, буйная и дерзкая на пирушкахъ, конфедераціяхъ и даже на сеймахъ шляхта вела себя смирно въ виду грубой, неловкой, неразсчетливой, завзятой борьбы мѣщанъ съ иновѣрцами. И что же? черезъ тридцать два года послѣ витебской трагедіи, одинъ изъ уцѣлѣвшихъ уніятскихъ протестовъ противъ схизмы обнаруживаетъ, что мѣщане возымѣли съ того времени вліяніе даже на мѣстную шляхту, привлекли ее къ сообществу въ дѣлѣ

религіи, образовали, при участіи чернецовъ, православную общину среди господствующей уніи и, наконецъ, построили совмѣстно „будку“ или „шопу“ на мѣстѣ той, которая, въ 1624 году, была „роскидана до грунту“ по распоряженію королевской коммиссіи. Между тѣмъ проповѣдники православія, въ родѣ Исаіи Копинскаго, находили между шляхтою и такихъ, которые по старому фундовали монастыри. Именно панъ Стешкевичъ пожертвовалъ на основанный имъ мужской монастырь село Кутейню, а жена его Анна, урожденная Огинская, устроила, въ 1631 году, надъ рѣчкою Кутеенкою, дѣвичій монастырь, оговариваясь въ грамотѣ своей, что это сдѣлано „не зъ чиеі намовы“, но по доброй волѣ своей, дабы оставить по себѣ безсмертную память въ умноженіи хвалы Божіей.

Что православіе находило тайныхъ послѣдователей между запуганными витебцами даже въ самый терроръ по убіеніи Кунцевича,—это весьма естественно. Не менѣе естественно и то, что древняя русская вѣра, хотя бы ее дѣйствительно убили и похоронили вмѣстѣ съ казненными за нее мѣщанами, должна была воскреснуть и въ воскресеніи своемъ привлечь къ себѣ даже и тѣхъ, которые, не участвуя въ убіеніи, допустили убивать ее передъ своими глазами. Слѣдовавшій за религіознымъ терроромъ въ Бѣлоруссіи 1625 годъ былъ временемъ крайняго унынія православныхъ въ самомъ Кіевѣ, временемъ крайняго страха ихъ за свои святилища, даже за собственную жизнь и свободу; но этотъ же годъ, какъ увидимъ, былъ началомъ новой эпохи южнорусской церкви, эпохи ея пророческаго общенія съ православіемъ московскимъ.

Гдѣ же находился Мелетій Смотрицкій во время витебской трагедіи? Католическіе писатели обвиняютъ его въ составленіи заговора на жизнь Кунцевича; но это обвиненіе ни съ чѣмъ

не сообразно. Не въ такой средѣ воспитался онъ, чтобы рисковать собой въ рѣшительную минуту, чтобы воодушевиться духомъ общественной бури, чтобы явиться среди витебскихъ мѣщанъ Савонаролою и, во имя христіянскаго самоотверженія, провозгласить народную свободу. Смотрицкій просто спрятался.

Онъ бѣжалъ съ поприща своей дѣятельности. Онъ боялся за свою жизнь и въ Кіевѣ. Онъ удалился въ Грецію; странствовалъ по восточнымъ патріархатамъ; прислушивался къ вѣстямъ, которыя приходили туда изъ отрозненной Руси; соображалъ возможность и невозможность того или другого хода дѣлъ въ православномъ мірѣ, и наконецъ рѣшилъ, что „не слѣдуетъ нашему народу находиться внѣ церковнаго единенія", такъ какъ „въ скоромъ времени и противъ воли онъ долженъ будетъ принять унію". Это писалъ онъ въ послѣдствіи къ константинопольскому патріарху Кириллу. Совѣсть его успокоилась убѣжденіемъ, что противники православія непреодолимы. По его нравственнымъ правиламъ одного этого было достаточно для того, чтобы, послѣ горячей борьбы за православіе, склониться на сторону уніи; но онъ старался оправдать свое отступничество и другими аргументами. Въ недостаткахъ отдѣльныхъ лицъ сталъ онъ искать недостатковъ самого православія, и наоборотъ, въ нѣкоторыхъ представителяхъ папизма видѣлъ превосходство западной церкви надъ восточною. Мало по малу онъ убѣдилъ себя даже въ томъ, что въ русскомъ православномъ обществѣ „нѣтъ ученаго человѣка"; что „его не найти здѣсь и со свѣчей"; что, будучи „неучами", русскіе люди, только по своей закоснѣлости, „не признаютъ гдѣ бы то нн было кого нибудь мудрѣе себя", и, при всемъ своемъ разномысліи о предметахъ религіи, „хотятъ слыть единомысленными".—„Мы терпимъ такой сильный

и невыносимый голодъ слова Божія (писалъ онъ въ томъ же посланіи къ патріаху по возвращеніи на родину), что отъ него насъ съ каждымъ днемъ и часомъ становится меньше: одни переходятъ къ римлянамъ, другіе къ кальвинцамъ; много есть и такихъ, которые обращались къ анабаптистамъ. Это превращеніе русской церкви съ каждымъ днемъ и часомъ грозитъ ей окончательнымъ разрушеніемъ".

Проведя около трехъ лѣтъ на Востокѣ въ бесѣдахъ съ православными, которые, почти безъ исключенія, были грубоватые, мало свѣдующіе въ западной наукѣ бѣдняки, Смотрицкій отдалъ полное предпочтеніе духовнымъ представителямъ той среды, въ которой онъ провелъ годы своего ученическаго странствованія. Онъ не таился съ новымъ своимъ воззрѣніемъ и внушалъ свои чувства каждому изъ православныхъ, съ кѣмъ приходилось ему бесѣдовать о церкви и вѣрѣ во время пребыванія въ восточныхъ патріархатахъ. Смотрицкій проповѣдывалъ новыя свои убѣжденія тѣмъ ревностнѣе, что, по его сознанію, „на него обращала взоры почти вся русская церковь", такъ какъ (это его подлинныя слова-ми) онъ въ ней былъ то, что между слѣпыми одноглазый. Гордость науки внушала ему презрѣніе къ общественному мнѣнію полуобразованныхъ и вовсе неученыхъ замляковъ его.

Съ такимъ воззрѣніемъ на самого себя и на тѣхъ, съ кѣмъ прежде увлекался энтузіазмомъ стойкости въ отечественномъ православіи, Смотрицкій возвратился въ Кіевъ. Здѣсь между тѣмъ выработалось рѣшительное мнѣніе о его личности. Внимая вѣстямъ, приходившимъ о немъ съ Востока, вспомнили, что, еще въ эпоху политической дѣятельности въ Вильнѣ на защиту православія, онъ хаживалъ тайкомъ въ лагерь противниковъ, именно изъ Святодуховскаго монастыря въ Троиц-

кій, для ученыхъ бесѣдъ съ людьми, которые гнали православіе всего больше изъ презрѣнія къ невѣжеству его пастырей и паствы. Вспомнили также, что было время, когда онъ состоялъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ уніятскимъ митрополитомъ Рутскимъ, и пользовался благосклонностью князя Александра Заславскаго, теперь (съ 1620 года) главы дома князей Острожскихъ. Рутскій съ Заславскимъ пошатнули было Смотрицкаго такъ сильно въ православіи, что братія ратовавшаго за отечественную вѣру Святодуховскаго монастыря предложила ему — или принять монашество, а съ нимъ и отреченіе отъ мірскихъ соблазновъ, или совсѣмъ оставить монастырь, въ которомъ онъ пребывалъ въ качествѣ школьнаго наставника и литератора. Эти воспоминанія освѣтились теперь новымъ свѣтомъ, и сами пролили свѣтъ на перемѣну въ образѣ мыслей того, кого прежде энтузіасты древняго русскаго благочестія „ставили наравнѣ съ Іоанномъ Златоустомъ". Когда онъ прибылъ въ Кіевъ, печерскій архимандритъ Захарія Копыстенскій не дозволилъ ему остановиться ни въ одной изъ „печерскихъ обителей", какъ назывались тогда кіевскіе монастыри.

Это довершило совращеніе Смотрицкаго въ унію. Онъ обратился къ наслѣднику князей Острожскихъ, подъ вліяніемъ котораго находился уже однажды, и продалъ себя за богатый Дерманскій монастырь, окруженный со всѣхъ сторонъ первобытными лѣсами, живописными горами, фруктовыми садами и виноградниками.

Такъ какъ на Смотрицкаго дѣйствительно было обращено вниманіе почти всего православнаго общества, яко на человѣка весьма ученаго и талантливаго, то Заславскій, вмѣстѣ съ своимъ совѣтникомъ Рутскимъ, рѣшилъ, чтобы, для большаго успѣха дѣла, Смотрицкій оставался тайнымъ уніятомъ. Съ

другой стороны, такіе люди, какъ Іовъ Борецкій, дорожа его авторитетомъ, не отталкивали его отъ себя подобно суровому иноку Копыстенскому, и продолжали имѣть съ нимъ общеніе. Паписты надѣялись, что онъ, входя въ лагерь ихъ противниковъ, какъ свой между своихъ, произведетъ въ немъ нравственное раздѣленіе на ся. Православники надѣялись, что онъ, видя ихъ апостольское самоотверженіе въ пользу истинной вѣры, опомнится отъ увлеченій пылкаго ума. Въ худшемъ случаѣ, для ихъ дѣла было полезно уже и то, что Смотрицкій не вдругъ представитъ поощрительный для другихъ примѣръ отступничества. Будучи политиками въ свою очередь, они старались изгладить въ умахъ вредоносное впечатлѣніе, произведенное недостаткомъ стойкости со стороны Смотрицкаго въ бурное время витебщины и его трусливымъ изчезновеніемъ съ театра дѣйствія, по однимъ толкамъ о его участіи въ заговорѣ на жизнь Кунцевича. Вернемся къ этому времени.

Смотрицкаго не было въ Бѣлоруссіи въ прискорбный, для православной церкви день мученичества ея гонителя. Онъ, вмѣстѣ съ Іовомъ Борецкимъ, находился тогда въ Варшавѣ, стараясь убѣдить правительство Сигизмунда III въ его близорукости относительно церковнорусскаго вопроса. Борецкій и Смотрицкій, какъ видно, пользовались всегдашнимъ преимуществомъ гонимыхъ передъ гонителями относительно чуткости къ угрожающей бѣдѣ. Еще Варшава не знала о томъ, что совершилось въ Витебскѣ, какъ они оба бѣжали въ недоступныя для королевскаго фанатизма украинскія пустыни. По ихъ слѣдамъ, какъ это было естественно, шла преувеличенная молва объ ихъ кровавыхъ козняхъ, объ ихъ страхѣ законной кары, о наступленіи господствующей въ государствѣ церкви на церковь, заподозрѣнную не только въ мѣ-

щанскихъ, но и въ козацкихъ бунтахъ. Дѣло православія считалось тогда потеряннымъ у всѣхъ, кто воображалъ, что для центральной власти нѣтъ ничего невозможнаго въ провинціяхъ. Люди характера героическаго присмирѣли; люди что называется себѣ на умѣ приподнялись и выпрямились въ толпѣ. Въ слѣдствіе такой перемѣны въ настроеніи общества, кіевскій войтъ Ѳедоръ Ходыка съ нѣсколькими мѣщанами и однимъ совратившимся въ унію попомъ, желая показать предъ правительствомъ такъ называемое похвальное рвеніе, стали печатать въ Кіевѣ православные церкви, яко противузаконныя, и при этомъ позорили имя митрополита, представляя его бунтовщикомъ, заговорщикомъ, врагомъ отечества. Моментъ былъ крайне опасный. Восторжествуй въ это время окончательно Ходыка и другіе благонамѣренные предатели, Кіевъ постигнула бы надолго, если не навсегда, печальная для православія судьба бѣлорускихъ городовъ. Даже и Печерскій монастырь, воспротивившійся при Никифорѣ Турѣ волѣ Сигизмунда III, могъ бы теперь очутиться въ рукахъ уніятовъ, по большинству голосовъ его собственныхъ „застолпниковъ“. Съ большинствомъ голосовъ нечего было бы дѣлать не только мѣщанамъ и козакамъ, но даже и православнымъ дворянамъ, которые, въ союзѣ съ панами диссидентами, отстаивали противъ короля и его католической рады древнія русскія святыни, сдѣлавшіяся для нихъ почти что чужими и важныя лишь по соединеннымъ съ ними фамильнымъ интересамъ. Въ этотъ критическій для южнорусскаго православія моментъ спасла его только крайность, до которой былъ доведенъ глава православной іерархіи, Іовъ Борецкій. Борецкій видѣлъ, какъ оживилась дѣятельность поборниковъ уніи, имѣвшихъ теперь своего мученика въ лицѣ Кунцевича. Онъ съ ужасомъ наблюдалъ

вліяніе, производимое такими людьми, какъ Фабіанъ Бирковскій, на польское общество, къ которому, по школьнымъ, сеймиковымъ, родственнымъ и имущественнымъ связямъ, принадлежало и русское дворянство въ Рѣчи Посполитой. Наконецъ, папская булла не только поощряла, но и освящала всякое насиліе надъ православіемъ во имя общественнаго спокойствія, во имя государственной чести и самого христіянства. Православіе, доселѣ, можно сказать, безобидное въ своей стойкости, явилось, передъ глазами всѣхъ простодушно или умышленно легковѣрныхъ, съ окровавленными руками, и какъ будто оправдывало чудовищное значеніе, которое уніяты, десять лѣтъ назадъ, придали ему въ книгѣ, изданной подъ заглавіемъ Воскресшій Наливайко. Изчезновеніе Смотрицкаго; возгласы противниковъ русской вѣры; боязливость однихъ и подлая угодливость грубой силѣ другихъ,—все вмѣстѣ заставило Борецкаго, какъ онъ писалъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу, вспомнить реченное: „укрыйтеся въ малѣ, дондеже мимо идетъ гнѣвъ", и спрятаться „подъ крылѣ христолюбиваго воинства черкасскихъ молодцовъ". [1]) Въ переводѣ на прозаическій языкъ московскихъ вѣстовщиковъ это значило: что Іовъ Берецкій, въ Филипповъ постъ 1624 года, написалъ за Пороги къ козацкому гетману о замыслѣ поляковъ, какъ назывались преимущественно отступники православія, „ломать христіянскую вѣру" въ Кіевѣ; что гетманъ прислалъ двухъ полковниковъ, Якима Чигринца да Антона Лазаренка, и велѣлъ имъ собраться съ козаками, проживавшими въ окольныхъ кіевскихъ городахъ, на защиту кіевскихъ церквей; что козаки явились на призывъ запорожскихъ полковниковъ, распечатали церкви и схватили Ходыку съ его соумышленни-

---

[1]) См. Матер. для Ист. Возс. Р. т. I, докум. XV.

ками мѣщанами, а отступнику попу, Ивану Юзефовичу, отсѣкли тутъ же голову. [1])

Козаки всегда внимали охотно подобнымъ призывамъ. Поэтому и теперь, нагрянувши въ Кіевъ (не извѣстно, въ какомъ числѣ), распорядились что называется по свойски, и наградили себя при этомъ за ревность къ Божію дому обычнымъ у нихъ въ подобныхъ случаяхъ грабежемъ крамныхъ коморъ и мѣщанскихъ дворовъ. Борецкій чуждался грубыхъ мѣръ и конечно не имѣлъ въ виду такого способа защиты кіевскихъ святынь; но болѣе соотвѣтственныхъ защитниковъ у него не оставалось. Только князь Христофоръ Радивилъ, глава протестантскаго движенія въ Бѣлоруссіи, былъ преданъ ему, какъ сотоварищу въ борьбѣ съ папизмомъ; но Радивилъ былъ далеко, и могъ работать лишь для его личной безопасности въ правительственной средѣ. Волей и неволей, Борецкій долженъ былъ сдѣлать реальной жизни уступку, какихъ она требуетъ почти отъ всѣхъ великодушныхъ и возвышенныхъ идеалистовъ: сохраняя высокое и святое для грядущихъ поколѣній, Борецкій низвелъ его временно до нравственнаго уровня массы. Но невольная прикосновенность къ слѣпой козацкой завзятости до того была противна его понятіямъ о православіи, что онъ въ многочисленныхъ письмахъ своихъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу, къ московскому патріарху Филарету Никитичу и къ другимъ знатнымъ лицамъ не упомянулъ о ней ни единымъ словомъ.

При такихъ то обстоятельствахъ, когда въ Украинѣ происходили религіозныя и общественныя смуты, о Мелетіи-Смотрицкомъ получались извѣстія съ Востока, вовсе не утѣшительныя для православнаго общества. Отъ людей, подобныхъ

---

[1]) Кіевскія Еп. Вѣд. 1873, № 17.

ученому Копытенскому, они переходили къ полуграмотнымъ чернецамъ, а отъ чернецовъ — къ козацкой старшинѣ, которая, предводительствуя вѣдомыми всему христіянскому свѣту разбойниками и грабителями, [1]) тѣмъ еще заботливѣе ввѣряла попеченіе о своихъ грѣшныхъ душахъ людямъ, славившимся святостію христіянской жизни. Козаки, въ лицѣ своихъ вождей, которыми обыкновенно бывали у нихъ шляхтичи да изгнанные изъ магистратскихъ лавицъ мѣщане, до такой сте-

[1]) Въ исторической литературѣ сохранилось множество свидѣтельствъ о варварскихъ поступкахъ нашихъ козаковъ съ христіянами. Здѣсь приводятся два разсказа очевидцевъ, изъ которыхъ одинъ былъ очевидцемъ ихъ жестокостей въ Московскомъ царствѣ, а другой—въ Австріи.

Въ рукописи 1618 года, хранящейся въ соборѣ города Михайлова, читаемъ:

„Въ лѣто 7126 (1618) Король Польскій и Литовскій Жигимонтъ, посла сына своего Владислава со многими людьми и вои подъ царствующій градъ Москву, а на украйну посла Гетмана именемъ Петра Конашевича Сагайдачнаго и съ нимъ запороги до двадесяти тысящъ, который яко начальной сему всепагубному воровству и разоритель Московскаго Государства, внезапу пріиде съ вои своими на Христово стадо, и яко зміи и лютіи волцы хмизницы, нападоша на градъ Ливны и Елецъ, и разоренію предаша; люди же Божіи, вкупѣ съ женами, дѣтьми, усты меча поядоша, и сихъ кровію землю обагриша, а монастыри и церкви Божіи расхитиша и огнемъ сожгоша. Но еще злочестивіи крови христіянскія не насытишася. Михайла Дорошенко Цапырковъ и товарищи его со многими вои пріидоша, грады поплѣниша Лебедянь, Донковъ, Скопинъ, Ряской, а мужи, жены, до ссущихъ младенецъ, многими муками, мучаще, посѣкоша, и нападоша на область Рязанскую, посады пожгоша, люди и священники побиша. Самъ же окаянный всепагубный врагъ Петръ Сагайдачной внезапу пріиде съ Ельца въ Шацкой градъ и въ Донковъ, и отпусти предъ собою подъ градъ Михайловъ полковника Милостиваго, а съ нимъ тысящу человѣкъ, и повелѣлъ ему нощію пріити безвѣстно и взяти градъ Михайловъ украдомъ. И въ той же день внезапу пріидоша во градъ Сапожковскаго города ратныя люди, кои шли съ службы, и, вышедъ съ вои, сущими во градѣ, побѣдиша воюющихъ запорогъ и побиша множество; полковникъ же Милостивой отъиде отъ града съ великимъ страхомъ“.

Въ I-мъ томѣ замѣнявшаго изданіе газетъ „Theatrum Europaeum“

пени было вооружены противъ Смотрицкаго, по распространеннымъ въ ихъ средѣ чернецами слухамъ, приходившимъ о немъ съ Востока, что Смотрицкій могъ пребывать безопасно на Украинѣ только среди иночествующей братіи. Отвергнутый

напечатанномъ Іоганномъ-Филиппомъ Абелинусомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1634 г., подъ 1620 годомъ, на стр. 343—349, читаемъ:

„Der in der Articulu dess Stillstandes angeregte Land-Tag ist zu Newensol zu Eingang dess Junii zu halten angefangen worden.— —Bald darauff haben die Cossaggeu ein feindlichen Einfall in Ungarn und darbey grossen Schaden gethan: Sind aber hesslich empfangen und geschlagen, auch ihrer viel gefänglich nach Newensol gebracht, hernacher aber nach Caschaw zur Arbeit an der Vestung geschickt worden. Diesen Einfall hat man dem Polnischen Abgesandten höchlich verwiesen, welcher zwar seinen König entschuldigen wollen, als wäre es ohne desselben Wissen geschehen, hat aber damit nichts erhalten mögen, weil man bei einem erschossenen Cossaggen ein Packetlein Schreiben gefunden, darunter in einem der Königin Polen selbsten dem Keyser zugeschieben, er habe dieses Volk ihme zum besten werben lassen, und heraus in Ungarn geschickt.— —

„Dieweil die Feindlichkeit in Ungarn auffgehöret, und Stillstand der Waffen, wie zuvor gemeldet, gemacht worden, haben di Cossaggen, welche in Polen wider die Ungarn und Siebenbürger sich zugethan, den Kopf nach Oesterreich gewendet, in grosser Eyl bey 4.000 stark durch die Marggrafschafft Mähren gezogen, dann sie etliche Fuhrer bey sich gehabt, so Nacht und Tag ihnen den Weg nach Oesterreich vorgeritten. Haben nirgends, als wann sie gefüttert, sich aufgehalten, alle Brücken, damit man ihnen nich nachsetzen könne, hinter sich abgeworffen, unterwegens viel reiche Orth und Flecken, auch das Stattlein Meseritsch, in welchem sie eben damals eines vornehmen Land-Herrn Hochzeit angetroffen, überfallen und geplundert, und also auss dem Land, und sonderlich auss diesem Stättlein und von dem Hochzeitgästen, weil man sich ihrer nicht versehen, ein grosses Gut von Kleinodien und anderm davon gebracht, so sie nachmalen zu Wien umb gar geringen Preiss verkaufft.

„Die Mährer——sind ihrer zu spat innen worden, nichts desto weniger aber ihnen starck angesetzet, und sie endlich in Oesterreich nicht weit von der Dhonaw umb Mitternacht angetroffen, unverwarntes Sachen, weil sie keine Schildwachten gehalten, überfallen, und ihrer fast bey hausend erschlagen; die übrigen haben sich in die Dhonaw begeben, und mit grosser Verwunderuug übeschwemmet, und nach Wien kommen, daselbst sie in die Vorstätte einlosiret worden.

кіевскими монастырями и сдѣлавшись тайнымъ уніатомъ, онъ, какъ уже сказано, продолжалъ внѣшнее общеніе свое съ кіевскими борцами за православіе, которые, по смерти Копыстенскаго, послѣдовавшей въ 1626 году, приглашали его

„Diese Cossaggen haben nachmalen in Unter-Oesterreich übel gehauset und grossen Schaden gethan, auch mit den Inwohnern, ohne Unterschied der Religion jämmerlich umgangen. Desswegen viel Landvolk mit Weib und Kinder ihre Wohnungen verlassen, und sich zum theil in die Wälde, zum theil in die Awen begeben, so hernach theils Hungers gestorben, theils erfrohren, also dass man an etlichen Orten deren eine zimbliche Anzahl dodt gefunden: Auch zu vielen so in die Awen geflohen, sind die Cossaggen übergesetzt und sie niedergehawen.

„Weil nun mitler Zeit den Schlesiern Zeitung kommen, dass noch etliche tausend Cosaggen Ihren Keyserl. Majästät zu Hülf herauss zu brechen Willens weren, haben sie das Auffbott ergehen lassen, und viel Volks versamblet, und darneben von solchen Dingen dem Gabriel Bethlem Bericht gethan, und ihm um Hülff angeruffen. Der hat alsobald dem König im Polen vermelden lassen, er wollte dergleichen Einfäll in sein Land durch sein Volk anstellen, wie auch durch Türken und Tartaren, wo er ferrner Feindlichkeiten gegen ihm und dem Confoederirten Ländern verüben lassen würde. Wönig Sigismund aber hat sich höchich darüber entschuldiget, mit Vermelden, dass solche Impressa ohne sein Vorwissen geschehen were.— —

„Umb die Zeit, als Rastenberg eingenommen worden, sind wieder in 1500 Cossaggen, welehe allenthaben, auss Polen kommen, die haben abermals durch Mähren ins Unter-Oesterreich durchbrechen wollen. Aber die Schlesische und Mährische Ritterschaft haben sie an einem Wasser, darüber sie setzen wollen, ereylet, über acht hundert erlegt, und stattliche Beuthen bey ihnen gefunden: Die übrigen haben sich in die Wälde zerstrewet, darvon auch von der Bawren viel erschlagen worden: Theils sind den Schesiern im Zurückziehen wieder in die Hände gerathen, die ihrer über fünftzig an die Bäum gehencket: Der Rest, so etwan von 300 gewesen, ist mit genawer Noth über Berg und Thal nacher Wien entkommen.

„Bald hernach ist wieder ein Hauffen, etwan von 1.300 im Oppelischen Refier mit Flossholz über die Oder kommen, die siend aber auch von dem Schlesischen Obristen Leutenant Henneberger, drey Meilen hinder Jägerndorff überfallen, und theils erschlagen, theils an die Galgen und Bäume auffgehencket worden.

„Und ob wol viel Cosaggen in kurzerr Zeit auffgerieben worden, hat man doch, sonderlich in Schlesien jhnen nicht gnugsam wehren können,

останавливаться даже въ Печерской лаврѣ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ и слывя человѣкомъ святой, подвижнической жизни, Смотрицкій разлагалъ православныя мнѣнія

---

dann sie bald hie, bald da eingefallen, viel Dörfer und Höff geplündert, sonderlich hat eine Compagnie in tausend starck gegen Namschla übel gehauset Impressa aut Brieg vorgenommen, weil aber die Brücke zu Schwanenwitz abgeworfen gewesen, und sie nicht über das Wasser, kommen können, haben sie unverrichter Sachen abweichen müssen. Auff dem Land ist dadurch allenthalben grosse Furcht entstanden, und haben die Inwohner jhre besten Sachen an sichere Orth, und sonderlich nacher Bresslaw geschaffet.

„In Oesterreich haben auch dieser Zeit die Wallonen den Inwohnnern viel Trangsal angethan: doch haben die Cosaggen es viel ärger gemacht und weder der Ewangelischen noch der Catholischen verschonet: Wie sie dann zu Anfang dess Mäyens den Marktflecken Stockeraw, an der Donaw gelegen, welches nicht allein in Keiserlich Cammergut, sondern auch darinner lauter Catholihe Bürger gewohnet, die allezeit jhrem Landes-Fürsten getrew verblieben überfallen, geplündert und in Brand gesteckt, und weil niemand leschen dörffen, hat solcher Brand zween Tag und Nacht gewähret. Nachmalen haben sie etliche andere Dörfler jenseith der Donaw ganz in die Aschen gelegt, der Stätte und Schösser so sie eingenommen haben sie zwar mit Brand verschonet, aber sonsten übel genug darinn gehauset“.

Слѣдуетъ прошеніе жителей къ императору Фердинанду II, въ которомъ они жалуются на свои бѣдствія отъ воинственной сволочи. Die undisciplinirte Soldaten (писали они), sonderlich die Cossaggen, dergleichen unerhörte Thaten zu verüben kein Entsetzen gehabt. noch einig Schew getragen– —Knaben und Weibs-Personen schröcklicher Schändung hinweg geführet, die Leut, Jung und Alt, Weib und Mann auff allerley grausame Weiss gemartert, ihnen das Fleisch mit Zangen vom Leib gerissen, in die Kinbacke Schinbein und Kniescheibe geborht, sie an Hälsen, Händen und Füssen, ja gar an heimlichen Gliedern auffgehenckt, Frauen und Jungfrauen, ja gar unzeitige Kinder biss auf den Todt geschändt, schwangern Weibern Feuer so lang auffgelegt, biss man die Frucht im Leib sehen konnen, und Mutter und Kind todt geblieben, Alte und Junge, hohes und niders Stands, geist und weltliche Personen, ohne Unterschied vorgewältigt, und viel tausend Unschuldige erschröcklich ermordt, theils in ihren Schössern jämmerlich umgebracht, theils mit ihren Adelichen Frauen und Kindern biss auff das Hembd aussgezogen, die Leut so in die Awen geflohen, nicht sicher seyn lassen, sondern zu ihnen hinüber gefahren, und sie ganz erbärmlicher Weiss niedergehaut“.

осторожно и послѣдовательно въ интимныхъ бесѣдахъ съ избранными людьми, а между тѣмъ готовился нанести православію ударъ, отъ котораго оно должно было разрушиться, какъ измышленіе народа, по его словамъ, „глубоко падшаго". Ударъ долженствовала нанести книга его, рекомая Апологія, въ которой онъ изобразилъ всѣ заблужденія православной церкви, проникнутыя духомъ протестантизма, или же исполненной невѣжественныхъ понятій о религіи. Этой литературной работѣ, имѣвшей значеніе подводимой подъ церковь мины, помогалъ Смотрицкому другой отступникъ православія, почти столь же ученый и талантливый во мнѣніи современнаго общества, какъ и онъ самъ, Кассіанъ Саковичъ, бывшій префектъ кіевобратскаго училища, издатель хвалебной книжницы: „Вирши на жалостный погребъ Петра Конашевича Сагайдачнаго". Саковичъ, такъ же, какъ и Смотрицкій выработалъ свои правила жизни въ домѣ знатнаго православнаго пана, именно въ домѣ знаменитаго въ послѣдствіи Адама Киселя, гдѣ былъ домашнимъ учителемъ, и такъ же, какъ Смотрицкій, оставилъ свой постъ подъ вліяніемъ паники, распространенной въ Кіевѣ витебскою трагедіею. Увидѣвъ своего вождя, Іова Борецкаго, въ положеніи крайне невѣрномъ, почти гибельномъ, онъ принялъ сторону церкви, покровительствуемой королемъ, и получилъ отъ наслѣдника дома и имени Острожскихъ дубенскую архимандрію въ награду за отступничество отъ того православія, которое недавно превозносилъ и въ прозѣ и въ стихахъ. Но по отношенію къ Смотрицкому Саковичъ является повтореніемъ Гедеона Болобана, который, будучи другомъ Кирилла Торлецкаго, старался уронить его во мнѣніи патріарха Іереміи. [1])

---

[1]) См. т. I стр. 247.

Печатая во Львовѣ „Апологію" Смотрицкаго, Саковичъ сообщилъ тайкомъ въ Кіевъ печатные листы этого пасквиля на православіе. Очевидно, что ему надобно было такъ или иначе погубить своего совмѣстника: явленіе въ его іезуитски набожной средѣ нерѣдкое.

Слухъ о томъ, что Смотрицкій письменно, по назначенной формулѣ, исповѣдалъ уніятскую вѣру передъ Рутскимъ, ходилъ уже по Кіеву. Тамъ говорили, что, только изъ разсчета на болѣе вѣрный успѣхъ уніи, Смотрицкому дозволено, покамѣсть, на богослуженіи поминать іерусалимскаго патріаха, но что отъ Смотритцкаго, Рутскаго и Александра Острожскаго отправлены между тѣмъ письма къ папѣ Урбану VIII, къ конгрегаціи de propaganda fidei и къ протектору польской Руси, кардиналу Бондини, съ просьбою о принятіи православнаго архіепископа въ нѣдра латинской церкви. Эти слухи и толки дали поводъ къ осужденію самого Іова Борецкаго и печерскаго архимандрита Петра Могилы за ихъ дружескія отношенія къ Смотрицкому. Дошло до того, что Исаія Копинскій напечаталъ съ горяча посланіе къ русскому народу, въ которомъ не обинуясь говорилъ, что Борецкій, Могила и Смотрицкій сносятся съ отступникомъ Рутскимъ и замышляютъ унію по примѣру Рогозы, Терлецкаго и Потѣя.

Для совѣщаній объ успокоеніи умовъ, Борецкій еще въ маѣ 1628 года разослалъ ко всѣмъ церковнымъ братствамъ кіевской митрополіи приглашеніе прислать въ Кіевъ своихъ выборныхъ для присутствованія на соборѣ духовенства, долженствовавшаго съѣхаться къ храмовому празднику Успенія въ Печерскій монастырь. По словамъ окружного посланія, въ теченіе восьми лѣтъ новаго существованія православной митрополіи, окруженной со всѣхъ сторонъ непріязнію видимыхъ и невидимыхъ враговъ, не могли собраться „до купки" пред-

ставители св. благочестія не только со всѣхъ „краинъ“, но и отъ „чолнѣйшихъ епископскихъ особъ“ и церковныхъ братствъ, хотя многократно были къ тому приглашаемы. [1]) Въ посланіи высказывается такимъ образомъ трудное положеніе передовиковъ православія среди возмутительныхъ толковъ, клеветъ и возбужденной подозрительности православнаго общества. И въ такое то время получены были въ Кіевѣ отпечатанные листы Апологіи (Apologia Peregrinacij do Stron Wschodnich).

Они произвели въ православной средѣ сильное волненіе. Особенно злились на Смотрицкаго атаманы запорожскихъ козаковъ, съѣзжавшіеся къ дню Успенія на храмовой праздникъ въ Печерскую лавру. Это были руки, посредствомъ которыхъ мстительные монахи не впервые загребали жаръ. Самъ Копинскій, публикуя свое посланіе къ русскому народу, имѣлъ въ виду козацкихъ вождей, съ которыми старался быть въ дружбѣ и которымъ, сколько извѣстно, онъ первый внушилъ мысль—въ случаѣ бѣды, искать московскаго подданства. Атаманы льнули къ нему, яко къ святому молитвеннику о козацкихъ грѣхахъ; но Борецкій пользовался репутаціею еще болѣе святого человѣка. Для діавола особенно интересно поселять зависть въ сердцахъ соискателей высшаго достоинства, на какое когда либо претендовалъ человѣкъ, и въ этомъ случаѣ самоотверженный аскетъ Исаія доставилъ Божію противнику полное торжество. Въ православной средѣ господствовалъ разладъ, и ревностные подражатели евангельскаго раба Малха, запорожскіе козаки, готовы были повторить надъ новыми отступниками православія казнь, постигшую уже не одного уніята. Они жестоко поплатились на Медвѣжьихъ

[1]) Археогр. Сб. II, 39.

Лозахъ за вмѣшательство въ правительственныя дѣла; но подобное кровопусканіе угомоняло козаковъ лишь на время. Монастырскіе пріятели внушали имъ, что они клали головы свои въ битвахъ съ ляхами за святое благочестіе, и добычникамъ нравилось разыгривать отъ времени до времени роль защитниковъ церкви, хотя бы жертвами ихъ защиты были и такіе люди, какъ Борецкій и Могила. Судя по жалостному письму кіевскаго митрополита къ московскому царю о тиранніи клеветы, которой онъ митрополитъ подвергается со всѣхъ сторонъ, въ Кіевѣ можно было ожидать всевозможныхъ ужасовъ отъ слѣпыхъ орудій монастырской сварливости. Только полученные листы „Апологіи", къ общему благополучію, обратили всю козацкую злобу, вмѣсто троихъ іерарховъ, заподозрѣнныхъ въ уніи, на одного. Теперь запорожскіе атаманы, собиравшіеся на богомолье къ храмовому празднику „Пречистой", только о томъ и говорили, какъ имъ покарать предателя Смотрицкаго: начинить ли его тѣломъ утробы днѣпровскихъ осетровъ, какъ это сдѣлано съ Грековичемъ, или же отсѣчь голову, среди кіевской улицы, какъ это они совершили надъ отпавшимъ въ унію попомъ Васильевской церкви, Иваномъ Юзефовичемъ. [1])

Ничего не подозрѣвая, Смотрицкій, по своему обыкновенію, спѣшилъ въ православное собраніе, чтобы закинуть въ немъ свои римскія мрежи на уловленіе душъ человеческихъ, и направлялся прямо въ Печерскую лавру, гдѣ всегда находилъ и соотвѣтственное его сану помѣщеніе, и радушное гостепріимство. Но надъ его жизнью бодрствовалъ дѣятельный умъ Борецкаго. Митрополиту было извѣстно, что „черкаскіе молодцы" держатъ козацкую „чату" на дорогѣ, которая шла

) Кіевскія Еп. Вѣд. 1873, № 17.

тогда черезъ густой лѣсъ изъ Стараго Кіева къ Печерскому монастырю. Предупреждая позорную для православія катастрофу, онъ поставилъ своихъ людей у Золотыхъ Воротъ и велѣлъ проводить Смотрицкаго въ свою резиденцію, въ Михайловскій монастырь.

Это было 13-го августа, въ среду по полудни, когда соборъ православныхъ архіереевъ и архимандритовъ открылъ уже свои засѣданія. Лишь только Смотрицкій расположился въ Михайловскомъ монастырѣ, къ нему явилось отъ собора посольство съ грознымъ вопросомъ: остается ли онъ при томъ оскорбительномъ взглядѣ на православіе, который высказанъ въ его „Апологіи“? Изъ объясненій съ посольствомъ Смотрицкій понялъ свое положеніе. Видя себя въ козацкой землѣ, и зная короткій козацкій судъ надъ заподозрѣнными въ папизмѣ православниками, онъ разыгралъ роль человѣка ни въ чемъ неповиннаго. Съ изумленіемъ и негодованіемъ, въ извѣстномъ смыслѣ искреннимъ, Смотрицкій объявилъ, что Саковичъ, безъ его вѣдома, подѣлалъ въ его книгѣ антиправославныя приписки. Онъ просилъ допустить его для оправданія на соборѣ, зная, что тамъ его жизнь все таки будетъ ограждена отъ грубыхъ ревнителей православія, которые, по видимому, готовы были вторгнуться даже и въ обитель своего митрополита. Депутаты собора не получили инструкціи взять его съ собой въ Печерскій монастырь. Смотрицкій провелъ остатокъ дня, ночь и слѣдующее утро въ мучительной неизвѣстности о своей участи. Разсказы монаховъ и собственныхъ слугъ его о козацкихъ угрозахъ заставляли трепетать его сердце, дерзновенное въ однихъ случаяхъ и трусливое въ другихъ.

На слѣдующій день пришелъ къ нему кіевскій козакъ Соляникъ съ своимъ товарищемъ и прочелъ ему, какъ описывалъ

потомъ самъ Смотрицкій, „по козацки“ длинную рѣчь, которую заключилъ слѣдующими словами: „Мы пріобрѣли эту святыню (то есть православіе) нашего кровью, хотимъ и запечатлѣть ее или собственною кровью, или кровью тѣхъ, которые бы стали пренебрегать ею или отступать отъ нея“. Въ качествѣ богослова и человѣка цивилизованнаго, Смотрицкій отзывался съ презрѣніемъ о тѣхъ, которые отличались въ благочестіи ревностью не по разуму. Этотъ народъ (говорилъ онъ) не знаетъ ни „Отче нашъ“, ни „Вѣрую“, ни „десяти Заповѣдей“ и живетъ по скотски, но заставляетъ поповъ плясать подъ свою дудку. Однакожъ, при всемъ своемъ презрѣніи къ козацкой теофаніи, онъ долженъ былъ выслушать проповѣдь смиренно. Довольный произведеннымъ на него впечатлѣніемъ, проповѣдникъ удалился, безъ дальнѣйшихъ оскорбленій ученому архіепископу. Въ слѣдъ за тѣмъ, Смотрицкому, къ величайшей его радости, сказали, что пріѣхалъ въ монастырь митрополитъ съ тремя епископами и пошелъ въ церковь. Смотрицкій поспѣшилъ къ нимъ—скорѣе подъ защиту, чѣмъ для оправданія.

Борецкій обошелся съ нимъ холодно, но тотъ часъ же выслалъ изъ церкви всѣхъ мірянъ. Два человѣка не вдругъ подчинились приказанію митрополита и вышли нехотя. Это былъ Соляникъ и его товарищъ. Оставшись въ кругу своихъ, Борецкій сказалъ Смотрицкому, что въ его „Апологіи“ говоритъ духъ нечистый и гордый, и что онъ въ церковь хочетъ ввести папскую манихейскую и сабелліанскую ересь. Смотрицкій оправдывался, какъ умѣлъ; но ему ни въ чемъ не вѣрили. Онъ былъ человѣкъ потерянный въ общественномъ мнѣніи. Только изъ политики, въ избѣжаніе соблазна, предложили ему отречься публично отъ „Апологіи“ и навсегда остаться въ Кіевѣ. Онъ долженъ былъ и на это

согласиться, спасая жизнь цѣною униженія. Тогда повезли его въ Печерскій монастырь.

Лишь только Смотрицкій появился въ „великой церкви", его повели въ алтарь и предложили къ подписанію такъ называемую ревокацію, или отреченіе. Смотрицкій подписалъ, скрѣпилъ подпись приложеніемъ своей печати и поклялся не выѣзжать изъ Кіева въ Дермань. Послѣ этого, для успокоенія православной паствы, Іовъ пригласилъ Смотрицкаго принять участіе въ божественной литургіи. По прочтеніи Евангелія, Смотрицкій взошелъ на амвонъ и прочелъ въ слухъ народа подписанный имъ въ алтарѣ документъ, который гласилъ слѣдующее:

„Я, Мелетій Смотрицкій, Божіею милостію Архіепископъ Полотскій, будучи подозрѣваемъ всею нашею Русскою Церковію въ отступничевствѣ отъ православной вѣры Греческой Восточной Церкви, а по случаю изданія подъ моимъ именемъ Апологіи, еще сильнѣе заподозрѣнный въ этомъ, торжественно объявляю всей Русской Церкви, въ лицѣ присутствующихъ теперь въ Печерскомъ монастырѣ и въ церкви Успенія Божіей Матери, что отъ части самъ виноватъ въ такомъ заблужденіи противъ православныхъ догматовъ; но большую часть этихъ заблужденій я считаю произвольнымъ вымысломъ того лица, которому я поручилъ изданіе Апологіи, на польскомъ языкѣ; именно они внесены съ злымъ умысломъ начальникомъ Дубенскаго Преображенскаго монастыря, Кассіаномъ Саковичемъ. Сознаваясь въ этихъ заблужденіяхъ противъ догматовъ Православной Церкви, молю Господа Бога быть милостивымъ къ моимъ грѣхамъ, а всей Русской Церкви добровольно обѣщаюсь и на будущее время всѣми силами остерегаться этого. Во свидѣтельство моего раскаянія передъ Св. Церковію, я торжественно вызсказываю

мое презрѣніе къ Апологіи, раздираю и попираю ее ногами, подъ опасеніемъ клятвы, которую я далъ Господу Богу въ тотъ часъ, когда, въ присутствіи святѣйшаго моего Господина и другихъ Архіереевъ нашей Русской Церкви, былъ посвященъ въ Архіепископа святѣйшимъ Іерусалимскимъ Патріархомъ, Господиномъ и Отцемъ Θеофаномъ, подъ власть святѣйшаго Константинопольскаго Патріраха. 1628 г. 14 августа".

Въ слѣдъ за тѣмъ печерскій архимандритъ Петръ Могила роздалъ всѣмъ архіереямъ листы „Апологіи" и свѣчи. Митрополитъ, вмѣстѣ съ луцкимъ епископомъ Исакіемъ Борисковичемъ, вышелъ на амвонъ, произнесъ проклятіе на „Апологію", на дубенскаго архимандрита Кассіана, разорвалъ бывшій у него въ рукахъ листъ этого еретическаго сочиненія, попралъ его ногами и погасилъ свою свѣчу. То же самое сдѣлали и всѣ архіереи вмѣстѣ съ самимъ Смотрицкимъ, при пѣніи клира анаθема!

Но, отдѣлавшись отъ козацкихъ угрозъ позоромъ, Смотрицкій воспользовался первою возможностью ускользнуть изъ Кіева. Въ слѣдъ за тѣмъ выпустилъ онъ въ свѣтъ „Апологію", протестовалъ противъ претерпѣннаго имъ, при участіи грубыхъ козаковъ, насилія совѣсти, и до конца жизни, послѣдовавшей въ 1633 году, подвизался въ пользу римскаго папы. [1])

---

[1]) Въ отмщеніе за это, православники низшаго порядка сочинили пародію подъ заглавіемъ: „Тропарь и кондакъ, догматъ и припѣвъ, единогласникъ слѣпаго и преполовленнаго осла нашего Мегметія Смердицкаго, новопресмердѣвшагося ребелизантскою вониею". Пародія эта напечатана недавно въ Кіевскихъ Еп. Вѣд. (1875, № 17). Привожу для образца „вторую пѣснь", имѣющую эпиграфомъ слова: „Нѣ вамъ (католикамъ), нѣ намъ (православнымъ); возьми его... (Сатано) себѣ..."

Такова был смѣсь добра и зла, благородства и низости, ума и безрасудства, которые вырабатывались въ южнорусскомъ обществѣ подъ вліяніемъ введенныхъ въ него чуждыхъ элементовъ. Смотрицкій и Саковичъ, Сопѣга и Кунцевичъ служатъ намъ эмблемами того неестественнаго порядка вещей на древней русской почвѣ, который польскіе политики хотѣли увѣковѣчить. Нельзя не замѣтить въ каждомъ изъ нихъ, даже и въ самомъ Сопѣгѣ, отсутствія полноты характера и его цѣльности. Полнота и цѣльность характера даются не наукою и образованностію, а совмѣстимостью науки и образованности съ отечественными преданіями. Искусственные полонофилы, эти искалѣченныя созданія русскаго духа, со временъ Казимира III, постоянно сопутствуютъ намъ южноруссамъ въ нашей отособленной исторіи, и настойчивѣе коренныхъ полонусовъ стараются теченію нашей общественной жизни дать направленіе, не согласное съ нашимъ русскимъ прошедшимъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ дѣлалось все больше въ исторіи; наконецъ за ними стало не видать даже извѣчныхъ католиковъ. Они національную польскую церковь и политику взяли на свое попеченіе. Они отстаивали ту и другую съ энергіею и самоотверженіемъ, достойными лучшаго дѣла. Ихъ русскія имена красуются даже и въ наше время среди польскаго общества, въ качествѣ передовыхъ именъ польской нетерпимости.

„Егда православныи Архиереи на умовеніи благочистия просвѣшахуся, тогда Мегметие злочестивый тщеславіемъ помрачеся, и тебе каѳолическую церковь лукавымъ церквамъ уподобляетъ; виждь имѣніемъ любителя, иже сихъ ради неистовство стяжавше и отчаянію вдавшеся; бѣжи несытыя душе, иже матере своей восточной церкви таковая вмѣнившая, о всеблагій Господь, слава тебѣ!“

ГЛАВА XXIII.

Какіе люди считались въ русскомъ обществѣ залогомъ его возрожденія.—Источники умственнаго движенія въ югозападной Руси.—Университетское и училищное образованіе въ современной Германіи.—Представители русской образованности. — Возбужденная гоненіями религіозность народа.

Отпаденіе въ унію двухъ самыхъ ученыхъ и талантливыхъ сподвижниковъ Іова Борецкаго заслуживаетъ особеннаго вниманія историка. Смотрицкій, Саковичъ и подобные имъ передовики умственнаго движенія въ ту бѣдственную эпоху общественной жизни на югѣ русскаго міра отличены исторіографіею по ихъ кажущимся, но вовсе не по ихъ существеннымъ преимуществамъ передъ современниками. Они были писатели; они оставили по себѣ осязательный для каждаго слѣдъ; и вотъ ихъ имена изъ области библіографіи, которая ведетъ одну регистрацію книжнаго дѣла, перенесены въ область науки, имѣющей своимъ предметомъ характеристику общественной жизни. Ни Смотрицкій, ни Саковичъ сущности общественной жизни своею умственною дѣятельностью не выражали. Оба они были не что иное, какъ соціальная залежь, замѣчательная лишь особенностью породы своей. Они въ соціологіи являются подобіемъ того, что въ минералогіи представляетъ такъ называемый ленточный агатъ. Вывѣтрившуюся часть ленточнаго агата поддѣлываютъ извѣстнымъ способомъ, чтобы

возвысить красоту рѣзьбы на пластѣ цѣльномъ; и не многимъ изъ цѣнителей обработаннаго такимъ образомъ камея приходитъ въ голову, какую важную роль играетъ въ немъ поддѣлка. Такъ и нѣкоторые характеры, будучи принадлежностью извѣстнаго общества, цѣнятся иногда выше другихъ только потому, что ихъ возможно было поддѣлать. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Іовъ Борецкій и его ближайшіе сотрудники не замѣчали двоякости формаціи подобныхъ характеровъ и принимали ихъ за цѣльные, невывѣтренные самородки. Гораздо удивительнѣе, что, въ предпринимаемой борьбѣ съ папизмомъ, не такіе представители общества, какъ Смотрицкій и Саковичъ, считались у нихъ залогомъ возрожденія общества.

Первымъ актомъ возстановленной въ Кіевѣ іерархіи было „Совѣтованіе о Благочестіи". Такъ православные люди назвали постановленныя ими соборно, въ 1621 году, правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться въ бѣдственномъ состояніи того, что въ то время можно было разумѣть конкретно подъ именемъ русскаго общества въ нашей отрозненной Руси. Смотрицкій, какъ новопосвященный архіепископъ, безъ сомнѣнія, участвовалъ въ руководящихъ бесѣдахъ при составленіи соборныхъ правилъ, и если кто, такъ онъ особенно могъ бы проявить свою „многонаучную" личность въ этой программѣ дѣйствія. Оказывается совсѣмъ другое. Смотрицкаго не видать въ „Совѣтованіи о Благочестіи"; не видать его въ этой важной манифестаціи, какъ человѣка науки, въ спасительное дѣйствіе которой онъ вѣровалъ больше всѣхъ другихъ членовъ церковной іерархіи. Обстоятельство загадочное. Можно думать, что онъ уже и тогда помышлялъ о примиреніи русской церкви съ уніею, какъ это было въ послѣдствіи, и что поэтому предоставлялъ онъ въ тихомолку

людямъ убѣжденій обветшалыхъ идти мечтательнымъ путемъ народной самобытности. Но можно думать и такъ: что южно-русское общество, вдохновенное опасностью момента, возвысилось надъ тѣмъ, что составляло личныя преимущества его сочлена, образованнаго въ западныхъ университетахъ, и обратилось къ инымъ, болѣе надежнымъ органамъ вѣры и церкви.

Въ „Совѣтованіи о Благочестіи", рядомъ съ учрежденіемъ школъ, говорится объ учрежденіи братствъ. Въ немъ порицаются „неучи, не знающіе священнаго писанія", но тѣмъ не менѣе высокой наукѣ противопоставляется апостольское благочестіе, и только этому благочестію придается та непреоборимая сила, которая долженствуетъ спасти церковь. „Ипатій Потѣй, Рогоза и другіе ихъ единомышленники (говоритъ „Совѣтованіе") были не малыя головы, однакожъ предки наши, и многіе изъ нихъ весьма простые, дерзали обличать ихъ безбоязненно. То же подобаетъ дѣлать и всѣмъ православнымъ".

Соборомъ Борецкаго было рѣшено, между прочимъ: еще при жизни епископовъ, назначать имъ надежныхъ преемниковъ, чтобы лишить извѣстную факцію возможности подставлять на ихъ мѣста, якобы законнымъ путемъ, предателей православія, какъ это случилось по смерти нѣкоторыхъ владыкъ и жидичинскаго архимандрита. „Отнынѣ (говоритъ „Совѣтованіе"), хотя бы на насъ низвергали стрѣлы, мечи, огонь и воды жестокосердія, но епископы да преемствуютъ одинъ дрогому".

Столь энергическая рѣшимость православнаго южнорусскаго общества опиралась всего больше на преданіе, на этотъ важный элементъ всякой народности и церкви. Соборъ Іова Борецкаго, какъ народная, концентрированная въ религіозныхъ людяхъ интеллигенція, сознавалъ соединительную для рус-

скаго міра силу древнихъ воспоминаній. Онъ постигалъ сердцемъ утаенное отъ школьной науки. Его горячая любовь къ родному находила себѣ пищу даже во временахъ легендарной старины.

Для исторіи событій всего важнѣе достовѣрность событія. Для исторіи мнѣній, отъ которыхъ зависитъ самый ходъ и характеръ событій, важна не столько фактическая сторона явленія, сколько то, какъ это явленіе подѣйствовало на образованіе извѣстныхъ убѣжденій. Отсюда многое, чего нельзя доказать или чтò можно опровергать умственно, дѣлается неопровержимымъ нравственно, и вліяетъ на общество могущественнѣе достовѣрнаго. Такъ на древнихъ русичей повліяло извѣстное сказаніе кіевскаго лѣтописца о путешествіи святаго апостола Андрея по Днѣпру. Не сомнѣваясь въ истинѣ преданія, лѣтописецъ обстоятельно повѣствуетъ о томъ, какъ апостолъ Андрей остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи основанъ Кіевъ, и возвѣстилъ ученикамъ своимъ, что „на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія". Для насъ это наивное сказаніе представляетъ характеристику времени; для нашихъ предковъ, чуждыхъ историческаго критицизма, оно было предметомъ такой же вѣры, какъ и для самого лѣтописца. Мы больше размышляемъ, нежели чувствуемъ; наши предки больше чувствовали, нежели размышляли. И потому то они въ своемъ „Совѣтованіи о Благочестіи" написали слѣдующія трогательныя строки:

„Такъ какъ святый апостолъ Андрей—первый архіепископъ константинопольскій, патріархъ вселенскій и апостолъ россійскій, и на кіевскихъ горахъ ноги его стояли, и Россію очи его видѣли и уста благословили, и сѣмена вѣры онъ у насъ посѣялъ; то справедливымъ и богоугоднымъ будетъ дѣломъ возобнòвить торжественно и нарочито его праздникъ. Вои-

стину Россія ничѣмъ не меньше другихъ восточныхъ народовъ: ибо въ ней проповѣдникомъ былъ апостолъ“.

Но гдѣ взять достойныхъ продолжателей апостольской проповѣди? Гдѣ найти людей, которые бы, подобно древнимъ пророкамъ и апостоламъ, воздвигли общество изъ того упадка, въ какой враги вѣры привели его страхомъ и соблазномъ? Мысли борцовъ за православіе обратились на Востокъ.

„Послать къ константинопольскому патріарху за благословеніемъ, помощію и совѣтомъ, послать и на святую Аѳонскую гору, чтобы вызвать и привести преподобныхъ Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишенскаго, и прочихъ тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ. Предстоитъ также и русскихъ, искренно расположенныхъ къ добродѣтельной жизни, посылать на Аѳонъ, яко въ школу духовную“.

Таково было рѣшеніе нашего православнаго синклита, нужды нѣтъ, что въ этомъ синклитѣ участвовали представители учености, приходившей къ намъ съ Запада, а не съ Востока. Духъ Іоанна Вишенскаго не былъ у насъ, какъ видимъ, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Для многихъ стало тогда ясно, въ чемъ надобно искать спасенія отъ церковной уніи, которая едва не довершила дѣла своей предшественницы, уніи политической; и, какъ ни слабы наукою, связями, даже опытностью практической жизни были апостолы возрожденія южнорусскаго общества, вдохновеніе вѣры не обмануло ихъ.

Опытъ историческихъ воспоминаній, завѣщанный намъ наукою, показываетъ, что ни одна спасительная мысль, сознанная какимъ либо политическимъ тѣломъ, не забывается. Не забывается ни одна жизненная мысль въ области народнаго идеала, все равно какъ не бросается ни одно полезное открытіе въ области практики. Въ такихъ широкихъ умахъ,

каковъ былъ умъ литовскаго канцлера Льва Сопѣги, и въ такихъ благомыслящихъ собраніяхъ ученыхъ людей, какъ основанная Яномъ Замойскимъ академія, южнорусское православное общество, яко недостойное существовать по своей кажущейся нелѣпости, приговорено было къ смерти, во имя общаго блага Рѣчи Посполитой, во имя европейскаго просвѣщенія, во имя „истинной“ вѣры; и ученые отступники, подобные Смотрицкому, не находили въ этомъ приговорѣ ничего безчеловѣчнаго, ничего безразсуднаго, ничего безчестнаго. Они произносили въ своемъ сердцѣ латинское amen безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, напротивъ, съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства надъ представителями доморослой интеллигенціи. Но въ пустынномъ, глухомъ уголкѣ, гдѣ то далеко на Аѳонѣ, да въ уцѣлѣвшихъ отъ варяжскихъ временъ кіевскихъ монастыряхъ, да еще кое гдѣ въ сторонѣ отъ широкаго пути шляхетской образованности, какъ напримѣръ въ укромной тогда обители преподобнаго Іова, почаевского игумена, таились незримые чужеземною наукою родники русской народности. Они пробились наружу и струятся животворно донынѣ. Рѣка народной жизни южнорусскаго края не пересохла въ эпоху церковной уніи, какъ ни близка была она тогда къ изчезновенію.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ существовала тѣсная связь между тѣмъ, какъ люди смотрѣли на свое прошедшее, и тѣмъ, какъ они смотрѣли на свое настоящее. Только забвеніе былого, или, что одно и тоже, охлажденіе къ роднымъ преданіямъ, было въ южнорусскомъ обществѣ причиною поворота отъ русскаго элемента къ польскому и отъ собственнаго центра къ чужому. Мы, отрозненные русичи, стояли всѣ на дорогѣ къ тому, чтобы перезабыть свое былое. Спасли насъ отъ этого наши заброшенные тогдашнимъ большимъ свѣтомъ и тогдашнею европейскою нау-

кою, убогіе чернорисцы,—тѣ чернорисцы, которые, какъ мы видимъ изъ аѳонскихъ посланій, были предметомъ насмѣшекъ для польскорусскаго моднаго свѣта, и которыхъ простыя, но сильныя рѣчи до сихъ поръ дѣйствуютъ на насъ вдохновительно. Связь наша съ тѣмъ, что было нами пережито и перечувствовано со временъ великой русской женщины Ольги, оперлась не на Смотрицкихъ и Саковичей, а на Борецкихъ и Вишенскихъ. Они то удержали насъ въ томъ руслѣ, которое проложено, среди невѣдомыхъ исторіи племенъ, собственнымъ нашимъ духомъ, съ наименьшимъ иноземнымъ вліяніемъ. Они, эти отсталые люди, отвергнутые латинскими прогрессистами, стали между нами и ими. Они повернули насъ лицемъ отъ латинскихъ нововведеній къ русской старинѣ, и тѣмъ спасли нашу народную самобытность. Они, эти „немощные міра“ были послѣднимъ, но за то главнымъ препятствіемъ, котораго католичество не преодолѣло въ своемъ стремленіи къ владычеству надъ русскимъ міромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ вселенною. Въ стѣнахъ Михайловскаго монастыря и Печерской обители одержана была, подъ предводительствомъ Борецкаго, одна изъ величайшихъ побѣдъ, какія когда либо одерживали общество надъ обществомъ, народъ надъ народомъ, государство надъ государствомъ, — побѣда національнаго русскаго духа надъ иноплеменнымъ, великая и славная не только по тѣмъ результатамъ, которыми пользуемся мы отъ нея въ настоящее время, но и по неровности борьбы, по кажущейся слабости нашей позиціи, по убивающей безнадежности нашихъ усилій. Намъ предстояло выдержать еще много искушеній, претерпѣть много напастей, пережить много бѣдствій; но русская наша будущность была уже обезпечена.

Не извѣстно состоялся ли вызовъ „мужей россовъ“ съ

Аѳона, гдѣ Іоаннъ Вишенскій давно уже заявилъ готовность идти въ Русь на проповѣдь и хоть бы даже на мученическую смерть. [1]) Но проектъ призывать русскихъ людей съ Аѳона и посылать на Аѳонъ, „яко въ духовную школу", показываетъ, что въ кіевскомъ обществѣ преобладалъ тотъ же духъ недовѣрія къ наукѣ, приходившій къ намъ съ Запада, который такъ сильно высказался въ посланіяхъ аѳонскаго апостола. [2]) Напрасно стали бы мы это преобладаніе объяснять свойственнымъ русскому монашеству обскурантизмомъ. Конечно, нашимъ честнымъ инокамъ не доставало многаго для доказательства, что „поганскіе учители Аристотолы, Платоны и другіе намъ подобные машкарники", господствуя въ святилищахъ Господнихъ, изгоняютъ изъ нихъ евангельскую проповѣдь; но, созерцая народъ свой во глубинѣ собственнаго

[1]) См. томъ I, стр. 315.

[2]) Въ рукописномъ сочиненіи Захаріи Копыстенскаго эта мысль выражена конкретно (части II розд. 12, арт. 3): „Овыи въ академіяхъ лютеранскихъ и кальвинскихъ, которыхъ снать неровно болшъ, нижъ рымскихъ, маистрове, философове, докторове всѣхъ ѳакультахъ (sic), мужи суть, признати то мусатъ и отступникове, оученыи, а еднакъ то ихъ вѣры намнѣй не вспомогаетъ, і овшемъ такъ многіи будучіи а такъ высоцѣоучоныи слынучи отъ нихъ и отъ насъ слышать еретиками быти. Не йдетъ теды затым, ижъ латинникове мудростью многою обѳптуютъ, абы и вѣру правую мѣти мѣли". (Рукоп. Румянц. Муз. лит. У. № 425.)

Еще выразительнѣе отрицало приходившую къ намъ съ Запада науку кіевское церковное братство въ посланіи къ царю Михаилу Ѳедоровичу отъ 17 января 1626 года: „Не отпадающе отчаяніемъ милости Божия, и чающе избавления от сицевыя неволи, Божествомъ церковным съединившеся, мужественнѣ, Богу помогаю(щу), непоколебимѣ держатися, училище отрочатам православным милостию Божиею языка Славеноросскаго, Еллиногреческаго и прочиихъ даскаловъ великимъ иждивеннем устроихом. Да не от чуждаго Источника пиюще смертоносна яда Западныя схисмы упившеся и к омраченотемнымъ римляном уклонятся". (Гл. Архивъ Ин. Дѣлъ, малор. грамоты. № 16.)

духа, они опредѣлили вѣрно жизненное значеніе науки, которая перенималась нами у западныхъ схоластиковъ.

На Западѣ, въ нѣмецкихъ земляхъ, города и баронства были обезпечены со стороны насущныхъ потребностей быта несравненно больше, чѣмъ въ нашей пустынной Украинѣ; но и тамъ долго еще суждено было наукѣ морочить гражданскія общества относительно догматовъ религіи, которые старинная теологія пыталась подчинить языческому умозрѣнію. У насъ работа науки, какъ двигателя общественности, была затруднена страшно. У насъ колонизаторъ-хозяинъ боролся съ козакомъ при устройствѣ хозяйства своего, а татаринъ между тѣмъ норовилъ заполонить и культиватора и номада. У насъ мѣщанинъ, часто отецъ, дядя, братъ козака, боялся его совмѣстничества, хоть и нуждался подъ часъ въ его оборонѣ. У насъ недвижимая собственность, внѣ городовъ, переходила изъ рукъ въ руки не столько въ силу закона, сколько въ силу захвата. У насъ монастыри были религіозныя учрежденія только въ глазахъ благочестивыхъ аскетовъ да безпомощныхъ „прибѣжанъ": въ глазахъ пановъ и большей части монаховъ, это были учрежденія экономическія, и слово общежитіе имѣло у нихъ значеніе хозяйственное. Сами козаки, записанные при Сагайдачномъ въ церковное братство, посягали иногда шляхетскимъ обычаемъ на монастырскія земли, и еслибъ монастыри, эти редуты древняго русскаго благочестія, управлялись только началами религіозности и просвѣщенія, то поборники этихъ возвышенныхъ началъ оказались бы слишкомъ слабыми для защиты своихъ единственныхъ и послѣднихъ убѣжищъ отъ людей прозаическихъ. [1]) При

[1]) Съ голоса обвинителей православнаго духовенства, мы повторяемъ при всякомъ случаѣ небывалый фактъ солидарности церкви съ козаками. Въ 1630 году польское войско, подозрѣвая, что козацкая

такихъ обстоятельствахъ, наука была у насъ пришельцемъ, котораго никто не зналъ, въ какомъ обществѣ, подъ какими вліяніями онъ образовался и какъ съ нимъ обойтись. Аристотолы и Платоны только сбивали смиренномудрыхъ нашихъ людей съ толку, вмѣсто того, чтобъ наставлять ихъ на путь уразумѣнія вещественнаго и нравственнаго міра. При этомъ надобно помнить, что въ нашей Кіевщинѣ верхній слой русскаго общества улетучился, а остальные, по своему стѣсненному и озабоченному положенію, соприкасались весьма мало съ образованною Европою,—не такъ, какъ оные Замойскіе Жовковскіе, Сопѣги,—а потому и русскіе ученые люди, видавшіе чужіе края съ ихъ академіями, имѣли мало вліянія на своихъ земляковъ.

Но при всемъ томъ, что мы южноруссы были обществомъ обезсиленнымъ, нельзя сказать, чтобъ у насъ не было умственнаго движенія, въ смыслѣ развитія общественности. Все, что совершилось у насъ послѣ татарскаго лихолѣтья, возбуждало духъ самозащиты и предпріимчивости въ высокой степени. Иначе—какъ устояли бы города на старыхъ пепе-

---

война затѣяна и поддерживается монахами, хотѣло взять приступомъ Печерскій монастырь. Между тѣмъ Петръ Могила укрылъ въ церкви отъ козаковъ нѣсколькихъ знатныхъ шляхтичей. Онъ послалъ ихъ къ Бутлеру, Жолтовскому и другимъ начальникамъ польскаго войска съ увѣреніями, что самъ онъ Могила безпрестанно подвергается со стороны козачества всякаго рода обидамъ. Кальнофойскій въ *Тератургимѣ* выразилъ это слѣдующими словами: „...y gdy przełożyli coby za angariae sam (Могила) a prawie codzień ciężką biadę od lichych tych ludzi ci erpiał, iaki dishonor z nabożną w Chrystusie bracią swą, iakie slug obelgi, iak wiele szkod w dobrach Cerkiewnych poczynionych ponosił, nakoniec iakby eszcze z wieczora pozuciekali (т. е. что козаки, узнавъ о вступленіи польскаго войска въ Кіевъ, ушли изъ монастыря, въ котораго слободкѣ засѣли было насильственно), sprawili to, iż y J. M. Oyca Archimandrytę naszego z niepotrzebney suspiciey v woyska I. K. M. eliberowali, ywszelaką securitatem mieyscu swiętemu ziednali“. (Стр. 319)

лищахъ своихъ? какъ могъ бы самый Кіевъ возникнуть среди нѣмого безлюдья? чѣмъ, если не развитіемъ и напряженіемъ умственной энергіи, держалось мѣщанское общество противъ шляхетскихъ посягательствъ на его собственность, на его самоуправленіе и, наконецъ, по внушенію иновѣрцевъ, на его религію?

Мы, южная русь, не были государствомъ, какъ наши соплеменники, сѣверная русь; мы составляли часть иноплеменнаго и иновѣрнаго государства; мы въ немъ подвергались дѣйствію разлагающихъ началъ; мы, какъ самобытная народность долженствовали уничтожиться, и если не уничтожились, такъ это потому, что напоръ враждебныхъ стихій не убивалъ, а возбуждалъ дѣятельность нашего духа. Правда, наша дѣятельность была направлена всего больше къ удовлетворенію нашихъ экономическихъ потребностей или, говоря конкретнѣе, къ добыванію предметовъ первой необходимости. Но мы не оставались въ сторонѣ и отъ того умственнаго движенія, которое проповѣдано въ европейскомъ обществѣ первымъ апостоломъ реформаціи, Гусомъ, подавлено въ Чехіи римскими католиками и воскресло у нѣмцевъ, какъ похороненныя въ землѣ зерна. Оно проникало къ намъ со временъ Ягайла различными путями и не было для насъ совершенною новостью въ эпоху Лютера. Оно, во имя вѣры, помогло намъ развить сильнѣе прежняго, муниципальное устройство, сдѣлало для насъ церковь средоточіемъ собственной, антипольской гражданственности. Наши цехи и братства, охраняя православіе, въ то же самое время дышали духомъ самаго радикальнаго протеста противъ шляхетской церковной іерархіи, и устами такихъ либираловъ, какъ Бронскій, проповѣдовали подчиненіе дискредитованнаго у нихъ духовенства мірскому контролю. Мы, такимъ образомъ, не были совершенно чужды тому про-

бужденію чистой идеи христіянства, тому стремленію къ высшему идеалу общества, которое дало начало новой системѣ мнѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новому ходу европейской жизни. Въ загнанномъ и вѣчно тревожномъ своемъ положеніи мы не имѣли такихъ школъ, какія могли бы имѣть; мы не проявили себя никакимъ литературнымъ произведеніемъ, которое бы свидѣтельствовало о высшемъ полетѣ нашего ума; но тѣмъ не менѣе мы, въ тѣсной средѣ своихъ достойныхъ представителей, обладали общественнымъ самосознаніемъ въ такой степени, до которой гражданскія общества достигаютъ лишь путемъ свободныхъ учрежденій. Какъ ни ничтожна была тогда наша русская гражданственность среди ополяченнаго дворянства, тянувшаго къ чуждому намъ центру просвѣщенія, но относительно свободы народныхъ собраній, свободы личности и свободы печатнаго слова, мы были поставлены весьма удобно. Самый строй шляхетской жизни, антипатичный намъ въ своихъ безобразныхъ проявленіяхъ, но имѣвшій и лучшее время свое, и свѣтлыя свои стороны, способствовалъ къ образованію въ нашихъ городахъ такого форума, на которомъ публично обсуждались вопросы вѣры и политики, во всю ширину ихъ разумѣнія, безъ всякихъ оглядокъ на центральную власть, которая совершаетъ великое, когда приметъ желаніе народа къ исполненію, но которой вмѣшательство дѣйствуетъ гибельно на прогрессивныя идеи общества въ моменты ихъ зарожденія. Въ лицѣ окозаченныхъ своихъ бурмистровъ, райцевъ, лавниковъ и мелкопомѣстныхъ шляхтичей, мы подражали правительствующему сословію шляхты въ разузданности, въ бражничаньѣ и даже въ хвастовствѣ, но подражали ему и въ стремленіи къ личной свободѣ, достиженіе которой, въ гармоніи съ интересами большинства, составляетъ благороднѣйшую цѣль общественности. Реформаціонное волненіе Европы

выбрасывало на нашъ пустынный берегъ такихъ пропагандистовъ, которые въ слабыхъ умахъ поселяли однѣ только еретическія мнѣнія, но въ умахъ сильныхъ насаждали сѣмена вѣчной свободы мышленія. Доказательствомъ тому служитъ уже одно безпокойство папистовъ, которые постоянно и совершенно искренно называли наше православное общество разсадникомъ еретическаго вольнодумства. Наши церковные братства, давая у себя пристанище ученымъ скитальцамъ, характеризовавшимъ вѣкъ умственнаго возрожденія Европы, дѣйствительно были сѣдалищами такихъ убѣжденій, до которыхъ не всегда доростаютъ люди книжные. Въ качествѣ „мѣстской (то есть городской) рѣчи посполитой", наши мѣщане, въ союзѣ съ тѣснимымъ и потому сильно возбужденнымъ духовенствомъ, представляли то среднее сословіе, которое въ исторіи цивилизаціи Европы играетъ роль питомника всѣхъ жизненныхъ идей, яко громадная масса личностей, не подавляемая бѣдностью, какъ наши мужики, и не развращаемая роскошью, какъ наша шляхта.

Я не хочу этимъ сказать, чтобы наше среднее сословіе было подобіемъ современнаго европейскаго бюргерства. Сравнительно съ нимъ, мы были грубые варвары. Мы все сіяніе науки заключили въ удаленныхъ отъ міра монастыряхъ, и не знали другой славы, кромѣ разоренія басурманскихъ городовъ. Но наше варварство, наша отсталость въ образовательныхъ искусствахъ, наши грубыя понятія о чести и славѣ спасли насъ отъ опасности, которой подвергались болѣе развитыя общества Западной Европы. Не раздѣляя многихъ симпатій цивилизованныхъ народовъ, живя жизнью, можно сказать, примитивною, мы остались при своемъ старомъ идеалѣ христіянства. Мы отвернулись недовѣрчиво и отъ того свѣточа науки, который разсылалъ по Европѣ Намѣстникъ Іи-

суса Христа, и отъ того, который былъ намъ предложенъ его обличителемъ, Лютеромъ. [1]) Скажемъ смѣло, что еслибъ не закоснѣлость нашихъ предковъ, въ которай обвинялъ ихъ единогласно весь просвѣщенный Западъ, то въ виду Европы, построенной изъ развалинъ Римской Имперіи, не возникъ бы политическій міръ, образовавшіеся изъ собственныхъ началъ своихъ: южная Русь примкнула бы со всѣми своими матеріяльными и духовными ресурсами къ католическому міру, и развитіе русской государственной системы было бы совсѣмъ иное. Самыя насилія, претерпѣнныя нашими предками принесли, имъ пользуименно въ томъ отношеніи, что заставили ихъ еще глубже погрузиться въ свою закоренѣлость, еще больше надвинуть на глаза монашескій клобукъ, еще тѣснѣе стянуть на себѣ ременный „поясище", еще рѣшительнѣе шагать среди ученыхъ и ашлифованныхъ новаторовъ въ своихъ пыльныхъ и неуклюжихъ „чеботищахъ", еще рѣзче выругать всѣхъ латинонѣмецкихъ „Аристотоловъ и Платоновъ". Не въ томъ, однакожъ, дѣло, что иное невѣжество лучше иного просвѣщенія, а въ томъ что тогдашнее наше воспитаніе не заключалось въ однѣхъ книгахъ, и что мы тогда уже-въ лицѣ такихъ людей, какъ Іовъ Борецкій — пришли къ истинной цѣли всего умственнаго образованія, которая, по мнѣнію одного изъ великихъ мыслителей нашего времени, должна состоять въ такомъ развитии природнаго ума, чтобы люди могли состав-

[1]) Протенстантизмъ встрѣтилъ въ представителяхъ нашего православія такой же духъ отрицанья, какъ и католицизмъ. Въ рукописи неизвѣстнаго автора, озаглавленной: „Изложеніе извѣстно отъ Божественныхъ Писаній Ветхаго Закона и Новыя Благодати на окоянные и злоименитые Еретики и на многіе ихъ Ереси," писанной, судя по нѣкоторымъ признакамъ, въ 1621 году, сказано: „По воплощеніи же Слова Божія лѣта 1500 пришествія изыдоша изъ устъ сатанинскихъ два духа нечистыя, якоже убо Мартинъ и Кальвинъ і смутиша царей и королей и всѣхъ живущихъ на земли". (Румянц. Муз. лит. М. № 57.)

ляеть здравое практическое сужденіе объ обстоятельствахъ, въ которыхъ находятся. Въ этомъ и была суть всего движенія, возбужденнаго въ насъ усиленнымъ натискомъ латинской культуры. Мы отыскали тогда давно заброшенный путь къ русскому единству,—тотъ путь, который самостоятельно былъ намѣченъ умомъ Іоана III. Передъ нами тогда, такъ точно какъ передъ нимъ цѣлымъ столѣтіемъ раньше, открылась, можно сказать пророчески, русская будущность. Дальнѣйшія событія русской исторіи, въ главномъ ея теченіи то есть въ развитіи народнаго самосознанія, относятся къ эпохѣ Іова Борецкаго уже, какъ результаты къ своимъ причинамъ.

Что касается до представителей нашей учености, то, говоря вообще, это были люди недалекіе. По ихъ литературнымъ произведеніямъ, за исключеніемъ весьма и весьма немногихъ, ихъ можно было бы назвать даже ничтожными. Но отъ ничтожества спасали ихъ—глубокое чувство правды въ томъ дѣлѣ, надъ которымъ они трудились отъ всей души, и сильная привязанность ихъ къ древнему преданію. Эти примитивные элементы нравственной жизни восполняли въ нихъ недостатокъ точныхъ знаній, которые почувствованіе соціальной истины и любовь къ родной старинѣ укрѣпляютъ въ человѣкѣ нашего времени широтою сопоставленій и позитивностію философскихъ доводовъ. Въ тотъ вѣкъ ученые люди не на столько еще стояли выше людей темныхъ, какъ въ наше время. И тѣмъ и другимъ, во многихъ предметахъ человѣческаго вѣдѣнія, было свойственно легковѣріе, которое, при отсутствіи въ наукѣ критицизма, было въ тогдашнемъ обществѣ такъ велико, что, изучая извѣстныя въ исторіи личности, мы часто готовы принимать его за притворство. У людей мыслящихъ легковѣріе граничило тогда не-

посредственно съ аксіомами науки, у людей вѣрующихъ—непосредственно съ догматами вѣры, и потому люди образованные искали научной истины внѣ опыта, а люди вѣрующіе изъ области высшихъ идей человѣчества безсознательно переходили въ область грубаго суевѣрія. И всего меньше способны были тогдашніе книжные люди наши относиться правильно къ истинѣ исторической. Но такова была всеувлекающая стремительность почувствованной нами руской правды и латинской кривды, что представители нашей книжной образованности самимъ легковѣріемъ своимъ дѣйствовали на полуграмотную массу, въ иныхъ случаяхъ, весьма вліятельно. Они не довольствовались преданіями, освященными глубокой древностью. Они, вмѣстѣ съ пламеннымъ авторомъ „Перестороги, зѣло потребной на потомные часы“, горячо повторяли легенды новой формаціи о томъ: что славянскія учительныя книги, отобранныя латинцами у православныхъ со временъ древнихъ рускихъ князей, огромными складами хранятся подъ замкомъ въ подвалахъ, не только во Львовѣ, но и въ самомъ Краковѣ. [1]) Они утверждали серьозно: что въ литовскихъ городахъ только тѣ мѣщане пользовались правомъ по-

[1]) Къ этому широко распространенному слуху подали поводъ инквизиціонные пріемы цензуры, старавшейся пріостановить въ Польшѣ обличительное дѣйствіе современной печати. Іезуиты, заручившись цензурною буллою папы Григорія XIII, выхлопотали у короля эдиктъ, въ которомъ сказано: „Кто переводитъ или приноситъ въ Польшу, читаетъ и хранитъ книги, запрещенныя іезуитами, тотъ теряетъ честь, имѣніе и жизнь. Этотъ эдиктъ былъ ничто по польской конституціи, но тамъ, гдѣ некому было опровергнуть его при содѣйствіи достаточной ассистенціи, іезуиты нападали на иновѣрцевъ, грабили книги и запирали въ недоступныхъ подвалахъ, а иногда просто сожигали. Съ русскими книгами поступали они такъ же, какъ съ еретическими, и гдѣ только могли, всюду ихъ захватывали; въ особенности же преслѣдовали и „подводили подъ криминалы“ сочиненія, направленныя противъ папы и уніи.

купать и продавать, которые на лбу и на рукахъ имѣли знакъ отступничества. [1]) Они искренно были увѣрены и увѣряли другихъ: что благочестивымъ священникамъ брили насильственно головы и бороды, а на уніятскія епископіи поставляли людей, вовсе неграмотныхъ. [2]) Подобно всѣмъ простонароднымъ защитникамъ вѣры, они и самому Божеству, во славу котораго подвизались, придавали свою собственную готовность дѣйствовать непосредственно. Они вѣровали: что небесный громъ, точно союзная артиллерія, „стрѣлялъ" по ихъ непріятелямъ во время нечестиваго богослуженія; что существуютъ даже урядовыя записи о „страшныхъ знакахъ", явившихся на нѣкоторыхъ церквахъ; что въ Великомъ Бе-

[1]) Эта легенда, не встрѣчаемая больше нигдѣ въ современныхъ сказаніяхъ, откликнулась въ „Исторіи Руссовъ" (стр. 48). Неизвѣстный авторъ этой замѣчательной по своему вліянію на украинскую интеллигенцію книги варіируетъ легенду слѣдующимъ образомъ:

„... передъ праздникомъ Воскресенія Христова, по всѣмъ городамъ и торжищамъ продаваемые мірянамъ обыкновенные на пасху хлѣбы были подъ стражею урядниковъ польскихъ. Покупающій пасху уніатъ долженъ имѣть на груди лоскутъ съ надписью: Уніатъ".

Кстати замѣтить здѣсь, что въ то время пасхальные хлѣбы не были въ повсемѣстномъ употребленіи въ Украинѣ, какъ нынѣ. Львовское братство жаловалось патріарху на епископа Гедеона: что онъ „на Воскресеніе Христово какой то хлѣбъ, называемый *пасха*, по старому еретичеству приказываетъ освящать". Подъ „старымъ еретичествомъ," очевидно, разумѣются тѣ обычаи, которые усвоены русскою церковью во времена ея упадка. Задачею церковныхъ братствъ было—возстановить чистоту обычаевъ православія.

Что касается до знака на лбу и на рукѣ, то подобное клеймо налагалось, слишкомъ сто лѣтъ раньше, въ Португаліи на жидовъ, которые, по объявленіи имъ изгнанія изъ королевства, не собрались выѣхать къ назначенному сроку и должны были принять христіянскую вѣру. Оттуда могъ дойти до нашихъ грамотѣевъ разсказъ и смѣшаться съ народной молвой объ уніи.

[2]) „Боркулабовская Хроника" (Матер. для Ист. Возс. Р. т. I)., обвиняетъ Потѣя еще до церковной уніи въ рукоположеніи несвѣдующихъ поповъ за взятки.

рестьѣ (Брестѣ Литовскомъ), гдѣ отступники служили первую литургію съ папистами, вино въ чашѣ претворилось въ воду; что въ Грубешовѣ, среди молящихся въ церкви прихожанъ, какая то благочестивая женщина возвысила голосъ и начала произносить такія страшныя нареканія, что попы бросились бѣжать изъ церкви, оставили на престолѣ серебряную чашу съ виномъ, чаша, въ обличеніе отступниковъ, разсѣлась, вино пролилось на полъ, народъ, сбѣжавшійся на такое чудо, хотѣлъ предать нечестивыхъ поповъ смерти, и только потому не предалъ, что ихъ оборонили приверженцы уніи вмѣстѣ съ замковымъ урядомъ; а когда посвящали въ епископы одного отступника православія, такъ „нечистый духъ“ схватилъ его и бросилъ на землю, такъ что тотъ „лежалъ ницъ безъ памяти во всю божественную службу“. [1])

„Пересторгу“ писалъ одинъ изъ дѣятелей берестовскаго собора, писалъ ее ревностный поборникъ школьной образованности [2]) и при этомъ большой начетчикъ въ священномъ писаніи; но уровень его умственнаго развитія, какъ читатель видитъ, стоялъ не высоко. Хотя наши грамотные люди принялись за науку съ энтузіазмомъ, но въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка наука вообще сопровождалась

---

[1]) Эти ходячіе слухи распространились тотъ часъ же послѣ синода въ Берестьѣ Литовскомъ 1596 года. Въ „Боркулабовской Хроникѣ“ находимъ ихъ неизвѣстную доселѣ версію, родственную съ версіею „Пересторги“.

[2]) Упадокъ русской церкви приписываетъ онъ тому, что древніе русичи, „яко ся окрестили, и не училися, только церкви будовали... Прото теперь (продолжаетъ онъ) школы по всѣхъ мѣстѣхъ (городахъ) закладаются, и шпитали будуются, и церкви муруются“. О виленскомъ братствѣ онъ пишетъ: „И въ томъ гоненіи чимъ большъ гонимы и преслѣдованы были, тымъ большъ моцъ Божія надъ ними оказовалася, а братство множилося, школа росла, людей зъ неи ученыхъ много и казнодѣевъ мудрыхъ выходитъ“.

еще крайнею распущенностью мысли, особенно въ Польшѣ, а тѣмъ болѣе—у насъ, въ отрозненной Руси. Самая реформація, отъ которой наши ученые люди открещивались большимъ крестомъ, — будучи прямымъ результатомъ умственнаго движенія въ Европѣ, останавливала это движеніе тѣмъ, что направила умы къ изслѣдованію явлений сверхъестественныхъ, тогда какъ предметы, изученіе которыхъ необходимо для общихъ цѣлей гражданственности, оставались безъ разработки. Опытная философія, нашедшая выраженіе свое въ Баконѣ, къ намъ не проникла. Декартъ, въ первую эпоху нашей борьбы съ уніею, еще воинствовалъ, подобно Сократу, и только во времѣна Хмельнищины, когда наши школы и даже многіе монастыри разошлись во всѣ стороны, привелъ къ европейской наукѣ своей знаменитый скептицизмъ, на сколько это позволялъ младенческій возрастъ науки. Теологія владѣла и правила у насъ умами деспотически. Всѣ наши мнѣнія, въ томъ числѣ соціальныя и политическія, носили на себѣ печать одного или другого вѣроученія. Не только исторія и философія, каковы они были у насъ въ тогдашнихъ умственныхъ потемкахъ, но даже математическія и физическія науки, въ которыхъ отличался знаменитый отступникъ нашъ Мелетій Смотрицкій, обязаны были подчиняться ученію церкви. То, что въ Западной Европѣ происходило задолго еще до Бакона въ Англіи и Декарта во Франціи, совершалось у насъ уже въ эпоху ихъ непосредственной дѣятельности, а благодаря пьяной и опустошительной Хмельнищинѣ—даже спустя много времени послѣ поворота человѣческаго разума съ теологическаго пути на путь опытный.

Имѣя все это въ виду, мы не преувеличимъ понятія о томъ умственномъ движеніи, которое началось у насъ со

введеніемъ церковной уніи и сдѣлалось въ послѣдствіи однимъ изъ элементовъ возсоединенія Руси. Наши ученые XVI и XVII вѣка дѣйствовали на свою невѣжественную публику тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше уходили отъ ея жизни въ дремучій лѣсъ теологической учености, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше были знакомы съ „Аристотолами и Платонами", безъ которыхъ тогдашній ученый казался въ литературномъ обществѣ невѣждою. Они были предметомъ удивленія для такихъ же, какъ сами, схоластиковъ. Они, посредствомъ своихъ мудреныхъ книгъ, утверждали въ благочестіи однихъ спеціалистовъ догматики. Они влагали въ уста духовный мечъ только такимъ защитникамъ православія, которые были заняты обороною русской церкви отъ ученыхъ цитатъ и софизмовъ. Ихъ книжная дѣятельность была не болѣе, какъ усвоеніе русскому міру научной азбуки, въ ожиданіи будущаго чтенія. Печатная литература, порожденная уніею, дѣйствовала электрически лишь на кружокъ благочестивыхъ заговорщиковъ противъ „яровитого католика" и его іезуитской лиги; но она была безсильна для того, чтобъ электризовать все общество. Въ этомъ убѣдится каждый, кто возьметъ на себя трудъ прочитать хоть бы на примѣръ „Зерцало Богословія" Тарквиллі-она Ставровецкаго, гдѣ радуга служитъ насосомъ, посредствомъ котораго изъ моря вытягивается сладкая вода для составленія облаковъ; гдѣ воздухъ играетъ роль постояннаго миротворца между огнемъ и водою, которая въ моряхъ посолена для того, чтобъ не загнилась и не засмердѣла; гдѣ умъ работаетъ внутри человѣка постоянно, точно крѣпостной человѣкъ, а разумъ приходитъ къ нему извнѣ, въ образѣ науки, какъ вольный мастеровой; гдѣ, кромѣ земного четверостихійнаго міра, описанъ еще неизвѣстный нынѣ міръ „злосливый", состоящій также изъ четырехъ стихій: зависти,

высокомѣрія, алчности и убійства. [1]) Самое большее, что производила въ тогдашнемъ нашемъ обществѣ мудреная для него школьная наука, было удивленіе, которое профаны пи-

[1]) Такъ какъ эта книга весьма рѣдка, то изъ экземпляра, принадлежащаго Румянцовскому Музею, представляю небольшую выписку подлинникомъ: „О огни, перъвомъ елеменътѣ.——Естество легъкое, просвѣтительное, горѣносное, скороходное, съгрѣвательное, съжигательное, скрозѣ вся видимая проходительное; которій своею справою, къ своему прироженю, всѣ рѣчи материальныи претворяетъ и незакрытою свѣтлостю сиетъ, и паки утаителенъ въ всѣхъ существахъ: понеже премудрій Творецъ силу его раздѣливъ и въ всякомъ соуществѣ и родѣ положивъ: въ солнци и лунѣ, на звѣздахъ, въ камени и желѣзѣ, въ деревѣ и въ прочіихъ видехъ.——Другая стихия воздухъ; той есть суптельнѣйшій и легшій отъ землѣ и воды; прéто на вышшемъ мѣстѣ положенъ, всякое тѣло объемля; естествомъ же тонокъ, прозрочистъ, скорое движеніе имѣетъ, отъ мѣста на мѣсто круговидное ношеніе, переходы творитъ, горѣ и долу, налѣво и право, вънутръ и зевнутръ.——Третяа стихия вода; естествомъ мокра, тяжка, лацно порушима и горѣ възносима, прозрачна, по случаю студена и тепла, огневи противна.——А ижъ вода морская слана есть и гóрка, повѣдаютъ нѣкоторіи философы, для того естъ такóва, поневажъ много стоитъ на единомъ мѣстѣ непоступна и недвижима, а до того солнце, оуставично ходячи надъ моремъ окиянскимъ, вытягаетъ прóменьми своими, парею суптелною або мглами, сладость водную. Такъже и дуга часто беретъ суптѣльнѣйшую воду зъ моря и взноситъ на высоту и оучиняетъ облаци дождевныи. Дроузіи же физелонци повѣдаютъ, яко по естеству слана вода морская: абовѣмъ, еслибы была неслана и такъ долго стоячи безъ порушеня на единомъ мѣсте отъ съвореня свѣта, тогда бы ся загнила и засмердѣла, и смрадомъ своимъ заразила бы увесь воздухъ, и животъ людскій згубила. А съ той причины мнѣ ся мнитъ, ижъ съ прироженя слана есть водная стихия.——А ижъ на горахъ бываютъ жрюдла і источники водныи, та причина естъ, понеже земля вся округла естъ якъ яблоко, на которой воды лежатъ зо всихъ сторонъ: и зъ долу, и зъ вѣрху, и зъ боковъ; и такъ воды, которыи идоутъ зъ долѣшнеи страны къ намъ, то въсходятъ на высокіе мѣста и горы, где Богъ повелитъ; а тыи зась воды, що отъ нашеи страны, идутъ на долъ подъ землю, и тамъ такъже вываютъ, бы тыжъ на найвышомъ мѣстѣ и горахъ. И такъ презъ всю землю напротивъ сéбе идутъ и минаются, яко имъ проходы оучинивъ премудрій Творецъ, и проходячи воды землю, трафляютъ на мѣста скалистіи, тѣсныи, и тамъ вода, тиснучися кгвалътóмъ, загрѣвается и сходитъ горячая, и прирожéныи теплицѣ твóритъ“.

тали къ прецепторамъ дѣтей, отдаваемыхъ въ братскія школы. Духовенство училось и учительствовало вовсе не въ видахъ распространенія общеполезныхъ знаній, а въ видахъ защиты церкви отъ уніи, и горожане охотно помогали ему запасаться духовнымъ оружіемъ, которымъ сами не владѣли. Но когда воспитанники братскихъ школъ возвращались къ ремеслу своихъ родителей, ни тѣ, ни другіе не видѣли, къ чему приложить затверженныя въ школѣ слова и мысли. Старинные „спудеи" пріобрѣтали только книжную увѣренность, что ихъ религія спасительна. Они только лучше книжныхъ неучей умѣли выбранить соперниковъ своихъ, уніятовъ, со всѣми ихъ владыками и папою. Общія мѣста по этому предмету считались верхомъ премудрости, и ходили между письменниками въ видѣ новаго благовѣствованія. Тогдашняго ученаго или начетника всего лучше сравнить съ человѣкомъ, который знаетъ, гдѣ набрать хорошо округленныхъ камней для пращи, который носитъ запасъ этихъ камней всегда при себѣ, и, при всякомъ удобномъ случаѣ, поражаетъ противника прямо въ лобъ; но измѣрять умственное движеніе общества книжною мономахіею значило бы—судить о широкой аренѣ жизни по удаленному отъ нея ремеслу.

Въ самой Германіи, откуда приходила къ намъ даже и греческая наука, и тамъ умственное движеніе было двоякаго рода. Въ нашихъ ученыхъ сочиненіяхъ и учебникахъ, мы говоримъ все только о такихъ людяхъ, какъ великій славяинъ Гусъ, котораго и сами нѣмцы называютъ первымъ героемъ германской реформаціи, да о такихъ апостолахъ своеобразной истины, какъ Лютеръ, который столь успѣшно приспособилъ къ посредственной добродѣтели массы высокую практику любви, доступную весьма немногимъ, и по нимъ составляемъ себѣ преувеличенное понятіе о религіозномъ и

умственномъ движеніи, охватившемъ нѣмецкое общество. Нѣтъ, не по сѣятелямъ, а по самой почвѣ, въ которую бросаются сѣмена науки, надобно судить о ея распространеніи. Подготовленную для процвѣтанія науки почву представляли въ Германіи университеты, которыхъ основаніе началось съ 1348 года; но она долго приносила лишь самые скудные плоды. Причиною тому было грубое состояніе общества, среди котораго появлялись ученыя корпораціи съ своими высшими идеалами и стремленіями. Въ XV столѣтіи каждый университетъ дѣлился на коллегіи, въ смыслѣ товариществъ, или на бурсы, въ смыслѣ складчины. На языкѣ соціологіи, это значитъ то самое по отношенію къ городскому обществу, что значило муниципальное устройство городовъ по отношенію къ государству. Новыя учрежденія, по причинамъ чисто экономическимъ, щедро были одаряемы такими привилегіями, какъ освобожденіе студентовъ отъ мыта и другихъ пошлинъ, право свободнаго прохода и проѣзда, право охоты и рыбной ловли, и—что всего было для нихъ важнѣе—корпоративный самосудъ. Это показываетъ, что общество, развивая въ себѣ идею свободы, безъ которой нѣтъ никому житья, пришло къ сознанію, что свобода опирается на знаніе, а знаніе нуждается, для своего возрастанія, въ освобожденіи отъ того гнета, который въ средніе вѣка тяготѣлъ надъ всѣми предприятіями рабочаго и промышленнаго народа. Общество выработало въ своей средѣ мыслителей, а мыслители, въ свою очередь, усилили его стремленіе къ улучшенію своего положенія; и вотъ среди людей, запятыхъ насущными нуждами, явилось учрежденіе, которому они выпросили или купили у предержащей власти привилегію, ставившую человѣка науки въ положеніе исключительное.

Мысль основанія университета, въ своемъ началѣ, всегда

была высокою и чистою; но всякая жизненная идея, какъ это извѣстно каждому, теряетъ часть своей возвышенности и чистоты во время своего осуществленія, и лучшія цѣли общества обыкновенно достигаются сложностью не однихъ лучшихъ побужденій. Честные и набожные бюргеры среднихъ вѣковъ, воспринявъ мысль о необходимости университета отъ такого человѣка, какимъ былъ нашъ Іовъ Борецкій, или отъ такого, какимъ явилъ себя чешскій подвижникъ Іоаннъ Гусъ, хлопотали у предержащей власти объ осуществленіи этой мысли не столько изъ любви къ просвѣщенію, не столько изъ преданности къ вѣрѣ, которой охранителемъ считался университетъ, сколько изъ соображеній экономическихъ и разсчетовъ осязательныхъ. Съ своей стороны, и сословіе учащихся—какъ это ни странно съ перваго взгляда—стремилось въ университеты не столько изъ любви къ наукѣ, сколько изъ желанія пожить привольнѣе и веселѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ положеніи. Масса студентовъ, наполнявшихъ старинные германскіе университеты, поражаетъ насъ своею численностію; но было бы наивно съ нашей стороны воображать громадныя сборища ученыхъ плащеносцевъ сосудами знанія и пропагандистами научныхъ истинъ среди людей, такъ сказать, оглашенныхъ. Лучшіе профессоры, на примѣръ тѣ, которые пошли путемъ Коперника, имѣли весьма мало слушателей. Даже Меланхтонъ жаловался на небрежное посѣщеніе его лекцій. Причиной тому была невозможность распространить любознательность въ обществѣ, которое все еще было слишкомъ сильно озабочено борьбою съ феодальнымъ строемъ жизни. Наука, изолированная отъ общаго теченія дѣлъ, вращалась въ сферѣ теологическихъ умствованій. Предметы, менѣе возвышенные, но, по своей тѣсной связи съ жизнію, истинно философическіе, оставлялись учеными безъ вниманія.

Физическая сторона человѣческой природы ускользала отъ наблюдательности, устремленной въ безпредѣльную даль. Объ осязательныхъ для чувства и ума явленіяхъ жизни философствовали апріорно, уклоняясь отъ непосредственнаго опыта. Только съ половины XVI вѣка начали за границей правильно пользоваться анатомическимъ театромъ, и только въ годъ нашей Люблинской уніи дозволено въ германскихъ университетахъ подвергать анатомическому сѣченію казненныхъ смертью преступниковъ. Отрозненное отъ остального міра, корпоративное существованіе людей науки привлекало къ себѣ изумительное множество молодежи всѣхъ свободныхъ сословій и состояній, но привлекало потому, что ее тѣснилъ тяжелый режимъ средневѣкового общества. Она бѣжала въ университеты, какъ наши цеховые молодцы—въ козацкія купы, и разставалась съ ними, можно сказать, по неволѣ. Но только немногіе изъ членовъ ученой корпораціи отдавались призванію своему всецѣло. Эти немногіе посвящали все свое время и жертвовали всѣми интересами жизни для расширенія круга своихъ познаній. Будучи профессорами одной науки, они въ то же самое время бывали студентами другой; а будучи разомъ и учителями и учениками, нерѣдко были избираемы въ ректоры университета. За то люди обыкновенные проводили въ университетскомъ обществѣ годъ за годомъ безъ всякой для себя пользы; толкаясь въ безпорядочномъ рынкѣ знаній, усвоивали себѣ привычку много говорить и ничего не изучать; оставались по десяти и по двадцати лѣтъ въ званіи студентовъ; вели въ буршеской средѣ своей семейную жизнь и навсегда отвыкали отъ какого либо практическаго занятія. Полуученый и полуневѣжественный бытъ этихъ представителей умственнаго движенія согласовался какъ нельзя лучше съ теологическимъ характеромъ средневѣковой науки, съ апрі-

орной средневѣковой философіей, съ блужданіемъ ума за предѣлами опыта; а попойки, скандальныя исторіи, дуели и даже вооруженные бунты поглощали время, средства и способности умственно лѣнивыхъ буршей такъ точно, какъ будто это были дѣла общественныя и политическія. Въ 1638 году, въ Лейпцигѣ умеръ столѣтній студентъ, посвятившій всю свою жизнь научной праздности и школьной болтовнѣ. Онъ служитъ памятникомъ умственной лѣни, свойственной большинству адептовъ науки, которое во всѣхъ обществахъ, сословіяхъ и корпораціяхъ занимается вовсе не наукою и упражняется только въ повтореніи того, что умы дѣятельные вырабатываютъ усиленнымъ трудомъ и оживляютъ природнымъ талантомъ.

Не входя въ исчисленіе предметовъ, которые преподавались въ германскихъ университетахъ, замѣчу только, что, до временъ нашей церковной уніи, не преподавали тамъ ни исторіи, ни естествознанія, и хотя Библія штудировалась на латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ языкахъ, но языкъ народный, то есть нѣмецкій, вовсе въ наукѣ не участвовалъ. Одно это обстоятельство даетъ намъ возможность опредѣлить мѣсто, занимаемое въ реальной жизни нѣмца истинною наукою и истиннымъ просвѣщеніемъ. Оно не было ни выше, ни шире того мѣста, какое занимали въ ней истинное христіянство и истинно христіянское благочестіе, поставленныя столь высоко своими первыми проповѣдниками.

Впрочемъ, каковы бы ни были реальные успѣхи того, о чемъ мечтали мученики реформаціи, смѣявшіеся надъ простодушіемъ своихъ мучителей; [1]) какъ бы высоко ни была под-

[1]) Когда Іоаннъ Гусъ стоялъ на кострѣ, одна благочестивая женщина, изъ усердія къ вѣрѣ, помогла палачамъ зажечь костеръ еретика и заслужила отъ него достойный божественнаго учителя сарказмъ: „Sancta simplicitas"!

нята университетами образованность западнаго общества, — намъ, русичамъ земли Мономаховой, надобно помнить, что эта образованность проникала къ намъ, въ XVI и XVII вѣкѣ, чрезъ посредство польскорусской шляхты, къ которой, до уніи, принадлежало, въ силу патроната, и все высшее духовенство, какъ латинское, такъ и православное; а шляхта желала больше казаться, нежели быть образованною. Вообразимъ себѣ Кіевъ, съ его стоящимъ руиною акрополемъ; вообразимъ низкій, почти примитивный строй общественной жизни тогдашней, съ ея полудикимъ козачествомъ, отъ котораго сторонились даже попы и чернецы, нуждавшіеся въ его приверженности; вообразимъ, наконецъ, наше мѣщанство, которое, спасаясь отъ соціальной гибели, должно было восполнить въ южнорусскомъ обществѣ отвлеченный изъ него въ сторону элементъ панскій; и тогда представимъ себѣ пришествіе въ этотъ гибнущій міръ европейскаго гуманизма, который былъ рожденъ великими умами, но который проповѣдали въ обществѣ умы сравнительно мелкіе. Чтобы опредѣлить сколько нибудь приблизительно уровень тогдашней элиннославянской школы, которую устроилъ въ кіевобратскомъ монастырѣ Іовъ Борецкій и которую Петръ Могила преобразовалъ въ коллегію, предшественницу духовной академіи, возьмемъ лучшее изъ среднихъ учебныхъ заведеній на нѣмецкой почвѣ, и отъ самой цвѣтущей метрополіи свободной науки сдѣлаемъ заключеніе къ отдаленнѣйшей изъ ея колоній. Въ 1588 году основана въ Базелѣ шестиклассная гимназія. Ни ариѳметики, ни географіи и исторіи въ ней не преподавалось. Нѣмецкаго языка также въ эту гимназію не допущено: онъ тогдашнимъ ученымъ казался языкомъ варварскимъ, такъ что на немъ запрещалось ученикамъ разговаривать. Въ одной комнатѣ часто сидѣло до 200 школьниковъ. Каждый классъ находился

подъ надзоромъ одного изъ старшихъ учениковъ. Этотъ начальникъ меньшей школьной братіи облекался диктаторскою властью. Онъ провожалъ школьниковъ домой; онъ распоряжался у нихъ въ квартирахъ; онъ лѣтомъ водилъ ихъ въ лѣсъ, и школьники, подъ его присмотромъ, запасались въ лѣсу на цѣлый годъ розгами для собственнаго сѣченія. Наши училища во всемъ подражали нѣмецкимъ, съ примѣсью варварства, не нуждающагося въ примѣрахъ. Ближайшее понятіе объ нихъ можетъ намъ дать краковская бурса временъ Сигизмунда-Августа, описанная Оржеховскимъ. Въ ней студенты жили выпрошеннымъ хлѣбомъ, [1]) такъ что даже путешествовали съ привѣшенными къ поясу горшечками, въ которые благотворительная рука вливала ложку вареной пищи. Такъ какъ присоединеніе наше къ царству Московскому не произвело улучшенія въ понятіяхъ о наукѣ,—тѣмъ болѣе, что этому акту предшествовала и за нимъ слѣдовала истребительная Хмельнищина; то сказаніе Шафонскаго о черниговскихъ бурсакахъ позднѣйшаго времени можно перенести цѣликомъ во времена борьбы за унію. По свидѣтельству этого очевидца, черниговскіе бурсаки жили мірскимъ подаяніемъ ежедневной пищи да еще списываніемъ печатныхъ книгъ. Они терпѣли голодъ, холодъ, всякую скудость и нужду. Отъ архіерея (говоритъ онъ) давались бурсакамъ дрова, нѣсколько разъ въ недѣлю печеный хлѣбъ и крупа на кашу; и „однакожъ (продолжаетъ Шафонскій) сія дача столь мала, что естлибы не было народнаго подаянія, то бы они съ голода и холода помирать должны. Когда послѣ полудня изъ классовъ учащихся по своимъ квартирамъ распустятъ, то обыкновенно

[1]) Извѣстно, что и Лютеръ, будучи школьникомъ, снискивалъ себѣ пропитаніе уличными пѣснями.

студенты, жившіе въ бурсѣ, или бурсаки, къ сожалѣнію и общему стыду, ходятъ по всему городу подъ окошками, духовныя пѣсни поютъ, и за то отъ жителей денежное и съѣстное подаяніе получаютъ".

Если Краковъ при Сигизмундѣ-Августѣ и Черниговъ при Екатеринѣ II представляли одно и то же зрѣлище школьнаго образованія, и если, притомъ, Базель, во время процвѣтанія острожскаго училища, не считалъ дѣломъ грубымъ запасать розги посредствомъ самихъ сѣкомыхъ; то легко понять, какова была „школьная чаша", подносимая въ Кіевѣ къ устамъ жаждующихъ премудрости во времена Іова Борецкаго, какъ бы онъ лично ни страался усладить ее. [1]) Надобно при этомъ замѣтить, что наши братскія училища наполнялись почти исключительно круглыми сиротами, которыхъ въ Украинѣ было всегда много. И въ княжихъ усобищахъ временъ дотатарскихъ „вѣцы человѣкомъ съкращахусь". Еще менѣе вѣрна была жизнь украинскихъ отцовъ и матерей во времена ежегодныхъ, можно сказать ежемѣсячныхъ, татарскихъ набѣговъ, когда полевая сторожа была для горожанъ и сельскихъ жителей обязанностью, когда нужда гнала даже осѣдлыхъ людей въ козаки, когда татарскія орды существовали русскимъ ясыромъ, и когда купцы, торговавшіе у перекопскихъ воротъ, не могли надивиться, что наша Русь все еще остается населенною, при множествѣ полонянъ, ежегодно поставляемыхъ татарами на невольницкіе рынки. Братство милосердія составляло контингентъ науки преимущественно

---

[1]) Даже сыновья самого Іова Борецкаго отверглись ее. Въ письмѣ къ Христофору Радивилу отъ 3 октября 1629 года онъ говоритъ, что хотѣлъ воспитать обоихъ сыновей своихъ для духовнаго званія, но Богъ не далъ имъ oycowskiego animuszu i woley, że niechcieli nauk kontinuować (Археогр. Сб. VII, 87.)

изъ дѣтей, скитавшихся безпріютно изъ хаты въ хату, и, по духу своего времени, не находило безнравственнымъ держать ихъ въ богомольномъ нищенствѣ. Лучшее время питомцевъ братской школы проходило въ собираніи насущнаго хлѣба, а худшее проводили они въ тѣсныхъ школьныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ надзиратели и прецепторы всего больше были озабочены отмѣриваніемъ такъ называемаго на семинарскомъ языкѣ крупнаго гороху. [1])

Такова печальная реальность „умственнаго движенія", о которомъ украинскіе историки говорятъ намъ, глядя въ тогдашнія книги и принимая ихъ за памятники народной жизни. Умственное движеніе, заслуживающее этого имени (не то, которое состояло въ заучиваньи чужихъ словъ и мыслей), обнаруживалось въ нашемъ обществѣ не сборниками церковныхъ правилъ, не такими умствованіями, къ какимъ были способны наши наблюдатели радуги или соленаго моря, и не тѣмъ режимомъ, который изъ монастыря перенесенъ въ школу,—отъ людей, похоронившихъ себя для мірской жизни, къ людямъ, готовящимся въ ней дѣйствовать. Краковскіе бурсаки-попрошайки, о которыхъ упомянуто выше, доведены были нуждою и безпомощностью до такого отчаянья, что взбунтовались наконецъ противъ своихъ протекторовъ, и въ одинъ день оставили толпою Краковъ. Питаясь подаяніемъ, разбрелись они въ разныя стороны. По словамъ очевидца событія, многіе изъ нихъ забрели въ Германію, въ Пруссію, Чехію, усвоили себѣ тамъ антикатолическія идеи и, возвра-

---

[1]) Разсказъ Щапова о своемъ воспитаніи въ иркутской бурсѣ даетъ намъ понятіе, чѣмъ была кіевская бурса въ эпоху Іова Борецкаго. „Многіе бурсаки (говоритъ онъ) спеціально воспитывались для палачества. Это были такъ называемые сѣкуторы, которые освобождались отъ ученья и должны были сѣчь своихъ товарищей".

щаясь на родину, были самыми дѣятельными пропагандистами реформаціи въ Польшѣ. Мы не имѣемъ подобныхъ Оржеховскому лѣтописцевъ, и свои понятія объ училищахъ XVI и XVII вѣка составляемъ только по теоріи этихъ училищъ, находимой нами въ братскихъ уставахъ. Но, зная общія свойства людскихъ характеровъ и приведя на память все происходившее у насъ отъ основанія въ Кіевѣ братскаго училища до временъ Екатерины II, мы не должны предполагать большой разницы между спудеемъ эпохи Борецкаго и семинаристомъ временъ Шафонскаго. Въ нашихъ братскихъ училищахъ выдерживали книжную пытку до конца, безъ сомнѣнія, только смирные, окончательно загнанные молодые люди. Они то и писали въ послѣдствіи ученые трактаты о томъ, для чего посолено всемірнымъ хозяиномъ море, а въ лучшемъ случаѣ—составляли книги, полезныя для поддержанія церковныхъ преданій. [1])

---

[1]) Въ числѣ рукописей Московской Синодальной библіотеки, подъ № 738, сохранился экземпляръ одного изъ учебниковъ, приводившихъ кіевскую молодежь въ отчаяніе, или же убивавшихъ ея умственныя способности. Вотъ его заглавіе:

„Книга, глаголемая Донатусъ, въ нейже бесѣдуетъ о семи частѣхъ вѣщания, сирѣчь: о имени, о проимяни, о словѣ, о предлозе слова, о причастіи слова і имени, о союзе, о преставленіи, еяже учятъ оученики новоначальныи после азбукъ, занежъ то есть основание прьвое и подошва хитрости граматичнои, а граматика есть основание и подошва всѣмъ свободнымъ хитростемъ. Въ сеижъ настоящей книзѣ бесѣдуетъ, и прьвое о вышереченыхъ осми частѣхъ вѣщания поставлены вопросы, аки въ лицѣ учителя, и отвѣщания, аки въ лицѣ оученицѣ, и потомъ о количествехъ, и о родѣхъ, и о оуклонениихъ, и о числѣхъ, и о видѣхъ, и образѣхъ, і о лицѣхъ и о степенехъ, и обществохъ, и о прочихъ пристоящихъ къ симъ, потомъ о временехъ и о чинехъ, и о прочихъ. Благослови, отче“.

Въ слѣдъ за симъ начинается граматикія.

Вопросъ. Чясти вѣщания колицы суть? — От. Осмь. — В. Кои? — От. Имя (и т. д.) — В. Имя что есть? — От. Часть вѣщанія, спаденіемъ тѣло или вещь особьственнѣ или обще знаменуя. Особьствен-

Но люди посвоенравнѣе, люди съ умомъ, какъ говорится, безпокойнымъ, такъ называемыя вихреватыя головы, которымъ отмѣривалось крупнаго гороху вдвое и втрое противъ надлежащей порціи, эти люди сворачивали съ проторенной дороги жизни, ходили, что называется, мановцáми, растекались во всѣ стороны подобно взбунтовавшимся краковскимъ бурсакамъ, и куда бы ни бросила ихъ судьба: въ кипящую ли умственнымъ безначаліемъ Нѣмещину, въ богатую ли награбленнымъ у христіянъ

нѣ, яко: Римъ, Тиверъ. Обще, яко: градъ, река. — В. Имени колицы пристоятъ? — От. Шесть. — В. Которыи? — От. Качество, прилагание, родъ, число, образъ, паденіе. — В. Качество именъ въ чемъ есть? — От. Двоечастное есть. — В. Како жъ? — От. Или бо единоа вещи имя есть и собьственое глаголется, или многихъ, и есть нарицательное. — В. Прилаганія степени колицы суть? — От. Три — В. Кои? — От. Положительная, яко: ученъ; прилагательная, яко: ученѣе; надъ прилагательнымъ, яко: преоученѣйши. — В. Кои имена прилагаются? — От. Нарицательная токмо, качество или количество знаменующее Качьство, яко: благъ, или золъ. Количьство, яко: великъ, или малъ. — В. Прилагательная степень коему паденію служитъ? — От. Отрицательному обоихъ числъ безъ преставленія. — В. Какожъ? — От. Глаголемъ бо: оучительнѣе оного, или учительнѣе онѣхъ — В. Превыспреняя степень коему паденію служитъ? — От. Родственому, токмо множественому, или соборному единственому. — В. Какожъ? — От. Глаголемъ бо: преученѣйши мудрецовъ бѣаше Вергилий; или: нарочитѣйшій народа. — В. Роды именъ колицы суть? — От. Четыре. — В. Которые? — От. Мужеский, яко: сей учитель; женский, яко: сия мудрость; посредний, яко: сие сѣдалище; общий, яко: сей и сия сацердосъ. Есть кромѣ сихъ родовъ, еже всячески глаголется, яко: сей и сия и сие. Ѳеликсъ есть еипихечумъ, си рѣчь ежесмѣсный родъ глаголется, яко: сей врабей, сия акъвиля, ласица, мильвусъ. — В. Колиними чинми имена слагаются? — От. Четырми. — В. Коими? — От. Отъ двухъ цѣлыхъ, яко: подгражанинъ; отъ дву съкрушеныхъ, яко: мощедѣйственъ градоемецъ; отъ цѣлаго и сокрушенаго, яко: непотребенъ и безсоленъ; отъ сокрушенаго и цѣлаго, яко: тщепосланникъ, лженосецъ; отъ многихъ, яко: ненепобедимъ, ненеустрашенъ и нестяжителенъ (и т. д.)

добромъ Турецкую землю, [1]) или на Запорожье, гдѣ не отказывали въ пристанищѣ никому, и гдѣ никого насильно не удерживали, — всюду они набирались того общаго знанія вещей, которое въ полуварварскихъ гражданскихъ обществахъ всегда приносило больше реальной пользы, нежели распространеніе организованной школьной науки. Это знаніе, далекое отъ научной послѣдовательности, тѣмъ не менѣе способствовало развитію умовъ, смягченію нравовъ, установкѣ характеровъ, чего нельзя сказать о тогдашней наукѣ.

Наши кіяне XVI и XVII вѣка вели такую тяжкую борьбу за существованіе, о какой никто теперь не думаетъ, но за то они пускали въ ходъ всѣ свои способности. Умственный капиталъ былъ у нихъ постоянно въ оборотѣ. Не Краковъ и не Варшава помышляли о цѣлости ихъ жизни и имущества. Даже „протекторъ православія" и воевода Кіевской земли, князь Острожскій, сосредоточилъ всѣ попеченія о защитѣ края на своей резиденціи, и предоставилъ кіянамъ заботиться самимъ о городскихъ укрѣпленіяхъ. Такъ точно и въ борьбѣ за унію городу Кіеву отдавалось на выборъ: или идти дорогой Витебска, который довелъ дѣло до кровавой катастрофы, или подражать Львову, который даже въ православномъ епископѣ, Гедеонѣ Болобанѣ, имѣлъ гонителя церковнаго братства, который низошелъ съ высоты самодѣятельности молча, и мало по малу сдѣлался самымъ прочнымъ сѣдалицемъ уніи. Но потому ли, что къ Кіеву, со временъ Сагайдачнаго, льнуло козачество, или потому, что древнія святыни кіевскія бы-

[1]) Кобзарскія думы того времени свидѣтельствуютъ, что наши люди именно такъ смотрѣли на турецкія владѣнія. Въ нихъ говорится:

Ты, зéмле турéцькая, ты, вѣро бусурмéньская!
Ты есть напольнена срѣбломъ-златомъ
И дорогими напитками...

ли нравственными твердынями православія, Кіевъ, слабый въ началѣ уніи городъ, оказался необоримымъ для нея въ то время, когда она, силою и соблазномъ, восторжествовала болѣе или менѣе надъ Львовомъ, Полотскомъ, Витебскомъ, Вильною. Кіевское общество отличалось въ эту бѣдственную эпоху самодѣятельностью, и чѣмъ больше развивалось въ немъ то, что англичане такъ хорошо зовутъ selfhelp, тѣмъ выше стоялъ нашъ умственный уровень, видный потомству лишь по результатамъ тогдашнихъ дѣяній.

Несравненно важнѣе не только школьнаго, но и реальнаго умственнаго движенія, въ эпоху Борецкаго, была религіозность, возсіявшая съ Аѳона и, путемъ живой проповѣди, разлившаяся въ нашемъ низменномъ обществѣ, отъ славетныхъ райцевъ и лавниковъ до послѣдняго винника, броварника и могильника. У насъ въ то время всѣ были религіозны, даже и такіе люди, какъ барышники, только что каждый понималъ богоугодность или благочестіе по своему. Но чувство религіозности, каково бы оно ни было въ низшихъ классахъ общества, поддерживалось опять таки не школами и не школьною литературою. Оно поддерживалось, какъ мы видимъ изъ гомерической исторіи нашихъ пиратовъ, во первыхъ, „Святымъ Письмомъ", сопровождавшимъ даже и тѣхъ, которые, по смыслу народной сатиры, въ своей одичалости, не умѣли уже различить церковь отъ скирды сѣна, [1]) а во вторыхъ, уваженіемъ къ древности преданія. Новость уніятскаго ученія сама по себѣ была для простыхъ умовъ подозрительна, хотя бы имъ и не внушали православные попы, что папа и антихристъ — одно и то же; [2]) а тѣ стѣсненія, которыми со-

[1]) См. томъ II, стр. 81.

[2]) Это мнѣніе о папѣ заявлялось безъ церемоніи въ печатныхъ манифестаціяхъ противниковъ уніи.

провождалась унія, пробудили въ сердцахъ дремлющее чувство религіозности сильнѣе, нежели могла бы это сдѣлать самая краснорѣчивая пропаганда. Григоріанскій календарь, запрещеніемъ работать и торговать въ дни римскихъ праздниковъ, коснулся весьма чувствительной въ мѣщанскомъ сердцѣ струны. [1]) Люди съ самыми грубыми наклонностями заговорили о спасеніи души, и на свое убогое духовенство, съ его раздраженною завзятостью, стали смотрѣть, какъ на вѣщателей Божіей правды. Во времена религіозной терпимости, наши попы могли представляться народу, какъ въ наше время, вымогателями роковщины и сборщиками разныхъ платежей за церковныя требы. Равнодушно, чтобъ не сказать больше, относился тогда народъ къ приходскому священнику, котораго ничто, кромѣ одежды, не отличало отъ полушляхтича, и который проявлялъ свой энтузіазмъ только въ дѣлахъ, лично къ нему относившихся. Но когда тотъ же самый священникъ подвергся преслѣдованію, когда нищета проступала на всемъ быту его въ поразительныхъ знакахъ своихъ, когда бѣгство, безпріютное скитанье, а нерѣдко и смерть, сдѣлались условіями стойкости его въ православіи,—нравственный образъ его измѣнился въ глазахъ народа. На убогаго и гонимаго священника стали смотрѣть, какъ на пророка, какъ на человѣка, которому открыты тайны иного міра, міра верховной справедливости, гдѣ каждому воздается по заслугамъ его; стали смотрѣть, какъ на указателя пути въ ту жизнь, гдѣ, по народному вѣрованію, души стяжательныя и жестокосердыя обречены на муки алканья, жажды и поздняго раскаянья, а души благотворительныя и кроткія наслаждаются изобиліемъ и спокойствіемъ, которыхъ они были ли-

---

[1]) См. въ I т. Матер. для Ист. Возс. Р. „Боркулаб. Хрон.“

шены по сю сторону могилы. Скитающійся безприходны священникъ самимъ неумѣньемъ своимъ возвести евангельскія притчи къ высокимъ идеямъ, которыя въ нихъ вложены, способствовалъ воспріятію вѣры массами, которымъ, при ихъ невѣжествѣ, церковное богослуженіе не представлялось, какъ намъ, священною исторіею ветхаго и новаго завѣта. Каждый захожій монахъ, каждый даже церковный причетникъ производилъ тогда сильное впечатлѣніе на умы разсказами о томъ, ради чего противники уніи оставались въ древнемъ благочестіи, ради чего терпѣли убожество, гоненія и въ своихъ странствованіяхъ рисковали быть убитыми или замученными въ темницѣ, яко ослушники законныхъ властей и возмутители народа. Какова бы ни была пропаганда уніи, чисто ли обрядная, или учительно религіозная, общественное мнѣніе нашихъ чернорабочихъ и промышленныхъ классовъ стало въ непреклонную оппозицію съ ея творцами. Конечно, при тогдашнемъ состояніи богословской пропедевтики, каждый членъ гонимой русской церкви, въ низходящей градаціи научнаго или религіознаго развитія, болѣе или менѣе отклонялся отъ того смысла православія, который оно черпаетъ изъ перваго своего источника; но связь между самыми учеными и самыми темными людьми въ православной общинѣ отъ этого не прерывалась. И православный архіерей, и православный мѣщанинъ, и козакъ, отвыкавшій бывать въ церкви по одной причинѣ, и мужикъ, не видѣвшій богослуженія по другой, одинаково были убѣждены въ спасительности вѣры своей. Убѣждены были въ ея святости и тѣ, которые восходили къ духовному пониманію Божія царства, и тѣ, для которыхъ померш і я души были все еще живые люди, только поставленныя на томъ свѣтѣ въ такія отношенія, въ какихъ же-

лательно было бы видѣть ихъ на этомъ. [1]) Между наивною фантазіею простолюдина и просвѣщеннымъ умозрѣніемъ православнаго экзегета столько было ступеней умственнаго прозрѣнія въ существо религіи, сколько могъ насчитать Іаковъ на той лѣстницѣ, которая отдѣляла его покоящуюся на камнѣ голову отъ разверстыхъ передъ его умственнымъ окомъ небесъ. Но, принадлежа къ одному и тому же народу, часто къ одному и тому же классу общества, экзегеты наши не были отрѣзаны отъ простолюдиновъ, а только отдѣлены отъ нихъ градаціею болѣе утонченныхъ понятій.

Историческая значительность религіозной философіи южнорусскаго народа выступила во всей силѣ своей особенно въ то опасное время, когда на владычнихъ престолахъ, на архимандріяхъ и протопопіяхъ появились люди, готовые отрѣшить наше общество отъ родныхъ преданій, соединенныхъ съ церковью, и римскую курію сдѣлать для него законадательницею христіянскихъ вѣрованій. Не шляхта, изучавшая религію катехизически, а простонародіе, усвоившее себѣ христіянство при посредствѣ наивной фантазіи своей, воспротивилось этимъ людямъ всѣми своими чувствами. Сельскій народъ отшатнулся пассивно отъ церквей, предоставленныхъ попамъ-унитамъ; городской воспротивился уніи оборонительно и навлекъ на себя грозу правительства. [2]) Потеря торговыхъ правъ, опечатаніе товаровъ, отлученіе отъ городской общины и лишеніе покровительства законовъ постигли прежде всего мѣщанъ того города, въ которомъ засѣдалъ синодъ, при-

---

[1]) См. въ І-мъ томѣ Записокъ о Южной Руси *странствованіе по тому свѣту.*

[2]) Надобно при этомъ имѣть въ виду малочисленность сельскихъ приходовъ и подчиненность многихъ селъ городскимъ приходскимъ священникамъ. (Мат. для Ист. Воз. Р. т. I, стр. 77.)

знавшій унію узаконеннымъ вѣроученіемъ. [1]) Авторъ „Перестороги“ говоритъ, что покровительствуемые королевскимъ правительствомъ отступники православія „прежде всего ударили на братства виленское и берестовское муками, отбираніемъ имуществъ, запрещеніемъ производить ремесла, пользоваться торговыми правами и нромыслами“. Онъ же, упрекая уніятовъ за ихъ печатную пропаганду, въ которой они грозили кіемъ даже документальному автору „Апокрисиса“, бросаетъ имъ въ глаза такими фактами, какъ притѣсненіе мѣщанскихъ церковныхъ братствъ львовскаго и виленскаго, а о берестовскихъ мѣщанахъ выражается тономъ общеизвѣстнаго факта: „Знаетъ про то ихъ хребетъ и мѣшокъ (мошна), и попъ ихъ Павло въ Берестьѣ, какъ вы мучили его въ смрадной темницѣ“.

Такъ какъ прямою цѣлью отступничества духовныхъ лицъ было владѣніе церковными имуществами, то понятно, что строители городскихъ церквей, мѣщане, и ихъ священники, ставъ на дорогѣ у королевской партіи, привлекли на себя первые удары хищниковъ. Луцкій попъ Стефанъ Добрянскій (да святится память его въ исторіи!) пострадалъ за древнее русское благочестіе вскорѣ послѣ Берестовскаго собора. Онъ объявилъ публично, что будетъ стоять противъ уніи; онъ паству Кирилла Терлецкаго привлекъ изъ захваченнаго уніятами города Луцка въ Спасскій загородный монастырь, не подвластный отступнику владыкѣ, яко панскій, и за то былъ утопленъ въ проруби приверженцами уніи, которые тайно слѣдили за нимъ. Трагическое приключеніе съ Грековичемъ въ 1618 году было только повтореніемъ уроковъ фанатизма, которые паписты начали давать православнымъ съ самаго

[1]) См. томъ II. Исторіи Возс. Руси, стр. 443.

обнародованія уніи. Слухи въ родѣ того, что нашимъ попамъ брили бороды и головы, могли быть преувеличеніемъ разгоряченной партіи благочестивыхъ; но поступокъ съ Добрянскимъ, разбиравшійся—безъ результатовъ однакожъ—на сеймѣ, тѣсно соединенъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что автору первой книги противъ уніи грозили печатно кіемъ, и что каждый потомъ скрывалъ свое имя на политическихъ сочиненіяхъ, „чтобъ не постигла его (замѣчаетъ авторъ „Перестороги“) такая бѣда, какъ попа Стефана“. Пострадавшее въ первое время уніи духовенство этимъ самимъ возымѣло все то вліяніе на городское общество, которому не могли надивиться его противники, разсчитывавшіе на превосходство своей образованности, на покровительство властей и всего больше—на ту практику богоугодной жизни, которую столь искусно преподавали имъ іезуиты. Этимъ способомъ жизнь городского ремесленника и церковнаго проповѣдника соединились въ неразрывный союзъ. Онъ имѣлъ важное значеніе въ исторіи нашего общества. Въ немъ догматическія истины православной церкви и поэтическіе образы фантазіи народной, вмѣстѣ съ историческими преданіями древнихъ монастырей и монастырскими легендами, которымъ такъ охотно внимаетъ набожный простолюдинъ, составили ту восходящую и низходящую градацію разумѣнія нравственныхъ истинъ, которая соединяетъ небесное съ земнымъ и дѣлаетъ религію равно осязаемою, какъ для самыхъ высокихъ, такъ и для самыхъ низменныхъ умовъ.

Широкій базисъ, на который опиралось чистое ученіе православной церкви, былъ тѣмъ непоколебимѣе для папистовъ, что фундаментомъ ему служили не одни нравственные, но и матеріяльные интересы всего собранія людей, которое въ то время можно было назвать южнорусскимъ народомъ. Низкіе

и пошлые въ глазахъ односторонняго идеалиста виды корысти, разсчета и нужды давали прочный устой высшимъ стремленіямъ нашего общества. Они оправдываются философіею промышленности, дающею позитивныя, иначе сказать—прочныя, основанія для всякой другой философіи, не исключая и религіозной. Ничто великое въ мірѣ идей не могло осуществиться, при самыхъ энергическихъ усиліяхъ возвышенныхъ умовъ и благородныхъ сердецъ, доколѣ интересы чисто житейскіе, якобы противорѣчащіе божественности нашего духа, не вступали въ тѣсную ассоціацію съ интересами чисто умственными и сердечными. Солидарность умовъ даннаго времени, въ религіи, политикѣ или этикѣ, зависитъ отъ одинаковаго взгляда на вещи, а единство общихъ понятій о вещахъ основывается на единствѣ эгоистическихъ интересовъ грамотнаго, полуграмотнаго и вовсе неграмотнаго народа. По этой лѣстницѣ можно спуститься въ самую преисподнюю человѣческой души, но она же ведетъ, противоположнымъ ходомъ, и въ ея высшія сферы. Разница въ зрѣлищѣ только та, что, чѣмъ ниже будемъ спускаться, тѣмъ большее число людей будетъ имѣть между собою общее; но на этомъ то множествѣ низменныхъ представителей человѣческаго общества и основывается сила верховныхъ началъ его, освобожденныхъ, въ высшихъ сферахъ жизни, отъ всего мутнаго, возведенныхъ въ чистоту пониманія и чувства.

Исторія знаетъ уже, что дѣло германской реформаціи поднялось не столько изъ за оскорбленія римскою церковью религіозной совѣсти нѣмцевъ, сколько изъ за ея чрезмѣрнаго посягательства на блага міра сего. Ученые нѣмцы приняли горячо къ сердцу нравственные интересы невѣждъ потому, что имѣли свою долю въ ихъ матеріяльныхъ интересахъ. Они боролись за имущество простонародной массы столь же рев-

ностно, какъ и за высокіе интересы общественной нравственности; но главною связью между высшими и низшими послѣдователями реформаціи было единство интересовъ эгоистическихъ. Поэтому то народъ, оставаясь въ церковной революціи на своей матеріяльной почвѣ, какъ и во всякой другой, тѣмъ не менѣе воздавалъ полную мѣру уваженія своимъ ученымъ и мечтательнымъ заступникамъ. Оставляя въ сторонѣ нѣмцевъ, скажу, что у насъ работники просвѣтительнаго для всѣхъ начала, древняго русскаго благочестія, отнюдь не чуждались тѣсной связи съ полуграмотными торгашами и ремесленниками, а работники достижимой для каждаго силы, силы богатства, ни мало не лицемѣрили, собираясь въ цехи подъ хоругвію церкви и защищая больше церковное имущество и свои личные интересы, нежели чистоту смутно понимаемаго ими ученія. Мы были религіозны, но только безъискусственно и простодушно, религіозны по своему. Мы были преданы церкви, до завзятости, но, подъ знаменемъ церкви, стояли, во первыхъ, за свои насущные интересы, и только во вторыхъ — за вѣрованія, которыхъ начало въ насъ никому не извѣстно... Защищая неприкосновенность церковнаго преданія, мы отвергали пастырей церкви всего больше за то, что они наши владычнія села, наши архимандріи, наши церковныя имущества предоставили въ распоряженіе римскаго папы, устранявшго мірянъ отъ вмѣшательства въ церковныя дѣла, тогда какъ цареградскій патріархъ, согласно нашему желанію, дѣлалъ насъ блюстителями и патронами церкви. Что касается до церкви въ высшемъ значеніи слова, до хранительницы древнихъ преданій, до утѣшительницы скорбящихъ, до облегчительницы житейскихъ тягостей, то она внушала намъ чувства иного рода. Она, въ лицѣ своихъ священнослужителей, представляла „малое стадо“ среди множества

волковъ, а не собраніе богатыхъ, сильныхъ, блистательныхъ, какъ церковь римская. Наши церковныя имущества были расхищены. Наши храмы были убоги. Наши древнія святилища поражали скорѣе своимъ запустѣніемъ, нежели устройствомъ. Кіевская Святая Софія не гремѣла органами, не сіяла изяществомъ убранства, какъ тѣ соборы, въ которыхъ, на досаду нѣмцамъ, продавались индульгенціи. Она стояла пусткою и затекала дождями. Даже самый входъ въ нее при Іовѣ Борецкомъ былъ заваленъ упавшею стѣною. [1]) Украинскіе и другіе наши монастыри были шпиталями для пропитанія убогихъ, а не факторіями для обирательства богатыхъ. Только владыки да архимандриты, поставляемые изъ панской среды волею короля, безобразничали у насъ подобно заграничнымъ аббатамъ и епископамъ, и ихъ то мы, яко экклезія, подчинили мірскому контролю, при посредствѣ цареградскаго патріарха. Этотъ первый шагъ нашей реформаціи ускорилъ пришествіе къ намъ церковной уніи, какъ противодѣйствующаго средства; а когда унія явилась на помощь мыслившимъ по римски іерархамъ, мы сдѣлали второй, не менѣе важный шагъ. Мы выработали и провозгласили устами строгаго представи-

---

[1]) Объ этомъ разсказываетъ Кольнофойскій въ *Тератургимѣ:* „muru wielką sztuką y rumow kupą niemałą (drzwi) zawalone były“. Стр. 196.)

Еще печальнѣе изображено состояніе Святой Софіи въ письмѣ къ Сагайдачному записавшихся въ козаки кіевскихъ обывателей: „О митрополиту православномъ и о церкви Софіи Светое старайтеся, абы подъ благословеніемъ патріаршимъ быти могъ, а церковъ Софейскую, якъ обыдралъ панъ Садковскій, напоменуть его, абы и накрылъ хотя соломою, жебы ей гнити не давалъ. Олово ободралъ и продавалъ, а тресками накрылъ умысльне, абы ее обвалити, якъ и низшые муры повалялися. Маетностей церковныхъ уживаеть, а церкви гніючи пустують. Добро бы ему зганити тое иле подъ той часъ отъѣзду своего, абы на далѣй паметалъ и старался о поправу ее пильнѣйшей“. (Археогр. Сб. I, 265)

теля національной церкви, Іоанна Вишенскаго, правило: „Не принимать того, кто самъ навязывается въ іерархи, кто назначается королемъ безъ нашего избранія; изгонять и проклинать такого, потому что мы не въ папу крестились и не въ королевскую власть, чтобы намъ король давалъ (вмѣсто пастырей) волковъ и злодѣевъ: ибо лучше намъ безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ діавола поставленныхъ, въ церковь ходить и православіе хранить, нежели съ владыками и попами, не отъ Бога званными, въ церкви быть, ей ругаться и православіе попирать“. Эта программа аѳонскаго монаха стоитъ программы монаха августинскаго; но нашъ реформаторъ былъ въ своемъ родѣ выше нѣмецкаго: онъ сохранилъ древность народныхъ преданій и связалъ ими православіе со временами апостольскими, чего нѣмецкому не давали сдѣлать развалины римской церкви, отдѣлившія его народъ отъ церкви первобытной.

И мы выполнили аѳонскій наказъ до конца; мы во главѣ духовенства поставили излюбленную обществомъ личность, которая олицетворяла въ себѣ добродѣтели нашихъ первыхъ подвижниковъ вѣры въ Бога и милосердія къ человѣку. Неутвержденный иновѣрнымъ королемъ избранникъ нашъ возсѣдалъ на митрополіи въ силу народной вѣры въ его достоинство. Первымъ дѣяніемъ созваннаго имъ собора была манифестація, въ которой наша іерархія начертала себѣ слѣдующую, діаметрально противоположную ученію римской церкви, программу дѣйствій: „Не гнѣваться на младшихъ и низшихъ степенью, если бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ напоминали что нибудь, или отъ чего предостерегали; напротивъ позволять имъ это дѣлать, помня, что и царей и патріарховъ предостерегали и обличали, и у патріарховъ опредѣленъ для того особый сановникъ, положенный въ каталогѣ патрі-

аршихъ сановниковъ и называемый по гречески ὑπομνήστης, а по славянски воспоминатель, чтобы тайно напоминать святителю".—„Не слѣдовать безбожному папскому правилу, за которое всеблаженный патріархъ Александрійскій Мелетій порицаетъ папу и его служителей. Римскій дворъ осмѣлился установить такое правило, что хотя бы папа тьму людей влекъ за собою въ адъ, никто не долженъ сказать ему: стой! что ты дѣлаешь? Если же архіереи и другіе настоятели съ любовью допустятъ дѣлать себѣ замѣчанія и будутъ исполнять все предписанное, тогда отцы въ сынахъ и сыны въ отцахъ пребывать будутъ, и такимъ образомъ послѣдуетъ согласіе и приверженность къ нимъ народа".

Дѣйствительно строеніе южнорусской церкви, въ смыслѣ эвклезіи, достигло, въ эпоху Іова Борецкаго, такой гармоніи между отцами и сынами, между пастырями и пасомыми, какая существовала только во времена языческихъ гоненій на христіянство. Имѣя во главѣ лишь нѣсколькихъ достойныхъ представителей православнаго богословія, она тѣмъ не менѣе внушала преданность къ себѣ не только людямъ осѣдлымъ, но и тѣмъ, которые проводили всю жизнь свою въ нападеніяхъ на купеческіе караваны, на торговыя суда, на ярмарки, и рынки,—людямъ, которые только о томъ и думали, какъ бы перехватить награбленную татарами добычу, какъ бы ограбить панское или монастырское имѣніе или вторгнуться для разбоя и грабежа въ сосѣднее государство. Козаки высшаго сорта, такъ называемые лучшіе люди, козацкіе аристократы, происходившіе изъ шляхты, или изъ магистратскихъ славетниковъ, равнявшихся, даже предъ закономъ, съ дворянами, усердствовали дому Божію обычаемъ Сагайдачнаго и, отъ имени Запорожскаго Войска, продолжали защищать его вмѣстѣ съ духовенствомъ и мѣщанами. Козаки низшаго сорта, расторгая

связи семейныя и общественныя ради своей дикой вольности, никогда не смѣли расторгнуть союзъ съ церковью, къ которой принадлежали зажиточные представители Запорожскаго Войска. Они, въ своихъ вооруженныхъ ватагахъ, чуждались духовенства даже и подъ знаменами Конашевича-Сагайдачнаго, считая присутствіе попа въ походѣ накликаньемъ несчастья на все войско; [1]) но тѣмъ не менѣе дѣлались „оброчниками" Божія дома, и не только съ днѣпровскаго Низу, но и съ береговъ Дона посылали въ Кіевъ серебро на оклады къ образамъ, на кадильницы и другія церковныя украшенія. [2]) Во времена гоненія, какъ и въ эпохи безопасности, православная церковь сохранила для южноруссовъ значеніе общаго центра, къ которому были направлены помыслы и монашествующихъ и мірскихъ людей, соотвѣтственно нравственному и умственному развитію каждаго.

---

[1]) См. выше прим. къ стр. 36.

[2]) Матер. для Ист. Возс. Р. т. I, „Разсказъ запорожскихъ козаковъ о совмѣстной жизни съ козаками донскими".

ГЛАВА XXIV.

Роль южнорусскаго сельскаго мужика въ исторіи церкви.—Первый и главный источникъ православнаго движенія въ Рѣчи Посполитой.—Сильная и слабая сторона монастырскихъ общинъ.—Двоякій способъ борьбы монастырей за свое существованіе.—Двоякій способъ войны папистовъ съ православными.—Опасный компромисъ православнаго духовенства съ уніятами.

Если портреты предковъ не имѣютъ никакого сходства съ живыми потомками, это вѣрный знакъ, что живопись погрѣшила противъ натуры. Если живые потомки не напоминаютъ изображенныхъ въ исторіи предковъ основными чертами характеровъ своихъ, это значитъ, что предки ждутъ еще вѣрнаго изображенія. Прошедшее связано съ настоящимъ органически; и нѣтъ ничего въ настоящемъ, что не имѣло бы своего корня въ прошедшемъ.

У насъ вошло въ обычай—говорить объ участіи южнорусскихъ мужиковъ, именно сельскихъ пахарей, крестьянъ, въ религіозномъ движеніи XVI и XVII вѣка. Но, кромѣ того, что сказано о нихъ выше, едвали можно указать, чѣмъ именно проявилъ себя южнорусскій мужикъ въ самую критическую и самую славную эпоху южнорусской исторіи. Среди людей ученыхъ, среди такихъ людей, которые старались каждаго обратить въ ходячій катехизисъ извѣстнаго вѣроученія, сельскій хлѣборобъ нашъ не могъ проявить себя иначе, какъ

собственною, такъ сказать хатнею проповѣдью о „томъ свѣтѣ", въ которой отражалась окружавшая его дѣйствительность. Что же касается до страстныхъ порывовъ львовскихъ, виленскихъ и наконецъ кіевскихъ теологовъ, то онъ долженъ былъ относиться къ нимъ довольно равнодушно. Безъ сомнѣнія, низшій классъ южнорусскаго населенія не уступалъ въ природныхъ способностяхъ высшимъ классамъ. Онъ заключалъ въ себѣ скрытые отъ него самого элементы для всего, что дѣлали мѣщане въ городахъ, козаки въ своихъ кошахъ и таборахъ, чернецы въ монастыряхъ и даже шляхта на сеймахъ; но его роль въ общественной дѣятельности не могла быть иною, какъ пассивною. Онъ былъ—или молчаливымъ зрителемъ борьбы высшихъ сравнительно классовъ, или безпомощнымъ страдальцемъ въ этой борьбѣ. Историки, желающіе, чтобы весь народъ, какъ обыкновенно писалось и пишется въ разныхъ манифестаціяхъ, принималъ дѣятельное участіе въ изображаемомъ ими религіозномъ движенія, не должны забывать, что сельскіе мужики во времена они были разобщены между собой больше нынѣшняго; что они, относительно прочихъ классовъ, были невѣжественнѣе нынѣшняго; что мѣщане были отрѣзаны отъ нихъ своими торговыми, а козаки—войсковыми интересами; и что полная зависимость мужика отъ землевладѣльца не позволяла ему дѣйствовать въ церковныхъ дѣлахъ самопроизвольно.

Сельскій мужикъ временъ Іова Борецкаго не только не принималъ участія въ общемъ религіознымъ движеніи, но, если судить о немъ по нынѣшнимъ его потомкамъ, погруженнымъ въ свои домашніе интересы, не любопытствовалъ даже знать о томъ, что дѣлается за предѣлами его околицы.

Въ Украинѣ козацкой, то есть въ пограничныхъ королевскихъ городахъ и мѣстечкахъ, служившихъ мѣстами житель-

ства для козацкихъ женъ и дѣтей, религіозный вопросъ, какъ вопросъ соціальной борьбы, не существовалъ вовсе. Та часть русскаго міра была заслонена отъ папистовъ Кіевомъ, какъ непреодолимымъ редутомъ. Тамъ и мѣщане „послушные", и мѣщане „непослушные", то есть козаки, подзамчане или мужики замковаго, то есть старостинскаго присуду, спокойно оставались при своихъ православныхъ попахъ даже въ то время, когда въ самомъ Кіевѣ соблазняемые королевскою партіею мѣщане начинали дѣлиться на ся и, по образцу Вильны, готовы были въ магистратскихъ лавицахъ образовать большинство сторонниковъ папы. Притомъ же въ эпоху Іова Борецкаго это былъ край пустынный, далеко не такой, какимъ онъ сдѣлался къ началу Хмельнищины. Онъ былъ до того малолюденъ и убогъ, что предложеніе „Совѣтованія о Благочестіи"—„фундовати епископа во Черкасѣхъ" осталось безъ исполненія; и сколько ни ѣздилъ Іовъ Борецкій лично въ козацкія рады для сбора „милостыни" на устройство церквей, сколько ни посылалъ въ козацкіе городки и за Пороги своихъ довѣренныхъ людей, но въ теченіе своего архіерейства не могъ собрать и столько денегъ въ этомъ пустынномъ краѣ, чтобы построить въ Михайловскомъ монастырѣ каменную колокольню. [1])

Что касается до Украины панской, удаленной отъ татарскаго пограничья и потому колонизованной гораздо гуще, то здѣсь патронами старыхъ и строителями новыхъ церквей были независимые государи своихъ вотчинъ, наслѣдственные землевладѣльцы. Религіозное движеніе въ панскихъ селахъ могло быть произведено только самими панами, но никакъ не помимо

[1]) См. духовное завѣщаніе Іова Борецкаго въ Кіевск. Еп. Вѣд. 1863 г. № 21.

нихъ — мужиками. Потому то „Совѣтованіе о Благочестіи“ умалчиваетъ о селахъ, а говоритъ объ однихъ землевладѣльцахъ, вмѣняя въ обязанность епископамъ регулярно посѣщать „дома благородныхъ“.

Притомъ же надобно помнить, что гражданское общество, устроенное въ южной Руси шляхтою, даже и послѣ измѣны ему со стороны высшаго сословія, относилось къ сельскому мужику болѣе или менѣе по шляхетски. Сельскій мужикъ, можно сказать, не принимался даже въ разсчетъ, когда шло дѣло о защитѣ православія отъ папистовъ. Самъ Іоаннъ Вишенскій упрекаетъ унитскихъ владыкъ за подвластныхъ имъ крестьянъ въ духѣ рабовладѣнія. „Вы обдираете тѣхъ (говоритъ онъ), которые завѣщаны благочестивыми христіянами на прокормленіе сиротъ“. Сельскій мужикъ, сидѣвшій на приписанной къ церкви землѣ, означалъ тогда часть хозяйственнаго инвентаря. Его трудъ обращался на содержаніе въ порядкѣ храмовъ, на пропитаніе семьи священника, на поддержку попеченіемъ церкви безпріютныхъ вдовъ и сиротъ. Онъ возбуждалъ участіе аѳонскаго моралиста со стороны несправедливой растраты взимаемыхъ съ мужика доходовъ, со стороны излишней жадности духовныхъ рабовладѣльцевъ; но за тѣмъ въ апостольскомъ посланіи нѣтъ вовое рѣчи объ отношеніи мужика къ церкви, въ качествѣ существа мыслящаго. Если и въ наше время довольствуются по неволѣ только тѣмъ, чтобы мужикъ чтилъ церковь и исполнялъ религіозные обряды, то что сказать объ апостольскихъ попеченіяхъ тогдашнихъ его пастырей? Ни одинъ православный шляхтичъ мужицкимъ попомъ не былъ. Шляхтичей мы видимъ въ монашествѣ. Они были иногда городскими попами у мѣщанъ. Ниже этого шелъ развѣ такой человѣкъ, какого описываетъ, въ

благочестивомъ негодованіи, Захарія Копыстенскій. [1]) Мужицкій попъ является въ исторіи православія обыкновенно панскимъ подданнымъ, отбывающимъ крестьянскія повинности наравнѣ съ сельскими мужиками. Это печальное обстоятельство говоритъ ясно, что такое былъ пасомый имъ мужикъ въ глазахъ прочихъ классовъ, и чѣмъ могъ быть мужикъ въ качествѣ историческаго дѣятеля.

Справедливо, или нѣтъ, но только и поборники, и противники папизма въ русскихъ провинціяхъ Рѣчи Посполитой были пропитаны чувствомъ соціальнаго отчужденія къ званію хлопа. Это званіе было синонимомъ грубости чувствъ и понятій для тогдашняго моралиста и ученаго. Извѣстный Лаврентій Древинскій, членъ виленскаго братства и сеймовой ораторъ въ пользу православія, упрекалъ руководителей уніи тѣмъ, что они въ двадцать лѣтъ не нашли ни одного природнаго шляхтича для замѣщенія архіерейскихъ вакансій, что полотскій владыка — сынъ чеботаря, перемышльскій — сынъ львовской мѣщанки, холмскій—сынъ виленскаго купца. Представители основанныхъ Исаіею Копинскимъ монастырей считались между собой происхожденіемъ и не стѣснялись, въ качествѣ природныхъ шляхтичей, докорять своихъ товарищей тѣмъ, что отцы ихъ были козорѣзскаго роду, то есть мясники. Наконецъ, самъ „козацкій батько", въ извѣстномъ исчисленіи нанесенныхъ козакомъ обидъ, называлъ козацкаго полковника Романа Пешту хамомъ. Мелкая русская шляхта старалась отрозниться не только отъ мужиковъ, но и отъ мѣщанъ своими одеждами и языкомъ. Не разъ она, вмѣстѣ съ поляками, домогалась на сеймахъ привилегіи на извѣстныя матеріи, на извѣстныя цвѣта матерій, а изъ того языка, который,

---

[1]) См. томъ I, стр. 198.

въ наше время, одинаково нравится и малоруссамъ, и великоруссамъ въ украинскихъ простонародныхъ пѣсняхъ, выработала полупольскій, якобы облагороженный языкъ, на которомъ значные козаки объяснялись и писали до Мазепы и Скоропадскаго. Даже кобзари украинскіе, считая себя, въ качествѣ рыцарскихъ менестрелей, выше творцовъ обыкновенныхъ мужицкихъ пѣсенъ, приноровили свою рѣчь ко вкусу козацкой знати, и многія польскія формы рѣчи, перемѣшанныя съ церковнославянскими, удержали до нашего времени. На сколько козаки были помѣсью польскорусской шляхты и мѣщанскаго сословія, насколько они были питомцами панскихъ дворовъ и такъ называемой дворской жизни, на столько ихъ пренебреженіе къ народной массѣ высказывалось рѣзко и для нашего гуманнаго времени возмутительно. Этимъ надобно объяснять не только извѣстное вѣрноподданническое предложеніе Наливайка рѣзать уши и носы крестьянамъ, если они вздумаютъ козаковать, но и фактическое калѣченье мужиковъ, за которое владѣльцы ихъ искали суда на Наливайка и его сообщниковъ, протопопа Демьяна, роднаго брата́ Наливайкова, и князя Вороницкаго, кіевскаго подвоеводія. Этимъ же объясняется и терроръ, который козаки простирали на мужиковъ до того, что иногда цѣлыя панскія села угоняли для колонизаціи никѣмъ еще не занятыхъ пустынь.

Сельскій мужикъ могъ принимать участіе въ православномъ движеніи только въ такомъ случаѣ, когда панъ ополчалъ его на защиту церковнаго имущества, какъ это дѣлали папы Корсаки при защитѣ отъ Кунцевича полотскаго монастыря. Но тотъ же мужикъ въ Червонной Руси, какъ мы знаемъ, ополчался, подъ предводительствомъ Опалинскаго и Стадницкаго, для захвата и грабежа принадлежавшихъ сосѣду церквей, по случаю продолжительной войны за со-

баку. [1]) Говоря вообще, мужикъ XVI и XVII вѣка былъ пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ польскаго землевладѣльца, кто бы этимъ землевладѣльцемъ ни былъ, и не доросъ, въ экономическомъ и соціальномъ развитіи, до того, чтобы, наравнѣ съ мѣщанами, отражать посягательства уніи на православіе, въ чемъ бы они ни состояли. Поэтому напрасно мы, въ своихъ писаніяхъ, возводимъ его въ защитники древняго русскаго благочестія. Не ему бѣдному было отстаивать панскую собственность—церковь, защищать приписанную къ церкви паномъ землю и оборонять посаженнаго на ней тѣмъ же паномъ приходскаго священника. Самое большее, что могъ онъ предпринять, было удаленіе въ кабакъ отъ церкви, предоставленной паномъ священнику униту, о которомъ хлопскій попъ, засѣдавшій тамъ же, [2]) могъ пожалуй насказать своей паствѣ много такого, какъ насказалъ своей публикѣ авторъ „Перестороги". Вообще, сколько намъ извѣстны бытовыя условія эпохи Сагайдачнаго и Борецкаго, тогдашній южнорусскій мужикъ, въ случаѣ крайне непріятнаго положенія своего, помышлялъ о предметахъ, болѣе для него достижимыхъ, нежели возстановленіе православія въ панской церкви и на панской землѣ. Онъ бѣжалъ, на примѣръ, отъ одного осадчаго, у котораго высидѣлъ уже волю, къ другому осадчему, у котораго счетъ вольнымъ отъ панщины годамъ начинался для него сызнова. Оттуда мужикъ-проноза могъ пожалуй „двинуть" еще дальше, на Украину, страну мечтательнаго благополучія для всѣхъ, кому не сидѣлось на мѣстѣ, а тамъ, усвоив-

[1]) Объ этой войнѣ, независимо отъ Львовской Лѣтописи, упоминается еще въ реляціи, составленной для римской куріи посланниками папы, Себастіаномъ Чефали и графомъ Христофоромъ Мадзини, какъ о примѣрѣ панской полноправности.

[2]) См. томъ I, стр. 198.

ши себѣ искусство обращаться съ оружіемъ и набравшись много духу въ борьбѣ съ звороватою ордою, могъ онъ сдѣлаться вольнымъ козакомъ, то есть утикачемъ, побывать за Порогами, погулять по морю и получить непреодолимое отвращеніе къ панщинѣ. Но даже и эта исключительная карьера вела его вовсе не къ тому, чтобы защищать православіе помимо болѣе вопіющихъ нуждъ.

Нѣтъ, не въ народѣ, не въ томъ невѣжественномъ, убогомъ и разъединенномъ классѣ, который такъ часто называютъ у насъ этимъ почтеннымъ именемъ, надобно намъ искать источниковъ православнаго движенія, которое чудесно спасло южнорусское общество на краю политической гибели. Что паны больше вредили, нежели помогали этому движенію, доказывать нѣтъ больше надобности. Что безземельные добычники козаки, эсплоатировавшіе для своего промысла и мусульманскія, и христіянскія земли, не могли относиться къ религіи иначе, какъ относились къ ней разбойники всѣхъ вѣковъ и народовъ,—это само собою ясно. Остаются городскіе жители, мѣщане, естественные хранители древнихъ святилищъ, соединенные вокругъ нихъ въ религіозно-торговыя корпораціи, сравнительно съ мужиками богатые, сравнительно съ козаками „статечные", въ устахъ самого правительства „славетные"; и мы видѣли, что именно они взяли на себя починъ возстановленія церкви изъ того упадка, до котораго дошла она подъ панскимъ патронатомъ. Спасти православіе — было въ ихъ нравственныхъ и матеріяльныхъ интересахъ. Поддержать его видимые символы храмы—было для нихъ такимъ же насущнымъ дѣломъ, какъ и сберечь собственное имущество. Совершенный ими подвигъ стойкости въ древнемъ благочестіи тѣмъ еще симпатичнѣе для насъ, что не всегда были они настроены героически: часто они клонились къ землѣ, точно

деревья подъ дыханіемъ бури; еще чаще умѣли ихъ склонять на сторону римскаго папы святые люди латинскаго міра въ виду святыхъ людей міра грекорусскаго. Въ самомъ Кіевѣ доходило иногда до того, что мѣщане, прельщенные парадностью уніятскаго богослуженія, оставляли православныя церкви для заманчивыхъ религіозныхъ зрѣлищъ въ извѣстные дни Великаго поста, передъ глазами скорбящаго объ ихъ безуміи Іова Борецкаго. [1])

Но, при всей важности, какую возымѣла въ будущемъ колеблемая иновѣрцами ихъ стойкость, не имъ принадлежитъ заслуга торжества надъ собственною немощью и надъ силою искусныхъ въ своемъ дѣлѣ ихъ соблазнителей. Совѣтниками ихъ начинаній въ моменты высшаго одушевленія религіознымъ чувствомъ и возбудителями ихъ русскаго духа въ моменты крайняго упадка были люди, удаленные отъ шумнаго рынка жизни въ монастырскія стѣны.

Съ эпохи корсунскаго попа Анастаса, русскій человѣкъ усвоилъ себѣ отшельническій способъ богомыслія, чтобы, въ добровольной нищетѣ, не дѣлать никакихъ уступокъ грубымъ инстинктамъ сильнаго. Тамъ, вдали отъ мірской суматохи, умъ его сохранялъ свою самостоятельность, которую такъ трудно

[1]) Въ библіотекѣ Михайловскаго монастыря, на одной старинной рукописи сохранилась замѣтка 1629 года, писанная полуграмотнымъ монахомъ и потому неудобопонятная. Изъ нея мы узнаемъ, что уніяты, имѣя въ своемъ распоряженіи въ Кіевѣ нѣсколько (по крайней мѣрѣ не меньше двухъ) церквей, устроили въ нихъ новыя народныя церемоніи, „абы гарно було дивитися", и привлекали простаковъ православныхъ къ своему богослуженію. Іовъ Борецкій, глядя на это съ великою скорбью, дивился легкомыслію паствы своей и, собравши въ Михайловскомъ монастырѣ соборъ (см. Археогр. Сб. II, 39), установилъ торжественное чтеніе евангелія въ извѣстные дни Великаго поста, то есть такъ называемыя пассіи. „Мы зовама пассіи", сказано въ упомянутой замѣткѣ. (Кіевск. Еп. Вѣд. 1874 г., № 7.)

было сохранить намъ сперва подъ вліяніемъ избалованнаго Грека, потомъ подъ властью дикаго язычника Монгола и наконецъ подъ обольщеніемъ наставляемаго римскою куріею Поляка. Тамъ вѣчно свѣжею пребывала мысль, что православіе завѣщано предками потомкамъ, какъ общеніе человѣка съ вѣчною Правдою, какъ свѣтильникъ во тьмѣ соблазновъ, какъ ручательство за цѣлость народа, хранителя нравственныхъ убѣжденій.

Но, обращаясь къ этому первому и главному источнику православнаго движенія въ Рѣчи Посполитой, мы должны помнить, что въ постепенномъ развитіи русской идеи, которую мы называемъ русскою исторіею, по самой природѣ вещей, не было ни одного момента столь удовлетворительнаго для идеальныхъ нашихъ требованій, чтобы историкъ охотнѣе углублялся въ воспоминаніе о прошломъ, нежели помышлялъ о будущемъ. Панегирическій характеръ нашихъ монастырскихъ сказаній подозрителенъ. Панегирики, въ этомъ случаѣ, суть своего рода иносказанія, въ которыхъ выражается одно только стремленіе человѣческаго духа восторжествовать надъ постоянными колебаніями. Когда передовому человѣку древняго русскаго благочестія, искавшему духовной свободы въ удаленіи отъ суетнаго міра, угрожала опасность низойти до уровня мірской нравственности, онъ безсознательно предавался иллюзіямъ, которыя для духа, удовлетворяющагося обыкновеннымъ, не существуютъ вовсе. Уничижаясь передъ идеалломъ святости и близости къ образцу совершенства, онъ охотно придавалъ недоступныя для него добродѣтели и заслуги своимъ предшественникамъ. Во имя великаго Бога, возвеличивалъ онъ мыслію своею ревностныхъ слугъ его, и свои благочистивые сны, свои настойчивыя исканія царства Божія и Божіей правды приписывалъ ихъ таинственному внушенію,

ихъ незримому руководству, ихъ благодѣтельному предстательству. Въ нынѣшнемъ усовершенствованномъ наукою и культурою обществѣ подобныя иллюзіи могутъ казаться только признакомъ умственной несостоятельности; но въ эпоху общаго невѣжества, когда человѣкъ, рождаясь на свѣтъ, получалъ въ наслѣдство примитивную простоту понятій, когда школа учила его только буквѣ писанія, и когда все кругомъ дышало грубымъ матеріялизмомъ, аскетическое стремленіе къ безконечному по степенямъ канонической праведности составляло параллель съ величайшими духовными подвигами временъ позднѣйшихъ. И какъ вокругъ мыслителей нашего времени, занятыхъ наукой искренно и глубоко, неизбѣжно тѣснится рынокъ праздномысленныхъ и тщеславныхъ говоруновъ, такъ и въ средѣ нашихъ древнихъ аскетовъ лишь немногіе дѣлали дѣло, на которое объявляли себя призванными: прочіе были повтореніемъ суетнаго міра въ монастырскихъ стѣнахъ, подъ прикрытіемъ того, что называется мудрствовать горняя, а не земная.

Углубляясь въ документальныя свидѣтельства монастырскихъ стачекъ, монастырскихъ усобицъ, монастырскихъ интригъ изъ за корысти или тщеславія, которыя смущали и туманили печерскую братію среди латинопольскаго общества, мы недоумѣваемъ, какъ эта слабая духомъ и разъединенная матеріяльно община сохранила бытіе свое во времена монголотатарскія, о которыхъ не дошло до насъ никакихъ соціологическихъ документовъ. Непрерывное существованіе древнихъ обителей съ онаго времени мудрено объяснять одною нравственною связью ихъ съ народомъ. Эта связь, конечно, не прекращалась, и она, въ исключительныхъ личностяхъ, значила для будущаго весьма много, но для охраны монастырей отъ азіятской поработительной силы была недостаточна. Спасала

наши монастыри отъ совершеннаго уничтоженія не столько нравственная сила ихъ, олицетворяемая лишь нѣкоторыми иноками, сколько матеріяльная взаимность ихъ съ иноплеменными властями. Монастыри хозяйничали; монастыри платили дань; монастыри задаривали баскаковъ, и оставались цѣлы цѣною внѣшняго самоуничиженія. Они въ ту тяжкую эпоху были, надобно думать, низведены на весьма низкую степень религіознаго общежитія. Но слѣдовавшій за татарскимъ лихолѣтьемъ періодъ литовскопольскаго владычества дѣлалъ ихъ положеніе критическимъ съ другой стороны. Въ этомъ періодѣ превращеніе православной монастырской общины въ общину иновѣрную, подъ условіемъ имущественной неприкосновенности, было, по видимому, совершенно возможно и даже, по чувству самосохраненія, какъ будто необходимо. Монастырская община представляла собраніе людей, чужихъ другъ другу по родству и свойству, можетъ быть, даже по мѣстнымъ воспоминаніямъ. Священные догматы и вѣрованія не спасали ихъ, какъ водится, отъ монашеской зависти и сварливости. Единодушія было въ нихъ мало. При такихъ обстоятельствахъ, перемѣнить старые догматы и вѣрованія на тѣ, которые проповѣдывались папистами, было, по видимому, такъ же легко, какъ перемѣнить обветшалую одежду на нарядную. Отсутствіе высшей науки, отсутствіе той моральности, которую даетъ общеніе съ образованными классами, отсутствіе, наконецъ, единенія между монастырями, по неимѣнію общей администраціи,—все это дѣлало иночествующую братію, въ особенности кіевопечерскую, готовою добычею римской куріи. Но, какими то невѣдомыми документальной исторіи нитями, сердца этого собранія обскурантовъ, отверженцевъ такъ называемаго высшаго общества, соединялись, на всемъ пространствѣ отрозненной Руси, и даже за ея предѣ-

лами, съ драгоцѣнными вѣрованіями и упованіями темнаго и полутемнаго народа; какая то незримо работавшая сила дѣлала эти разъединенныя между собой монастырскія общины пульсомъ народныхъ симпатій и антипатій; какой то вѣщій духъ, какъ бы въ квадратномъ и кубическомъ извлеченіи изъ русскихъ городовъ и селъ, сосредоточивался въ людяхъ, отособленныхъ отъ міра во имя его спасенія отъ соблазновъ, и въ годину крайняго напора иноземщины являлся неподавимымъ началомъ жизненности нашего разстроеннаго соціальнаго организма. Это историческое чудо тѣмъ для насъ поразительнѣе, что оно проявилось въ моментъ самыхъ искусныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій іезуитской фаланги, предводительствуемой краснорѣчивымъ Скаргою, подкрѣпляемой польскимъ королемъ, благословляемой главою католическаго міра и—что всего важнѣе—покровительствуемой людьми, подобными Льву Сопѣгѣ. Какъ выраженіе силы, совершающейся въ немощи, оно приводитъ историка въ недоумѣніе особенно тѣмъ, что даже метрополія русскихъ монастырей, знаменитая обитель Антонія и Ѳеодосія, представляетъ ему въ XVI столѣтіи рядъ хаотическихъ и безобразныхъ событій. Да, они были безобразны, хаотичны, безнадежны до крайности, эти событія, и документальная достовѣрность ихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ началѣ XVI вѣка, при королѣ польскомъ и великомъ князѣ литовскомъ Сигизмундѣ I, историческія свидѣтельства представляютъ намъ Печерскій монастырь богатымъ центромъ монастырскихъ поселковъ, рыболовныхъ мѣстъ, бобровыхъ госовъ, бортныхъ ухожаевъ. Тогдашніе русскіе паны взирали на него благоговѣйно, какъ на церковное святилище, и жадно, какъ на источникъ обогащенія. Это были паны средневѣковаго покроя; это были наши славянскіе бароны. Набожность

и хищничество помѣщались у нихъ рядомъ, какъ у людей, къ которымъ вѣра пришла не съ утѣшеніемъ въ скорбяхъ и напастяхъ, а съ угрозою за буйство и разбои. Одинъ за другимъ выпрашивали они у короля печерскую архимандрію, равнявшуюся богатѣйшимъ королевщинамъ; а короли, яко иновѣрцы, не дѣлали различія между просителями, лишь бы просители обезпечили имъ цѣлость монастырскаго имущества. Опираясь больше на свои связи, нежели на приверженность къ себѣ иночествующей братіи, королевскіе ставленники, архимандриты, наживали изъ монастырскихъ доходовъ состоянія, или поправляли разстроенныя дѣла своего дома. Но, если одна панская фамилія благопріятствовала процвѣтанію этихъ счастливцевъ, то другая непремѣнно старалась вредитъ имъ, вооружать противъ нихъ короля, возводить на нихъ такія вины, за которыя архимандритъ подлежалъ строгой отвѣтственности передъ верховною властью, и клонили дѣло къ тому, чтобы посадить на архимандрію своего человѣка. При этомъ представлялся имъ не одинъ случай запустить руку въ карманъ подсудимаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ выжать изъ него сокъ и въ пользу самого „господаря“.

Съ этой точки зрѣнія, характеристическимъ событіемъ, по акту начала XVI вѣка, представляется грубый арестъ, которому кіевскій воевода, Юрій Монтовтовичъ, подвергъ кіевопечерскаго архимандрита Вассіана. Воевода дѣйствовалъ не одинъ: къ нему былъ присланъ королевскій дворянинъ, Янчинскій. Они, по словамъ документа, „поймали Вассіана, всадили въ двои желѣза и ограбили всѣ его статки въ монастырѣ и въ городѣ“. Изъ челобитной архимандрита къ королю видно, что онъ владѣлъ щегольскимъ гардеробомъ, котораго принадлежность составляли, между прочимъ, коштовные заморскіе камни, рубины, изумруды, крупный жемчугъ,

шитыя золотомъ кошули, дорогіе мѣха, кафинскіе ковры. Всѣмъ этимъ воспользовались не только оба исполнителя королевской воли, но и жена пана воеводы, и братъ пана воеводы, Якубъ, которому узникъ, какъ видно, былъ сданъ подъ надзоръ. Сидя въ „нятствѣ", Вассіанъ послалъ своего служку къ знаменитому Константину Ивановичу Острожскому, отцу князя Василія. По ходатайству Острожскаго, король повелѣлъ пану Якубу выпустить архимандрита и возвратить ему грабежи. Но повелѣніе было выполнено въ половину: грабежей не возвратилъ никто. Получивъ свободу, Вассіанъ собрался ѣхать къ королю съ подарками, которые свидѣтельствуютъ, что онъ, въ глазахъ короля, былъ тотъ же староста или державца, то есть управитель королевщины, и едва ли не утайкою обычной дани навлекъ на себя королевскій гнѣвъ. Вассіанъ везъ подавателю духовныхъ хлѣбовъ бочку дѣланныхъ орѣховъ, бочку бѣлужины, бочку просольной осетрины и пять десятковъ вяленныхъ осетровъ добрыхъ, да, на всякій случай, имѣлъ при себѣ въ запасѣ богатыя одежды, драгоцѣнности, золото. Но, лишь только прибылъ въ Вильну, какъ виленскій урядникъ Янъ Скиндеръ схватилъ его прежнимъ порядкомъ, все его добро прибралъ къ рукамъ, скрыню разбилъ безъ ключа, а самого Вассіана посадилъ въ нѣмецкія желѣза на ланцугъ у виленскаго тивуна Бутрима. Очутясь такимъ образомъ вторично въ нятствѣ, печерскій архимандритъ не остался безъ средствъ выпутаться изъ бѣды. У него было чѣмъ задобрить не только тивуновыхъ слугъ, дьяка Ѳедька Пѣвня, и Бартоша, не только тивуна Бутрима, но и самого короля. Онъ послалъ королю черезъ Бутрима 50 полновѣсныхъ червонцевъ, куню шубу, крытую чернымъ атласомъ, охабень червчатой китайки съ двумя дюжинами пуговицъ чистаго серебра, а чтобы тивунъ этихъ

даровъ не присвоилъ, далъ ему копу грошей, а его женѣ литру шелку и полкопы грошей. Не извѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло, но, какъ видно, тивунъ удержалъ для себя посланные королю вещи, потому что слуги его, Пѣвень и Бартошъ, отняли у своего узника даже рубины и изумруды, которые тотъ имѣлъ при себѣ въ кошелькѣ. Старинный документъ озарилъ только нѣкоторые предметы во мракѣ прошедшáго. Послѣ случайнаго проблеска былого, оно снова отъ насъ закрылось, снова умолкнуло. Такъ вся исторія южной Руси, при неохотѣ предковъ нашихъ къ письменамъ, является чѣмъ то въ родѣ картины Рембрандта: немногое сіяетъ яркой очевидностью; прочее виднѣется въ густой тѣни; объ остальномъ знаетъ одно воображеніе. Но страданія Вассіана напомнили намъ въ сотый разъ, что сила съ силой сталкивалась въ тѣ времена грубо; что элементы общества, при его сравнительной малолюдности, боролись между собой повсемѣстно на татарскій манеръ; что наша гражданственность представляла еще „первобытный міръ простыхъ отношеній и несдержанныхъ страстей“.

Подобные страдальцы архимандриты, въ свою очередь, заставляли страдать монастырскую братію, среди которой водворялись по протекціи своихъ вельможныхъ патроновъ и по волѣ иновѣрнаго государя. Монастырская братія, частію позволяла имъ дѣлать, что угодно, по грѣховнымъ ихъ вожделѣніямъ; частію ладила съ ними и дѣлилась добычею на счетъ смиренныхъ, простодушныхъ или запуганнымъ иноковъ; наконецъ, обращалась къ королевской власти тѣмъ способомъ, который, какъ видно изъ укоровъ Іоанна Вишенскаго уніятскимъ владыкамъ, вошелъ при королевскомъ дворѣ въ обычай. [1])

) См. томъ. I, стр. 314.

Видя со стороны своихъ духовныхъ отцовъ непомѣрную жадность къ стяжанію, печерскіе иноки купили себѣ у предержащей власти привилегію, которою избраніе архимандрита предоставлено было имъ самимъ, съ освобожденіемъ монастыря изъ подъ опеки королевскаго дворнаго гетмана — кіевскаго воеводы, а также древнихъ патроновъ монастырскихъ, князей, пановъ и землянъ Кіевской земли. Но кіевскій воевода безпрестанно вторгался въ монастырь подъ видомъ гостя, заставляя архимандрита и старцевъ честовать и дарить, какъ его самаго, такъ и его свиту. Отъ этой, какъ говорится въ документѣ, „перекозы“ монастырская община освободилась покупкою у короля пергаминнаго листа съ привѣшенною къ нему печатью, которымъ листомъ повелѣвалось воеводѣ посѣщать монастырь не болѣе двухъ разъ въ годъ, „на врочистые свята“, и довольствоваться честованьемъ одной его особы, безъ всякихъ подарковъ. Но въ слѣдъ за тѣмъ явилась перекаа другого рода. Не смотря на право свободнаго избранія архимандрита, панская факція вліяла на монастырскіе выборы силою древняго обычая. Архимандриты, подобные Вассіану, присвоили себѣ гегемонію въ иноческой республикѣ, распоряжались монастырскими имѣніями, какъ обыкновенною королевщиною, обогащая дѣтей и родныхъ своихъ, а почтенные застолпники и вся монастырская братія взирали безпомощно на обнищаніе Божіей церкви. Доходы отъ всенощной службы по воскресеньямъ и праздникамъ, отъ сорокоустовъ, панихидъ, молебновъ и придѣловъ, а также отъ вписанія усопшихъ въ синаникъ и суботникъ, не дѣлились, какъ прежде, между архимандритомъ, братіею и церковною полатою или казначействомъ; а когда въ монастырь привозили для погребенія тѣло (погребеніемъ въ монастыряхъ тогда очень дорожили), — въ оби-

тели преподобнаго Θеодосія производился неприличный торгъ, вмѣсто того чтобы брать за послѣднее прибѣжище къ древнему святилищу, что кто пожертвуетъ. Кромѣ смотрѣнія за монастырскою „справою", архимандриту, по старинѣ, не слѣдовало вѣдать никакихъ денежныхъ и медовыхъ даней, взимаемыхъ съ монастырскихъ имуществъ; не слѣдовало ему имѣть такъ называемыхъ въѣздовъ въ эти имущества; не слѣдовало раздавать, по своему усмотрѣнію, экономическихъ должностей, подавать церквей, брать пошлинъ за „суды и присуды". По духу республиканскаго устройства монашеской общины, все это было дѣломъ эконома, полатника и старшей братіи; но, дѣйствіемъ правительственнаго феодализма, все очутилось въ рукахъ архимандрита. Къ довершенію монастырскаго нестроенія, въ Печерскую обитель стали, разумѣется изъ частныхъ выгодъ, принимать чернецовъ изъ Московской земли и Волощины, въ ущербъ чистотѣ иноческихъ обычаевъ, которою все еще славилась метрополія русскихъ монастырей. То, что разумѣлось подъ названіемъ церковнаго строенія, приходило въ крайній упадокъ. Монастырскія коллективныя власти теряли свое такъ сказать сенаторское значеніе. Все зависѣло отъ связей архимандрита съ вліятельными мірянами, которые устраивали даже выборъ его посредствомъ своей партіи въ стѣнахъ монастыря; а вліятельными мірянами были „великіе паны", потомки тѣхъ, которые своими записями возвеличили Печерскую Лавру въ экономическомъ отношеніи. Великіе паны были велики королевскими милостями; а королевскія милости снискивали они тѣснымъ общеніемъ съ коренною польскою шляхтою. Набравшись иноземнаго тона въ родственныхъ и пріятельскихъ связяхъ съ представителями католическаго общества, они у себя дома, въ качествѣ патроновъ, ктиторовъ и благодѣтелей церкви,

давали новый тонъ древнему русскому благочестію, то есть, подобно католикамъ, соединяли съ церковною обрядностью распущенность жизни въ духѣ среднихъ вѣковъ. Самою любовью своею къ тѣмъ святилищамъ, въ которыхъ покоились ихъ предки, своими посѣщеніями монастырей, своимъ вниманіемъ къ ихъ архимандритамъ, своими стараніями доставить архимандрію лучшему, по ихъ мнѣнію, искателю, они дѣйствовали на центръ южнорусскаго православія губительно. Они монашеское общежитіе, основанное на началахъ чуждаго польскому благочестію аскетизма низводили съ духовной высоты до уровня экономической или ремесленной корпораціи. Они рушили отеческую церковь, даже безъ посягательства на ея достоинство. Ихъ вредоносные, но прикрытые внѣшнею набожностью дѣйствія были тѣмъ вредоноснѣе, что не возбуждали въ среднихъ классахъ общества даже сожалѣнія объ упадкѣ монастыря, который всѣ монастыри Кіевской земли называлъ своими обителями. Вводя въ иночествующую братію раздоръ, духъ партій и безстыдство корыстныхъ интригъ, русскіе члены польскаго правительства, наши славянскіе бароны, лишали Божій домъ внутренняго благолѣпія, отнимали у него характеръ селенія славы Господней. Не кто другой, какъ они сами понизили отеческую вѣру въ лицѣ ея духовенства; и они же сами стали за это пренебрегать ею. „Отъ недостатка наукъ, грубіянство въ нашихъ духовныхъ умножилось“, говаривали они, и восполняли недостатокъ наукъ у себя дома образованіемъ самихъ себя и дѣтей своихъ чрезъ посредство иновѣрныхъ наставниковъ. Въ этомъ они опять шли по слѣдамъ польской шляхты, которая сперва развратила свое духовенство введеніемъ въ него распущенной свѣтскости, а потомъ протестовала противъ него въ одинъ голосъ съ нѣмецкими теологами. У нашихъ патроновъ церкви,

еще и въ то время, когда они были усердными ея обрядниками, любовь къ родному православію въ его первобытномъ образѣ падала совершенно такъ, какъ въ обществѣ свѣтскихъ католиковъ—привязанность къ церкви римской. И въ Польшѣ, и въ югозападной Руси, духъ новаторства обнаружился въ слѣдствіе недостатка уваженія къ священнымъ преданіямъ церкви, которыя заслоняло отъ мірянъ извращеніе нравовъ духовенства. Нѣмецкая реформація, призвавъ на помощь свободную науку, оправдывала новыя понятія о церкви тѣмъ, что они основаны на древнѣйшихъ воспоминаніяхъ истинной вѣры. Въ томъ же духѣ дѣйствовали и русскіе лютеране, кальвинисты, аріяне. Они превзошли даже польскихъ новаторовъ своей готовностью отвергнуть все, чѣмъ дорожили предки, изъ негодованія къ невѣжеству и грубости современныхъ представителей христіянскаго апостольства. Но у нихъ было такъ же мало истиннаго благочестія, какъ и у нѣмецкихъ бароновъ, поддержавшихъ реформацію ради дѣлежа церковными имуществами,—какъ и у польскихъ магнатовъ, боровшихся за блага міра сего съ роскошными прелатами еще до Лютера и Кальвина. Для аскетовъ, поддерживаемыхъ въ своихъ понятіяхъ общеніемъ съ Аѳономъ, сдѣлалось ясно, что „русскіе князья (то есть великіе паны) всѣ оеретичились между ляхами и отступниками отъ христіянства, отъ истинной вѣры", какъ это вскорѣ было высказано въ апостольскомъ посланіи Іоанна Вишенскаго. Печерская братія состояла не изъ однихъ интригановъ и чревоугодниковъ: всегда, во всѣ эпохи своего существованія, она заключала въ своемъ составѣ, такъ сказать, соль земли своей,—заключала лучшее, что русская жизнь была способна выработать. Она поняла опасность положенія своего въ виду реформаціи, которая, проповѣдуя науку человѣческую, гро-

зила подкопать въ человѣчествѣ то, что справедливо называется наукою божественною. Она до того быстро измѣнила замѣтный для исторіи характеръ своей дѣятельности, что какъ будто вдругъ отрезвилась отъ подавляющаго хмѣля или вспрянула на ноги изъ безсознательнаго, исполненнаго дикихъ видѣній сна. Историческія свидѣтельства, можно сказать, еще вчера представлявшія наше монашество въ упадкѣ, являютъ намъ это монашество сильною, энергическою общиною почти безъ всякаго перехода отъ одной противоположности къ другой. Очевидно, что въ немъ произошелъ невѣдомый исторіи, внутренній переворотъ, въ слѣдствіе котораго люди, умѣвшіе ладить съ богатыми и знатными, подчинились людямъ, отличавшимися аскетическою независимостью отъ владыкъ міра сего,—той самой независимостью, которою древнее преданіе характеризуетъ намъ преподобнаго Ѳеодосія по отношенію къ владѣтельнымъ князьямъ русской земли. Благочестивые обычаи, выработанные многими поколѣніями монастырскихъ подвижниковъ, были возстановлены; и архимандритъ Кіевопечерской Лавры, окруженный почтеніемъ, которое накладываетъ на иноковъ самое смиреніе ихъ званія, явился представителемъ воли общей, а не деспотомъ, имѣвшимъ въ виду только личные интересы.

Съ этого времени у Печерскаго монастыря начинается двоякая борьба за свое существованіе, какъ борьба тѣла и духа съ началами смерти. Одни продолжаютъ отстаивать монастырское имущество старымъ, экономическимъ путемъ; другіе, путемъ вліянія на умы и сердца общества, стараются утвердить въ немъ православную вѣру, какъ начало, не подчинимое никакой земной власти. Паны между тѣмъ, колеблясь въ преданіяхъ отеческой церкви подъ вліяніемъ протестантизма, и тѣмъ самимъ приготовляя себя къ отступниче-

ству отъ нея въ пользу католичества, продолжали вступаться въ монастырское имущество, и по смерти каждаго архимандрита захватывали, кто сколько могъ, изъ того, что было пожертвовано ихъ предками съ цѣлью религіозпою и благотворительною. Краснорѣчиво говоритъ объ этомъ подтвердительная привилегія Стефана Баторія на печерскую архимандрію Мелетію Хребтовичу. Король, обращаясь къ князьямъ, панамъ, воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ, державцамъ и другимъ дигнитарямъ и землевладѣльцамъ, говоритъ, что королевскому дворянину, Петру Черниковскому, повелѣно, приведя въ извѣстность всѣ монастырскія имѣнія, отдать ихъ во владѣніе новоизбранному архимандриту, и при этомъ считаетъ нужнымъ заявить, что исполнитель его воли, для безопасности жизни его, обезпеченъ залогомъ въ 2.000 копъ грошей литовскихъ. Далѣе король поставляетъ на видъ кому о томъ вѣдать надлежитъ, что печерскіе чернецы пользуются правомъ свободнаго выбора себѣ архимандрита, что радные паны короны Польской и великаго княжества Литовскаго, а равно сеймовые послы земли Кіевской, совершенно согласны съ печерскими чернецами на счетъ избранія Мелетія Хребтовича въ архимандриты, и грозитъ пенею за жизнь Черниковскаго, если кто либо изъ пановъ осмѣлится противодѣйствовать возложенному на него порученію.

Но королевскихъ угрозъ было недостаточно для того, чтобъ охранить монастырское имущество отъ панскихъ захватовъ. Печерская обитель постоянно имѣла собственный арсеналъ, собственную военную дружину, собственнаго полководца и сверхъ того союзниковъ, совершенно тѣмъ порядкомъ, какъ и всякая другая хозяйственная единица того феодальнаго вѣка южнорусской земли. Спустя лѣтъ десять, преемникъ Хребтовича по архимандріи, Никифоръ Туръ, предводительствуя

лично наемными козаками, чернецами и такъ называемыми слугами, то есть мелкопомѣстными или безземельными шляхтичами, отвоевалъ у пановъ захваченныя ими монастырскія села, [1]) и когда, черезъ два года, король Сигизмундъ III пожаловалъ печерскую архимандрію уніятскому митрополиту, воинственность того же Никифора Тура не дала отступнику православія воспользоваться королевскимъ пожалованіемъ фактически. Монастырская республика была слишкомъ многочисленна и сильна ресурсами для того, чтобы какой нибудь королевскій дворянинъ, съ помощью даже замковыхъ людей кіевскаго воеводы, могъ взять Печерскую обитель изъ рукъ архимандрита, избраннаго братіею, и передать архимандриту, назначенному королемъ. Такимъ образомъ первый уніятскій митрополитъ, Михаилъ Рогоза, оставался только титулярнымъ архимандритомъ Кіевопечерскй Лавры, и захватилъ только ея бѣлорусскія имѣнія. Второй, Ипатій Потѣй, такъ же не могъ взять въ свои руки самый монастырь, и въ 1606 году, за извѣстное вознагражденіе, отрекся отъ печерской архимандріи въ пользу преемника Никифора Тура—Елисея Плетенецкаго. Бѣлорусскія имѣнія были, однакожъ, имъ почему то удержаны. Наконецъ третій уніятскій митрополитъ, Іосифъ Веляминъ Рутскій, получивъ на эти имѣнія королевскую грамоту, нашелъ для себя выгоднымъ уступить ихъ тому же Плетенецкому и печерской капитулѣ, при чемъ король, въ 1615 году, утвердилъ ихъ за Лаврою своею привилегіею. [2])

Всѣ эти сдѣлки были не что иное, какъ продолженіе борь-

[1]) Археогр. Сб. I, 200.

[2]) См. во II т. Археогр. Сб. 78 и дал. исторію перехода лаврскихъ имѣній изъ рукъ въ руки, изложенную по документамъ на судѣ въ 1616 году.

бы Печерскаго монастыря съ обществомъ пановъ на чисто имущественной почвѣ, то есть борьбы одной хозяйственной единицы съ другими такими же единицами. Борьба была неравная, такъ какъ всѣ кругомъ жадничали на тѣ доходы, которые монахи собирали въ монастырскихъ владѣніяхъ для содержанія своего монастыря; но борющуюся съ панами братію спасало соперничество, которое постоянно существовало между панскими домами и которое сохраняло между ними политическое равновѣсіе. Въ силу этого соперничества, у Печерскаго монастыря являлись покровители, которыхъ сила соотвѣтствовала силѣ его враговъ. Но ни вельможные покровители, ни вельможные гонители олицетворяемаго печерскою братіею православія не имѣли въ виду церкви, которую охраняла братія въ лицѣ своихъ руководителей. Какъ ни горячо спорили они на сеймахъ объ интересахъ православной церкви съ одной стороны и претензіяхъ церкви уніятской съ другой, „успокоеніе религіи" на языкѣ тѣхъ и другихъ значило собственно удовлетвореніе той или другой партіи въ имущественномъ отношеніи.

При такихъ обстоятельствахъ, когда Печерскій монастырь былъ, можно сказать, предметомъ купли и продажи въ томъ сословіи, которому онъ всего больше былъ обязанъ своими фундаціями, монашествующая братія по всей Кіевской землѣ находилась въ постоянномъ смятеніи и неизвѣстности о судьбѣ своей. Люди практическіе, успѣвавшіе въ своихъ попеченіяхъ о монастырскомъ имуществѣ посредствомъ свѣтскихъ связей, пугали тѣхъ иноковъ, которые держались аскетическихъ авторитетовъ и смотрѣли въ будущность дальше своего вѣка. Отъ начала церковной уніи до временъ архипастырской дѣятельности Іова Борецкаго, не переставали они колебаться между страхомъ сдѣлаться жертвою тайной интриги избран-

ныхъ ими начальниковъ и увѣренностью въ ихъ православной непоколебимости. Пропагандисты церковной уніи не могли этого не знать, и даже послѣ водворенія въ печерской архимандріи Петра Могилы продолжали работать для подчиненія папѣ послѣдняго устоя „греческой схизмы", какъ объ этомъ будетъ у меня рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Но способъ, которымъ они подчинили папѣ Бѣлоруссію, не годился въ землѣ Кіевской. Тамъ церковныхъ имуществъ не смѣлъ касаться православный архіепископъ въ виду уніятскаго; здѣсь церковными имуществами могъ распоряжаться уніятскій митрополитъ не иначе, какъ заочно, чрезъ посредство своихъ оффиціалистовъ, не смотря на отрицаніе православной митрополіи правительствомъ. Жители Кіевской земли и въ добромъ и въ дурномъ отличались извѣстнаго рода завзятостью, которую выработали и поддерживали въ нихъ мѣстныя обстоятельства. Упорство и отвага были общими чертами украинныхъ характеровъ. Силой возможно было ихъ скорѣе сломать совсѣмъ, нежели нагнуть подъ ненавистную власть. Единственный способъ, который королевской партіи оставалось употребить противъ ихъ такъ называемой закоренѣлости въ религіозныхъ предразсудкахъ, былъ—прельщеніе, которое бы дѣйствовало на гордость однихъ, на тщеславіе другихъ, на жадность къ поживѣ третьихъ. Стойкость монастырей Кіевской земли даже подъ гнетомъ ихъ убожества доказала третьему уніятскому митрополиту безполезность попытокъ двухъ первыхъ—застращать и притѣснить предводителей православнаго движенія. Но всего больше умудрила Рутскаго гибель его намѣстника, Грековича. Съ возстановленіемъ православной митрополіи, онъ могъ разсчитывать только на образованіе партіи сторонниковъ правительства, партіи порядка и согласія въ средѣ кіевскихъ борцовъ за отеческую вѣру, то есть за неприкосновенность

ея древнихъ святилищъ. И онъ былъ созданъ для своей роли такъ точно, какъ полотскій архіепископъ Кунцевичъ для своей.

Іосифъ Велянинъ Рутскій былъ сынъ московскаго подданнаго, взятаго въ плѣнъ въ битвѣ надъ рѣкой Улою въ 1578 году, и поселеннаго въ Литвѣ на правахъ шляхтича. По связямъ съ литовскими протестантами, военный „бранецъ" принялъ модную тогда у литовскорусскихъ пановъ вѣру — кальвинство; но сына его іезуиты обратили въ католичество и отправили въ Римъ для воспитанія. Тамъ онъ былъ опредѣленъ въ греческій коллегіумъ и обнаружилъ такія способности, что признано было полезнымъ обратить его изъ латинства въ уніятство. Когда, въ 1606 году, ѣхалъ въ Польшу папскій нунцій Симонетта, молодой Рутскій былъ прикомандированъ къ нему для сообщенія ему разныхъ свѣдѣній относительно распространенія на Руси уніи. Вернувшись въ отечество, Рутскій вступилъ въ базиліянскій монашескій орденъ, былъ коадьюторомъ митрополита Потѣя, потомъ—галицкимъ епископомъ, наконецъ, по смерти Потѣя, въ 1613 году, сдѣланъ кіевскимъ митрополитомъ. Онъ озаботился реформою базиліянскаго ордена, наполнилъ его образованными людьми и, съ ихъ помощью, далъ сильный перевѣсъ уніятскимъ церквамъ надъ православными. Борьба съ уніею въ Червонной Руси и на Волыни, подъ его тихимъ вліяніемъ, потеряла свой воинственный характеръ, которымъ отличалась во времена Потѣя; она обратилась въ дипломатическую. Мало по малу о Львовѣ и его энергическомъ братствѣ умолкли тревожные слухи. Въ тамошнемъ обществѣ православіе пріобрѣло ту двусмысленную терпимость, которая отличала домъ Острожскаго, и которую онъ рекомендовалъ львовскому братству въ заключеніе всѣхъ своихъ подвиговъ для защиты православія. Точно какъ будто по его завѣщанію, между право-

славными и уніятами начался компромисъ, діаметрально противоположный ученію Іоанна Вишенскаго и программѣ „Совѣтованія о Благочестіи“. Творцами якобы благотворнаго примиренія однихъ съ другими являлись во Львовѣ добродѣтельные католики, въ родѣ Замойскихъ и Жовковскихъ, которыхъ предки были православными, и которые своими благородными поступками, своею безукоризненно христіянскою жизнью, своими фамильными традиціями, смягчали отвращеніе приверженцевъ древняго русскаго благочестія къ перемѣнѣ вѣры. Выходила такого рода исторія: что православные люди, перемѣнивъ религію, дѣлались отъ того лучше, почетнѣе, вліятельнѣе, и могли принести пользы родному краю больше тѣхъ, которые, оставаясь при древнемъ русскомъ благочестіи, устраняли себя отъ общенія съ правительствомъ, отъ благотворнаго вліянія на общественныя дѣла. Въ концѣ XVI вѣка, передъ обнародованіемъ церковной уніи, Львовъ первый поднялъ тревогу объ угрожающей православію опасности. Тревога обняла потомъ Волынь и Бѣлоруссію, наконецъ распространилась и въ Кіевщинѣ. Но, когда въ Витебскѣ совершилась кровавая трагедія, приверженцы православія въ Червонной Руси и на Волыни смотрѣли на нее уже изчужа. Это происходило не отъ страха передъ королевскою партіею: это было результатомъ новыхъ мнѣній, распространенныхъ всюду путемъ тихой пропаганды Рутскаго, при содѣйствіи благомыслящихъ католиковъ и тѣхъ православныхъ пановъ, которые не отличались отъ нихъ ни языкомъ, ни бытомъ. Вкрадчивая, примирительная пропаганда оставалась покамѣсть недѣйствительною только въ Кіевѣ, и потому апостолы папизма сосредоточили теперь на Кіевѣ все свое вниманіе. Рутскій, какъ и слѣдовало тому быть, велъ интимную переписку съ Кунцевичемъ. Каждый шагъ Кунцевича былъ ему извѣстенъ, и

чѣмъ запальчивѣе дѣйствовалъ съ бѣлорусцами одинъ, тѣмъ больше вдавался въ набожную Łagodność [1]) съ украинцами другой. „Совѣтованіе о Благочестіи“ вмѣняетъ въ обязанность православнымъ „не сообщаться съ отступниками унитами“, и тѣмъ самимъ свидѣтельствуетъ о частыхъ между ними сообщеніяхъ. За трапезой у людей, которые угощали поборниковъ православія по благодушному обычаю Θомы Замойскаго, проповѣдникамъ папизма, болѣе нежели гдѣ либо, представлялась возможность предрасположить противную сторону къ мирнымъ соглашеніямъ, которыхъ окончательная цѣль подразумѣвалась только людьми руководящими. И вотъ, на перекоръ предусмотрительной мѣрѣ сочинителей „Совѣтованія“, здѣсь именно происходили самыя опасныя свиданія между апостолами папизма и тѣми людьми, которыхъ предположено было посылать для поученія въ церквахъ, „по примѣру первомученниковъ Стефана и Варнавы“. Богобоязливая, примѣрная по своей чистотѣ жизнь уніятскаго митрополита и его приближенныхъ производила въ умахъ благопріятное впечатлѣніе, на которое паписты разсчитывали много; и человѣку, недалекому въ церковной политикѣ, легко было вернуться изъ своего странствованія совсѣмъ не съ тѣми понятіями о противникахъ православія, съ какими онъ вышелъ изъ монастыря на свою проповѣдь.

Но не одни духовные люди,—и мѣщане подготовлялись уніятами къ соединенію съ церковью, признанною правительствомъ. Удобные для того случаи представлялись въ сообщеніи городовъ съ городами. Преданные православію торговые люди не могли относиться равнодушно къ выгодамъ, проистекавшимъ отъ единовѣрія съ уніятскими общинами, которыя съ

[1]) Кротость, налаживанье на добрый ладъ.

каждымъ годомъ умножались въ сосѣднихъ съ Кіевщиною областяхъ. Они слишкомъ долго и слишкомъ единодушно стояли за православіе, если сравнить ихъ съ привилегированнымъ сословіемъ. Наконецъ пошатнулись, и кіевскій войтъ Ходыка, съ приверженными къ нему мѣщанами, принялся, какъ мы уже знаемъ, запечатывать православныя церкви. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ дѣлалъ это не изъ религіознаго фанатизма: фанатизма въ южнорусскомъ народѣ не было, не только въ пользу торжествующей уніи, но даже и въ пользу гонимаго православія. Войтомъ и его товарищами, очевидно, управляли житейскія выгоды, на которыя унія была весьма вѣрно разсчитана своими изобрѣтателями.

Витебская трагедія, отступничество Смотрицкаго и покушеніе кіевскаго войта Ходыки на православныя церки, эти послѣдовательныя явленія одной и той же драмы шли параллельно съ постепеннымъ подготовленіемъ русскихъ людей къ отступничеству. Сохранился интересный документъ 1624 года, извѣстный въ печати подъ именемъ „Наказа кіевскаго унитскаго митрополита Іосифа Рутскаго посламъ, отправленнымъ къ властямъ, для переговоровъ о предполагаемомъ церковномъ союзѣ и учрежденіи въ Русколитовскомъ краѣ, особой патріархіи, по примѣру московской". Изъ него видно, что между предводителями православнаго и уніятскаго движенія давно уже существовало извѣстнаго рода общеніе, съ цѣлью установить какой нибудь компромисъ. Обѣ церкви, и православная и римская, вели свои преданія отъ глубокой древности, и въ этомъ отношеніи одинаково чуждались протестантства, яко ученія новаго. Того мало: и православные и латинцы одновременно встали отъ сна, когда, по выраженію современной лѣтописи, изъ устъ Сатаны изыдоша два духа нечистые, Мартынъ и Кальвинъ.

Только благодаря князю Острожскому, сдѣлавшему свой домъ форумомъ, открытымъ для всѣхъ вѣроученій, православные соединились въ одинъ станъ съ протестантами для отраженія папистовъ; но за предѣлами политическаго общенія у нихъ не было согласія съ новаторами, такъ что протестантскіе пасторы необинуясь называли православныхъ поповъ, за ихъ упорство въ своихъ убѣжденіяхъ, дѣтьми Веліала. Паписты это знали, и вотъ они старались воспользоваться любовью русскихъ къ старинѣ своей, чтобы разлучить ихъ съ протестантами на вѣки, а вмѣстѣ съ тѣмъ усыпить ихъ осторожность и относительно римской куріи. Главнымъ препятствіемъ къ соединенію церквей было послушаніе православной партіи цареградскому патріарху. Чтобъ устранить это препятствіе, придумала была — безъ сомнѣнія, въ видѣ переходной мѣры—схема литовскорусской патріархіи. На эту патріархію можно было возвести своего человѣка, тѣмъ способомъ, какъ возведенъ былъ на fastigium русской церки Михаилъ Рогоза. Объ отношеніяхъ предположеннаго патріарха къ папѣ совершенно умалчивалось, и молчаніе о столь важномъ предметѣ опредѣляетъ цѣль всего проекта.

Кому бы ни принадлежала замысловатая выдумка, но она была въ порядкѣ вещей; она согласовалась съ интересами дворянства; она открывала на Руси просторъ придворной факціи; наконецъ—и это самое важное—она, въ случаѣ попытки недовольныхъ королевскимъ правительствомъ къ переходу съ русскою землею подъ власть московскаго царя, дѣлала невозможнымъ такой переходъ со стороны русскolитовскаго патріарха, которому московскій патріархъ навѣрное не предоставилъ бы равенства съ собою. Еслибъ эта выдумка осуществилась, то она южную Русь отрознила бы отъ сѣверной на вѣки. И въ такихъ то видахъ между властями старой

и новой церкви происходили свиданія и препирательства въ родѣ тѣхъ, какія имѣлъ Юрій Рогатинецъ съ Ипатіемъ Потѣемъ, [1]) а потомъ и Смотрицкій съ монахами отпавшаго въ унію монастыря. При умѣньѣ Рутскаго держать себя безъ задора, при извѣстной вкрадчивости, который научился онъ у своихъ наставниковъ, такія свиданія и пренирательства могли перейти въ новый видъ „Совѣтованія о Благочестіи", и въ этомъ была наибольшая опасность для самостоятельности русской церкви.

Въ названномъ выше наказѣ Рутскаго говорится:

„Спросить у нихъ: искреннимъ ли сердцемъ желали они соединенія съ нами, какъ объ этомъ вызсказывались они на многихъ мѣстахъ и печатали, и до слуха многихъ почтенныхъ особъ доносили.

„Спросить у нихъ: имѣютъ ли они возможность сперва съ вами, а потомъ гдѣ нибудь на съѣздѣ съ нами, сноситься дѣйствительно (скутечнѣ), безъ выразительнаго уполномочія отъ своихъ братствъ, а если не могутъ, то напрасенъ и трудъ нашъ. Однакожъ, если они согласятся на съѣздъ однихъ духовныхъ, или на сношенія чрезъ свѣтскихъ посредниковъ, то нускай о томъ постараются или инымъ какимъ нибудь способомъ насъ удостовѣрятъ, что мы трудимся не напрасно.

---

[1]) Львовскій русинъ Юрій Рогатинецъ, въ посланіи своемъ къ виленскому братству 1596 года, писалъ: „А то слышно о мнѣ, ижъ мѣваю розмовы съ Ипатіемъ, и писаніе до себе посылаемо, обы той пекельный смрадъ пропасти римской Курціушомъ заткати и до покою церковного прійти; ино не есть то подозрѣнье, але уваженье справъ. Мѣваю я частую розмову со всякими противными людьми, не державчи стороны ихъ, але овечьимъ незлобіемъ и мудростью змінною и цѣлостью голубиною, яко Христосъ научилъ поступуючи". и т. д.

„Представителей обѣихъ сторонъ назначить не больше трехъ особъ, двухъ духовныхъ и одной свѣтской.

„Многіе почтенные люди съ нашей и съ ихъ стороны составили предположеніе объ уфундованіи въ нашихъ краяхъ, какъ и въ московскихъ, патріарха на извѣстныхъ духовныхъ имѣніяхъ, который бы пребывалъ на тѣхъ имѣніяхъ во вѣки и не посылалъ никуда за благословеніемъ.

„Сказать имъ такъ же, что мы дѣлаемъ это не изъ какой либо боязни или постраховъ, настоящихъ ли, или тѣхъ (какъ они любятъ хвалиться), которые постигнутъ Рѣчь Посполитую со временемъ, но единственно изъ пастырской нашей обязанности".

Наказъ подписанъ, кромѣ Рутскаго, шестью унитскими епископами. Дѣло, стало быть, не остановилось только на предположеніи, и получило окончательную свою форму. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ наказѣ то, что онъ подписанъ за два дня до подписанія въ Витебскѣ декрета королевской коммиссіи. Въ подлинникѣ онъ озаглавленъ такъ: „Инструкцыя тымъ, которые маютъ ѣхати до Кіева, для знесенья ся зъ прееминентами стороны противной". Такимъ образомъ депутаты Рутскаго, по его разсчету, должны были бесѣдовать съ прееминентами соперничествующей церкви въ самое то время, когда стоустая молва принесетъ въ Кіевъ извѣстіе объ отрубленныхъ витебскимъ мѣщанамъ головахъ, о разореніи ихъ ратуши, о снятіи вѣчевого колокола, о лишеніи городской республики всѣхъ ея правъ и привилегій, наконецъ объ обязательномъ введеніи уніи во всей Бѣлоруссіи. Живой примѣръ энергіи правительства долженъ былъ сильно подѣйствовать на братства, которыя, въ наказѣ, считаются единственнымъ и почти непреодолимымъ препятствіемъ къ соглашеніямъ православнаго духовенства съ уніятскимъ. Рут-

скій въ свое время послалъ кардиналу Бандину подробное увѣдомленіе объ убіеніи Кунцевича, а вскорѣ послѣ наказа писалъ къ нему о страхѣ, наведенномъ на всѣхъ схизматиковъ витебскими казнями, [1]) но въ наказѣ не сдѣлалъ нималѣйшаго намека на это важное событіе; напротивъ, представилъ дѣло такъ, какъ будто только революціонная и протестующая сторона, какою явилась въ Польшѣ православная община, способна прибѣгать къ угрозамъ. Тѣмъ не менѣе унія неуклонно вела свою пропаганду, и въ кіевскомъ обществѣ произошла такая перемѣна въ системѣ основнныхъ мнѣній, что сдѣлалось возможнымъ даже печатаніе церквей.

И все это оказалось напраснымъ. Ни энергія Скарги, ни дѣятельность іезуитской факціи, ни усилія королевской рады довершить соединеніе Польсколитовскаго государства церковною уніею, ни высшія училища, ни всевозможныя гоненія и угрозы, ни даже подкупъ и ласкательства, — ничто не могло заглушить въ русскомъ обществѣ воспоминаній о предкахъ и старинѣ, озадачившихъ изобрѣтателя церковной уніи на первыхъ порахъ. Утонченный цивилизаціею папизмъ, проповѣданный ученѣйшими людьми своего вѣка русскимъ самоучкамъ или неучамъ, олицетворяемый апостолами безукоризненно-святой жизни, какими были Скарга, Кунцевичъ, Рутскій, въ виду православныхъ, исторгавшихъ осужденія даже у самого Іова Борецкаго, наконецъ, поддержанный государственными людьми въ противоположность мел-

---

[1]) Онъ писалъ о коммиссарахъ: Qui habentes secum satis validum praesidium in equitatu et peditatu (timebantur enim a Cosacis, ad quos pro patrocinio confugerat illa civitas), usi celerilate et dextatitate, triduo iudicium et executionem peregerunt.

Потомъ о разореніи ратуши: „... praetorium, omnibus videntibus ac magis hoc damnum, quam decollationem concivium suorum deflentibus, diruerunt“.

кой шляхтѣ, которая вписывалась въ козацкое войско, если не вступала въ монахи,—этотъ просвѣщенный, нравственно возвышенный и политически могущественный папизмъ уступилъ мѣсто одолѣваемому невѣжествомъ, невоздержаніемъ и демократическимъ буйствомъ православію на всемъ пространсвѣ отъ Вислы до Самары и отъ венгерской до московской границы.

Трудно найти въ исторіи столь поразительное подтвержденіе ученія Конта: что соціальное состояніе всякой данной эпохи есть равнодѣйствующая всѣхъ честолюбій, своекорыстій, опасеній, поклоненій, негодованій и пр. гражданъ-предковъ и гражданъ-современниковъ; что общепринятыя идеи такого соціальнаго состоянія должны, въ среднемъ выводѣ, соотвѣтствовать чувствамъ общества, и слѣдовательно стоять въ уровень съ тѣмъ соціальнымъ состояніемъ, какое породили эти чувства; что, наконецъ, идеи, вполнѣ чуждыя этому состоянію, не могутъ въ немъ развиваться, а если вводятся извнѣ, то не принимаются, или же, если принимаются, то вымираютъ, лишь только кончается временный фазисъ, допустившій ихъ принятіе.

ГЛАВА XXV.

Ополяченіе Руси чрезъ посредство русскихъ учителей съ польскимъ образованіемъ. — Разбойный характеръ вмѣшательства козаковъ въ церковныя дѣла.—Ненависть козаковъ къ уніи.—Опасные счеты съ правительствомъ.—Христіянскій претендентъ на Турецкую имперію. Первый шагъ къ возсоединенію Малороссіи съ Великою Россіею.

Для насъ очевидно, что русскіе воспитанники іезуитскихъ коллегій и католическихъ университетовъ неизбѣжно должны были проникаться уваженіемъ и любовью къ своимъ наставникамъ, которые весьма часто представляли въ себѣ образцы благоволенія къ людямъ, безкорыстія въ общественныхъ дѣлахъ и высокаго христіянскаго благочестія. Для насъ понятно, что превосходство культуры, изящество манеръ и очарованіе, производимое на молодые умы талантами наставниковъ, навсегда подчиняли нашихъ ученыхъ чуждой средѣ, какъ образцовой. Но предки наши требовали отъ молодого поколѣнія русскихъ людей, чтобъ они, получивъ изъ иновѣрческихъ рукъ духовное оружіе для защиты православія, остались неизмѣнными въ своихъ родственныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Предки наши воображали, что питомцы утонченнаго общества, по окончаніи курса наукъ, будутъ покрывать любовью родную простоту, родную грубость нравовъ, и, въ видахъ будущаго развитія своего общества, предпочтутъ ее всему тому, что видѣли и испытали вдали отъ убогой, разоренной и невѣжественной родины.

Это заблужденіе обличалось такими случаями, какъ отступничество Смотрицкаго и Саковича; но русскія школы тѣмъ не менѣе устраивались по образцамъ латинскихъ училищъ; въ нихъ тѣмъ не менѣе господствовалъ вкусъ польскій. Прецепторы и спудеи этихъ школъ низходили къ языку полупольскому лишь во вниманіе къ тому, что простонародная публика не доросла еще до уразумѣнія смысла и красотъ польщизны. [1]) Наставляя истинамъ православія, они среди неграмотнаго русскаго общества устраивали, безъ всякаго умысла, грамотное общество польское. Еслибъ іезуиты были сметливѣе, они бы совсѣмъ перестали опровергать православное исповѣданіе вѣры; они бы только ревностно учили православныхъ по польски и по латыни. Но и при всѣхъ ихъ промахахъ, ополченіе отособленной Руси шло съ быстротой постоянно возрастающей.

То былъ такъ названный въ послѣдствіи Золотой Вѣкъ польской литературы, — эпоха освобожденія польскаго языка изъ подъ опеки латинскаго, на которомъ почти исключительно писали въ XVI-мъ вѣкѣ, находя польскій языкъ слишкомъ „труднымъ", то есть невоздѣланнымъ, для выраженія возвышенныхъ мыслей. Два русина, Мартинъ и Іоахимъ Бѣльскіе, одинъ за другимъ, описали характерною польщизною дѣянія знаменитыхъ въ Рѣчи Посполитой людей, и открыли

---

[1]) Ту же уступку публикѣ дѣлала тогдашняя литература; и относительно такъ называемаго прôстаго языка, употребляя языкъ церковнославянскій. Въ „Зерцалѣ Богословія" Тарквилліона Ставровецкаго читаемъ: „Вѣдай и то, ласкавый чительнику, для чого покладалось в той книзѣ прôстый языкъ и словенскій, а не все по просту. Та причина естъ: по словенску ся клали слова нѣкотôріи словенского языку трудныи на прôстый языкъ, такъ же не лацко понятныи, яко то: качество або якости по просту, и много таковыхъ нейдется, лечъ простакови все криво, хотяй и найпростѣйше, а мудрый и кривое справити може."

рядъ писателей, которые тѣмъ болѣе нравились публикѣ, чѣмъ болѣе имѣли общенія съ польскорусскими украинными областями, гдѣ энергія русскаго слова, не имѣя самостоятельной письменности, возвышала достоинство языка польскаго. Русинъ Николай Рей былъ общимъ любимцемъ польской публики, въ качествѣ стихотворца и прозаика. Другой русинъ, Янъ Кохановскій, выработалъ польскій стихъ не только для оды, элегіи, пѣсни, но и для религіознаго гимна. Его переводъ „Псалтыря Давидова", въ тотъ богословскій вѣкъ, былъ любимимъ чтеніемъ въ семействахъ, и до сихъ поръ остается лучшимъ изъ польскихъ переводовъ. Церковное и публичное краснорѣчіе процвѣтало въ Польшѣ въ эпоху нашего Іова Борецкаго, какъ рѣдко гдѣ въ Европѣ. Каждый земскій посолъ былъ ораторомъ по профессіи; каждый прелатъ имѣлъ въ запасѣ готовые обороты и loca topica, которыми умѣлъ дѣйствовать по крайней мѣрѣ на любовь публики къ ораторскому искусству, если не на ея нравственныя убѣжденія. Вспомнимъ при этомъ, что цѣлая вѣчность лежала между золотымъ вѣкомъ польской и золотымъ вѣкомъ русской литературы. Отъ „Совѣтованія о Благочестіи", написаннаго Борецкимъ, до „Кавказскаго Плѣнника" Пушкина протекло два столѣтія, и въ теченіе этого долгаго періода времени не появилось на русскомъ языкѣ ничего столь общезанимательнаго, столь восторгающаго и льстящаго національной гордости, какъ польскія историческія сочиненія, стихотворенія, проповѣди и сеймовыя рѣчи. По крайней мѣрѣ первое изъ двухъ столѣтій было для русскаго слова въ Украинѣ мертвымъ временемъ.

Самый развитый изъ питомцевъ тогдашней эллино-славянской школы становился естественно наименѣе человѣкомъ русскимъ и наиболѣе полякомъ по своимъ идеаламъ, по своему вкусу и по той рѣчи, на которой онъ думалъ. Политическія и рели-

гіозныя симпаніи могли еще увлекать его въ русскую среду, но соціальныя непремѣнно увлекали въ польскую. Принадлежать къ польской націи въ то время, по мнѣнію всей Европы, значило принадлежать не только къ образованному обществу, но и къ народу, знаменитому одолѣніемъ турокъ. Европѣ не было дѣла то того, что, по свидѣтельству самого посла, заключившаго съ турками миръ, у нихъ подъ Хотиномъ не было больше 150 тысячъ войска, и то самаго безпорядочнаго. Европа не знала, что это войско разбѣгалось ежедневно, и что у баши, останавливавшаго бѣглецовъ надъ Дунаемъ, не хватало плалачей для казни пойманныхъ. [1]) Не знала Европа и того, что, по выраженію самихъ участниковъ похода съ польской стороны, хлопы козаки были розовымъ вѣнкомъ на головахъ хотинскихъ героевъ, [2]) а по словамъ „народнаго пророка“ польскаго, Фабіана Бирковскаго, турки бѣжали изъ подъ Хотина съ крикомъ: козакъ! козакъ! Внимая трезвому политическихъ колоколовъ, Европа знала только о неслыханномъ дотолѣ бѣгствѣ турецкаго султана передъ поляками. Она даже разореніе Синопа, Кафы, Требизонда приписывала польской, но вовсе не русской, воинственности.

Въ томъ вѣкѣ отсутствія критики и развитія панегиризма, слова значили весьма много. Ни одинъ русскій школьникъ не осмѣливался заподозрить самую ложную похвалу польскому имени. Признанное литературно-великимъ въ Краковѣ и Варшавѣ не могло быть малымъ для Кіева, который печатную книгу считалъ роскошью и раболѣнно занимался списываніемъ произведеній польской публицистики. [3]) Каковы бы ни были

[1]) Матер. для Ист. Возс. Р. т. I, стр. 107.
[2]) Starożytności historyczne, przez Ambr. Grabowskiego, I, 145.
[3]) Списываніемъ печатныхъ книгъ занимались тогда спудеи, какъ

богословскіе споры съ уніятами и католиками, никогда ни малѣйшая тѣнь сепаратизма не лежала на нашихъ литературныхъ отзывахъ о польскомъ элементѣ. Мы находились подъ очарованіемъ его дѣланной славы. Мы учились у поляковъ наукѣ льстить, какъ дѣти учатся правиламъ приличія. Въ душѣ каждаго русскаго прецептора жило сознаніе высокаго, подавляющаго превосходства польскаго слова и обычая надъ русскимъ. Польское самовосхваленіе низводило насъ до самоуничиженія. Польская гордость внушала нашимъ грамотеямъ низкопоклонство. Превосходство польской свѣтскости, бывалости и того, что въ польскомъ быту называется оказалость пригнетало насъ къ самой землѣ. Говоря о нашихъ предкахъ вообще, мы стояли твердо и гордо на своей родной почвѣ только до тѣхъ поръ, пока наша бѣдность и наше невѣжество не тревожили нашего сознанія. Но, лишь только польская культура давала намъ иной взглядъ на наше положеніе, она насъ отчуждала отъ русской среды во глубинѣ нашей души, и незримо ни для кого подготовляла къ ролямъ Кунцевича, Смотрицкаго, Саковича, Юзефовича, Ходыки.

Неувѣренность другъ въ другѣ относительно церкви и партіи, къ которой каждый желалъ или не желалъ принадлежать, была въ то время характеристическою чертою русскаго общества въ украинной Кіевщинѣ; и къ такому состоянію привели насъ не административныя притѣсненія и соблазны, начавшіеся изъ за вѣры со временъ отступничества Ягайла, не казуистическія гоненія, практикованныя съ большимъ успѣхомъ іезуитами, не уличныя насилія отъ возбуждаемыхъ ими

цеховымъ ремесломъ своимъ. (См. выше воспоминаніе Шафонскаго). До сихъ поръ въ Малороссіи встрѣчается множество рукописныхъ копій съ польскаго печатнаго, при всѣхъ претерпѣнныхъ ею пожарахъ и разореніяхъ.

молодыхъ фанатиковъ и старыхъ прозелитовъ. Всѣ эти бѣдствія дѣлили русское общество надвое: одна часть поддавалась давленію или непреодолимому вліянію правительственной партіи; за то другая стояла тѣмъ упорнѣе на почвѣ древняго русскаго благочестія. Но когда то, что считалось достаточнымъ прежде для поддержанія благочестія въ народѣ, стали находить слишкомъ слабою опорою вѣры; когда образованіе ума и вкуса по выработанной латинскою схоластикою программѣ стали считать необходимымъ, тогда дворы русскихъ пановъ и высшія школы, въ которые наши патроны помѣщали своихъ кліентовъ, сдѣлались разсадниками людей, которые, даже не отвергая русской народности, подрывали ее своими польскими идеалами и симпатіями. Невѣжествомъ стали колоть глаза лучшимъ изъ нашихъ людей; ихъ авторитетъ началъ терять свое вліяніе на тѣхъ, которые возмнили себя быть основаніемъ русскаго общества въ будущемъ. Смѣхъ надъ простотою и убожествомъ русскихъ иноковъ, противъ котораго вооружился при началѣ уніи Іоаннъ Вишенскій, принадлежалъ уже не однимъ бритымъ франтамъ, которыхъ онъ, въ свою очередь, представляетъ смѣшными, но и такимъ людямъ, какъ Саковичъ, который изъ профектовъ братскаго училища сдѣлался сперва уніятскимъ архимандритомъ, а потомъ и католическимъ каноникомъ. Напрасно писали съ Аѳонской горы, что „хитрорѣчіемъ простота и буяя премудрость Божія безчеститься"; напрасно „во мѣсто хитрорѣчивыхъ силлогизмъ и велерѣчивое реторики", совѣтовали „учить богоугодно молебный псалтырь", а „во мѣсто философіи, по воздуху мысль разумную скитатися зиждущей,— „церковнаго благочестія догматы" „да евангельскую проповѣдь съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, чтобы си-

лу святаго духа влагасти въ слышащихъ сердца". [1]) Между тогдашними письменниками такъ мало было людей съ направленіемъ реакціоннымъ относительно схоластической латинщины и польщизны, что подобныя воззванія, оправданныя нынѣ исторіею, были оставляемы въ рукописяхъ, по малочисленности грамотной публики, которая бы сочувствовала радикальному русскому взгляду. Когда разыгралась въ Витебскѣ кровавая трагедія, и ея послѣдствія сдѣлались ощутительны всюду, эти послѣдствія пугали въ Кіевѣ не тѣхъ, которые были заражены „лакомствомъ на поганнского красномовнаго Аристотеля", какъ выражался суровый аѳонскій инокъ Христофоръ, а тѣхъ, которые, по выраженію аѳонскаго инока Ѳеодула, „граматичного дробязку не изучали, риторское игряшки не вѣдали", которые „безъ книгъ премудрѣли, простотою философы посмѣвали, смиреніемъ гордость потачмяли". [2]) О своей личной участи и судьбѣ мѣстнаго православія безпокоились тамъ больше всего тѣ духовныя лица, которыя съ латинскою партіею были разъединены своею русскою простотою, своею малограмотностію, своимъ невѣрнымъ положеніемъ между людьми порядка, какими представлялись уніяты, и людьми анархіи, какими казались въ Рѣчи Посполитой православные. Переходъ въ латинство пановъ и въ уніятство ученыхъ панскихъ кліентовъ теперь болѣе нежели когда либо смущалъ „просторѣковатое" русское общество, во главѣ котораго стояли монахи. Даже ученѣй-

---

[1]) Рукоп. библіотеки Кіевской Дух. Акад. № 213: „Зачапка мудраго латынника зъ глупымъ русиномъ въ диспутацію, а попросту глаголющи в гаданіе или бесѣду", инока Христофора русина.

[2]) Рукоп. библіотеки Кіевской Дух. Акад. „Кроткословный отвѣтъ Ѳеодула, на святой афонской горѣ скитствующаго, противъ безбожнаго, лживаго, потворнаго... Петра Скарги".

шіе изъ нихъ, какъ Захарія Копыстенскій, перечисляя представителей антилатинской науки, насчитывали весьма немногихъ, и должны были указывать своей оробѣлой публикѣ на Москву, гдѣ, какъ сообщилъ имъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, „тежъ суть люде мудрыи и богослове православныи, языкъ греческій знающіи". [1]) Но сочиненія, всесторонне оправдывавшія православіе на основаніи преданій церкви и догматовъ христіянства, оставались въ рукописяхъ такъ точно, какъ и апостольскія посланія аѳонскихъ подвижниковъ. Ихъ не на что было печатать, а по напечатаніи некому было бы читать. Русская почва подмывалась въ Кіевѣ тайными и явными токами латинства, проникавшаго въ православное общество путемъ схоластической образованности. Всѣ знали, что въ средѣ передовиковъ православнаго движенія, въ средѣ начальствующихъ монаховъ, природныхъ шляхтичей, много было такихъ, которые, по своимъ разсчетамъ и склонностямъ, охотнѣе пошли бы по слѣдамъ Кунцевича, чѣмъ по слѣдамъ Борецкаго; а въ свѣтскомъ званіи даже такія личности, какъ мать суздальскаго архіепископа Іосифа Курцевича, бывшаго товарища Борецкаго по архіерейству, не скрывали иногда своего предпочтенія сыновьямъ, отвергшимся православной отеческой вѣры. [2])

Къ предосужденію тогдашней образованности, заимствованной нами изъ Польши, приходится сознаться, что малочи-

[1]) Рукоп. Рум. Муз. „Палинодія", л. 377.

[2]) Чрезъ посредство Іова Борецкаго, архіепископъ Іосифъ звалъ къ себѣ изъ Кіева мать, желая раздѣлить съ нею щедроты, которыми осыпалъ его московскій царь, и жаловался, что она „лучше за тымъ, который отвергся православные отеческіе вѣры, гоняется, и все усерде въ него влагаетъ". (Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла малор. св. 2-я, 1631 г. № 1.)

сленныхъ борцовъ за православіе и русскую народность въ Кіевѣ, предводителей православнаго движенія, поддерживала не столько ихъ просвѣщенная схоластически среда, сколько невѣжественная масса, къ которой слѣдуетъ причислить и малообразованныхъ шляхтичей, наполнявшихъ ряды Запорожскаго Войска. Эти шляхтичи, бѣглецы отъ школьной чаши и крутого домашняго режима,[1]) оправдывали себя рыцарскими подвигами и становились на сторону тѣснимыхъ за вѣру тѣмъ охотнѣе, что имъ не было мѣста въ кругу солидныхъ землевладѣльцевъ, принадлежавшихъ къ польскому обществу. Соединивъ свою судьбу съ судьбой козачества, въ качествѣ его предводителей, они только тѣмъ и держались на извѣстной высотѣ общественнаго мнѣнія, что дѣлались представителями отважной толпы. Они были гарантированы ею отъ перехода на сторону папистовъ, и въ свою очередь служили гарантіею мѣщанской стойкости въ православіи, то есть удерживали слабохарактерныхъ отъ подражанія такимъ людямъ, какъ войтъ Ходыка. Тѣмъ не менѣе слухъ, что надъ Украиной будутъ повторены рѣшительныя мѣры, принятыя относительно уніи въ Бѣлоруссіи, казался въ Кіевѣ правдоподобнымъ. Онъ пу-

---

[1]) До какой степени былъ суровъ домашній режимъ того вѣка, видно изъ книги польскаго поэта, русина по происхожденію, Рея „Wizerunek własny Żywota Człowieka poczciwego“, напечатанной въ 1558 году, въ Краковѣ. Мученіе дѣтей надъ книгами изображаетъ Рей слѣдующимъ образомъ:

A nasz pan aż ledwo w rok, y tho aż z nauki,
    A przy tey Gramatyce częste będą puki.
Potrze sobie kolana a potłucze czoło,
    Bo się musi zatoczyć przytym nie raz w koło.
A gdy mało podrośnie, wnet woyt nad nim stoi
    Z brzeziny, a pan młody bardzo się go boi.
Siecze ociec, siecze żak, więc też pani matka
    Chce też użyć swoich praw, dobije ostatka.

галъ зажиточныхъ людей въ томъ отношеніи, что королевская партія примется за нихъ прежде всего съ своими обвиненіями въ противодѣйствіи правительственнымъ цѣлямъ, какъ это они видѣли надъ бѣлорусскими промышленными и торговыми классами. Упадокъ духа въ мѣщанахъ послѣ витебской трагедіи былъ такъ великъ, разномысліе между горожанами сказывалось такъ ощутительно, что Іовъ Борецкій, не допустившій козаковъ ни въ свидѣтели своего посвященія, ни въ свидѣтели обличенія Смотрицкаго, далъ знать въ Запорожскую Сѣчь о дѣйствіяхъ Ходыки. Онъ очевидно, сознавалъ неловкость своего положенія. Онъ оправдывалъ себя передъ обществомъ, къ которому принадлежалъ, крайнею опасностью своего положенія среди паствы, неспособной защитить своихъ пастырей. Это замѣтно и изъ его сношеній съ Москвою, которая была для него замѣною отечества, не дававшаго мѣста православію. [1])

Вмѣшательство запорожскихъ козаковъ подавило, какъ мы видѣли, составившуюся въ Кіевѣ уніятскую партію; но мѣщане не были этимъ обрадованы ни въ какомъ отношеніи. Запорожскіе полковники созвали изъ окрестныхъ мѣстъ козацкую голоту, которая только тогда и разыгрывала роль христолюбиваго воинства, когда было кого пограбить. Говоря о ней вообще, имя вѣры и церкви было для нея лишь прикрытіемъ настоящаго побужденія къ тому, чтобы произвести расправу надъ отступниками. Грабежъ, учиненный козаками въ Кіевѣ, былъ для мѣщанъ столь же чувствителенъ, какъ и печатаніе православныхъ церквей, и, если судить по витебцамъ, то кіяне едвали могли рѣшить, которое изъ двухъ золъ было для нихъ меньшимъ зломъ.

[1]) См выше, стр. 81.

Кіевскіе мѣщане, равно какъ и мѣщане другихъ украинныхъ городовъ, были разсадникомъ козачества со временъ кіевскаго воеводы Андрея Немировича, каневскаго старосты Василія Тишкевича и черкасскаго, Яна Пенька; [1]) но корпоративной солидарности съ козаками у нихъ не было, яко у людей статечныхъ съ людьми не статечными, то есть такими, которые изъ одного положенія быстро переходили въ другое, изъ людей осѣдлыхъ дѣлались кочевниками, изъ людей зажиточныхъ—убогими скитальцами и врагами правительства, — которыхъ, какъ говорилось о нихъ издавна, не по чемъ было сыскивать. Такъ точно и пограничная шляхта въ началѣ служила колыбелью знаменитымъ козакамъ, которыхъ называли даже печатно мужественными львами; но, по мѣрѣ того, какъ рыцарская сабля уступала въ пограничныхъ осадахъ первое мѣсто панскому плугу, корпоративная солидарность между шляхтою хозяйственною и шляхтою добычною превращалась все болѣе и болѣе въ отчужденіе. Козацкими гетманами были сперва князья, потомъ, какъ Янъ Оришовскій, подстаростичи, [2]) въ слѣдъ за тѣмъ, какъ Лобода и Сагайдачный, безвѣстные шляхтичи, и наконецъ люди совершенно темные—Павлюки, Гудзаны, Скиданы, Острянины, Гуни. Изъ защитниковъ пограничья козаки все болѣе и болѣе дѣлались раз-

---

[1]) Въ I-й ч. „Бѣлорусскаго Архива“, на стр. 60, помѣщена потвердительная королевская грамота 1589 года, въ которой могилевскіе мѣщане являются подъ представительствомъ своихъ *сотниковъ* и *десятниковъ*, какъ въ послѣдствіи дѣлали козаки. Поданная королю на бумагѣ „справа“ могилевскихъ мѣщанъ имѣетъ значеніе въ неизслѣдованномъ еще вопросѣ о происхожденіи козацкихъ порядковъ. Судя по ней, козаки у себя въ кошахъ и таборахъ копировали только порядки „рѣчи посполитой мѣстской“.

[2]) Дневникъ посл. Пох. Ст. Баторія на Россію, 363. Историкъ Мартинъ Бѣльскій называетъ Оришовскаго „нашимъПравдичемъ“, по гербу, къ которому и самъ принадлежалъ.

бойниками, такъ что лучшіе люди своего времени, игравшіе лично весьма почтенныя роли въ оборонѣ христіянскаго міра отъ мусульманъ, отзывались о нихъ не иначе, какъ съ негодованіемъ. [1]) Характеръ козацкой дѣятельности зависѣлъ отъ того, подъ какимъ предводительствомъ они дѣйствовали. Сами по себѣ это были тѣ же коуи, торки, берендѣи, черные клобуки, ушкуйники, которыхъ вырабатывали искони наши русскія пустыни, лежавшія открытой дорогой въ пріюты мирнаго труда и гражданственности для такихъ же дикарей половцевъ и печенѣговъ. Въ 1624 году, козаки приспѣли въ Кіевъ для защиты мѣщанскихъ церквей и въ то же время для грабежа мѣщанскихъ дворовъ. Ихъ усердіе къ православнымъ братчикамъ измѣрялось поживою на имуществѣ ихъ противниковъ. Возлѣ Ходыки и его приверженцевъ они такъ хорошо погрѣли руки, что коронный гетманъ Конецпольскій, чуждый религіозной стороны украинскихъ смятеній, не могъ этого простить имъ даже на Медвѣжыхъ Лозахъ (о чемъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ). Если мѣщане тянули иногда въ одинъ гужъ съ козаками, то это бывало не иначе, какъ въ слѣдствіе выбора между террором козацкимъ и терроромъ шляхетскимъ. Тѣсная дружба съ козаками пугала мѣщанъ; но еще больше

---

[1]) Даже, состоя на службѣ у короля, козаки вторгались въ союзныя владѣнія и заявляли о своемъ характерѣ такими поступками, какими запечатлѣли себя въ памяти москвитянъ съ одной стороны и австрійскихъ подданныхъ съ другой. Во время похода Стефана Баторія подъ Псковъ, козаки разоряли окрестности шведскаго тогда Дерпта или Ивангорода, производя въ нихъ, по словамъ Яна Замойскаго, „okrucieństwo y obrzydliwości takie, kotoreby y poganom zle czynicz“. Онъ писалъ къ начальнику Ивангорода: „Vehementer doleo cosacos molestias eas miseris hominibus adferre, quod certe praeter meam voluntatem fit. Sed genus hoc hominum vagum est, quod praede tantum ausa a lateribus penes exercitum oberret. („Дневн. посл. Пох. Ст. Баторія на Россію, 407.)

пугала ихъ козацкая мстительность. По своему быту, по своимъ интересамъ и склонностямъ, мѣщане относились къ козачеству не иначе, какъ относятся въ наше время благоразумные бюргеры къ стачкамъ коммунистическаго пролетаріата. Мѣщане были не прочь загребать жаръ козацкими руками, чтобы потомъ, въ случаѣ напасти со стороны шляхетской партіи порядка, говорить, какъ говорили, въ 1585 году, члены кіевской ратуши: „Мы и сами не безопасны отъ нихъ въ домахъ своихъ, яко на Украинѣ"; но предпринять съ козаками общее великое дѣло никогда не отваживались. Въ случаѣ успѣха предпріятія, козаки изъ мѣщанскихъ „потужниковъ" сдѣлались бы мѣщанскими господарями, то есть безнаказанными хищниками. Въ случаѣ неуспѣха, козаки разбѣжались бы по своимъ низовымъ пристановищамъ, по вольнымъ степнымъ осадамъ, по замкамъ и дворамъ самой шляхты, которой они были постоянно нужны, а въ крайнемъ случаѣ ушли бы цѣлымъ войскомъ на Донъ, какъ это было сдѣлано ими въ 1635 году, [1]) и тогда мѣщанамъ пришлось бы отдуваться передъ панскимъ правительствомъ за всѣ козацкіе подвиги.

Но, если славетные горожане, въ критическій моментъ эпохи Іова Борецкаго, находились между молотомъ и наковальнею, то положеніе ихъ воинственныхъ собратій, въ свою очередь, было не завидное. Съ переходомъ горожанъ, а слѣдовательно и всѣхъ чернорабочихъ въ унію, козаки лишились бы притока пострадавшихъ изъ за уніи людей, которые связывали ихъ полупромышленную общину съ городами. Это значитъ, что многіе бездомовники не знали бы, гдѣ пріютиться на зимнее время, когда вся козацкая голота, какъ

[1]) Объ этомъ весьма интересномъ эпизодѣ исторіи козачества см. у Цинкейзена, Gesch. des osm. Reiches, IV, 515—521.)

полевыя мыши, стекались въ мѣщанскіе дома. Украина съузилась бы тогда для козаковъ до тѣхъ сильно окозаченныхъ предѣловъ, гдѣ въ старостинскихъ и владѣльческихъ городахъ обокъ мѣщанъ послушныхъ установились, въ силу вещей, мѣщане непослушные, называемые въ правительственныхъ люстраціяхъ и просто козаками; гдѣ королевскіе и панскіе осадчіе властвовали больше де jure, нежели де facto; гдѣ козаки терпѣли старостинскій и панскій режимъ единственно потому, что, въ ихъ отсутствіе, жены и дѣти ихъ находились подъ защитою мѣщанъ послушныхъ, то есть мѣстной милиціи. Конечно тамъ послушные мѣщане не приняли бы уніи безъ согласія мѣщанъ непослушныхъ, которые такъ твердо стояли на собственныхъ ногахъ, что пользовались иной разъ всѣми полевыми и рѣчными угодьями, а въ самомъ городѣ забирали подъ себя почти всѣ грунты, не отбывая за то никакой повинности, и на тысячу своихъ хатъ въ городѣ и по хуторамъ едва оставляли мѣста для сотни хатъ, находившихся подъ присудомъ у пана старосты или его намѣстника. Но независимо отъ выгодъ единовѣрія, каковы бы онѣ ни были, козаки ненавидѣли унію по самымъ первымъ ея проявленіямъ. Когда шляхтичъ переходилъ въ католичество или въ иную панскую вѣру, хотя бы даже и въ аріянство, на это обращалось мало вниманія. На то онъ былъ панъ; а панъ и ляхъ, для козака, издавна были понятіями однородными. Но когда свой братъ козакъ или мѣщанинъ перемѣнялъ вѣру, это значило, что онъ приставалъ къ сторонѣ, противной козацкимъ интересамъ; что у него торги и праздники были другіе; что самая совѣсть его не подлежала уже прежнему судьѣ или исповѣднику, и что съ нимъ всѣ связи общежитія рвались, какъ съ отступникомъ и врагомъ христіянской вѣры. [1])

[1]) Самъ Іоаннъ Вишенскій, представитель народнаго воззрѣнія, счи

Этому естественному взгляду козака на унію придали ѣдкую ненависть мѣщане, которые, отстаивая всячески свои церкви противъ уніятовъ, лишались мѣстъ въ магистратскихъ лавицахъ, изъ людей статечныхъ дѣлались бродягами, изъ спокойныхъ владѣльцевъ крамныхъ коморъ въ городахъ превращались въ рискующихъ низовыхъ промышленниковъ. Новая вѣра, противопоставленная древнему русскому благочестію, сдѣлалась, въ устахъ поповъ и монаховъ, предметомъ повсемѣстнаго порицанія. Она, какъ посягательство на ихъ кусокъ хлѣба, недоступный для самого католичества, была для нихъ гораздо возмутительнѣе той „кривой вѣры", которой такъ не любили основатели Печерской обители. Зная о ней еще только по слуху, какъ объ опасномъ нововведеніи, затѣянномъ панами свѣтскими и панами духовными, распутными и жестокосердыми іерархами, убогое духовенство такъ сильно предубѣдило противъ нея простолюдиновъ, что, еще до обнародованія уніи, іезуиты совѣтовали Рогозѣ не называть ее по имени, а придумать ей такое названіе, „которое бы не такъ было противно для слуха народа". [1])

Смѣшеніе матеріяльныхъ и нравственныхъ интересовъ, столь обыкновенное въ жизни, вооружило противъ іезуитской выдумки всѣ низшіе классы русскаго населенія. Но мужики не смѣли противиться административнымъ распоряженіямъ въ королевскихъ и экономическихъ—въ панскихъ селахъ. Мѣщане противодѣйствовали уніи лишь на столько, на сколько

талъ ересь отступничествомъ не отъ православія, а просто—отъ христіянства (См. т. I, стр. 296.) Такъ точно и „Боркулабовская Хроника" говоритъ, что при Сигизмундѣ III началось гоненіе „на вѣру каѳолическую, на вѣру христіянскую". (Матер. для Ист. Возс. Р. т. I, 55.) Въ кобзарской думѣ поется: „вѣры християнськоі вѣчными часы у наругу не подайте".

[1]) См. т. I, стр. 257.

ревность дома Божія и оскорбленная свобода совѣсти сливались у нихъ съ промышленными, торговыми и семейными интересами. Они противились уніи не столько открытой силой, сколько силой гражданскаго права, утвержденнаго на вѣковѣчномъ обычаѣ. Они прибѣгали даже къ дипломатіи и пользовались покровительствомъ то пановъ диссидентовъ, то пановъ православныхъ, которые дѣйствовали вяло и непослѣдовательно, какъ люди, несвязанные съ уніятскимъ вопросомъ матеріяльными выгодами и тяготѣющіе сильнѣе мѣщанъ къ центральной власти. Одни козаки, при своей нестатечности, при неопредѣленности своего быта и готовности на всякую крайность, позволяли себѣ карать уніятовъ, безъ оглядки на свои семьи, на свои дворы и промыслы.

Но когда все было, по видимому, готово уступить уніи, когда и въ самихъ монастыряхъ обнаружилось колебаніе по вопросу: стоять ли за цареградскаго патріарха, или избрать собственнаго, съ тѣмъ чтобъ составить съ унитами одну церковь? тогда козаки, будучи прежде только людьми подставными, очутились отвѣтчиками одни передъ лицемъ всего королевства. За подвигъ благочестія, показанный недавно надъ войтомъ Ходыкою и его соумышленниками, козакамъ приходилось отвѣчать въ недалекомъ будущемъ, можетъ быть, передъ такою же коммиссіею, какая судила витебцевъ за убійство Кунцевича. Войтъ, какъ бы то ни было, носилъ титулъ славетнаго даже въ королевскихъ грамотахъ. Онъ, въ муниципальной общинѣ, былъ такимъ же представителемъ королевской власти, какъ панъ староста за предѣлами магистратскаго присуда. По конституціи Рѣчи Посполитой, онъ, во время исполненія своей обязанности, пользовался правами шляхетноурожденныхъ; и притомъ козаки знали, что Ходыка принялся водворять въ Кіевѣ унію не безъ личной извѣст-

ности королю, въ глазахъ котораго унія была такою же законною вѣрою, какъ и латинство, между тѣмъ какъ православіе считалось исповѣданіемъ бунтовщиковъ и ослушниковъ. Убіеніе попа Юзефовича такъ же грозило козакамъ строгою отвѣтственностью. Въ этомъ дѣлѣ они поступили вовсе не такъ, какъ слѣдовало бы ожидать хотя бы и отъ кровавыхъ „борцовъ за православіе". Церковь Св. Василія (Трехъ Святителей), преданная Юзефовичемъ уніятскому митрополиту,—послѣ безсудной казни надъ отступникомъ, оставлена козаками безъ призрѣнія; никто не смѣлъ ею воспользоваться; она стояла пусткою [1]). А между тѣмъ у короля осталась въ памяти тяжелая для козаковъ замѣтка.

Да и кромѣ уніи, у козаковъ наросли счеты съ правительствомъ со смерти Сагайдачнаго, съ которымъ правительство считалось осторожно, и безъ воли котораго козаки не предпринимали ничего важнаго. Вѣрные своему прототипу, наши варяги, съ 1622 года, не переставали пиратствовать на Черномъ морѣ, и не дальше, какъ въ іюлѣ 1624 года, появились въ самомъ Босфорѣ, въ виду Царьграда. Не разъ уже грозилъ имъ за гостеванье на морѣ новый коронный гетманъ Станиславъ

---

[1]) По усмиреніи козацкаго бунта, замковые чиновники, возстановлявшіе въ Кіевѣ права нарушеннаго владѣнія, спрашивали у крестьянъ, жившихъ на грунтѣ около церкви: кто за прошлый годъ получалъ церковные доходы? Крестьяне отвѣчали, что никто не требовалъ отъ нихъ куницъ или чиншей за прошлый годъ. А Кіевскіе козаки Соляникъ и Килимъ „отъ лица всѣхъ", равно и Дорошенко съ полковниками, асаулами и судьями, на запросъ чиновниковъ, сказали, что ни церкви, ни имуществъ, къ ней принадлежащихъ, никогда отбирать не могли, и никогда войско ея не отбирало. Февраля 4-го 1626 года, замковые чиновники нашли церковь незапертою; внутри было пусто; оказалось только нѣсколько небольшихъ образовъ да маленькой колоколъ; а въ церкви было полно снѣгу, навѣяннаго отъ недосмотра. (Кіевск. Еп. Вѣд. 1873 г. № 17).

Конецпольскій, который былъ помоложе и позавзятѣе осторожно-энергическаго Жовковскаго. Онъ слылъ искуснымъ полководцемъ; онъ умѣлъ составить значительное войско для войны съ Густавомъ Адольфомъ, и козаки его побаивались.

Они побаивались его и за недавнее побоище, совершенное ими въ Богуславѣ надъ жидами, которые въ короткое время, такъ сказать съ налету, основали тамъ торговую колонію, заняли своими домами почти весь рынокъ и главную улицу, взяли у старосты въ аренду всѣ хозяйственныя статьи, и уже въ 1620 году, возбуждали жалобы мѣстныхъ жителей на „жидовскую оппрессію“. Жалобы не вызвали никакого удовлетворенія со стороны законныхъ властей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. По примѣру шляхты, прибѣгавшей къ „платнымъ“ козакамъ за помощью противъ соперниковъ своихъ, богуславскіе мѣщане обратились къ нимъ съ просьбою о защитѣ отъ жидовъ. Еще будетъ яснѣе, когда мы скажемъ: тѣмъ самымъ способомъ, какимъ люди духовные, или ревностные къ Божію дому, вооружали козацкую руку на похитителей церковныхъ имуществъ, богуславцы вооружили ее на эксплоататоровъ своего имущества и своихъ доходовъ. Козаки, съ обычной имъ въ подобныхъ случаяхъ энергіей, противопоставили свой присудъ старостинскому присуду и свою власть—власти панскаго правительства. Жиды изчезли, какъ изчезаетъ дымъ предъ лицемъ огня. Изчезли ихъ дома, лавки, важницы, мытницы, винокурни, броварни, а жидовскіе барыши перешли въ тѣ корчмы и шинки, въ которыхъ „козаки-нетяги“ пропивали такъ называемую людскую денежку и панскій червонецъ въ совершенной дружбѣ съ шинкаркою. Подобное же самоуправство совершили они и надъ корсунскими жидами, которые, по ихъ словамъ, „проливали кровь христіянскую“. За свое козацкое правосудіе приходилось теперь Запорожскому Войску

вѣдаться съ Конецпольскимъ, президентомъ военносудной комиссіи, имѣвшей въ своемъ распоряженіи 30.000 хорошо вооруженнаго шляхетскаго войска и 3.000 наемныхъ нѣмцевъ.

Но самая тяжкая отвѣтственность лежала на козакахъ за то, что они вмѣшивались въ турецкія дѣла, помогая крымскому хану Магометъ-Гирею въ его возстаніи противъ султана и поддерживая претендента на турецкій престолъ, такъ называемаго царевича Александра Ахію. Объ участіи козаковъ въ крымскихъ смутахъ и объ ихъ затѣѣ посадить на турецкій престолъ мнимаго сына султана Магомета III, я буду говорить подробно, когда вернусь къ повѣствованію о козакошляхетскихъ войнахъ. Здѣсь достаточно сказать, что въ томъ и другомъ случаѣ козаки традиціонно воспользовались внутренними смятеніями сосѣднихъ странъ, ища добычи, безъ которой нечѣмъ было имъ существовать, и военной славы, которою дорожили не меньше любого европейскаго рыцарства. Между тѣмъ поддержка крымцевъ противъ султана и готовность подняться всею своею массою для похода въ турецкія владѣнія моремъ и сушею во имя мнимаго наслѣдника цареградскаго престола, раздражили Порту противъ Польши до такой степени, что вѣчный миръ, выхлопотанный княземъ Збаражскимъ въ Царьградѣ, обратился въ ничто. Король прислалъ на Запорожье своего дворянина съ требованіемъ, чтобы козаки выписали изъ своего реестра всѣхъ безпокойныхъ людей, превышающихъ цифру 6.000, а въ числѣ шести тысячъ подчинились распоряженіямъ верховной власти; если же этого не сдѣлаютъ, то къ нимъ придетъ коронный гетманъ Конецпольскій и королевскимъ мечемъ отдѣлитъ козаковъ, признаваемыхъ правительствомъ, отъ своевольныхъ людей, которые вписались въ козацкое товарищество для того, чтобъ не подчиняться никакимъ установленнымъ властямъ и присудамъ.

Этотъ ультиматумъ произвелъ переполохъ не въ однихъ козакахъ, но и во всей православной общинѣ, центромъ которой былъ кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій. Какъ ни мало были похожи дѣла милосердія, проповѣдуемыя Борецкимъ, на подвиги руины и хищенія, отличавшіе козаковъ, но между духовною и военною корпораціями въ южной Руси существовала тѣсная связь. Передовые люди въ православномъ духовенствѣ и знаменитые вожди въ козачествѣ происходили изъ того класса русской шляхты, который не искалъ карьеры въ качествѣ дворянъ или слугъ „великихъ панскихъ домовъ", напротивъ прокладывалъ себѣ дорогу къ независимому положенію собственными нравственными средствами. Отсюда происходила дружба между такими людьми, какъ Іовъ Борецкій, и такими, какъ Петръ Сагайдачный, имѣвшая своимъ результатомъ возстановленіе кіевской митрополіи. Положеніе двухъ корпорацій, монашеской и козацкой, относительно правительствовавшаго въ Польшѣ класса имѣло много сходнаго. Ни въ одномъ протестѣ православныхъ пановъ эпохи Іова Борецкаго мы не встрѣчаемъ не только ходатайства въ пользу возстановленной въ Кіевѣ митрополіи, но даже упоминанія о ней. Православнымъ панамъ, какъ членамъ феодальной республики, возстановленная митрополія должна была казаться такою же узурпаціею простонародной массы на счетъ шляхетной государственности, какъ и панамъ католикамъ. Послѣдніе не обинуясь называли предводителей православнаго движенія genus sceleste hominum; первые упорно молчали о нихъ всюду, гдѣ слово ихъ было бы дѣломъ. Очевидно, что, въ глазахъ разновѣрныхъ строителей Польскаго государства, кіевское духовенство, соединявшееся подъ властью Іова Борецкаго, было своего рода козачество, не признающее надъ собой ни королевскаго, ни сеймового присуда, исключающее само себя изъ

гражданскаго общества, иностранствующее въ виду Польскаго государства. И въ самомъ дѣлѣ у монашеской корпораціи, такъ точно, какъ и у козацкой, русская почва уходила изъ подъ ногъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Видя быстрые успѣхи латинства и подготовляющей къ нему уніи, православное духовенство не могло не опасаться, что придетъ время, когда оно останется только при одной, можно сказать, неграмотной черни. Пренебреженная даже тѣми русскими магнатами, воторые отстаивали еще на сеймахъ греческую религію въ ея принципѣ, партія Борецкаго не могла мечтать о соціальной автономіи Украины подъ знаменемъ вѣры. Для нея дворянство замѣняли мѣщане, а магнатовъ—козацкіе вожди. Но мѣщане показали, въ лицѣ Ходыки, какъ ихъ общественныя мнѣнія способны подчиниться силѣ правительства, а козацкіе предводители были сильны только тогда, когда государство находилось въ затруднительномъ положеніи. Отдѣлавшись войной и миромъ отъ опасности со стороны Турокъ, правительство однимъ ударомъ готово было сокрушить козацкую силу. Козаки сознавали свою неспособность выдержать собиравшуюся на нихъ грозу, и „бачнѣйшіе“ изъ нихъ стали помышлять объ убѣжищѣ. Убѣжище было уже указано имъ духовными ихъ наставниками. Оно находилось въ той землѣ, которую они опустошали то въ пользу московскаго самозванца, то въ пользу польскаго короля, то во славу имени воинственнаго сына его. Только Восточный Царь, огорченный ихъ поступками, могъ ихъ спасти отъ занесеннаго на нихъ королевскаго меча. При всемъ сознаніи своей виновности передъ его „пресвѣтлымъ величествомъ“, козаки нашлись вынужденными обратиться къ нему о защитѣ.

Еще въ 1622 году, вскорѣ по смерти Конашевича-Сагайдачнаго, „сѣверскій архіепископъ“ Исаія Копинскій посылалъ

священника Гедеона къ путивльскимъ воеводамъ съ тайнымъ наказомъ—сообщить имъ для донесенія царю, что въ южно-русскомъ краѣ „христіяне“ терпятъ отъ поляковъ притѣсненія, что поляки вскорѣ намѣрены „наступить на христіянскую вѣру“, и что духовнымъ людямъ „отъ ихъ гоненья негдѣ приклонить головы“. Въ слѣдствіе того Исаія Копинскій освѣдомлялся: позволитъ ли ему царь „отъ гоненія вѣры“ перейти въ свое царство со всею братіею сѣверскихъ монастырей, въ числѣ полутораста человѣкъ. „Да и всѣ здѣсь православные христіяне (наказывалъ Копинскій) и запорожскіе козаки, въ случаѣ притѣсненія отъ поляковъ, хотятъ многіе переселиться въ Московское царство“. [1])

Этимъ посольствомъ была впервые заявлена мысль, оказавшаяся столь важною по своимъ послѣдствіямъ; и достойно особеннаго замѣчанія, кому принадлежалъ починъ въ стремленіи русскаго Юга къ возсоединенію съ русскимъ Сѣверомъ. Принадлежалъ онъ автору аскетическаго сочиненія, дошедшаго до насъ въ рукописи подъ характеристическимъ заглавіемъ: „Лѣствица духовнаго по Бозѣ Житія Христіянскаго, трудолюбнѣ составлена преподобнымъ отцемъ нашимъ Исаіею Копинскимъ, иже постничествова н безмолвія путь проходя при пещерѣ отца нашего Антонія“, и пр. [2])

Проходя путь безмолвія среди народныхъ смятеній, наши постники хранили преданія отдаленнѣйшей русской древности, и разорванное внѣшнею силою войны соединяли внутренними, сокрытыми отъ документальной исторіи связями. Великая идея возсоединенія Руси жила много вѣковъ безмолвно въ нашихъ разореныхъ, убогихъ и забвенныхъ свѣтскою наукою

---

[1]) Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла малор. св. 1-я.

[2]) Рум. Муз. лит. У, № 550.

монастыряхъ, и вотъ когда наконецъ выступила на явь, путемъ обыкновенныхъ житейскихъ побужденій!

По докладу путивльскихъ воеводъ, священника Гедеона повелено доставить въ Москву за приставомъ, который бы въ дорогѣ отнюдь не допускалъ его съ кѣмъ бы то ни было, разговаривать. Царскіе дьяки, какъ видно, поняли слово, произнесенное представителемъ древнѣйшаго монастыря, который, пройдя сквозь длинный рядъ невзгодъ и разореній, сохранилъ за собой даже и подъ иноземнымъ владычествомъ титло Царствующей [1]) Лавры.

Однакожъ ни Копинскій, ни готовые къ переселенію козаки, ни тѣ, кого Копинскій называлъ православными христіянами, не получили изъ Москвы никакого ободренія. Деулинское перемиріе 1618 года не было прочнымъ миромъ: поляки могли бы воспользоваться такимъ поощреніемъ для возобновленія военныхъ дѣйствій, чтобы не дать возставшему недавно изъ упадка царству обновить свое внутреннее строеніе. Но на русскомъ Сѣверѣ, со временъ Іоанна III, чаяли возвращенія „государевой отчизны“ подъ высокую царскую руку, во имя древняго русскаго православія, и теократическая Москва вѣровала, что православіе заключаетъ въ себѣ благодать возражденія Руси всюду, гдѣ русскій обычай подавленъ иноземщиною. Она вѣровала, что общество, возстановившее и охраняющее митрополію на перекоръ папѣ и руководимому имъ королю, не забудетъ своего единства съ великимъ русскимъ міромъ. Дѣйствительно стремленіе разорвать съ католическимъ государствомъ „всякій союзъ“ намѣтилось уже въ южнорусскихъ умахъ такъ сильно,

---

[1]) Это прилагательное употреблено іеромонахомъ Филоѳеемъ Кизаревскимъ въ посвященіи Петру Могилѣ „Поученій Преподобнаго Дороѳея“, въ 1628 году.

что сдѣлалось вѣдомо польскимъ „политикамъ" еще до витебской трагедіи. Народныя силы, невовлеченныя махинаціями Рима въ систему ортодоксальнаго полонизма, рвались изъ тѣхъ сѣтей, которыми окинули часть сѣверной Славянщины папскіе „ловцы человѣковъ". Хотя наши монахи очень хорошо знали, какою данью въ Турціи были обложены всѣ ступени духовной іерархіи, [1]) но тѣмъ не менѣе твердили, что легче жить въ подданствѣ турецкомъ, чѣмъ польскомъ и латинскомъ. Торговый народъ, составлявшій у насъ гражданское общество вмѣстѣ съ монашествующей интеллигенціею, вторилъ озлобленнымъ инокамъ, на досаду папистамъ; а козаки въ этомъ случаѣ не отставали ни отъ монаховъ, ни отъ мѣщанъ. Они въ самомъ началѣ рыцарской славы своей служили, съ княземъ Димитріемъ Вишневецскимъ, турецкому султану, потомъ воевали вмѣстѣ съ крымцами и наконецъ, въ числѣ 6.000, предлагали свои услуги персидскому хану. Для козаковъ турецкое подданство было наименѣе страшно. Козаки знали турецкіе порядки лучше мѣщанъ, и, можетъ быть, тогда уже сложили извѣстные стихи своей пѣсни:

Добре буде запорозцямъ
И пôдъ Туркомъ жити.

) Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ Румянцевскаго Музея (лит. У. № 594), въ „Повѣсти о Святой Горѣ", читаемъ: „Да бранитъ дѣ царь турской на святогорскихъ старцевъ, що(sic) бѣгаютъ отъ царя бѣглецы, и они ихъ стригутъ. А патріархъ даетъ царю на годъ 1.000 золотыхъ; а патріархъ емлетъ дань съ митрополитовъ, а митрополитовъ всѣхъ 110, опричъ архіепископовъ и епископовъ; а митрополиты емлютъ дань со архиепископовъ», и т. д. Но это говорится о древнихъ временахъ. Цинкейзенъ (Gesch. des osm. Reiches, III, 363) пишетъ, что тысяча дукатовъ дани около половины XVI столѣтія превратилась въ 4.100 дукатовъ, а въ XVII-мъ, вмѣстѣ съ подарками разнымъ лицамъ, она возросла до тысяча дукатовъ. Впрочемъ онъ приписываетъ увеличеніе дани больше взаимнымъ несогласіямъ греческаго духовенства, нежели жадности турокъ.

[2]) См. у Цинкейзена т. IV, стр. 515.

Когда такимъ образомъ поколебалась политическая связь русскаго народа съ польскимъ въ самыхъ высокихъ и въ самыхъ низкихъ его предстявителяхъ, то есть въ духовныхъ іерархахъ и въ атаманахъ днѣпровской вольницы, тѣ и другіе стали промышлять о себѣ сами, какъ члены тѣла, отъ Польши независимаго.

Низшіе то представители, козаки, дѣлали это и прежде, по врожденному имъ своевольству. Они составляли въ Рѣчи Посполитой элементъ, которому Volumina Legum долго придавали общее названіе ukrainna swawola. Они не были сами по себѣ отдѣльнымъ сословіемъ, не принадлежали ни къ какому сословію по государственному праву, не подчинялись ни шляхетскимъ, ни мѣщанскимъ властямъ и, въ качествѣ козаковъ, не владѣли землею. [1]) Козакъ, точно птица изъ посторонняго яйца, выводился въ каждомъ гнѣздѣ, не только въ мѣщанскомъ и шляхетскомъ, но даже и въ панскомъ. Всѣ отцы порядочныхъ семействъ рисковали увидѣть своего сына въ козацкомъ товариществѣ, на перекоръ собственной и даже королевской волѣ. [2]) Только успѣхи гражданственности отрознили панскіе дома отъ необузданной, антикультурной корпораціи, и тогда ремесленная молодежь быстро окрасила козачество въ демократическій цвѣтъ. Козакамъ, начинавшимъ свое поприще съ расторженія семейныхъ узъ, было естественно рвать и политическія связи свои. Въ этомъ отношеніи бѣгство днѣпровскихъ козаковъ къ донцамъ при Стефанѣ Баторіи было началомъ перехода ихъ подъ московское владычество, а турецкая

---

[1]) За исключеніемъ одного мѣстечка Трахтомирова, принадлежавшаго Запорожскому Войску de jure современъ Баторія.

[2]) Интересенъ въ этомъ отношеніи IX документъ въ I томѣ Матер. для Ист. Возс. Р. Въ немъ повелѣвается всѣмъ безразлично отцамъ не пускать сыновей въ козаки.

служба „козака Байды“ (князя Димитрія Вишневецкаго) была пророчествомъ принятія козаками турецкаго подданства согласно воскликамъ Богдана Хмельницкаго. [1])

Что касается до русскаго духовенства въ Рѣчи Посполитой, то оно стало препебрегать государственными интересами Польши всего больше въ лицѣ тѣхъ іерарховъ, которые писали о себѣ къ царю, что они, будучи изгнаны изъ своихъ епископскихъ столицъ, тѣснятся въ маленькомъ уголкѣ на Украинѣ, въ Кіевской землѣ,—всего больше въ лицѣ тѣхъ, которые жаловались, что питаются съ братіею работою собственныхъ рукъ, и молили царя о милостынѣ, „чтобы трудъ ихъ не былъ тщетенъ и сѣдины ихъ чтобы не были посрамлены отъ враговъ ихъ“. Для этихъ людей присоединеніе Малой Россіи къ Великой сдѣлалось вопіющею потребностію, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріяльномъ отношеніи.

Намъ не извѣстно, что говорилъ и что слышалъ въ Москвѣ уполномоченный Исаіи Копинскаго въ 1622 году; но высказанная Копинскимъ мысль продолжала развиваться въ кіевскомъ духовенствѣ, а напоръ со стороны папистовъ заставлялъ такихъ людей, какъ Іовъ Борецкій, еще настойчивѣе внушать козакамъ, что самое надежное для нихъ прибѣжище —Москва. Козаки внимали теперь такимъ внушеніямъ прилежнѣе прежняго. Повтореніе надъ ними крутой мѣры, завѣщанной королевскому правительству Баторіемъ, возобновило въ ихъ памяти поголовное бѣгство на Донъ, а угроза Конец-

[1]) Мечты Богдана Хмельницкаго о принятіи турецкаго подданства, или угрозы этимъ подданствомъ, которыя онъ дѣлалъ полякамъ публично въ началѣ своего бунта, имѣютъ значеніе историческаго факта по отношенію къ потурначеству его сына Юрія, къ турецкому подданству Петра Дорошенка и къ турецкой службѣ цѣлыхъ козацкихъ армій.

польскаго напомнила имъ пораженіе Лободы и Наливайка подъ Лубнями. И вотъ, въ февралѣ 1625 года, Запорожское Войско, колеблясь между надеждой одолѣть Конецпольскаго и страхомъ найти въ немъ новаго Жовковскаго, который такъ ужасно побилъ козаковъ въ 1596 году, упросили Борецкаго (а можетъ быть только согласились на его предложеніе) устроить имъ посольство въ Москву и во главѣ его поставить титулярнаго луцкаго и острожскаго епископа Исакія Борисковича. Епископъ Исакій былъ самый близкій къ Іову человѣкъ, въ послѣдствіи его душеприкащикъ. Въ письмѣ своемъ къ московскому патріарху Борецкій рекомендовалъ его способнымъ къ сохраненію царской тайны. Изъ этого видно, что существенная часть посольства заключалась не въ томъ, что дошло до насъ на бумагѣ. [1])

Борецкій дѣйствовалъ въ Кіевѣ съ крайней осторожностью, будучи на виду у королевскихъ чиновниковъ, постоянно пребывавшихъ въ кіевскомъ замкѣ, у офиціалистовъ уніятскаго митрополита, завѣдывавшихъ предоставленными ему церковными имуществами, и у іезуитовъ, которые устроили свой коллегіумъ противъ братской школы, составлявшей предметъ особеннаго попеченія митрополита православнаго. Но когда онъ выѣзжалъ въ Трахомировскій монастырь, тамъ онъ

---

[1]) Къ сожалѣнію, и то, что сохранено московскою письменностію, дошло до насъ только въ обрывкѣ, изъ котораго мы знаемъ отпускъ малорусскаго посольства, но не знаемъ его пріема. Обрывокъ дѣла о переговорахъ епископа Исакія съ царскими боярами составляетъ все таки драгоцѣнность въ исторіи русскаго возсоединенія. Къ чести С. М. Соловьева надобно сказать, что онъ остановился на этихъ клочкахъ исписанной самымъ нечеткимъ почеркомъ бумаги съ полнымъ вниманіемъ и вычиталъ изъ нихъ сущность того, что было началомъ событій всемірной важности. (См. въ X-мъ т. Ист. Россіи, по 2-му зд. стр. 88.)

могъ дѣлать что ему угодно, не опасаясь никакихъ соглядатаевъ. „Тамъ была его власть", по словамъ московскихъ вѣстовщиковъ. Трахтомировъ съ его полями и угодьями составлялъ единственную юридическую собственность Запорожскаго Войска, котораго члены владѣли многими грунтами, пахатными полями и различными „входами" въ пограничныхъ украинскихъ городахъ и мѣстечкахъ, въ томъ числѣ и въ самомъ Кіевѣ, но владѣли не по званію козаковъ, а по родовой принадлежности своей къ шляхтѣ или мѣщанамъ. Самое Запорожье de jure принадлежало королю, и именно для того, чтобы козаки не простирали на него войсковыхъ правъ, пожалованъ былъ имъ изъ королевскимъ имѣній Трахтомировъ, для содержанія козацкой арматы и козацкихъ инвалидовъ. Въ смыслѣ исключительной козацкой собственности, монастырь Трахтомировскій находился въ неограниченной власти излюбленнаго козаками митрополита. Выѣхавъ сюда въ началѣ много обѣщавшаго и грознаго 1625 года, Борецкій устроилъ единовременно три посольства въ Москву: одно отъ турецкаго царевича Александра Ахіи, другое отъ Запорожскаго Войска, третье отъ православныхъ архіереевъ.

Турецкій царевичъ Александръ Ахія не могъ иначе появиться на Запорожьѣ, какъ заручившись благословеніемъ православнаго митрополита на предпринятое имъ дѣло освобожденія славянъ и грековъ изъ подъ агаренскаго ига. Онъ представилъ такія доказательства своей царственности, что Борецкій никакъ не могъ видѣть въ немъ самозванца. Этотъ ловкій, не молодой уже пройдоха умѣлъ плѣнить живое вообраҗеніе инока перспективою торжества восточной церки надъ западной тамъ, гдѣ католики оказались безсильными со всѣми своими крестовыми походами и со всѣми интригами рыцарей церковнаго плутовства—іезуитовъ. Бывалый, муже-

ственный искуственно смиренный и образованный жизнью при многихъ европейскихъ дворахъ, Алексакдръ Ахія показался Борецкому вѣстникомъ пророчества философа Леона, сохраненнаго въ книгѣ епископа патрасскаго Меѳодія и распространеннаго по всему русскому міру: что во дни царя Михаила придетъ отъ сѣвера воинственный народъ и освободитъ Царьградъ изъ рукъ невѣрныхъ. Борецкій способствовалъ заключенію договора между Ахіею и запорожцами, а теперь написалъ о немъ къ московскому царю, къ его отцу, къ разнымъ вліятельнымъ на Москвѣ лицамъ и, вмѣстѣ съ грамотою самого царевича, отправилъ посла его Марка Македонянина, подъ руководствомъ запорожца Ивана Мартыновича.

Въ то же самое время отправлены имъ изъ Трахтомирова тринадцать человѣкъ уполномоченныхъ Запорожскаго Войска, подъ предводительствомъ войсковаго писаря Алексѣя Яковенка. Это второе посольство маскировало и обезпечивало отъ дорожныхъ случайностей первое. Черкасы, Переславль, Барышовка и Нѣжинъ,—ни въ одномъ изъ этихъ пунктовъ козацкаго маршрута никто не покусился бы на обычный въ то время у мѣстныхъ урядниковъ грабежъ, видя довольно многочисленную кавалькаду; а ѣздить козакамъ въ Москву для испрошенія у царя денежной подмоги на войну съ басурманами было дѣломъ обычнымъ. Такимъ же обычнымъ дѣломъ было и путешествіе въ Москву монаховъ за „милостынею на церковное строеніе“. Однакожъ въ уцѣлѣвшихъ до нашего времени отпискахъ пограничныхъ воеводъ нигдѣ не значится посланный тогда же Борецкимъ къ царю епископъ Исакій. Можетъ быть, козаки маскировали его такъ же, какъ и посольство царевича Александра. Можетъ быть, по наказу Борецкаго, и путивльскіе воеводы не должны были знать, что въ Москку съ козаками ѣдетъ православный

епископъ, и можетъ быть—имя Исака Степанова, сообщенное путивльскими воеводами царю въ спискѣ прочихъ именъ, принадлежало путешествовавшему incognito епископу. Во всякомъ случаѣ рѣчь, которую долженъ былъ держать въ царской думѣ Исакій Борисковичъ, требовала строгой тайны: это была просьба къ царю отъ Запорожскаго Войска и кроющихся подъ его эгидою православныхъ архіереевъ взять Малороссію подъ свою высокую руку.

Мы знаемъ уже, что первый, кто вызсказалъ у насъ на Югѣ великую мысль возсоединенія Руси, былъ человѣкъ, „проходившій путь безмолвія", политикъ-аскетъ. Исакій Борисковичъ былъ человѣкъ того же закала. Въ молодости, онъ пожелалъ лучше приметаться смѣтьемъ въ дому Божіемъ, нежели жить въ селеньяхъ грѣшничьихъ. Будучи шляхтичемъ, не пошелъ онъ служить кому нибудь изъ шляхетскихъ патроновъ, охладѣвшихъ къ вѣрѣ отцовъ своихъ, оставлявшихъ ее для новыхъ ученій или продававшихъ ее, какъ тогда называли Римъ, вавилонской блудницѣ. Вмѣсто того, поступилъ онъ послушникомъ въ Печерскій монастырь, а отсюда жажда духовнаго просвѣщенія увлекла его на Востокъ, гдѣ православіе, гораздо меньше страдало отъ агарянскаго ига, нежели на Западѣ отъ разлагающаго вліянія протестантизма и мертвящаго католичества. Центрами христіянской науки въ Турецкой имперіи были резидеціи вселенскихъ патріарховъ. Исакій Борисковичъ поступилъ въ услуженіе къ александрійскому патріарху Мелетію; отъ него ѣздилъ съ порученіями къ іерусалимскому патріарху Софронію и къ антіохійскому Іоакиму; по смерти Мелетія служилъ его преемнику Кирилу Кандійцу, бывшему въ послѣдствіи патріархомъ константинопольскимъ; потомъ удалился на Святую Гору; наконецъ, въ старости, вернулся на Русь, для того, какъ писалъ онъ къ московскому

патріарху Филарету Никитичу, чтобы видѣть свою братію, бѣдствующую въ ляхской землѣ и самому съ нею бѣдствовать. Много было говорено—и совершенно справедливо — о деморализаціи восточныхъ патріарховъ подъ вліяніемъ туреччины, но не слѣдуетъ забывать, что все таки восточные патріархаты умѣли вырабатывать непоколебимыхъ въ своемъ убожествѣ апостоловъ православія, какъ бы для всенароднаго обличенія роскошныхъ апостоловъ католичества. Таковы именно были тѣ немногіе образованные православнымъ Востокомъ люди, съ которыми остался на своемъ опасномъ посту Іовъ Борецкій послѣ измѣны Смотрицкаго и Саковича, и съ ними то онъ совершилъ дѣло, которое, по своимъ результатамъ, оказалось величайшимъ изъ всего, что совершено кѣмъ либо въ южной Руси со времемъ первыхъ ея религіозныхъ путеводителей. Имѣлъ ли Іовъ Борецкій въ идеалѣ то, что мы созерцаемъ нынѣ въ дѣйствительности, или же ему, какъ бѣдствующему аскету, грядущая русская жизнь представлялась продолженіемъ бѣдствій по образцу земныхъ страданій Богочеловѣка: во всякомъ случаѣ важно въ его посольствѣ то, что онъ, дѣлая московскому царю вызсказанное положительно предложеніе, считалъ для великой Россіи возможнымъ принять въ свой составъ Россію Малую. Вѣра въ возсозидательное могущество православія колебалась не разъ и въ немъ подъ напоромъ политическихъ обстоятельствъ, но въ концѣ концовъ превозмогла всѣ житейскія усмотрѣнія и оправдала его апостольскую рѣшимость. Закрытыя для міра и часто для самой исторіи свѣтскаго общества монашескія кельи содержали въ себѣ тогда дѣйствительныхъ героевъ русской народности, въ сравненіи съ которыми современные герои меча и политики были вожди слѣпые. Противъ того, что въ Польшѣ было богатаго, знатнаго ученаго,

прославленнаго, наша югозападная Русь протестовала сперва въ лицѣ своего старосвѣтскаго дворянства, незнакомаго съ Италіей и разсадниками итальянскаго гуманизма въ Европѣ. Потомъ протествовала она въ лицѣ своихъ мѣщанскихъ муниципій, одушевляемыхъ суровыми отшельниками. Наконецъ изъ магистратскихъ лавицъ перенесла духъ отрицанія латинской польщизны въ козацкія купы. Но всѣ эти попытки русской оппозиціи были уничтожены силою западной культуры, дѣйствовавшей на русское общество побѣдительно чрезъ посредство полонизма. Русскіе паны, даже безъ перемѣны вѣры, дѣлались апостолами полонизаціи въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ своихъ; мѣщане, ухватившіеся за церковныя братства, какъ за послѣднее средство устоять на своей старинѣ, проиграли дѣло защиты церкви своей предъ лицемъ шляхетскаго закона; а козаки, солидарные съ такими воинами, какъ лисовчики, уронили достоинство рыцарей не только въ католическомъ, но и въ православномъ мірѣ, который прямо объявилъ, что это люди дикіе, не имѣющіе страха Божія и не внушающіе никакого довѣрія къ себѣ. Съ непреодолимою стойкостью, съ неопровержимостію своего права и съ достоинствомъ дѣйствій своихъ, протестовали противъ латинской кривды въ славянскомъ обществѣ одни тѣ русскіе, которые не вдались ни въ служеніе правительствующимъ панамъ, ни въ городскіе промыслы, ни въ военное добычничанье, а избрали своею спеціальностью храненіе православныхъ преданій и распространеніе въ народѣ православной науки. Аѳонскіе и кіевскіе собиратели милостыни по всему русскому міру могли казаться тунеядцами, эксплоататорами чужого труда, промышленниками общественнаго легковѣрія. Въ самой Москвѣ, которая была полна не только южнорусскихъ, но также сербскихъ, болгарскихъ, греческихъ странствующихъ

монаховъ, эти представители южнорусскаго элемента, по внѣшности своей, могли казаться чѣмъ то низменнымъ въ сравненіи съ тѣми южнорусскими людьми, которые представляли собою боевые, дипломатическіе, административные и литературные таланты польскаго общества. Польша, имѣя на своей сторонѣ русскихъ Замойскихъ, Жовковскихъ, Сопѣгъ, Бѣльскихъ, Реевъ, Кохановскихъ, наконецъ—что было всего погибельнѣе—Смотрицкихъ и Саковичей, взяла у Руси, по видимому, все, чѣмъ безсмертна жизнь соціальнаго организма. На дѣлѣ оказалось, что она украсила свою латинскую жизнь только свѣжими русскими вѣтвями: корни русскаго духа остались неповрежденными, и въ свое время дали новые побѣги роскошнѣе и плодотворнѣе старыхъ. Когда людей, бывшихъ самыми живучими представителями русской народности, разсматривать въ ихъ повседневности,—можетъ въ самомъ дѣлѣ казаться иногда, какъ будто наши Борецкіе, Копинскіе, Борисковичи были обыкновенные канюки у порога великопомѣстной и богомольной Москвы. Но когда мы представимъ себѣ ихъ скромную, не прославленную ни однимъ перомъ работу надъ своей паствою въ органической связи съ работами ихъ истинныхъ предшественниковъ и ихъ дѣйствительныхъ преемниковъ,—тогда ихъ разумѣніе былого и чаяніе будущаго поражаетъ насъ величіемъ своимъ. Я не скажу, чтобъ они сознавали сами вполнѣ, что они дѣлали; не скажу, чтобъ и Москва знала всю цѣну ихъ религіозно-національному подвижнечеству; но тѣмъ не менѣе представители южной и представители сѣверной Руси по вопросу возсоединенія были одинаково могущественными двигателями общества къ тому, что должно было совершиться для нашего настоящаго.

Посмотримъ же теперь, какъ отнеслась практическая Москва къ одушевленному православными идеалами Кіеву.

ГЛАВА XXVI.

Питомцы Польской республики и создатели Московской монархіи по отношенію къ восточному вопросу. — Западноевропейскіе и московскіе дипломаты. — Представители сѣверной и представители южной Руси въ вопросахъ государственности.—Основы православнаго движенія въ Южной Руси.

Исакій Борисковичъ былъ уже однажды въ Москвѣ. Въ августѣ 1624 года, когда въ Кіевѣ происходило смятеніе умовъ по поводу бѣлорусскихъ событій и административныхъ дѣйствій, митрополитъ посылалъ его къ царю для обычнаго испрошенія „милостыни на церковное строеніе". Новый центръ руссааго міра, Москва, былъ связанъ со старымъ его центромъ, Кіевомъ, неразрывными узами. Со времени возникновенія русской силы на Сѣверѣ послѣ татарскаго лихолѣтья, между ними происходило болѣе или менѣе частое общеніе. [1]) Москва не забывала, что Кіевъ—отчина ея царя. Кіевъ помнилъ свое старѣйшинство въ основаніи русской церкви. Онъ посылалъ къ московскимъ государямъ просителей милостыни на разоренныя татарами святилища свои въ такомъ смыслѣ, какъ будто это были тѣ же царскіе храмы, что и въ ихъ новой столицѣ. Съ своей стороны Москва считала для себя обязательнымъ уважать въ этомъ случаѣ „преданіе и обычай ста-

---

[1]) См въ I томѣ Матер. для Ист. Возс. Р. докум. VII.

раго времени". [1]) Хожденіе изъ Кіева въ Москву за милостынею на церковное строеніе сдѣлалось регулярнымъ. Установлены были даже сроки для разныхъ монастырей, когда ихъ блюстители должны были являться для полученія поддержки отъ Восточнаго Царя. Поэтому, для королевской партіи, которая часто, на перекоръ земскимъ посламъ и сеймамъ, дѣлала экзорбитаціи въ пользу папизма, не было юридическаго основанія къ прекращенію сношеній Кіева съ Москвою, хотя эти сношенія были весьма подозрительны въ глазахъ польскихъ политиковъ. По крайней мѣрѣ королевская партія не находила средствъ для прекращенія иноческихъ поѣздокъ въ схизматическую и зловредную для Польши Москву.

Борецкій, посылая въ 1624 году епископа Исакія къ царю, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду не одну милостыню. Въ письмѣ къ Михаилу Ѳедоровичу, онъ рекомендовалъ его, какъ „мужа во всемъ вѣрна и тайну царскую могуща сохранити", тайна, какъ надобно полагать, заключалась въ настоятельной просьбѣ къ русскому царю спасать свою отчину отъ сѣтей папизма, въ которыя однихъ завлекали соблазнами, а другихъ загоняли притѣсненіями. Теперь тотъ же во всемъ вѣрный мужъ появился въ Москвѣ, какъ изъяснитель двухъ важныхъ проектовъ, составленныхъ дѣятельнымъ умомъ кіевскаго митрополита: по одному изъ нихъ, московскій самодержецъ долженъ былъ стать во главѣ православнаго движенія на

[1]) Иногда Москва боялась соглядатайства со стороны монаховъ, приходившихъ изъ глубины Волыни для испрошенія милостыни на тамошнія обители, „обнищавшія отъ войны". Въ такомъ случаѣ отъ царя приходилъ въ пограничный городъ Путивль указъ „отпустить просителей назадъ"; но тѣмъ не менѣе „за ихъ пріѣздъ" повелѣвалось дать каждому изъ нихъ, отъ игумена до послѣдняго служки, царское жалованье и сверхъ того снабдить деньгами на церковное строеніе. (Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла малор. св. 1-я, 1624 г. № 2.)

Востокѣ, по другому—онъ долженъ былъ оправдать принятый еще Іоанномъ III, въ смыслѣ программы дѣйствій, царственный титулъ всея Руси.

Но теченіе событій и характеръ самой сцены, на которой подвизался сѣверноруссій человѣкъ, обработали его умъ совсѣмъ иначе, не такъ какъ обработала мѣстная исторія умъ южноруса. На Югѣ мыслительная способность лучшихъ людей поддавалась воображенію; идеалъ царствовалъ здѣсь надъ реальностью, возносилъ православіе въ сферы высшей духовной жизни, и работалъ, можетъ быть, не столько для его настоящаго, сколько для его будущаго. На Сѣверѣ въ дѣятельности русскаго ума воображенію отведено было послѣднее мѣсто. Сѣверноруссій умъ отличался положительностію, и самую религію приспособилъ къ практическимъ потребностямъ общества. На Югѣ надобно было спасать церковь, на Сѣверѣ—государство. Церковь спасало всегда и вездѣ высоко настроенное меньшинство; напротивъ, спасеніе государства зависѣло всюду отъ единомыслія большинства. И вотъ представители идеальныхъ стремленій южнорусскаго меньшинства и представители практическихъ интересовъ сѣвернорусскаго большинства встрѣтились въ общемъ для нихъ обоихъ дѣлѣ. Между ними естественно оказалось разномысліе.

По мѣсту своего жительства и по связямъ своимъ съ образованнѣйшими людьми червоннорусскаго Подгорья, Борецкій, былъ ближайшимъ зрителемъ театра, на которомъ европейское рыцарство дѣлало тщетныя попытки восторжествовать надъ азіятскими выходцами. Изгнаніе турокъ изъ Европы, со временъ его юности, когда онъ учительствовалъ и набирался учености во Львовѣ, было любимою темною бесѣды просвѣщенныхъ людей и христіянскихъ политиковъ. Въ концѣ XVI столѣтія, подъ самимъ Кіевомъ, въ епископскомъ городѣ Хва-

стовѣ, латинскій епископъ Верещинскій, русинъ по происхожденію, печаталъ въ собственной типографіи проекты объ учрежденіи на берегахъ Днѣпра рыцарскаго ордена для подавленія могущества оттомановъ. Борецкій не могъ не знать этихъ въ свое время общеизвѣстныхъ проектовъ. Онъ, безъ сомнѣнія, зналъ и то, какъ сильно занимали подобныя предпріятія католическую Европу, которой Польша служила своими воинскими и политическими талантами. Не могъ онъ имъ не сочувствовать, какъ христіянинъ и гуманистъ. Задняя мысль римской куріи, мысль овладѣнія кормиломъ вселенной посредствомъ подчиненія себѣ православнаго Востока, не выставлялась на показъ; а страданія, испытываемыя христіянами всѣхъ вѣроисповѣданій отъ мусульманъ, вопіяли между тѣмъ громко о борьбѣ съ агарянами. Разновѣріе не мѣшало Борецкому желать успѣховъ просвѣщеннымъ христіянскимъ предпріятіямъ противъ магометанскаго варварства. Мы имѣемъ этому доказательство въ томъ, что, не задолго передъ появленіемъ въ Кіевѣ Ахіи, былъ въ этомъ городѣ болгарскій патріархъ Аѳанасій, двигатель католической лиги противъ турокъ, и Борецкій, вмѣстѣ съ Курцевичемъ, бесѣдовалъ съ нимъ о наймѣ для войны съ Турціею запорожскихъ козаковъ. [1]) Но до появленія на кіевскомъ горизонтѣ турецкаго царевича, крещеннаго въ православную вѣру, Борецкій не имѣлъ и помышленія о томъ, чтобы восточный вопросъ могъ быть вопросомъ міра православнаго, вопросомъ задунайской Славянщины, Греціи, южной Руси и наконецъ Московскаго царства. Ахія появился передъ нимъ вѣстникомъ совершенно новаго движенія. Многоопытный въ обольщеніи полити-

[1]) Матер. для Ист. Возс. Р. т. I, „Переписка объ Ал. Ахіѣ“. О дѣятельности Аѳанасія см. въ III томѣ Славянскаго Сб. статью В. В. Макушева: „Восточный Вопросъ въ XVI и въ XVII вѣкѣ“.

ческихъ и религіозныхъ мечтателей, онъ представилъ себя кіевскому митрополиту избраннымъ уже на грекославянское царство въ Мореѣ, Албаніи, Сербіи, Болгаріи. Онъ разсказалъ подробно о побѣжденныхъ имъ искушеніяхъ римскаго папы съ одной стороны, а католическаго рыцарства съ другой. По его словамъ, нарисованная передъ нимъ искусителями перспектива царственности и политическаго значенія отвергнута имъ единственно изъ за того, что, предлагая ему помощь для овладѣнія цареградскимъ престоломъ, отъ него требовали, чтобъ онъ обязался ввести латинство въ грекославянскомъ государствѣ, которое долженствовало появиться на мѣсто уничтоженной Турціи. Это предложеніе было не достойно предпринятаго имъ святого дѣла. Онъ предпочелъ оставаться скитальцемъ и подвергаться всѣмъ случайностямъ своего невѣрнаго положенія. Онъ до конца пребудетъ вѣренъ своей мысли возстановить православную имперію Багрянароднаго, или же прольетъ кровь свою въ борьбѣ съ врагами христіянства. Мужество, самоотверженность и смиреніе Ахіи очаровали Іова Борецкаго. Увлекшись мыслью о близкомъ торжествѣ православнаго Востока надъ католическимъ Западомъ, Борецкій предался всецѣло осуществленію проекта Александра Ахіи. Борецкій не сомнѣвался, что царь ухватится за этотъ случай поднять омраченную поляками славу Россіи, что, посадивъ на цареградскомъ престолѣ единовѣрнаго себѣ государя, онъ возьметъ верхъ надъ своими супостатоми, что для восточной церкви настало время торжества, и на кіевскихъ горахъ возсіяетъ наконецъ благодать Божія, какъ это написано въ древней лѣтописи.

Но царскіе совѣтники, привыкшіе ходить умомъ своимъ больше по землѣ, чѣмъ по небесамъ, отнеслись къ его великолѣпному кроекту скептически. Они дорожили недавнимъ пере-

миріемъ съ Польшею больше, чѣмъ политическимъ значеніемъ на Востокѣ. Притомъ же это значеніе, по составленному въ Кіевѣ проекту, должно было устроиться при дѣятельномъ участіи козаковъ. Изъ записки Ахіи, переведенной Борецкимъ съ греческаго языка для царя Михаила Ѳедоровича, было видно, что они находятся въ тѣсныхъ связяхъ съ лисовчиками; а отъ посланцовъ Ахіи царскіе бояре узнали, что донцы съ другой стороны примкнули къ днѣпровской вольницѣ и заключили съ нимъ договоръ идти подъ Царьградъ. Такимъ образомъ орда днѣпровская, орда донская и страшная опустошительнымъ своимъ характеромъ орда Лисовскаго, являлись тою силою, которая возьметъ на себя починъ въ великомъ дѣлѣ, и слѣдовательно будетъ играть въ немъ роль самостоятельнаго союзника. Въ глазахъ Борецкаго, питомца панской республики, христолюбивымъ воинствомъ могли быть всѣ разрушители зловредной Турціи; но создатели и хранители великой сѣверной монархіи должны были смотрѣть съ иной точки зрѣнія на анархическіе элементы, воплотившіеся въ козацкихъ корпораціяхъ. Крестовый походъ козачества не могли они принимать за явленіе преходящее. Послѣ побѣды христіянъ надъ мусульманами неминуемо слѣдовала опасность со стороны самихъ крестоносцевъ. Польша всякій разъ трепетала, когда козаки возвращались счастливыми аргонавтами съ Чернаго моря. Россія не хотѣла стать въ положеніе Польши передъ анархическимъ скопищемъ добычниковъ. Творцы русскаго единоначалія, московскіе бояре, охраняли его отъ посягательствъ демагогіи ревниво.

Посольство турецкаго царевича прибыло въ Путивль 7 февраля и, по обычаю, было задержано здѣсь воеводами до „государева указа“, который долженъ былъ послѣдовать въ отвѣтъ на ихъ „отписку“ объ этомъ посольствѣ. Въ сношеніяхъ

пограничнаго вѣдомства съ центральною властью прошло столько времени, что только подъ конецъ марта послы были наконецъ у царя „объявлены“. Царь указалъ принять посланцовъ Ахіи ближнему боярину и намѣстнику казанскому, князю Ивану Борисовичу Черкаскому, да посольскому думному дьяку Ивану Курбатовичу Грамотину, тому самому, который предложилъ козакамъ Сагайдачнаго важный въ исторіи русскаго возсоединенія вопросъ: нѣтъ ли на ихъ вѣру отъ польскаго короля, какого посяганья. Марта 21 Марко Македонянинъ да Иванъ Мартыновичъ были у этихъ сановниковъ на казенномъ дворѣ, и на ихъ вопросы отвѣчали такими разсказами о вспоможеніяхъ со стороны Европы, которыхъ въ послѣдствіи самъ Ахія не смѣлъ повторить въ отвѣтахъ царскимъ слѣдователямъ. Однакожъ холодный умъ князя Черкаскаго и дьяка Грамотина не былъ обольщенъ и въ половину противъ Іова Борецкаго. Ни ходатайство кіевскаго митрополита, ни записка странствующаго царевича о своихъ похожденіяхъ, ни великолѣпныя надежды на успѣхъ его предпріятія, ничто не пошатнуло москвичей на томъ медленномъ, но вѣрномъ пути, которымъ они вели свое государство къ политической самостоятельности. Внимая повѣсти о готовности европейскихъ монарховъ помогать Ахіи къ одолѣнію турокъ, они тѣмъ не менѣе смотрѣли на него подозрительно и держали его слугъ въ почтительномъ отдаленіи. Не могли они забыть о достоинствѣ своего монарха въ виду какого то невѣдомаго православному міру лица, титуловавшаго себя наслѣдникомъ Греческаго царства, султаномъ Ахіею и Александромъ Оттомanусомъ. По ихъ докладу, государь указалъ посланцамъ сомнительнаго для нихъ царевича „быть у себя государя разомъ на пріѣздѣ и на отпускѣ вмѣстѣ съ запорожскими посланцами, но поименно при этомъ ихъ не объявлять, а велѣть имъ

итти къ государю къ рукѣ послѣ запорожскихъ черкасъ безъ сказки".

Зная, однакожъ, по недавнему опыту, что можно сдѣлать, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, съ могущественнымъ государствомъ во имя самаго безпутнаго проходимца, царскіе совѣтники, на всякій случай, признали нужнымъ не вооружать противъ себя человѣка, къ которому уже и теперь льнетъ вся днѣпровская и донская вольница, и который—кто знаетъ? можетъ быть, разыграетъ въ Царьградѣ роль московскаго Лжедимитрія хоть на короткое время. Продержавъ Марка Македонянина да Ивана Мартыновича еще недѣльки три да поразмысливъ хорошенько, какъ быть, князь Черкаскій и думный дьякъ Грамотинъ 10 апрѣля призвали ихъ къ себѣ еще разъ на казенный дворъ и сказали имъ таково слово:

„Приходили естя къ великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю, всеа Русіи самодержцу, отъ царевича Олександра Ахія съ грамотою, а въ грамотѣ своей Олександръ царевичъ къ царьскому величеству писалъ и вы намъ говорили и письмо подали, что Олександръ царевичъ турскаго Магметъ-салтановъ сынъ, а принялъ православную крестьянскую вѣру греческаго закона и былъ у цесаря римскаго и въ иныхъ государствахъ, а послѣ того былъ въ Запорогахъ, а нынѣ де онъ въ Терехтемировѣ монастырѣ, а хочетъ доступать отца своего государьства, а помогаютъ ему на то крестьянскіе государи, сербы и волохи и албаниты и иные хрестьяны, а васъ къ царьскому величеству прислалъ бить челомъ, чтобъ царьскому величеству для православные крестьянскіе вѣры Олександру церевичю вспоможенье учинить чѣмъ пригоже. И мы грамоту Олександра царевича и ваши рѣчи до царьскаго величества доносили. И великій государь нашъ его царьское величество, слыша то, что царевичь Оле-

ксандръ Ахія принялъ православную крестьянскую вѣру греческаго закона и хочетъ доступить отца своего государства, тому порадовался, и желаетъ Олександру царевичю всякаго добра, и чтобъ ему сподобилъ Богъ отца своего государства доступить; а помочи царському величеству Олександру царевичю учинить нельзѣ, для-того что Олександръ царевичь нынѣ въ Литовской землѣ у запорожскихъ черкасъ, а запорожскіе черкасы послушны польскому королю, а польскій король великому государю недругъ, и помочи ему (Олександру) черезъ чюжое государство нельзя; да и грамоты нынѣ царьское величество къ Олександру царевичю послать не произволитъ, для-того что Олександръ царевичь нынѣ въ Литовской землѣ, и только того довѣдаетца литовской король, что Олександръ царевичь ссылаетца съ его царьскимъ величествомъ и проситъ у царьскаго величества на Турскаго помочи, а про польского короля сказываютъ, что будто онъ съ турскимъ Магметъ салтаномъ нынѣ въ миру, и король бы царевичю Олександру для Турского какой помѣшки и недобра не учинилъ. А для любви царьское величество посылаетъ Олександру царевичю съ вами, отъ своей царскіе любви, что у него великого государя лучилось, и Олексардръ бы царевичь принялъ то въ любовь. А великій государь нашъ его царьское величество и впередъ Олександру царевичю желаетъ всякого добра, чтобъ ему милосердый Богъ помощь послалъ доступить отца своего государства. И вы царьского величества любовь и жалованье Олександру царевичю роскажите, и что съ вами послано, отвезите“.

Жалованье состояло въ соболяхъ, лисицахъ и золотыхъ бархатахъ, всего на тысячу рублей. Оно было показано посланцамъ Александра Оттомануса и тутъ же передъ ними запечатано въ коробѣ.

Посланцы также не оставлены безъ царскаго жалованья: одному изъ нихъ дано камку добрую, сукно лундышъ (голландское), шапку въ 5 рублевъ и 12 рублевъ денегъ, а другому тафту, сукно аглицкое, шапку въ 3 рубля и 10 рублевъ денегъ.

Такъ думала Москва отдѣлаться отъ политическаго искушенія, въ которое, очевидно, впали католическія государства. Но Александръ Ахія, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, поставилъ передъ ней вторично вопросъ, отъ разрѣшенія котораго въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ зависѣла ея будущность. Вопросъ заключался въ томъ: рушить ли, съ помощью козачества, распадающуюся Турцію, или заботиться у себя дома о подчиненіи анархическихъ началъ началамъ государственности? Москвѣ представлялось теперь такое точно искушеніе, какое явилось Польшѣ въ образѣ мнимаго сына Ивана Грознаго, и русскій умъ, въ своей простотѣ и необразованности, выдержалъ пробу благородно.

На войну съ Турціею не могли отважиться даже поляки, нужды нѣтъ, что папскій нунцій, послѣ отраженія Османа II подъ Хотиномъ, убѣждалъ короля и его раду не препятствовать козакамъ и другимъ предпріимчивымъ людямъ основать въ оттоманскихъ владѣніяхъ отдѣльное царство. [1]) Даже мечтательной, самоувѣренной Польшѣ было страшно ввѣрить судьбу свою разливу козакошляхетскаго своеволія, которое, разрушивъ Турцію, могло бы изъ тѣхъ же самыхъ побужденій разрушить и собственное государство. Когда составившаяся, по плану болгарскаго патріарха, католическая лига просила у Сигизмунда III позволенія провести свои ополченія черезъ польскія земли, Сигизмундъ, посовѣтовавшись объ

---

[1]) Relacye Nuncyuszow Apostolskich o Polszce, II, 173.

этомъ съ своими панами рады, отказалъ единовѣрному рыцарству на отрѣзъ. Того мало: панская республика именно въ то время, когда Турціи грозила наибольшая опасность со стороны козаковъ, нанесла имъ такой ударъ, отъ котораго они присмирѣли, какъ и въ 1596 году. Коронный гетманъ Конецпольскій разбилъ Запорожское Войско подъ Кременчукомъ на Медвѣжьихъ Логахъ и заставилъ его изъ сорокатысячной орды переписаться въ шесть тысячъ реестровиковъ, подначальныхъ той старшинѣ, которую онъ самъ имъ указалъ. Это случилось въ глубокую осень 1625 года. Принятыя Конецпольскимъ мѣры для изловленія Александра Ахіи, котораго козаки титуловали Турецкимъ Царемъ, показываютъ, какъ онъ понималъ опасность своевольнаго движенія воинственныхъ людей изъ Польши въ Турцію.

Но изловить Ахію Оттомануса не удалось Конецпольскому. Въ качествѣ вождя православнаго движенія въ агарянской землѣ, Ахія нашелъ убѣжище у Іова Борецкаго, укрылся отъ грозы подъ монашеской одеждой и наконецъ пробрался, въ видѣ торговаго человѣка, за московскій рубежъ, подъ охраною надежныхъ людей. Нежданно негаданно для Москвы, искатель цареградскаго престола очутился въ ея пограничномъ городѣ Путивлѣ. Отъ лица представителя гонимаго въ Польшѣ православія, Іова Борецкаго, отъ лица томящихся подъ игомъ турокъ задунайскихъ славянъ, отъ лица всего православнаго Востока, онъ обратился къ Восточному Царю съ просьбой о покровительствѣ и помощи.

Коронный польскій гетманъ, изображавшій своей диктатурой подобіе единовластія въ Рѣчи Посполитой, рѣшалъ вопросъ объ Ахіи Оттоманусѣ, о Турецкомъ Царѣ днѣпровской вольницы, очень просто. Москва не могла отнестись къ этому вопросу, какъ Польша, ни по своимъ государственнымъ

преданіямъ, ни по своему понятію о христіянствѣ, которое римскими католиками понималось иначе. Назначенное для обсужденія новаго въ ея государственной политикѣ дѣла засѣданіе царской думы даетъ намъ наилучшее понятіе о томъ, что это была за нація въ виду тогдашнихъ европейскихъ націй. Въ царской думѣ соединялись всѣ тѣ начала, которыми управлялся въ своей государственной жизни русскій народъ,—всѣ тѣ начала, благодаря которымъ, онъ остался цѣлъ въ Смутное Время. Думные бояре и дьяки великой эпохи Михаила Ѳедоровича были типическіе интегралы въ дифференціальномъ составѣ древней Россіи. Они были ядро государства, совокуплявшее въ себѣ самыхъ стойкихъ представителей, какъ его политическихъ, такъ и его христіянскихъ воззрѣній. Передадимъ ихъ простыя, но строго логичныя и нравственныя рѣчи, для большей ясности, языкомъ близкимъ къ нынѣшнему.

„Это дѣло новое (говорили члены московскаго государственнаго совѣта). Такого дѣла въ Московскомъ государствѣ до сихъ поръ не бывало. Не обдумавъ, нельзя его рѣшить. Допустимъ, что царевичъ Александръ будетъ принятъ въ Московскомъ государствѣ. Объ этомъ свѣдаетъ турецкій султанъ и конечно вознегодуетъ на государя, потому что турецкіе султаны съ великими государями московскими находятся въ дружбѣ и въ ссылкѣ. А крымской царь турецкому султану послушенъ, и когда султанъ станетъ за то на государя досадовать, такъ ему отъ султана отстать будетъ нельзя. Тогда что? Тогда султанъ вмѣстѣ съ ханомъ начнутъ воевать государевы украины. Да и того надобно опасаться, чтобъ этотъ Александръ Ахія не былъ подосланъ къ намъ изъ Польши. Можетъ быть, поляки направили его въ Путивль именно для того, чтобъ этимъ поссорить государя съ турецкимъ

султаномъ. Лишь только Александръ будетъ принятъ въ Московскомъ государствѣ, польскій король пошлетъ къ султану гонца съ объявленіемъ: что у запорожскихъ черкасъ былъ турчанинъ, а называется Магметъ-салтановымъ сыномъ, и онъ, чтобъ не поссориться съ турками, послалъ на него и на козаковъ свою рать, чтобъ его изловить; а козаковъ побилъ и на море ходить имъ не велитъ, а Александръ ушелъ въ Московское государство, и нынѣ у государя проситъ помощи; а государь за него хочетъ стоять и хочетъ ему на турецкаго султана помогать. Изъ этого выйдетъ, что Турція вмѣстѣ съ Крымомъ станутъ воевать московскія украины. Но положимъ, что, принявши Александра Ахію въ Московское государство, стали бы держать его подъ стражею и послали бы къ султану нарочно гонца, съ тѣмъ что вотъ былъ въ Польской и Литовской землѣ ихъ государства человѣкъ, а называетъ себя турецкаго Ахметъ-салтановымъ сыномъ, и просилъ у польскаго короля и у пановъ радъ помочи, и запорожскихъ черкасъ съ собою подымалъ, чтобъ ему овладѣть Турецкимъ государствомъ и быть въ Царѣ городѣ государемъ; и польскій король и паны рада хотѣли ему въ томъ помочь учинить, и козаки запорожскіе хотѣли съ нимъ итти подъ Царь городъ, да межь ними учинилась рознь, и тотъ человѣкъ пріѣхалъ къ государю бить челомъ, чтобъ государь велѣлъ учинить ему на султана помочь; но государь, памятуя прежнихъ государей московскихъ съ турецкими султанами дружбу и любовь и желая съ Муратъ-салтаномъ быть въ дружбѣ и въ любви, тому вору не повѣрилъ, а хочетъ его отдать Мурамъ-салтану, а Муратъ бы салтанъ съ государемъ за то учинился въ вѣчномъ миру и въ доканчаньи и крымскому, царю со всѣми его людьми указъ учинилъ крѣпко, чтобъ они съ государемъ были въ

дружбѣ и войною на Московское государство не ходили. Этимъ бы утвердилась пріязнь между государемъ и турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ. Не отдать же Александра Ахіи султану будетъ нельзя, потому что изъ за этого будетъ съ нимъ и съ крымскимъ царемъ война. Но принять Ахію только для того, чтобы выдать его туркамъ, это также дѣло опасное: чтобы тѣмъ Бога не прогнѣвить, что человѣка христіянина на смерть предали. А праведные судьбы Божіи никому не довѣдомы. Авось и впрямь это сынъ салтанъ-Магмета, крещенный въ православную христіянскую вѣру, и былъ онъ во многихъ государствахъ, и нигдѣ ему зла не учинили, да еще сказываетъ, что многіе христіянскіе государи хотятъ ему помогать; но лишь только пріѣхалъ въ Московское государство къ государю просить милости и помочи, тутъ его и предали. Не прогнѣвить бы этимъ Бога, не огорчить бы грековъ и всѣхъ тѣхъ, что надѣются на Александра, и не привести бы ихъ въ конечное розореніе отъ турокъ, да чтобъ о томъ и отъ пограничныхъ государей не было укоризны, что человѣка христіянина предали въ языческія руки. Если же его въ Московское государство не принять, а выслать опять за рубежъ насильно, хоть бы онъ и боялся попасть въ руки польскому королю, и король, поймавши его, отослалъ бы къ турецкому султану, чтобъ этимъ задобрить турокъ, а съ государемъ завязать ссору; тогда опять не вѣдомо, что будетъ. Какъ бы Бога не разгнѣвать. Вѣдь Божьи судьбы не довѣдомы. Можетъ быть, Богъ хочетъ, посредствомъ этого Александра, избавить грековъ отъ турецкой неволи"...

Такъ размышляли царскіе бояре на простонародный ладъ. Восточный вопросъ, поднятый въ Западной Европѣ, столѣтіе назадъ, папою Львомъ X, представился теперь православнымъ

москвичамъ во всей своей загадочности. Не о господствѣ надъ христіянскимъ Востокомъ помышляли они, какъ римскіе политики, а о Божіихъ судьбахъ, которыя должны надъ нимъ совершиться. Но кто же этотъ человѣкъ, избранный, по видимому, божественнымъ промысломъ для возстановленія падшаго на Босфорѣ православнаго царства? Дѣйствительно ли онъ то, за что выдаетъ себя? Въ Римѣ не доискивались, кто онъ, а домогались отъ него только готовности ввести въ своемъ царствѣ латинство. По крайней мѣрѣ такъ разсказывалъ Ахія о своихъ переговорахъ съ римскимъ папою. Въ католической Европѣ, подарившей Россію двумя самозванцами, вопросъ о тождествѣ лица былъ вопросомъ послѣднимъ. Тамъ думали, что Господь и путемъ обмана можетъ устроить торжество единой истинно христіянской церкви. Ни возрожденіе классическаго гуманизма, ни возрожденіе точныхъ знаній не открыло умамъ западныхъ политиковъ того легкого пути, который указываетъ правда основнаго факта. Этотъ легкій и естественный путь открывала сравнительно невѣжественнымъ московскимъ политикамъ ихъ церковь, строго, до буквальности строго державшаяся апостольскихъ преданій. Отложивъ вопросъ о томъ, какъ быть съ турецкимъ султаномъ и православнымъ Востокомъ, они задались мыслью: удостовѣриться въ неподдѣльности своего прибѣжанина.

Рѣшено было удалить Ахію отъ пограничья, гдѣ пребываніе его могло сдѣлаться извѣстнымъ иноземнымъ людямъ, перевезти его во Мценскъ и тамъ подвергнуть самому тщательному допросу, отнюдь не давая ему замѣтить, что онъ окруженъ днемъ и ночью самою бдительною сторожею. Для изслѣдованія подлинности рѣчей Ахіи, изъ Москвы присланы дворянинъ Дмитрій Лодыгинъ да дьякъ Григорій Нечаевъ,

люди по своему образованные, начитанные въ Библіи, въ русскихъ лѣтописяхъ и въ другихъ книгахъ. Донесенія этихъ слѣдователей обнаруживаютъ въ нихъ не только искреннюю преданность интересамъ правительства, но и тактъ людей благородныхъ, принадлежавшихъ къ лучшему обществу своего времени. Во множествѣ дружескихъ бесѣдъ съ Ахіею, изложенныхъ ими подробно на бумагѣ, они своими искусно поставленными вопросами разоблачали проходимца, умѣвшаго внушить къ себѣ довѣріе представителямъ европейской дипломатіи, но ни единымъ словомъ не дали ему замѣтить, что ловятъ его въ собственныхъ его хитростяхъ. На это слѣдствіе употреблено ими нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ они маскировали передъ Ахіею царскую политику весьма ловко, сохраняя притомъ достоинство своего государя. Наконецъ въ Москвѣ рѣшено было, что Ахія— такой же самозванецъ, какимъ былъ и Лжедимитрій. Слѣдовало бы ожидать, что дикая, какъ обыкновенно представляютъ, Москва упрячетъ его въ какое нибудь безвѣстное заточеніе или отправитъ на тотъ свѣтъ. Но Іовъ Борецкій, посылая своего гостя за московскій рубежъ, взялъ его безопастность „на свою душу". Этого было достаточно для того, чтобъ Александръ Оттоманусъ не лишился въ Московщинѣ ни жизни, ни свободы.

Здѣсь надобно замѣтить, что ни царь, ни его отецъ патріахъ, отъ имени которыхъ приходили во Мценскъ всѣ указы, не проронили слова, выражающаго ихъ мнѣніе о личности Ахіи. Съ другой стороны, Лодыгинъ и Нечаевъ, въ своихъ отпискахъ на Москву, ограничивались только сообщеніемъ разспросныхъ рѣчей, а съ Ахіею не перемѣнили до послѣдней минуты своего величаво учтиваго тона. Но и въ Москѣ и во Мценскѣ такъ ясно понимали, въ

чемъ дѣло, какъ бы между одними и другими исполнителями царскихъ велѣній происходила самая интимная переписка.

По отношенію къ кіевскому митрополиту царскіе слѣдователи также вели себя чрезвычайно деликатно. Въ числѣ провожатыхъ Ахіи находился приближеный къ Іову Борецкому священникъ Филиппъ. Подобно самому Ахіи, онъ долженъ былъ часто бесѣдовать съ москвичами, и хотя москвичи видѣли ясно, что Іовъ Борецкій поддался обману пройдохи такъ же, какъ и многіе въ католическомъ мірѣ, но не высказали этого ничѣмъ въ своихъ сношеніяхъ съ его повѣреннымъ. Если самъ Іовъ, заключенный въ тѣсный кругъ общежитія, ронялъ свое достоинство въ глазахъ московскихъ царедворцевъ, какъ митрополитъ, то они, спокойнымъ и важнымъ отношеніемъ къ дѣлу Ахіи, поддержали эго достоинство на подобающей ему высотѣ.

Турецкій Царь днѣпровскихъ аргонавтовъ, видя, что съ Москвой нельзя такъ сладить, какъ это удавалось ему съ католическими дворами, хлопоталъ объ одномъ: чтобъ его отпустили во свояси черезъ Днѣпръ или по крайней мѣрѣ черезъ Донъ. Но въ томъ и состояли опасенія Москвы, чтобы самозванный султаничъ не затѣялъ съ козаками похода, въ которомъ турки неизбѣжно видѣли бы завоевательную политику московскаго царя. Восторжествуютъ ли надъ магометами окозаченные заговорщики, или же мусульмане докажутъ еще однажды превосходство своей централизованной силы надъ разъединненными силами гяуровъ, — и въ томъ и въ другомъ случаѣ только что поднявшемуся на собственныхъ развалинахъ царству представлялась работа не по силамъ. Просьбы Ахіи отклонялись то подъ предлогомъ безопасности его покровителя, кіевскаго митрополита, то подъ предлогомъ его собственной безопасности. Наконецъ сталъ онъ просить

царя о пропускѣ его въ Западную Европу черезъ Великій Новгородъ. И этотъ путь найденъ въ Москвѣ для него опаснымъ. Между шведскимъ и польскимъ королями въ той сторонѣ шла война, и онъ могъ бы впасть въ руки враговъ своихъ, поляковъ, которые прислужились бы имъ турецкому султану. Въ переводѣ на языкъ московскій, это значило, что поляки свѣдали бы о пребываніи турецкаго самозванца въ Россіи и поссорили бы царя съ султаномъ. Одинъ только былъ Ахіи выходъ изъ Россіи—черезъ Архангельскій городъ; но онъ долженъ былъ дождаться прихода иностранныхъ кораблей въ архангельскую пристань. Наконецъ настало время его освобожденія изъ Мценска. Ахію отправили къ Архангельскому городу за приставами, которые были нужны не столько для его безопасности, сколько для того, чтобы слѣдъ его пребыванія въ Россіи не обнаружился передъ иноземными купцами. Такимъ образомъ турецкій самозванецъ выпроводенъ былъ изъ Россіи благополучно, и даже его довѣрчивый покровитель Іовъ Борецкій не былъ пристыженъ за свое увлеченіе. Но подарковъ отъ царя не получилъ Ахія, какъ прежде. Только на дорожныя издержки было отпущено ему полтораста рублевъ государева жалованья. [1])

Вернувшись въ католическую Европу, Ахія снова сдѣлался орудіемъ легкомысленной политики тамошнихъ дворовъ, и лишь черезъ семь лѣтъ послѣ его пребыванія во Мценскѣ великій герцогъ флорентинскій поручилъ приближенному къ себѣ лицу изслѣдовать, въ самомъ ли дѣлѣ онъ то, за что выдавалъ себя. [2])

---

[1]) Переписка объ Александрѣ Ахіи напечатана въ I-мъ томѣ Матеріаловъ для Ист. Возс. Руси.

[2]) Въ статьѣ В. В. Макушева о Болгаріи, помѣщенной въ Ж. М. Н. Пр. 1872 г. окт. указаны бумаги итальянскихъ архивовъ, относя-

Еще блистательнѣе заявилъ себя здоровый толкъ простоватыхъ московскихъ дипломатовъ въ двухъ другихъ вопросахъ, примкнувшихъ къ мудреному дѣлу объ Александрѣ Ахіи.

Днѣпровское козачество и кіевское архіерейство представили ей такія дилеммы, надъ которыми призадумалось бы любое европейское правительство. Отчина русскихъ государей, о которой еще Іоаннъ III сказалъ торжественно, что будетъ ее домогаться, сколько ему поможетъ Богъ, просилась теперь къ царю въ руки устами сорока тысячъ такъ называемыхъ вольныхъ козаковъ, и возстановленная въ Кіевѣ православная іерархія умоляла его взять православныя церкви со всею Малою Россіею подъ свою державу. Казалось бы, чего проще? Военная сила, вторгавшаяся недавно въ Золотой Рогъ и готовая идти съ Александромъ Ахіею для завоеванія Царьграда, по одному слову московскаго царя, займетъ Кіевъ со многими другими русскими городами во имя русскаго единства. Если же царь полагаетъ, что этому легко вооруженному ополченію не удержать своей позиціи въ Малой Россіи до тѣхъ поръ, пока Великая Россія соберется съ силами на поддержку козацкой завзятости, въ такомъ случаѣ посольство Іова Борецкаго предлагало ему другой планъ дѣйствій для торжества надъ гонителями православія: козаки, сколько ихъ ни есть, всѣ перейдутъ въ Московское царство, а съ ними укроются отъ иновѣрныхъ напастниковъ и православные архіереи южнорусскіе. Ни одному государю не предлагало подданства сорокатысячное войско, извѣстное своимъ безстрашіемъ во всемъ христіянствѣ,—разумѣется, со множествомъ козацкихъ се-

щіяся къ Александру Ахіи. Изъ нихъ для русскихъ изслѣдователей должны быть особенно важны тѣ, въ которыхъ говорится о пребываніи Ахіи въ Путивлѣ и Мценскѣ.

мействъ и козацкихъ подпомощниковъ,—и притомъ войско, какъ можно было думать, совершенно послушное внушеніямъ преданныхъ „восточному царю" архіереевъ. Казалось бы, Россія, принявъ за благо сдѣланное ей предложеніе, вдругъ перевѣсила бы Польшу, которая не болѣе, какъ четыре года тому назадъ, отразила подъ Хотиномъ турецкое нашествіе только по милости козаковъ Сагайдачнаго. Но въ томъ и дѣло, что въ Москвѣ не прельстились кажущимся. Исакій Борисковичъ, говорившій, какъ надобно думать, весьма убѣдительно, [1]) встрѣтилъ у царскихъ совѣтниковъ, у того же князя Черкаскаго и состоявшаго при немъ дѣльца Грамотина, отвѣтъ, поражающій своею холодною, трезвою глубиною:

„Мысль эта въ самихъ васъ еще не утвержена, и о томъ укрѣпленья межъ васъ ещо нѣтъ. Нынѣ царскому величеству того дѣла всчати нельзѣ, потому что еще у самихъ васъ о томъ укрепленья нѣтъ. А что билъ еси челомъ великому государю нашему его царскому величеству и отцу его государеву, великому государю святѣйшему патріарху, про Запорожское Войско, чтобъ надъ ними милость показали—вину ихъ и преступленіе, которое учинили противъ царскаго величества и всего Россійского царства, имъ отпустили и впредь не памятовали; и великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, всеа Росіи самодержецъ, по своему государскому милосердому обычаю и для прошенія митрополита Іева и всѣхъ православныхъ епископовъ, Запорожское Войско пожаловалъ —вины ихъ и преступленье, дерзнутое ими противъ его благочестиваго государствія, отпускаетъ и впредь памятовати не будетъ; а они бы его царскому величеству служили. А нѣчто

[1]) Въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній сказано уже, что въ Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ (св. 1-я 1625 г.) сохранился только отрывокъ дѣла о посольствѣ епископа Исакія.

вамъ и впредь отъ поляковъ въ вѣрѣ будетъ утѣсненье, а у васъ противъ нихъ будетъ соединенье и укрѣпленье, — и въ томъ впредь царскому величеству и святѣйшему патріарху вѣдомо учините, и царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ во избавленьѣ видѣть".

Изъ этого просторѣковатаго отвѣта можно, пожалуй, заключить, что бояре, сознавая безсиліе свое для новой борьбы съ поляками, только хитрили передъ польскими русичами. Можно судить о немъ и такъ: что полуазіятскіе перы Московскаго царства были не болѣе, какъ царскіе холопи; что они не привыкли къ самодѣятельности; что, будучи тулупными увальнями, неучами, охотниками только до ѣды и спанья, они смотрѣли тупо на положеніе дѣлъ въ подвластной польскому королю Руси и ждали времени, когда государева отчина придетъ къ нимъ въ руки безъ всякихъ съ ихъ стороны стараній.

Нѣтъ, московскіе бояре еще въ 1611 году, когда Москва была сожжена поляками и когда все, по видимому, пророчило распаденіе государства, отвѣтили на угрозы полномочнаго королевскаго посла: „Польшею насъ стращати нечего: Польшу мы знаемъ". [1]) Никогда царская дума не допускала мысли, чтобы Мономахова земля вѣчно была въ рукахъ иноплеменниковъ. Еще Іоаннъ III, въ 1493 году, объявилъ Польшѣ, что онъ правый урожденный государь всея Руси. Не обинуяся твердилъ онъ польскимъ посламъ, что южная Русь—его отчина, и что онъ будетъ ея домогаться, къ чему и сдѣлалъ важный шагъ присоединеніемъ къ Москвѣ Сѣверіи съ Черниговомъ, Старо-

[1]) Какъ не вспомнить при этомъ словъ начинателя русскаго возсоединенія, Іоанна III: „Съ кѣмъ Александру стоять? Вѣдома намъ литовская сила"!

дубомъ, Новгородомъ Сѣверскимъ, Путивлемъ. Во времена Герберштейна Москва требовала у Польши Кіева, Полотска, Витебска и другихъ старинныхъ русскихъ городовъ. Только обманомъ очутился боярскій государственный совѣтъ въ зависимости отъ польскихъ пановъ, на службѣ у поддѣланныхъ поляками царей. Но, побывавъ подъ ногами у Ляха и вставши изъ уничиженія собственными силами, не могъ Москаль охладѣть къ традиціонному своему домогательству. Кто знаетъ, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ чувствуетъ сердце единичнаго соціальнаго органа, тотъ пойметъ, что собирательному организму, именуемому народомъ, свойственно также чувствовать жажду возмездія. Весьма быть можетъ, что эта жажда пропадала иногда въ русскомъ сердцѣ съ потерей надежды на одолѣнье врага и супостата; но велика разница въ чувствахъ лежачаго и въ чувствахъ поднявшагося на ноги. [1])

[1]) Не далѣе, какъ въ слѣдующемъ 1626 году, прибылъ въ Москву великій посолъ шведскаго короля, освобожденный имъ изъ Маріенбургской крѣпости, Александръ Дементьевичъ Рубцовъ, участникъ миновавшихъ бѣдствій Россіи. Онъ, зная своихъ бывшихъ соратниковъ, предложилъ имъ, отъ имени Густава-Адольфа, „поотомстити великую неправду, что польскіе люди царской землѣ и царскимъ подданнымъ учинили". Ему отвѣчали: „Великій государь нашъ— —тотъ добрый совѣтъ отъ государя вашего, королевского величества, принимаетъ въ любовь и въ сердечную дружбу, и о томъ мыслити будетъ, какъ польскому королю и землямъ его неправды отомстити, только того ныне, въ перемирные лѣта учинити не мочно, потому что тотъ мирный договоръ съ повелѣнья великого государя нашего— —межъ великими Російскими государствы и Польшею и Литвою закрепленъ великихъ пословъ душами крестнымъ целованьемъ; а только мирной договоръ нарушити, і въ томъ будетъ крестному целованью преступленье и на душу грѣхъ. И прежъ сего о томъ мы, царского величества бояре, велеможного государя вашего съ великими послы говорили и отложили то дѣло впередъ. А будетъ которая хоти малая неправда объявитца отъ польского короля и отъ сына его, и отъ поляковъ, и отъ литвы, хоти и до урочныхъ перемирныхъ лѣтъ; і великій государь нашъ его царское величество на польского короля и на сына

Предки царскихъ бояръ лелѣяли идеалъ возсоединенія русской земли въ теченіе столѣтій. Лишь только вырвали они у Казимира Ягайловича Великій Новгородъ, какъ уже стали домогаться отъ Польши всѣхъ древнихъ русскихъ займищъ, захваченныхъ прежде Литвою. Они стояли на томъ, чтобы великій князь московскій владѣлъ „своею отчиною, всею землею русскою", и если заключали съ Ляхомъ перемиріе, то лишь „для того, чтобы люди поотдохнули, да чтобы взятые города укрѣпить". Предложеніе вѣчнаго мира со стороны польскаго короля, напримѣръ въ 1549 году, отклонялось ими на томъ основаніи, что еслибы заключить вѣчный миръ, то „впередъ уже государю черезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать было бы нельзя". Царскіе бояре, въ переговорахъ съ литовскими послами, твердили всегда одно: „Не только что русская земля вся, но и литовская земля вся—вотчина государя нашего". Въ 1564 году, въ отвѣтъ на предложеніе съ противной стороны мира, московскіе патріоты потребовали Кіева, Волыни, Подоліи и Галича. Только подъ этимъ условіемъ обѣщали они Польшѣ вѣчный миръ, какъ бы предвидя, что она поплатится Варшавою за провладѣніе чужимъ добромъ. Наконецъ, отъ имени Ивана Грознаго, въ 1578 году, думные бояре заявили, что все великое княжество Литовское и даже королевство Польское должны достаться ихъ царю по праву наслѣдства, такъ какъ литовскій царственный домъ, потомство полотскихъ князей, прекратился. Съ того времени до кіевскаго посольства протекло всего 47 лѣтъ. Сыновья тѣхъ, которые такъ опредѣлительно рѣшали великій международный

его, и на Польшу и на Литву, за ихъ неправды, итти готовъ, и зъ государемъ вашимъ Густавомъ Адолфомъ королемъ о томъ впредъ обошлетца". (Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла шведскія 1626—1627, св. 34, № 3.)

вопросъ, засѣдали теперь въ думѣ. Натерпѣвшись бѣды отъ Баторія и Сигизмунда III, черпавшихъ боевыя и опустошительныя средства преимущественно изъ южной Руси, Москва только на четырнадцать лѣтъ заключила съ Польшею Деулинское перемиріе (1618 годъ). Очевидно, что у бояръ по старинѣ было на умѣ—дать людямъ поотдохнуть да городамъ поукрѣпиться.

Итакъ въ отвѣтѣ, данномъ кіевскимъ посламъ, нельзя предполагать одну только проволочку дѣла, которое московской Руси было не по плечу. Не умственную лѣнь, не холопью беззаботность, не тупость въ пониманіи дѣйствительности, какова она есть, а мудрую обдуманность, правильную оцѣнку людей и событій, дипломатическую сдержанность и достоинство представителей великаго царства видитъ исторія во всей длинной процедурѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи.

Слова украинскаго посла, епископа Исакія, сопоставленныя съ отвѣтною рѣчью царскихъ бояръ, показываютъ, что представители московской государственности стояли несравненно выше представителей кіевской общественности. Московскому царю предлагали Малороссію люди, поставленные въ необходимость бѣжать изъ нея. Согласиться на предложеніе, то есть принять бѣглецовъ, значило бы оставить царское наслѣдіе безъ оберегателей, въ рукахъ ополяченной шляхты, запуганныхъ мѣщанъ и принуждаемыхъ къ горькой уступкѣ монаховъ.

Вотъ какъ записаны думными дьяками посольскія рѣчи Исакія Борисковича:

„У насъ та мысль крѣпка, мы всѣ царской милости рады, и подъ государевою рукою быть хотимъ; объ этомъ совѣтоваться между собою будемъ, а теперь боимся: если на насъ поляки наступятъ скоро, то намъ, кромѣ государской милости, дѣться негдѣ. Если митрополитъ, епископы и Войско Запорож-

ское прибѣгнуть къ царской милости и поѣдутъ на государево имя, то государь ихъ пожаловалъ бы, отринуть не велѣлъ, а имъ, кромѣ государя, дѣться негдѣ".

Послѣднія слова опредѣляли положеніе дѣла какъ нельзя яснѣе, и на нихъ то построили бояре весь планъ дѣйствій своихъ по вопросу о присоединеніи Малороссіи. [1]

Какъ ни широко было поприще козацкаго варяжничанья, но всѣ удачи запорожскихъ рыцарей, всѣ скарбы, зарытые ими въ землю, какъ частная собственнось, вся добыча, обращенная ими на устройство арматы, какъ собственность войсковая, были ничто въ сравненіи съ землею, которую они готовы были покинуть, унося потокомъ своимъ и послѣдній устой православія—опиравшуюся на ихъ кажущееся могущество іерархію. Положимъ, что въ умѣ Борецкаго таилась надежда на войну, которая дожна была послѣ этого возгорѣться между Польшей и Россіей. Положимъ, что онъ предвидѣлъ не только бѣгство множества людей всѣхъ состояній по слѣдамъ козаковъ за московскій рубежъ, но и обратный, такъ сказать тріумфальный ходъ бѣглецовъ, подъ московскими знаменами, въ Мономахову землю. Но царскіе бояре желали не завоеванія края (это весьма важно), а торжества въ немъ русской вѣры надъ латинскою русской народности надъ польскою, желали сліянія отособленной части съ своимъ цѣлымъ, по общему движенію оттянутаго къ Польшѣ народа. Говоря конкретнѣе, они желали возсоединенія Руси, не присоединенія Малороссіи.

По ихъ глубокому взгляду на вещи, возсоединеніе Руси могло совершиться только единствомъ вѣры, а не силою ко-

---

[1]) Ср. мнѣніе ученаго серба Крижанича въ 1659 году о томъ, что заставило козаковъ поклониться Москвѣ, въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Р. 1877, кн. 3, смѣсь.

зацкаго или какого бы то ни было оружія. Царскіе бояре знали, что ни мѣщане, ни шляхтичи землевладѣльцы, сколько ихъ принадлежало еще къ православной церкви, ни тѣ монастыри, на которыхъ земли не простиралось королевское право, не пойдутъ за однимъ козацкимъ знаменемъ: надобно, чтобъ люди получше козаковъ соединились въ общее движеніе къ Москвѣ во имя угнетаемой вѣры. Вотъ почему и относились они такъ равнодушно къ готовности Запорожскаго Войска перейти подъ царскій стягъ. „Мысль эта въ самихъ васъ еще не утвердилась, укрѣпленья объ этомъ между вами еще нѣтъ", внушали они малорусскимъ посламъ, и въ слѣдъ за тѣмъ чертили имъ програму дѣйствій: „А если впередъ вамъ отъ поляковъ въ вѣрѣ будетъ утѣсненіе, а у васъ будетъ противъ нихъ соединеніе и укрѣпленіе, тогда царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еритиковъ въ избавленьѣ видѣть".

Этимъ отвѣтомъ озарена исторія Руси во всю ширь ея територіи. Очевидно, что царскіе бояре не смотрѣли на козаковъ, какъ на „единственныхъ борцовъ за православную вѣру и русскую народность", и что козаки, въ ихъ глазахъ, не были главнымъ элементомъ возсоединенія Руси, какъ бы ни была велика ихъ воинственность. Напротивъ, чѣмъ больше была ихъ воинственность, тѣмъ меньше казались они пригодными для сліянія разнородныхъ частей Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи въ одно цѣлое. Москаль имѣлъ собственное козачество и зналъ его очень хорошо, какъ это доказалъ онъ искусствомъ, съ какимъ пользовался этой дикой силою для цѣлей своего государственнаго хозяйства. Москаль зналъ и Запорожье, куда онъ издавна посылалъ царскіе подарки, чтобы задобреннымп бездомовниками прикрыть свою курскую и во-

ронежскую украйну. Общій характеръ нашего козачества опредѣлили думные дьяки московскіе еще въ 1594 году, когда на вопросъ императорскаго посла: какой пользы можно ожидать въ войнѣ съ турками отъ запорожскихъ козаковъ? отвѣчали: „Они хороши для нечаяннаго нападенія, для набѣговъ и дѣйствій въ разсыпную; но это люди дикіе, не имѣющіе страха Божія, и на вѣрность ихъ нельзя разсчитывать". [1]) Украинская народная муза, муза нашихъ нищихъ Гомеровъ, изображаетъ одного и того же козака, то въ шапкѣ-биркѣ, дождемъ покрытой, а вѣтромъ подбитой, то въ богатомъ бархатномъ шлыкѣ. Она сегодня показываетъ его въ такихъ сафьянныхъ сапогахъ, изъ подъ которыхъ видать пяты и пальцы, „де козакъ ступить, босои ноги слѣдъ пише", а завтра онъ у нея садится въ богатой корчмѣ за столомъ, велитъ отодвинуться прочь пышнымъ дукамъ и весь столъ устилаетъ червонцами. Но, какъ ни быстро обогащались козаки, сколько ни наживали денегъ, воюя противъ невѣрныхъ во имя христіянства, а противъ христіянъ—для „рыцарской славы" и „козацкой добычи", но въ концѣ концовъ имъ, кромѣ государя, все таки дѣться было негдѣ. Негдѣ было дѣться дикимъ преемникамъ тѣхъ русичей, которые, ища себѣ славы, а князю чти, перегораживали половецкія поля червлеными щитами и подпирали угорскія горы желѣзными полками. Безъ князя во главѣ, напрасно были они подъ трубами повиты, подъ шеломами взлелѣяны, конецъ копія вскормлены, напрасно рыскали они по полямъ, какъ сѣрые волки: они искали славы и чести только своему безземельному войску. Безъ князя, правителя и защитника русской земли, подъ бунчукомъ своихъ ватажковъ-атамановъ, они были ничтожнѣе ханской орды.

---

[1]) Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс. 1863, кн. II, 269.

Правда, что „козацкая слава разливалась по всей Украинѣ“, и именно въ сборныхъ пунктахъ украинскаго гультайства, корчмахъ, шинкахъ, кабакахъ. Правда и то, что козаки „полемъ и моремъ славы себѣ у всего свѣта добыли“. Но Украина плѣнялась козацкими порядками только въ лицѣ безпорядочныхъ пьяницъ, готовыхъ на грабежъ и убійства; а весь широкій свѣтъ, отъ Швеціи до Персіи, заискивая козаковъ для временныхъ надобностей, не давалъ имъ ни въ одной странѣ убѣжища въ тяжкое для нихъ время. Служили козаки всѣмъ, кто платилъ имъ деньги, глядя сквозь пальцы на ихъ злодѣйства; служили, не отличая турецкаго султана отъ московскаго царя, а католическаго изувѣра Фердинанда отъ истребляемыхъ имъ протестантовъ, и дослужились наконецъ до сознанія, что имъ негдѣ дѣться, что имъ приходится бѣжать давно уже забытымъ трактомъ на рѣку Клязьму да на рѣку Москву.

Москаль это видѣлъ съ высоты своего Кремля; видѣлъ онъ ясно бѣдственное положеніе завзятыхъ полуполяковъ, и поглаживалъ бороду въ спокойной гордости. Не щадили вѣдь и они Москаля, когда подвизались противъ него вмѣстѣ съ своими милостивцами панами. Ихъ славный гетманъ Сагайдачный, подъ стѣнами самой Москвы, ссадилъ съ коня воеводу Бутурлина гетманской булавою. А сколько взяли они взятьемъ городовъ въ подарокъ польскому королевичу! Кто, какъ не они съ своими патронами, взлелѣяли царя-наѣздника, названнаго Димитрія? Кто по святой Руси, точно по басурманской землѣ, растекался во всѣ концы съ огнемъ и желѣзомъ? Они, эти мнимые борцы за православную вѣру, не щадили даже монастырей московскихъ: съ огненнымъ боемъ и съ нѣмецкими смертоносными выдумками наступали они на древнія народныя святилища, грозя ихъ защитникамъ страшными казнями,

и превзошли невѣрныхъ своимъ ожесточеніемъ „Не блазнитесь о вашей силѣ (кричалъ бывало къ осажденнымъ Конашевичъ-Сагайдачный): городъ вашъ, какъ птицу, рукою моею возьму, жилища ваши на пожаръ пущу, а всѣмъ жителямъ, великому и малому, руку и ногу отсѣчь и псамъ повергнуть повелю"! [1]) Не легко было отыскать источникъ состраданія въ тѣхъ сердцахъ, которыя были еще полны самыхъ горькихъ воспоминаній о козацкой службѣ врагамъ Россіи.

Но козаки не щадили никого и у себя дома, въ той самой Кіевщинѣ, которая только страхомъ ихъ завзятости не сдѣлалась, относительно уніи, повтореніемъ Бѣлоруссіи и Галичины. Для нихъ даже Межигорскій Спасъ, чествуемый въ одной изъ козбарскихъ думъ, не былъ страшенъ, когда война оправдывала, въ ихъ глазахъ, грабежъ и буйство, воспѣваемыя укорительно нашими простонародными Гомерами. Въ самомъ началѣ своей борьбы съ сеймовою шляхтою, при Косинскомъ, они напали на Межигорье, избили до кровавыхъ ранъ ученаго игумена, Іосифа Бобриковича Копотя (въ послѣдствіи епископа мстиславскаго, „правую руку" Петра Могилы), изорвали Баторіеву пергаментную охранную грамоту и втоптали клочки въ грязь. [2]) Во вторую свою войну съ панами, при Наливайкѣ и Лободѣ, они всюду, гдѣ находили, брали коней и всѣ припасы, безъ вниманія къ праву собственности, безъ мѣры и порядка, а въ Могилевѣ чинили такую „содомію", что народъ со слезами молилъ Бога истребитть ихъ на

---

[1]) См. выше, стр. 81, примѣч.

[2]) Подробности объ отношеніяхъ козаковъ къ православнымъ монастырямъ см. въ „Описаніи Кіева", Закревскаго. Онѣ основаны на актахъ Архива Югоз. Руси, I ч. стр. 236, Актахъ З. Р. V, № 31, и письменныхъ актахъ Межигорскаго монастыря, № 2.

вѣки. [1]) По словамъ престарѣлаго Жовкоскаго, „козаки владѣли всею кіевскою Украиною, господствовали во всемъ приднѣпровскомъ краѣ, что хотѣли, то и дѣлали". По случаю расправы съ войтомъ Ходыкою, ограбили они много мѣщанскихъ домовъ и коморъ въ Кіевѣ; а оборонивъ кіевскія церкви отъ уніи, такъ притѣснили никольскихъ чернецовъ на монастырскихъ земляхъ, что тѣ взмолились къ иновѣрной власти, къ коронному гетману Конецпольскому, о защитѣ.

Еслибъ козаки, въ общемъ своемъ составѣ, не были то, что у мѣстныхъ простолюдиновъ называется розбишаки и харцызяки, то „люди статечные", мѣщане смѣло ввѣрили бы имъ охрану своего благосостоянія. Вмѣстѣ съ козаками, кіевскіе и другіе горожане давнымъ давно отстояли бы православіе. Вмѣстѣ съ запорожскими витязями, они шагнули бы далеко на поприщѣ защиты христіянскаго міра отъ мусульманъ; они поновили бы языческую Олегову тропу къ Царьграду въ интересахъ вѣры своей, и собственными глазами убѣдились бы, что древній русскій щитъ виситъ по прежнему на цареградскихъ воротахъ, а кіевскія Золотыя Ворота не потемнѣли еще въ Царьградѣ отъ безнадежности вернуться на свое старое мѣсто. [2]) Ато „статечные люди" въ Витебскѣ предпочли видѣть кравовый эшафотъ передъ ратушей, а въ

---

[1]) Матер. для Ист. Возс. Р. т. I, „Боркулабовская Хроника", подъ 1603 годомъ.

[2]) Народная легенда, записанная мною со словъ кіевскаго уличнаго нищаго, не хочетъ разстаться съ кіевскими Золотыми Воротами, которыя для археологіи изчезли невозвратно. По увѣренію моего убогаго пріятеля, совершенно искреннему, Золотыя Ворота до сихъ поръ стоятъ въ Царьградѣ. И когда кто, идучи мимо, скажетъ: „О Золотыя Ворота! стоять вамъ опять тамъ, гдѣ вы стояли", то золото такъ и засіяетъ. А когда не скажетъ или подумаетъ: „Нѣтъ, уже не бывать вамъ въ Кіевѣ"! то золото такъ и померкнетъ (См. Записки о Южной Руси, томъ I.)

Кіевѣ—господство упіятовъ, вмѣсто того, чтобы, защищаясь, подъ козаками бунчуками, отъ иновѣрцевъ, подчиниться дикому козацкому присуду.

Какъ бы оно, впрочемъ, ни было, только посольство о присоединеніи Малороссіи оказалось безуспѣшнымъ, и—что всего хуже—ляхи о немъ свѣдали. Это ускорило „козацкую коммиссію", какъ назывались у пановъ землевладѣльцевъ вооруженныя транзакціи съ козаками. Коммиссія кончилась для козаковъ печально, о чемъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Черезъ пять лѣтъ она повторилась въ болѣе грозныхъ для козаковъ размѣрахъ, о чемъ также будетъ рѣчь ниже. Козаки раздѣлились на ся и принизились до подчиненности всего войска служилымъ шляхтичамъ, а паны возвратили польскому имени тотъ обманчивый блескъ, который сіялъ ослѣпительно для современниковъ, но, сопоставленный съ результатами, меркнетъ въ глазахъ потомства. Все, по видимому, рушилось, на что разсчитывали русскіе люди въ Кіевѣ. Замойскіе, Жовковскіе, Сопѣги были, какъ это казалось, правы съ своими Скаргами, Кунцевичами, Бирковскими, Рутскими. Напротивъ Сагайдачные, съ своими аѳонскими и кіевскими подвижниками, оказались, по видимому, вредными реакціонерами, врагами просвѣщенія и цивилизаціи. Слѣдовало ожидать, что упадокъ вооруженной силы, отъ которой, до нѣкоторой степени зависѣла неприкосновенность древняго русскаго благочестія, осмѣлитъ папистовъ больше прежняго къ рѣшительному подавленію русскихъ монастырей въ Украинѣ двойнымъ способомъ боренія, который былъ уже выпробованъ съ вожделѣннымъ успѣхомъ. Но нѣтъ! они стояли по прежнему, поддерживаемые не столько опасеніемъ изъ за нихъ религіозной войны, отъ которой предостерегалъ Кунцевича Левъ Сопѣга, сколько какимъ то болѣе скрытымъ отъ документальной исторіи

вліяніемъ. Между тѣмъ разжигатели международной вражды, съ той и другой стороны, находили обычныя побужденія къ продолженію своего темнаго дѣла. Наливайковская секта въ устахъ польскихъ проповѣдниковъ и антихристовы слуги въ устахъ русскихъ теологовъ, слова, подсказываемыя самимъ Сатаною носителямъ щегольскихъ сутанъ [1]) и убогихъ рясъ, готовили сердца къ новому и новому столкновенію между людьми огня и желѣза. Объ этихъ столкновеніяхъ будетъ у меня впереди длинная и печальная повѣсть. Здѣсь нельзя пройти молчаніемъ факта, упомянутаго только одною, такъ названною Львовскою лѣтописью: что сынъ Іова Борецкаго Стефанъ, во время переяславской войны 1630 года, очутился въ числѣ воюющихъ козаковъ и палъ въ битвѣ съ короннымъ войскомъ. Это чистая выдумка. Въ октябрѣ 1629 года, старшій сынъ Іова, Стефанъ, пристроенъ былъ отцомъ ко двору князя Христофора Радивила, [2]) а въ 1630-мъ, передъ самою переяславскою войною, отправилъ онъ меньшаго сына своего, Андрея, на службу къ московскому царю. [3]) Наконецъ, мы имѣемъ подробный разсказъ царскаго вѣстовщика Гладкого объ этой войнѣ и объ его сидѣньѣ въ переяславской осадѣ вмѣстѣ съ братомъ Борецкаго и о свиданіи тотчасъ послѣ войны съ самимъ Борецкимъ. Въ этомъ разсказѣ о сынѣ кіевскаго митрополита не упоминается вовсе. Позднѣйшія сношенія съ царемъ Іова Борецкаго и потомъ его родственниковъ,

---

[1]) Сутана—одежда католическаго духовенства, до полу, съ узкими рукавами. У простыхъ священниковъ — чернаго цвѣта, у епископовъ и архіепископовъ — фіолетовая, у кардиналовъ — красная, у папы— бѣлая.

[2]) Археогр. Сб. VII, 87.

[3]) Матер. для Ист. Возс. Р. т. I, „Сынъ Борецкаго на службѣ у царя“.

просившихъ у царя пособія, [1]) также молчатъ о гибели сына кіевскаго митрополита въ козацкой войнѣ. Война, въ которую Львовская лѣтопись, писанная озлобленнымъ противъ ляховъ священникомъ, вмѣшиваетъ и Борецкаго, имѣетъ въ себѣ антипатичную для насъ черту: козаки распространили ложную тревогу въ Кіевской Украинѣ, будто бы коронное войско пришло руйновать вѣру а что еще хуже — многихъ заставляли угрозами и побоями вступать въ козацкое ополченіе. [2]) Этотъ способъ козацкаго возстанія повторился еще нѣсколько разъ, все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Посягателей на козацкія займища и вольности козаки представляли посягателями на вѣру. Война соціально-экономическая выдавалась темной массѣ украинскаго народа и московскимъ вѣстовщикамъ за религіозную войну. Коммиссарскія транзакціи и козацкія жалобы королю говорятъ намъ о задержкахъ козацкаго жалованья, о запрещеніи козакамъ добычничать на морѣ, о стѣсненіи козаковъ въ звѣриныхъ и рыбныхъ промыслахъ, объ ограничиваніи числа реестровыхъ козаковъ, наконецъ, о личныхъ обидахъ, претерпѣнныхъ отъ урядниковъ такими людьми, какъ Богданъ Хмельницкій, но въ „разспросныхъ рѣчахъ" московской дипломатики все чаще и чаще встрѣчаемъ слухъ, что козаковъ „побиваютъ за вѣру", [3]) а подъ конецъ польскаго владычества эту фразу стали твердить вездѣ, кромѣ легальныхъ переговоровъ борющихся сторонъ, которыя знали, за что борются. Для человѣчества нѣтъ зрѣлища позорнѣе, какъ окровавленный мечъ,

---

[1]) Матер. для Ист. Возс. Р. I, „Договоръ Конецпольскаго съ козаками.".

[2]) Акты Ю. Р. III.

[3]) Матер. для. Ист. Возс. Р. т. I. о службѣ сына Борецкаго у московскаго царя.

стоящій рядомъ съ окровавленнымъ крестомъ, а это зрѣлище представлено наконецъ христіянскому міру нашими предками, и къ нему привели несчастныхъ полонусовъ и такихъ же несчастныхъ русиней не лучшіе, а худшіе люди съ обѣихъ сторонъ: не Замойскіе и Сопѣги, не Вишенскіе и Борецкіе, а тѣ, которымъ, безъ религіозной драки, не было бы ходу въ обществѣ, или же тѣ, которымъ, безъ грабежа и убійства подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, нечего было ѣсть и не во что одѣться.

Еслибы было доказало, что Іовъ Борецкій прямо или косвенно участвовалъ въ несчастномъ соединеніи эмблемъ двоякой силы, это бы только показало намъ, что и онъ, въ свою очередь, заплатилъ дань своему грубому вѣку, своему варварскому обществу и низшимъ инстинктамъ собственной природы своей. Но изъ всего, что писано объ Іовѣ Борецкомъ въ его время, мы видимъ въ немъ человѣка, чуждаго кровавыхъ и насильственныхъ мѣръ. Собственныя же его письмена дышутъ истинно христіянскимъ разумѣніемъ пастырскихъ обязанностей. Въ „Совѣтованіи о Благочестіи" онъ предлагаетъ духовенству „отвергнуть сперва всякую злобу и грѣхъ отъ самихъ себя, чтобы сбылись надъ ними слова Іисуса: вы чисти есте. Въ заблужденіяхъ латинской вѣры наказываетъ онъ обличить противниковъ духовно и разсудительно, не злорѣча. Главная надежда его на возстаніе православныхъ изъ упадка основывалась на искорененіи въ духовныхъ и свѣтскихъ людяхъ грѣха несправедливости, нечистоты, обмана, злости и притворства: „бо поки въ насъ грѣхъ (говоритъ онъ свой украинской паствѣ), поти неможна намъ повстати". Онъ наказываетъ—терпѣливо и покорно сносить всѣ обиды, убѣждаетъ не мстить за себя ни чрезъ какія средства. Онъ совѣтуетъ возбуждать и приготовлять къ святому мученичевству,

какъ самихъ себя, такъ и сердца народа. Главною задачею „Совѣтованія о Благочестіи“ было: чтобы высокую мысль общенія между отцемъ и дѣтьми, положенную въ основу христіянства, водворить въ средѣ православной церкви, „такъ чтобы отцы были въ сынахъ, а сыны—въ отцахъ“.—„Такими поступками (сказано въ заключеніе этого достопамятнаго акта) и выдумки, которыя на насъ изобрѣтаютъ, и тираннія, и унія будутъ уничтожены, лишь бы все это исполнять не словами, а самимъ дѣломъ“.

ГЛАВА XXVII.

Поприще первой и послѣдней борьбы польского элемента съ русскимъ. —Торговое значеніе Червонной Руси въ Польскомъ королевствѣ.— Наплывъ иноземныхъ народностей въ прикарпатскую Русь.—Живучесть русской народности подъ иноплеменными вліяніями.—Развитіе физической и умственной энергіи въ прикарпатской Руси.—Вліяніе карпатскаго Подгорья на Поднѣпріе.—Движеніе русскаго богатырства отъ Днѣстра къ Днѣпру.—Развитіе сельскаго хозяйства подъ напоромъ азіятской дичи. — Господство польскаго элемента надъ русскимъ. — Трагическая сторона ополяченія Руси.

Для современнаго намъ русскаго міра Червонная или Галицкая Русь уже какъ бы не существуетъ. Но исторія, объясняющая настоящее прошедшимъ и гадающая по немъ о будущемъ, дорожитъ преданіями каждоій составной части даннаго общества, и никогда не забудетъ, кто въ какой степени родства приходится Россіи. Исторія развиваемая теченіемъ событій, съ каждымъ новымъ періодомъ своего развитія, оглядывается все съ большимъ и большимъ любопытствомъ на времена давноминувшія. Что было прежде оставлено ею въ сторонѣ, какъ маловажное, теперь понадобилось ей для пересмотра въ связи съ весьма важнымъ и необходимымъ. Что было нѣкогда спеціализовано въ исключительныхъ видахъ отдѣльнаго племени или гражданскаго общества, теперь соединяется въ систему дѣятельности, общей нѣсколькимъ племенамъ или государствамъ.

На всемъ пространствѣ русскихъ и польскихъ займищъ между Днѣпромъ и Карпатами, нигдѣ процессъ взаимнаго воздѣйствія двухъ соперничествующихъ элементовъ не представляетъ столь постоянной и столь сомнительной на обѣ стороны борьбы ихъ между собою, какъ въ той землѣ, которую первый строитель русскаго государства, Кіевскій Владиміръ, взялъ у ляховъ подъ Угорскими горами. Червонная Русь, эта первая арена столкновенія русской силы съ польскою, остается между ними спорнымъ займищемъ въ теченіе девяти столѣтій, и въ наше время, отчуждавшееся многихъ преданій русской старины, находится въ томъ самомъ положеніи относительно великаго русскаго займища, въ какомъ были Червенскіе города относительно займища варяжскаго.

Этнографія знаетъ, что русскій элементъ распространенъ на лѣвомъ берегу Вислы дальше Кракова. Археологія указываетъ затертые весьма недавно слѣды православной иконописи на стѣнахъ завислянскихъ костеловъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что христіянство пришло въ тотъ край сперва въ видѣ славяновосточнаго вѣроученія. Вотъ какъ далеко вторгнулся русскій элементъ въ польское займище путемъ національнаго движенія.

Элементъ польскій, съ своей стороны, напиралъ на русское займище со временъ Болеславовскихъ, и мало по малу прокладывалъ себѣ путь въ прикарпатскую Русь, какъ бы дожидаясь удобной поры для безпрепятственнаго разлива по теченію знаменитыхъ рѣкъ Днѣстра и Бога. [1]) Эта пора настала съ появленіемъ въ Европѣ монголовъ.

---

[1]) Поляки называли ихъ zacne rzeki. У Стрыйковскаго польскій Бугъ отличается отъ русскаго. См. въ изд. 1846, т. I, стр. 93: „Bog rzeka, którą Ptolomeus Hipanin zowie, nie Bug“.

Общее бѣдствіе сблизило русскихъ людей съ ляхами, поуменшило ихъ закоренѣлую вражду, о которой такъ горько вспоминаетъ Кадлубко, [1]) и мы видимъ въ землѣ Данила Галицкаго множество польскихъ выходцевъ. Можетъ быть, эти выходцы были поляки въ томъ смыслѣ, въ какомъ людьми р у с с к и м и (прилагательное принадлежности) назывались всѣ инородцы, жившіе среди коренной руси. Можетъ быть, въ землю русскаго князя переходили потомки тѣхъ русскихъ людей, которыхъ захватилъ разливъ полонизма у верховьевъ Вислы. Лѣтописные сказатели понимали дѣло по своему. Они разумѣли не столько племенное начало, роднившее полянъ привислянскихъ съ полянами днѣпровскими, сколько ихъ принадлежность къ польской правительственной области, какъ это встрѣчается и въ наше время у простонародныхъ Геродотовъ, когда они правый берегъ Днѣпра, въ своихъ воспоминаніяхъ о временахъ Екатерины, называютъ Польшею. Какъ бы то ни было, только приливъ польскихъ людей въ русскую землю или отливъ русскихъ людей съ земли, захваченной ляхами, начался въ слѣдствіе татарскаго погрома. По крайней мѣрѣ исторія не помнитъ ничего подобнаго раньше.

Наконецъ, во времена Казимира III, прозваннаго Великимъ, Червонная Русь (эти Червенскіе города, которые Кіевскому Владиміру понадобились на югѣ, такъ же какъ и Полтескъ на сѣверѣ, для округленія русской займины) превратилась въ провинцію Польскаго королевства, втянута въ государственную систему полонизма. Послѣ взятія Львова взятьемъ, двѣ русскія короны, вмѣстѣ съ княжескимъ престоломъ, перевезены въ Краковъ, и этими побѣдными трофеями Казимира

[1]) См. томъ I, стр. 187.

какъ бы ознаменовалось торжество польскаго элемента надъ русскимъ вдоль Карпатъ до западнаго Черноморья. Литва между тѣмъ растеклась по широкому займищу своего Гедимина и, подчинившись русскому элементу, отстаивала его отъ Польши лучше коренныхъ представителей Руси. Литва упорно не давала полякамъ права пріобрѣтать наслѣдственную, вотчинную собственность въ землѣ Кіевскаго Владиміра. Протекло 230 лѣтъ съ эпохи покоренія Львова, и только тогда, въ силу люблинской сдѣлки русскихъ магнатовъ съ поляками, польскіе выходцы получили во всей югозападной Руси права гражданства, которыми они пользовались уже такъ давно въ землѣ Данила Галицкаго.

Здѣсь поражаетъ насъ обстоятельство, не имѣющее ничего себѣ подобнаго въ польскорусской исторіи. Нося исключительное, въ польскомъ обществѣ, имя Руси, Червонная или Галицкая Русь раньше Литвы, Волыни, Кіевщины начала разлагаться въ своей народности подъ наплывомъ иноплеменныхъ землевладѣльцевъ. И однакожъ эта, а не другая часть югозападной Руси выработала идею церковнаго братства, какъ единственное оставшееся ей средство возвратить русской іерархіи прежній характеръ, а русской церкви прежнюю самодѣятельность: она послужила разсадникомъ церковныхъ братствъ по другимъ русскимъ областямъ; она дала братствамъ людей для защиты народнаго дѣла во имя вѣры и церкви. Была, значитъ, въ прикарпатскомъ краѣ какая то сила, которой не доставало жителямъ прочихъ частей польской Руси для того, чтобы заявить о своей русской народности въ виду иноплеменнаго общества, стремившагося переработать русскій элементъ въ собственную сущность.

До временъ Данила Галицкаго, Червонная Русь могла уступать въ образованности развѣ Кіеву, какъ центральному пунк-

ту сѣверной Славянщины; а когда татары выжгли и опустошили лежавшія отъ нея къ сѣверовостоку русскія княжества, она, своими городами, селами и боевыми средствами, не уступала даже Малой и Великой Польшѣ, которыя потерпѣли отъ Батыя сравнительно немного и, при тогдашнемъ разореніи и расторженіи соперничавшаго съ ними русскаго міра, могли считаться странами цвѣтущими. Кіевская интеллигенція, уцѣлѣвшая отъ великаго погрома Руси, сконцентрировалась тогда въ литовской Вильнѣ; но тамъ невѣжество царило до такой степени, что природный языкъ государей не имѣлъ даже собственныхъ письменъ, и потому она быстро упала, подобно тому, какъ падаетъ теплота въ окружающемъ ее холодѣ. Русская грамотность, водворенная въ Литвѣ путемъ христіянской проповѣди и брачныхъ союзовъ знатныхъ литвиновъ съ русскими женщинами, была совсѣмъ не та, какою являлась она въ кіевскихъ монастыряхъ и при дворахъ кіевскихъ князей, водившихся съ образованными нѣмцами, венетами, греками и моравами.[1]) Она тамъ низошла до того, что для канцелярскихъ дѣлъ необходимо было перезывать грамотеевъ изъ темной въ то время Московщины. Въ ту раннюю пору своей гражданственности, Литва не могла выдержать никакого сравненія съ прикарпатскими остатками дотатарской Руси. Въ татарское лихолѣтье, русское Подгорье устояло едва поколебленнымъ, и его князья долго еще мѣрялись мечами съ потомками Мечиславовъ, ссылаясь въ то же время съ римскими папами, охранителями и двигателями средневѣковой цивилизаціи. Оно досталось Казимиру значительно опустошеннымъ татарскими грабежами, но изъ всѣхъ южнорусскихъ земель

---

[1]) „Ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкія, рускаго злата насыпаша ту". (Слово о Полку Игоревѣ.)

все таки это была сравнительно богатая, сравнительно населенная и наиболѣе образованная.

Еслибы результаты дѣятельности Казимира III оправдали данное ему имя Великаго, то стремленіе его къ Черному морю поставило бы его наравнѣ съ тѣмъ дальновиднымъ стратегикомъ, который придвинулъ сѣверную Русь къ Балтійскому. Въ его время Черное море было еще безопаснымъ сѣдалищемъ древней культуры. Этотъ великолѣпно обставленный природою бассейнъ все еще оставался блестящимъ памятникомъ заведеннаго древними государственнаго хозяйства, между тѣмъ какъ на берегахъ Средиземнаго моря оно рушилось такъ рано, подъ наваломъ германской дичи. Когда, много вѣковъ тому назадъ, западная половина древняго міра, всеобщей нѣкогда Римской Имперіи, сдѣлалась поприщемъ борьбы варваровъ съ варварами за истерзанные куски великой добычи,— все просвѣщеніе, все богатство, вся промышленность образованнаго общества сосредоточились въ Греческомъ царствѣ; и краса этого царства—Черное море было главнымъ узломъ торговаго собщенія между Востокомъ и Западомъ, до тѣхъ поръ пока итальянскіе аргонавты не открыли въ Индію морского пути. Съ Востока приходили сюда персидскіе, индійскіе, китайскіе караваны; съ Запада стремились къ тому же торговому центру произведенія Греціи, Италіи, Франціи, Испаніи. Устраивались пристани; основывались торговыя колоніи; славились по всему свѣту громадные черноморскіе рынки, на которыхъ встрѣчались и обмѣнивались продукты всѣхъ извѣстныхъ въ то время странъ и народовъ. Это великое движеніе отразилось и на той части черноморскаго побережья, которая, невѣдомымъ исторіи путемъ, отъ полумиѳическихъ наѣздниковъ скиѳовъ перешла къ полунаѣздникамъ и полупиратамъ варягоруссамъ,—на широкой равнинѣ между рѣкъ

Днѣстра, Бога, Днѣпра. Образованные по латынѣ польско-русскіе писатели XVI вѣка останавливали свой взглядъ на этомъ опустѣломъ послѣ паденія Царьграда междурѣчьѣ съ особеннымъ сочувствіемъ. Къ нимъ, по наслѣдству отъ прадѣдовъ, перешли воспоминанія о торговыхъ путяхъ, существовавшихъ со временъ незапамятныхъ. Они бродили по приморской Скиѳіи вмѣстѣ съ Геродотомъ; они искали въ ней слѣдовъ скитальческой жизни Овидія; указывали на остатки Траяновыхъ валовъ; находили въ низовьяхъ родныхъ рѣкъ загадочныя развалины; простирали рядъ греческихъ колоній до русскаго Покутья, до его Коломыи, въ названіи которой слышалось переиначенное слово Colonia, [1]) и въ своихъ воспоминаніяхъ объ изчезнувшемъ богатствѣ черноморскихъ пустынь домечтались до того, что даже Сигизмунда-Августа увѣряли, будто классическая Троя находилась гдѣ то въ необитаемыхъ степяхъ Украины. Историкогеографическія фантазіи такихъ людей, какъ Михалонъ Литвинъ, опирались на польскія преданія о богатствѣ древняго Кіева, котораго сокровищами, по словамъ Галлуса, Болеславъ Храбрый позолотилъ всю Польшу, и который невиданною у древнихъ поляковъ роскошью развратилъ Болеслава Смѣлаго. Вспоминали первые польскіе лѣтописцы и о Галичѣ, какъ о городѣ, съ котораго ихъ короли брали безъ счету золото, серебро и всякія драгоцѣнности. Правда, эти лѣтописцы на каждое уцѣлѣвшее имя русскаго города, на каждую развалину покинутаго замковища указываютъ, какъ на сѣдалище изчезнувшаго богатства русскихъ торговыхъ людей; но уже и самими преувеличеніями своихъ сказаній свидѣтельствуютъ намъ, что было время,

[1]) Въ географическомъ изданіи 1603 года „Theatrum Orbis Terrarum“, на картѣ Польши, находимъ въ Покутьѣ городъ Colonia.

когда сравнительно высшее процвѣтаніе культуры въ русской землѣ поражало польскихъ наблюдателей. Даже преданія ближайшаго къ намъ времени стараются увѣрить насъ, что подъ соломянными крышами разореннаго и убогаго Кіева можно было встрѣтить такія цѣнныя вещи, какія въ Литвѣ и Польшѣ находились только въ панскихъ чертогахъ; что шелкъ видали тамъ чаще, нежели въ Вильнѣ ленъ, и что перцемъ изобиловалъ Кіевъ больше, нежели столица Литвы—солью. Все это слѣды того сильнаго впечатлѣнія, какое дѣлала на умы черноморская торговля съ Греціею. Въ теченіе цѣлаго ряда нисходящихъ поколѣній, не могло оно изгладиться въ памяти разскащиковъ.

Торговая практика племенъ, населявшихъ черноморскія побережья съ сѣверозапада, давала себя чувствовать на русскомъ междурѣчьѣ еще и въ турецкотатарскую эпоху. Но въ теченіе двухъ столѣтій, которыя протекли между паденіемъ Кіева и паденіемъ Царьграда, она по необходимости избрала своимъ поприщемъ прикарпатскія земли, задѣтыя только слегка опустошительнымъ нашествіемъ Батыя. Пустынность южной Руси поражала путешественника всего сильнѣе въ сосѣдствѣ съ постоянными кочевьями Кипчатской Орды за Дономъ, и уменьшалась по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался къ западу. Въ Украинѣ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, о ней говорятъ намъ, на старыхъ картахъ, слова: дикія поля. Въ средней Подоліи она уже значительно уступала мѣсто человѣческой дѣятельности, и наконецъ въ Галицкой Руси путешественникъ находилъ подобіе закарпатской Европы.

Казимиръ III улучилъ весьма важный моментъ для присоединенія Галичины къ Польшѣ. Одна татарская буря миновала уже тогда, а другая еще не наступала. Литовскіе князья Гедиминовичи перерождались въ князей русскихъ, а татарскіе ханы

Чингисхановичи насилу управлялись съ громаднымъ своимъ завоеваніемъ на сѣверовостокѣ Европы и не успѣли еще занять классической Тавриды. Къ Черному морю стремились промышленные генуэзцы и венеціяне изъ Европы, армяне изъ Азіи, энергическіе барышники жиды—со всего свѣта. Черное море только на время было оторвано татарскимъ нашествіемъ отъ Балтійскаго: старые торговые пути мало по малу возобновлялись, и теперь городъ старшаго сына Данилова, еще только столѣтній Львовъ, сдѣлался такимъ узломъ соединенія балтійской торговли съ черноморскою, какимъ въ старину былъ Кіевъ. Но и кромѣ того, новая столица Галицкой Руси соединяла Вильну съ Царьградомъ, а Краковъ—съ Волощиною и Крымомъ.

Велика была радость Казимира, когда, вмѣсто деревянныхъ замковъ, которые онъ пожегъ во Львовѣ, появились тамъ наполненные всевозможными складами караванъ-сараи, въ которыхъ даже каждый проѣзжій купецъ обязанъ былъ выставить свои товары недѣли на двѣ или на три для продажи. Здѣсь образовался главный рынокъ произведеній Востока, составлявшихъ въ тогдашнемъ быту предметъ необходимости: ковры и адамашки, шелки и златоглавы, пряныя коренья и ароматныя курева, хлопчатая бумага, морская рыба, волошскій скотъ и выдѣланныя азіятскими ремесленниками кожи. Обогащаясь барышами на произведеніяхъ Востока, львовскіе купцы, съ неменьшею для себя выгодою, отправляли на Востокъ продукты западноевропейскихъ странъ: сукна, полотна, янтарь, желѣзныя издѣлія, оружіе, и въ то же время снабжали Европу и Азію славнымъ по всему свѣту русскимъ медомъ, сопровождаемымъ цѣлыми тысячами „камней" воску. Потерявъ древнія укрѣпленія, Львовъ не замедлилъ оградить себя отъ сосѣднихъ разбоевъ каменными стѣнами, соперни-

чая и видомъ, и экономическимъ значеніемъ своимъ съ двумя столицами польсколитовскаго края, Краковомъ и Вильною.

Но въ составѣ населенія города, затмившаго падшій Кіевъ, русскій элементъ отнюдь не преобладалъ ни численностію, ни богатствомъ. Еще князь Данило, дѣйствуя въ качествѣ государственнаго хозяина, наполнилъ Галичину нѣмцами, поляками, армянами, жидами и другими пришельцами, восполнявшими недостатокъ промышленниковъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ послѣ татарскаго погрома. Со временъ Казимира III, львовскіе базары представляли такую помѣсь разноязычнаго народа, что городъ призналъ необходимымъ учредить особое вѣдомство переводчиковъ.

Первенствующую въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ роль между выходцами играли во Львовѣ нѣмцы. Они земледѣліе соединяли съ торговлею, а сельскіе промыслы—съ городскими. Въ окрестностяхъ Львова заводили они молдавскіе виноградники. Раскиданныя кругомъ города мельницы находились у нихъ въ рукахъ. Городскія ремесленныя общины волею и неволею должны были подчиняться принесенному ими съ собою магдебургскому праву; а за предѣлами львовской территоріи, на Волыни и въ Волощинѣ, они, по примѣру германскихъ муниципій, покупали у мѣстныхъ князей выгодныя для своей торговли права и привилегіи.

Но львовскіе нѣмцы, будучи представителями германскаго бюргерства и плебса, не поднимались выше мѣщанскаго уровня и отличались демократическою грубостью нравовъ. Такъ какъ мѣстные паны въ городѣ не жили и резидовали обыкновенно среди своихъ владѣній, то городскую аристократію составляли здѣсь торговые пришельцы—армяне. Тѣснимые въ Азіи монголами, они спасали свою національность переселеніемъ въ сосѣднія страны Европы, и прежде всего на Таврическій по-

луостровъ, гдѣ ихъ соперники, греки, уступали торговое первенство итальянскимъ колонистамъ. Армяне гостевали по всему Черному морю и полюбили нашу поднѣстрянщину, на которой въ коммерческомъ искусствѣ не могли съ ними равняться даже юркіе, пронырливые, безсовѣстные и дерзкіе въ своихъ спекуляціяхъ жиды. Подольскій Каменецъ былъ главнымъ пристановищемъ армянъ и, въ смыслѣ рынка, принадлежалъ имъ почти исключительно. Еще у древнихъ подольскихъ князей купили они въ этомъ городѣ такія привилегіи, что могли отстранять ими жидовъ, до всеобщей руины края въ разбойничью эпоху Хмельницкаго. Между Каменцемъ и Львовомъ, армянскіе колонисты размножились особенно въ русскомъ Покутьѣ. Тамъ они нашли себѣ другую Арменію, издревле знаменитую скотоводствомъ: тамъ занимались они пастушествомъ въ широкихъ размѣрахъ, и вели весьма значительную торговлю скотомъ съ окрестными землями. Характеристическій мѣстный продуктъ червецъ, по имени котораго прикарпатская Русь прозвана Червонною, чрезъ посредство армянъ, вывозился въ Геную и Флоренцію, подъ названіемъ kermezyn, для окраски шелку. Садоводство въ рукахъ армянъ возбуждало удивленіе привыкшихъ къ своей славянской лѣни туземцевъ. Старинные польскіе проповѣдники упоминаютъ о нихъ, какъ о людяхъ богобоязливыхъ, которымъ небеса чудно покровительствуютъ въ ихъ трудолюбіи, такъ что, разрѣзавъ яблоко изъ армянскаго сада, не разъ находили въ немъ сверхъестественное начертаніе св. креста. Во Львовѣ армяне слыли людьми богатыми, образованными, и утонченностью нравовъ превосходили прочихъ горожанъ въ такой степени, что король обыкновенно имъ поручалъ устраивать покойный и веселый отдыхъ иноземнымъ посольствамъ, утомленнымъ дорогою, которая въ тѣ времена отличалась всевоз-

можными неудобствами и лишеніями. Львовскій рынокъ, центральный пунктъ города, принадлежалъ почти однимъ армянамъ. Изъ 38-ми богатыхъ лавокъ они владѣли 22-мя, въ то время когда католики—только 8-ю, а русскіе—6-ю лавками. Двѣ остальныя были спорнымъ достояніемъ различныхъ народностей. Изъ числа убогихъ крамныхъ коморъ, католикамъ и православнымъ принадлежало только по 5-ти, тогда какъ армянамъ—19. Когда купеческіе возы съ червонорусскими товарами шли черезъ Черновцы или Сочаву, армяне (по уставной грамотѣ молдавскаго господаря Александра 1407 года) платили таможенной пошлины за свои фуры двумя грошами больше нѣмецкихъ возовъ, какъ по цѣнности товаровъ, такъ и по величинѣ фуръ.

Русскіе жители города Львова терялись въ смѣшанной толпѣ нѣмцевъ, поляковъ, армянъ, жидовъ, татаръ, сербовъ, шкотовъ и другихъ пришельцевъ; но они сознавали себя хозяевами города, окруженнаго русскими селами и провинціями. Они чуждались даже магдебургскаго права, введеннаго у нихъ нѣмцами. Они, вмѣстѣ съ армянами и татарами, выпрашивали у короля дозволеніе судиться по собственнымъ своимъ правамъ и обычаямъ. Архитектурою церквей своихъ соперничали они съ самими армянами, которые подавляли ихъ богатствомъ, но не численностью. Еще въ Казимирово время построили они знаменитую въ послѣдствіи церковь Св. Юра на горѣ, надъ рынкомъ, подъ надзоромъ того архитектора, который потомъ строилъ церковь армянскую. Даже русскій колоколъ Св. Юра, славный своею огромностью и древностью, покрывалъ въ городѣ звонъ прочихъ колоколовъ, не исключая и церкви католическаго епископа, посаженнаго во Львовѣ Казимиромъ III.

Львовскіе инородцы, превосходя русиновъ торговлею, про-

мыслами, бывалостью и широтою предпріятій, были въ ихъ глазахъ все таки „приблудами", народомъ чужимъ, вѣрою чужою. Наслѣдственность такого взгляда составляла единственное, но существенное преимущество ихъ, не только передъ нѣмцами, армянами и другими иноплеменниками, наполнявшими львовскіе базары, но и передъ самими поляками, ради которыхъ былъ завоеванъ Казимиромъ подгорскій край. Когда русскій міръ, едва связанный единствомъ вѣры и родовымъ началомъ князей Рюриковичей, распался на нѣсколько частей, организмъ этого политическаго тѣла, по видимому, перестаіъ дѣйствовать, какъ одно живое цѣлое, но это только по видимому. Уже одно имя Руси, не утраченное ни одною частью древняго русскаго займища, служило залогомъ его будущаго возсоединенія. Русская вѣра, русскій обычай, русская рѣчь, русская пѣсня, русскія историческія и сказочныя преданія: все это воспитывало дѣтей и юношей на пространствѣ отъ прибалтійскаго города Изборска до черноморскаго порта Кочубея, отъ Вислы и Волхова до верхней Волги и нижняго Дона, а воспитывая молодежь изъ поколѣнія въ поколѣніе, поддерживало въ Галичинѣ, какъ и всюду по великому русскому займищу, чувство отособленія русской расы въ разноплеменномъ наплывѣ.

На взглядъ Казимира III, Польша должна была казаться довольно сильнымъ политическимъ тѣломъ для того, чтобы разнородному составу новой провинціи сообщить единство движенія. Всякая политическая система, въ подобномъ случаѣ, разсчитываетъ на тяготѣніе провинцій къ правительственному центру и на то образующее вліяніе, которое центральная власть оказываетъ на окраины государства. Но Казимиръ не зналъ, что широкій базисъ, на которомъ онъ строилъ свое государство, съузится со временемъ панами до одной сотни

тысячъ конституціонныхъ представителей Польской Рѣчи Посполитой. Галицкая Русь дѣйствительно тяготѣла къ правительственному центру; она въ самомъ дѣлѣ подчинялась образующему вліянію центральной власти; но тяготѣла и подчинялась только въ лицѣ тѣхъ представителей русской народности, которые такъ или иначе очутились въ замкнутомъ кругу шляхетноурожденныхъ и вельможныхъ. Остальное, то есть почти все русское въ Галичинѣ, подъ правленіемъ преемниковъ Казимира Великаго, продолжало незримую для государственныхъ людей работу наслѣдственности, и притомъ съ такой энергіей коренныхъ началъ своихъ, что, подчиняясь всѣмъ эволюціямъ польскаго законодательства и вліянію соприкасавшихся съ нимъ иноплеменниковъ, оно до нашего времени сохранило свой древній типъ, типъ русскаго народа, чуждый всѣмъ сосѣднимъ народамъ и только намъ однимъ родственный.

Историки Галицкой Руси обыкновенно слѣдятъ за дѣйствіями то одной, то другой законодательной власти, подъ которыми она пребывала въ разныя эпохи своего существованія, за проявленіями народной дѣятельности въ богатствѣ и образованности первенствующихъ классовъ общества, наконецъ, за успѣхомъ или безуспѣшностью вооруженной борьбы его съ своими соперниками; но, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не обратилъ вниманія на явленіе, самое отличительное въ судьбахъ этого обломка русскаго цѣлаго и самое важное не только для его настоящаго, но и для его будущаго,—именно на то, что галицкіе русины, полувытоптанные Кипчакскою Ордою, безцеремонно восполненные разноплеменными пришельцами, оттѣсненные на послѣдній планъ въ городахъ и мѣстечкахъ захожими торговцами и промышлинниками,—въ теченіе пяти вѣковъ отрозненности отъ великаго русскаго міра, сохра-

нили съ нимъ то самое родство, въ силу котораго подчинились первому собирателю русской земли безъ сопротивленія. Всмотримся въ это явленіе повнимательнѣе.

Уже при Казимирѣ III русская народность въ Галичинѣ, при своемъ численномъ преобладаніи, играла довольно смиренную роль. Въ правленіе деспотическаго фанатика Людовика Венгерскаго, даже избраніе русскихъ епископовъ очутилось въ зависимости отъ латинскако архіепископа, и они только званіемъ стали принадлежать къ православной церкви, какъ это всего виднѣе на Гедеонѣ Болобанѣ, истинномъ полякѣ подъ внѣшностью защитника православія. Ни одного пана и ни одного архіерея, отъ Казимира Великаго до Сигизмунда III, не видала исторія во главѣ православнаго движенія, да и самого движенія, до мѣщанскаго протеста противъ злоупотребленій русскихъ духовныхъ властей, въ Червонной Руси не было. Когда, какими то невѣдомыми намъ путями, смиренные, чернорабочіе члены національной церкви возчувствовали необходимость соединиться въ церковныя братства противъ своихъ владыкъ и архимандритовъ,—русскій элементъ не имѣлъ представителей ни въ наукѣ, ни въ литературѣ, ни въ панскомъ, сравнительно цивилизованномъ, быту. Онъ оставлялся безъ вниманія повсемѣстно, какъ элементъ невѣжественный или, что значило одно и тоже, простонародный. Но мы знаемъ, какую побѣдительную силу проявилъ онъ въ церковныхъ братствахъ, пренебрегаемыхъ Болобаномъ и подобными ему православниками за то, что они состояли изъ воскобойниковъ, кушнѣрей и чеботарей. Не пропадалъ онъ, стало быть, въ Галичинѣ; онъ, какъ сила, не уничтожался; онъ только вывѣтрился въ верхнемъ слоѣ русской народной почвы, и до настоящаго, до нашего времени оставался въ пренебреженіи у премудрыхъ міра и у сильныхъ міра, и у тѣхъ, которые въ мірѣ

значатъ много, но значатъ относительно. Если мы окинемъ однимъ взглядомъ историческія событія послѣднихъ трехъ столѣтій, то, по дѣятельности верхняго слоя русскаго общества въ Галичинѣ, на Волыни, въ Бѣлоруссіи и Кіевщинѣ, должны прійти къ тому же заключенію, къ которому въ наше мыслящее время пришла польская интеллигенція: что въ Руси давно не стало руси, что въ Руси, какъ поляки исключительно называютъ галицкую часть ея, нѣтъ больше руси. Но когда обратимся къ этнографической статистикѣ, она покажетъ намъ совсѣмъ другое. Между многочисленными представителями различныхъ національностей, поселившимися въ карпатскомъ Подгорьѣ со временъ Данила Галицкаго и Казимира III, только представители русской національности имѣютъ право на названіе народа, которое дается не высокою образованностію и не завоевательными подвигами, а живою связью живыхъ людей съ отдаленнѣйшимъ прошедшимъ страны. Право это опредѣляется не приговоромъ политиковъ, дробящихъ и соединяющихъ земныя племена въ слѣдствіе временнаго перевѣса вооруженной силы, а самою природою вещей, работающей въ мірѣ народностей съ такой же неуклонностью жизненныхъ цѣлей своихъ, какъ и въ мірѣ явленій жизни органической. Если русская народность въ Галичинѣ, хотя бы даже силой бездѣйствія, не подчинилась иноплеменной, иноязычной, иновѣрной переработкѣ въ теченіе длиннаго ряда столѣтій отъ занятія Владиміромъ Червенскихъ городовъ до нынѣшняго дня,—это значитъ, что основныя понятія русскаго народа, его симпатіи и антипатіи, его нравы и вѣрованія были могущественнѣе, не только всего того, съ чѣмъ иноземцы приходили въ Галичину для своихъ ближайшихъ интересовъ, но и всего, что могла предпринять здѣсь политика сосѣднихъ государей для цѣлей широкихъ и общеевропейскихъ. Если русская народность оста-

валась въ тѣни, тогда какъ другія народности играли здѣсь видныя для историковъ роли и отличались на сценѣ общественной дѣятельности, кто въ чемъ былъ гораздъ; если десятилѣтія и цѣлые вѣка проводила она въ полуснѣ и пробуждалась только въ томъ, что въ ней было родственнаго великому русскому міру, — это показываетъ, что представители другихъ народностей въ Галицкой Руси, при всей великости, возвышенности и блескѣ, или же—что иногда значитъ одно и то же—при всемъ ничтожествѣ, при всей низменности, при всемъ безсиліи исполненнаго ими дѣла, были только болѣе или менѣе счастливыми эксплоататорами древняго русскаго займища, эксплоататорами живыхъ народныхъ силъ и великихъ способностей народа русскаго. Будь она, по своей природѣ, слабѣе другихъ народностей, сдѣлавшихъ прикарпатскія земли нейтральною почвою разнообразныхъ стремленій своихъ, —давно бы ей не имѣть въ ихъ смѣшанной средѣ отличительнаго, выразительно очертаннаго лика своего. Будь эти галицкіе русины временъ Казимира III, или Сигизмунда Вазы, или хоть бы Яна Собѣскаго, ничтожнымъ народцемъ, не связаннымъ весьма древними преданіями, языкомъ и обычаемъ съ могучимъ русскимъ міромъ,—давнымъ давно они бы переродились, давнымъ давно потерялись бы они въ наплывѣ преобладающихъ народностей, и не только изчезли бы изъ виду у исторіи, но и сама этнографія не отыскала бы уже слѣда ихъ. Ато нѣтъ! Карпатское Подгорье тяготѣло къ великому русскому міру уже во времена перваго собирателя русской земли, и, судя по его однородности съ этимъ міромъ, безъ сомнѣнія, будетъ тяготѣть къ нему до временъ собирателя, котораго русская земля съ гордостью назоветъ послѣднимъ. Для того, чтобы общество могло существовать, необходима достаточная гармонія между его учрежденіями и общимъ складомъ

его понятій. Это установившееся въ общественной наукѣ правило, въ примѣненіи къ землѣ Данила Галицкаго, объясняетъ, съ одной стороны: почему русскій народъ существовалъ здѣсь лишь консервативно и не могъ заявить о себѣ въ исторіи прогрессивнымъ движеніемъ, а съ другой: почему ни нѣмецкое, ни польское общество не могло развиться въ этой странѣ органически, какъ у себя дома. Слишкомъ велика была разница между учрежденіями, которымъ подчинялось галицкорусское племя, и общимъ складомъ понятій, выработанныхъ въ немъ его собственною жизнью. Слишкомъ незначителенъ былъ перевѣсъ цивилизаціи, развившейся на Западѣ и на Востокѣ, надъ тѣми задатками своеобразнаго развитія, которыми одаренъ весь великій русскій міръ, а вмѣстѣ съ нимъ и органическая часть его—Русь прикарпатская. Наконецъ, слишкомъ ничтожна была завоевательная и поработительная энергія польскихъ королей, которые умѣли только выщербить мечъ свой на кіевскихъ Золотыхъ Воротахъ, но не знали, какъ затвориться ими навсегда въ Кіевѣ.

Червонная Русь была заторможена пришельцами, въ ущербъ развитію древней своей народности; но нагроможденіе чужеземныхъ элементовъ среди ея природнаго населенія давало ей замѣтное преимущество передъ прочими частями югозападной Руси. Талантливые представители русской народности въ Галичинѣ, кто бы они ни были,—люди духовные, люди свѣтскіе, люди военные, хозяйственные, торговые,—стояли среди широкой арены жизненной дѣятельности, арены, досягавшей однимъ краемъ Царьграда, а другимъ—Рима, однимъ Москвы, а другимъ—Парижа. Спустя столѣтіе по завоеваніи Казимиромъ III Червонной Руси, восточная половина этой арены измѣнилась. Генуэзскія и венеціянскія колоніи надъ Чернымъ моремъ пали. Греки въ собственной землѣ своей

сдѣлались иностранцами, зависѣвшими отъ благосклонности мусульманъ. Разогнавъ черноморскихъ гостей, азіятскіе варвары, вмѣсто купеческихъ каравановъ, стали разсылать стрѣлы, арканы и пожарные факелы отъ Царьграда до Москвы въ одну сторону, отъ Царьграда до Кракова—въ другую. Но путь, проторенный общежитіемъ народовъ отъ черноморскаго порта Кочубея по карпатскому Подгорью, значительно заглохшій во времена Менгли-Гирея и угрожаемый серьозными опасностями со стороны татарокозацкихъ разбоевъ, все таки продолжалъ существовать. Какъ ни тяжело было для Червонной Руси водвореніе мусульманъ въ Крыму и въ Византіи, рынки Западной Европы по прежнему требовали восточныхъ товаровъ, а товарамъ всего удобнѣе было идти въ Европу по карпатской окраинѣ католическаго міра. Образованность русскаго Подгорья, какова бы она ни была въ лучшее свое время, сохранялась наслѣдственно въ теченіе столѣтія со временъ процвѣтанія черноморской торговли, и мелкіе землевладѣльцы червоннорусскіе были въ эту важную для насъ эпоху свидѣтелями, а иногда и участниками, того, что дѣлалось на сценѣ европейской культуры. Они не коснѣли въ отчужденіи отъ всемірныхъ интересовъ, подобно литовскорусскимъ вассаламъ великихъ князей Гедиминовичей; не забирались, подобно волынскимъ и бѣлорусскимъ панамъ, въ наслѣдственную берлогу среди лѣсовъ и болотъ, чтобы сосать свою медвѣжью лапу отъ поживы до поживы. Условія мѣстности и такихъ историческихъ событій, какъ реформаціонное движеніе на западномъ торговомъ трактѣ Галичины, заставляли ихъ развивать свою внутреннюю жизнь своеобразно; и вотъ у нихъ русскіе мѣщане не считаютъ нужнымъ прибѣгать къ магдебургскому окупу своей свободы у короля, а ихъ мелкіе государи, паны, устраивая города отъ собственнаго имени,

вводятъ магдебургское право, какъ гарантію отъ собственнаго панскаго произвола. Народъ, очевидно, отличался здѣсь бытовой энергіей. Она видна намъ издали по быстротѣ возстановленія Галичины послѣ тѣхъ опустошеній, которымъ этотъ край подвергался отъ чужеядности мусульманъ. То падая подъ напоромъ азіятской дичи, то вставая въ десятый и въ сотый разъ, большіе и малые центры червоннорусской промышленности, городскія общины, монастырскія, королевскія и панскія хозяйства, постоянно стремились къ идеалу благосостоянія, который нигдѣ въ югозападной Руси не восходилъ на такую высоту, какъ въ ея подгорской, поднѣстрянской части. Самая необходимость защиты центральной Польши, выпавшая на долю червоннорусскому населенію, заставляла его ставить свое чело противъ азіятцевъ съ тою рѣшимостью, которая отличала древнихъ, дотатарскихъ русичей. Волынь, заслоняя собою Польшу, защищена была отъ орды своими лѣсами и болотами; Бѣлоруссія была сравнительно безопасна своею отдаленностью отъ жерла, извергавшаго хищную силу на передовые посты европейской цивилизаціи; Червонная Русь служила чужеядникамъ главною дорогою, по которой они стремились въ Польшу, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была и главнымъ путемъ сообщенія между хозяйствомъ турецкимъ и хозяйствомъ польскимъ. Черезъ Львовъ проѣзжали королевскіе послы къ турецкому султану, крымскому хану, волошскому господарю. Во Львовѣ (если читатель помнитъ) самъ Жовковскій разыгрывалъ свою Одиссеевскую роль передъ турецкими чаушами. Львовъ служилъ и Баторію операціоннымъ базисомъ для отвращенія грозы, которая уже въ его время начинала собираться па Польшу за Порогами. Даже такія распоряженія правительственной власти, какъ отсѣченіе головы Подковѣ во Львовѣ, а не тамъ, гдѣ онъ былъ приговоренъ къ

смерти, иля казнь Карвацкаго и другихъ кремлевскихъ героевъ, обратившихся въ домашнихъ разбойниковъ, доказываетъ, что это былъ центръ образованія мнѣній русскаго общества въ Польшѣ, то есть образованія того элемента общественной жизни, который относится къ событіямъ, какъ причина—къ результатамъ. Такъ объясняется нравственное преобладаніе Львова не только надъ Кіевомъ, который стоялъ форпостомъ у входа въ татарскія пустыни, но и надъ самой Вильною, гдѣ, послѣ паденіи Кіева, соединилось богатство южнорусскаго края.

Если Казимиръ III жаждалъ отрѣзать отъ разоренной татарами Руси Червенскіе города въ видахъ своего государственнаго хозяйства, то польскіе паны, съ своей стороны, должны были видѣть въ карпатскомъ Подгорьѣ и Поднѣстріи благодатное поприще для хозяйства сельскаго. Это было драгоцѣннѣйшее ихъ достояніе, за исключеніемъ Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, которая, черезъ два съ половиною вѣка, пришла имъ въ руки путемъ колонизаціи. Но золотое руно всегда охраняется какимъ нибудь дракономъ. Едва успѣли выходцы изъ песчаныхъ, лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстностей расположиться новыми поселками на своихъ черноземныхъ займищахъ по торговому тракту между пышнымъ Царьградомъ и невзрачнымъ Краковомъ, какъ уже на Босфорѣ водворились азіятскіе варвары. Приспособивъ христіянскую столицу къ мусульманскому быту, османлисы распространили свое право сильнаго вдоль сѣвернаго побережья Чернаго моря, и скоро подчинили своей верховной власти Крымскій полуостровъ съ остатками старой Кипчакской Орды, съ ханствомъ таврическихъ Гиреевъ Чингисхановичей. Съ того времени открытый Казимиромъ источникъ государственнаго и частнаго богатства, плодородная червонорусская земля съ

ея живописною, текущею молокомъ и медомъ Подоліею, эта Колхида польскихъ искателей счастья, очутилась въ виду чудовища, которое безпрестанно требовало у Польши человѣческихъ жертвъ. Съ ужасомъ отодвинулась Польша отъ Чернаго моря. Опустѣлъ ея хлѣбный рынокъ Кочубей вмѣстѣ съ другими пунктами черноморской торговли. Балаклей, Чапчаклей, Витовтовы Бани, все это превратилось въ груды камней, въ засунувшіеся рвы, въ терновыя заросли, которые польскимъ географамъ XVI вѣка представлялись почти такими же темными памятниками грекославянской цивилизаціи, какъ и предполагавшіеся въ низовьяхъ Днѣпра остатки древней Трои. Сбивчивая смѣсь татарскихъ и русскихъ названій, спутанныя воспоминанія отдаленнѣйшей исторической старины съ эпохами недавними—сами по себѣ говорятъ о частыхъ смѣнахъ невѣдомыхъ исторіи поселенцевъ, которые смѣло располагались на пустынныхъ займищахъ своихъ, смѣло бросались, подобно сказочному Язону, на чудовище, питавшееся живыми людьми, и, когда изчезали вмѣстѣ съ своими кошами и городками, некому было даже повѣствовать о великой отвагѣ ихъ. „Kraj błogosławieństwa, kraj niedoli“: этими словами опредѣляетъ весьма типически характеръ старинной Галичины новѣйшій польскій историкъ. Да, въ этомъ краѣ соединеніе щедрыхъ даровъ природы съ семейными утратами и непрерывными общественными бѣдствіями поражаетъ воображеніе трагическимъ контрастомъ своимъ. Но, если обнять исторію Червонной Руси съ болѣе широкой точки зрѣнія, то на мѣсто печальнаго частнаго развернется передъ нами величавое общее.

Вся исторія этого края, со всѣми своими радостями и печалями, со всѣми своими героями и злодѣями, со всѣмъ величіемъ начинаній и ничтожествомъ конечныхъ результатовъ, составляетъ лишь одинъ актъ громадной драмы, которую ра-

зыграли десятки милліоновъ людей на великой аренѣ между двумя хребтами горъ и четырмя морями. Природа, распредѣляя воды по бассейнамъ и ихъ притокамъ, нагромождая массы горъ въ видѣ неприступныхъ воротъ и неодолимыхъ замковъ, засѣвая дремучіе лѣса и стеля полосы урожайнаго чернозема отъ моря до моря, отъ хребта до хребта, сказала: „Здѣсь быть громадному государственному хозяйству. Здѣсь быть устою извѣстной человѣческой идеи, доколѣ человѣчество не выработаетъ болѣе человѣчной“. Люди не поняли намѣреній природы, не уважили силы ея, презрѣли ея непреложныя велѣнія, и порвали на куски достояніе, имѣющее всю свою цѣну только въ совокупности. Но начался многовѣковой споръ за границы, намѣченныя по произволу временно сильныхъ, и вопросъ о разграниченіи обратился мало по малу въ вопросъ о единовластіи. Кому же властвовать нераздѣльно между горъ и морей, которыми сама природа намѣтила границы громаднаго государственнаго хозяйства? Желая властвовать здѣсь въ силу своего единенія съ цивилизованнымъ міромъ, ляхи искали подмоги въ европейскомъ просвѣщеніи; но ихъ жестоко обманули въ Европѣ: взяли съ нихъ все, что можно было взять въ пользу европейскаго общества, и наградили ихъ всѣмъ, что есть худшаго въ антиславянской цивилизаціи. Желая властвовать здѣсь въ силу древняго займа своего, русичи обратились къ собственнымъ ресурсамъ: къ русской выносчивости, къ русской готовности на смерть въ виду постыднаго плѣна и, наконецъ, къ русской мстительности, наслѣдственно переходившей отъ предка къ потомку. Другихъ ресурсовъ у нихъ не было; не было у нихъ ни учителей, ни помощниковъ; и вотъ они, испивая шеломами Дону на востокѣ и Вислы на западѣ, до тѣхъ поръ очищали мѣсто для своего широкаго хозяйства,

пока наконецъ не съ кѣмъ стало и спорить. Въ этой многовѣковой борьбѣ за свое быть или не быть, въ этомъ настойчивомъ, иногда сбивчивомъ, но вообще вѣрномъ своей задачѣ соединеніи въ одно громадныхъ пространствъ для какихъ то важныхъ цѣлей человѣчества, суждено было играть замѣчательную роль странѣ, отгороженной отъ Европы Карпатами и обращенной лицемъ къ великому русскому міру. Новые, можно сказать, случайные обладатели этой страны, ляхи, не обратили вниманія на серьозный намекъ природы, не посмотрѣли и на указанія историческихъ преданій, управляющихъ симпатіями и антипатіями народовъ. Они свое займище въ русской землѣ примкнули къ чуждому для него міру человѣческой дѣятельности, и этимъ обрекли себя на печальную участь — быть вѣчными иностранцами среди туземцевъ. Ошибка противоестественнаго захвата повела ихъ послѣдовательно къ другимъ ошибкамъ, которыя съ каждымъ столѣтіемъ затрудняли ихъ все больше и больше. Герои по своей натурѣ, чужеземные обладатели отрозненной Руси были не что иное, какъ похитители въ глазахъ того народа, который они весьма усердно старались наградить благами западной цивилизаціи. Они защищали русскій народъ отъ невѣрныхъ во имя чуждой ему вѣры; просвѣщали умъ его во имя чуждыхъ ему преданій; сливали его въ одно соціальное тѣло съ собою посредствомъ разлуки съ гробами его предковъ.

И вотъ передъ нашими глазами XVI и XVII вѣкъ Червонной Руси, вѣкъ усиленной колонизаціи нашихъ пустынь, усиленной борьбы за нее съ азіятскими хищниками, усиленнаго стремленія къ европейской культурѣ, усиленнаго подавленія въ русской землѣ русской народности: картина полная жизни, блеска, великихъ надеждъ, безпримѣрныхъ несчастій и политическаго безумія. Эту картину историки показываютъ

намъ въ изображаемыхъ ими дѣяніяхъ иноплеменныхъ народовъ. Между тѣмъ она такъ тѣсно соедидена съ общими явленіями русской жизни, что безъ нея въ русской исторіи остались бы неясными даже и такія великія событія, какъ сліяніе разобщенныхъ областей въ систему государственнаго единоначалія.

Въ эпоху Сигизмунда III, испортившаго на Руси работу всѣхъ своихъ предшественниковъ, какова бы ни была она,— бытовой характеръ Червоннорусскаго и Подольскаго края, или такъ называемаго вообще Подгорья, опредѣляется словомъ шанцъ. Такъ мѣстные жители характеризовали свое вѣчное ожиданіе и отраженіе ордынцевъ въ мольбахъ о помощи, обращенныхъ къ королю и сенату. Этотъ широкій шанцъ, два-три поколѣнія назадъ, видалъ еще козакующихъ, то есть воюющихъ по татарски, князей и пановъ, которые, по выраженію геральдика Папроцкаго, стояли противъ азіятской силы, какъ мужественные львы и жаждали одной кровавой бесѣды съ невѣрными. Но въ концѣ XVI столѣтія, интересы хозяйственные воспреобладали у русской шляхты надъ интересами защиты русской земли отъ новыхъ печенѣговъ и половцевъ. Козаки, размноженные путемъ добычнаго героизма съ одной стороны и хищническихъ вторженій съ другой, мало по малу отособились отъ шляхетныхъ „товарищей своихъ“, [1]) и сдѣлали главнымъ сѣдалищемъ силы своей, вмѣсто береговъ Днѣстра и Бога, Поднѣпріе. Это было раз-

[1]) Знатный панъ, будучи козакомъ по ремеслу, считалъ обыкновенныхъ козаковъ товарищами своими и назывался ихъ товарищемъ въ актахъ. Такъ о козацкомъ гетманѣ князѣ Михаилѣ Рожинскомъ говорится въ баторіевскомъ актѣ, что онъ „вмѣстѣ съ другими козаками, товарищами своими“, изловилъ убійцъ королевскаго посла. (См. томъ I, стр. 134.)

дѣленіе одного и того же воинственнаго общества на козаковъ-домовниковъ и козаковъ-бездомовниковъ, что почти соотвѣтствовало козакамъ-дворянамъ и козакамъ-простолюдинамъ. Шляхта продолжала козаковать на аванпостахъ колонизаціи русскихъ пустынь, но названіе **козакъ** отвергнула, какъ унизительное для нея. Козаками назывались уже только тѣ шляхтичи, которые, изъ крайней нужды, или для спасенія шеи своей отъ королевскаго меча, входили въ составъ промышленновоенной корпораціи, именсвавшейся Запорожскимъ Войскомъ. Такіе окозачившіеся шляхтичи дѣлали, въ своемъ лицѣ, уступку демократическому элементу русскаго народа. Они чаще и чаще встрѣчались рядомъ съ панами чисто рыцарскаго характера, по мѣрѣ удаленія отъ Днѣстра и приближенія къ Днѣпру, или по мѣрѣ того, какъ густонаселенный край переходилъ въ украинскую пустынность. Въ той же самой постепенности уменьшалась утонченность быта вмѣстѣ съ внѣшними отличіями аристократа и плебея, такъ что члены одного и того же шляхетскаго дома—на Днѣстрѣ оставались панами, а на Днѣпрѣ казались простолюдинами, и забывали о фамильномъ гербѣ своемъ. Дѣленіе Руси на шляхетскую и козацкую, столь рѣзко проявившее себя въ Хмельнищину, было намѣчено издавна. Аристократическое начало, поддерживаемое на Поднѣстріи родовитымъ рыцарствомъ европейскимъ, никло на Поднѣпріи подъ вліяніемъ рыцарства азіятскаго, которое родомъ не считалось и никакихъ гербовъ не знало. Во времена Папроцкаго, у подолянъ еще нельзя было отличить по одеждѣ слугу отъ пана. Во времена Борецкаго, уже только на Украинѣ можно было видѣть первобытную простоту военнаго быта. Велика была разница въ безопасности между окрестностями Львова, Самбора, Перемышля, Санока и окрестностями Черкасъ, Канева, Корсуня, Василь

кова, даже самого Кіева, смотрѣвшаго съ русскаго берега Днѣпра на татарскій. Такова же была разница въ богатствѣ, домашней обстановкѣ, формахъ общежитія. Такова же разница была и въ томъ, что называлось тогда просвѣщеніемъ. Но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, такова же была и градація латинопольскаго элемента, постепенно переходившаго въ чисторусскій, яко менѣе культивированный.

Рыцарскій духъ, соединенный съ пропагандой европейской культуры, открылъ себѣ изъ Европы путь въ днѣпровскую Скиѳію черезъ Краковъ и Львовъ. Въ сліяніи съ духомъ варягорусскимъ, онъ производилъ чудеса мужества и великодушія, достойныя занять мѣсто въ стихотворныхъ преданіяхъ трубадуровъ. Но вмѣстѣ съ выработанными въ Западной Европѣ понятіями о рыцарствѣ, представители европеизма вносили въ нашу славянорусскую среду латинопольское обезличеніе. Они стирали съ насъ тотъ своенародный цвѣтъ, который такъ ярко сіяетъ на древнихъ нашихъ искателяхъ себѣ славы, а князю чти. Они наводили на насъ мутную полурусскую и полупольскую краску. Они дѣлали предпріимчивыхъ нашихъ людей, по народному воззрѣнію, если не ляхами, то есть католиками, то недоляшками, то есть унитами. Мы претворялись въ поляковъ и утемъ войны, путемъ общественности и, наконецъ, путемъ школьной образованности. Чѣмъ больше мы обезпечивали наши города отъ хищниковъ, чѣмъ тѣснѣе наши центры общественности соединялись торговыми и политическими интересами своими съ городами польскими, тѣмъ эти центральные пункты югозападной Руси становились менѣе русскими. Сперва мы были у себя дома, были, что называется, на святой Руси [1]) въ

---

[1]) Слова *святая Русь* принадлежатъ одинаково и сѣвернорускимъ

Вильнѣ, во Львовѣ, въ Острогѣ, въ Витебскѣ, въ Полотскѣ въ Луцкѣ. Потомъ уже только въ Кіевѣ да на козацкомъ Поднѣпріи и Посуліи мы были похожи на нашихъ предковъ, но и то благодаря нашей русской необразованности. Родной нашъ элементъ былъ нерушимъ только тамъ, гдѣ дотатарская русская жизнь лежала безформенными, забвенными цивилизованнымъ міромъ развалинами, гдѣ чуждая рука не трогала корней нашей народности, гдѣ природа русскаго племени затаила свою цѣлостность подъ охраною дикой пустынности.

Глядя съ латинопольской точки зрѣнія, или даже съ общей точки зрѣнія той культуры, которая изъ возрожденной Италіи распространилась по всей Западной Европѣ, польскіе захваты въ древнемъ русскомъ займищѣ были для него явленіемъ благотворнымъ. Путемъ этихъ захватовъ, къ намъ проникали съ Запада тѣ славныя по всему свѣту культурныя начала, которыя, въ три послѣднія столѣтія, создали обольстительную для Россіи европейскую цивилизацію. Но у представителей древнѣйшаго русскаго міра, въ самомъ началѣ нашей исторіи, проявился отрицательный взглядъ на латинохристіянскую образованность, ради которой древняя Польша отвергла первоначальную славянскую проповѣдь христіянства на берегахъ Вислы. Отъ разлива этой образованности среди славянскихъ народовъ по губительному плану Карла Великаго—русской міръ отгородился Карпатами въ первомъ, самомъ значительномъ періодѣ своей формаціи; и времена Мономаховъ въ Кіевской Руси, а Данила Галицкаго въ Руси Червонной доказали, что самобытное славянское просвѣ-

---

и южнорусскимъ людямъ. Въ кобзарской думѣ говорится: „Вызволь, Боже, бѣдного невольника на *святоруській* берегъ...“

щеніе, безъ руководства латинскихъ просвѣтителей, развивалось въ русскомъ займищѣ далеко лучше, чѣмъ въ займищахъ латинизованныхъ ляховъ. Послѣ татарскаго погрома, западная образованность изъ своего форпоста, Польши, продолжала движеніе, указанное ей Карломъ Великимъ и остановленное первымъ собирателемъ русской земли. Умы благородные покоряла она себѣ возвышенными цѣлями своими, умы эгоистическіе увлекала она житейскими соблазнами, и такимъ образомъ вершины русскаго общества приняли ея розовый цвѣтъ, озарились ея обманчивымъ сіяніемъ. Въ XVI и XVII вѣкѣ, никто въ Западной Европѣ не сомнѣвался въ солидарности между коренною Польшею и ея русскими окраинами, когда русскіе люди, подобные Яну Замойскому, являлись представителями польскаго элемента не только въ войнѣ и политикѣ, но и въ самой наукѣ. Никому не приходило въ голову, что Сопѣги, Ходкевичи, Жовковскіе, исторгавшіе съ корнями династію Рюрика изъ великой, богатой, могущественной Московіи, были кровные родственники тѣхъ Свѣнельдовъ, Добрынь и Вышатъ, которыхъ имена неразлучны съ вѣчными воспоминаніями о русскихъ Святославахъ и Владиміразъ. Еще меньше тогдашняя Европа была способна предполагать, что гораздо легче было вырвать изъ русской почвы корни древней династіи, нежели искоренить въ русскомъ народѣ внѣдренныя вѣками преданія о предкахъ и старинѣ. Только позднѣйшія событія показали, что представительство примежеванной къ Польшѣ русской земли принадлежало безвѣстнымъ хранителямъ ея преданій, а не титулованнымъ ея владѣльцамъ и правителямъ. Въ то время, когда латинская культура претворяла верхніе слои руси въ польское общество, низшіе слои, въ своемъ убожествѣ и невѣжествѣ, оставались русскимъ народомъ, по неразрывной связи своей съ тѣмъ, что

выработала русская жизнь со временъ дотатарскихъ; и вотъ почему поднѣпровскій край югозападной Руси, сравнительно пустынный и мало культивированный, дѣлался главнымъ сѣдалищемъ древнихъ преданій русской церкви и народности, по мѣрѣ того, какъ болѣе сильные въ началѣ центры русскаго элемента, Вильна, Львовъ, Острогъ, Полотскъ, Витебскъ, уступали вліянію стихіи, разлитой со временъ Карла Великаго въ южной Славянщинѣ и остановленной въ славянорусскомъ мірѣ со временъ Кіевскаго Владиміра. Письменное невѣжество, грубая простота нравовъ и примитивное, обрядное отношеніе къ церкви и вѣрѣ—эти простые элементы русской народности оказались, въ концѣ концовъ, залогомъ ея цѣлости въ отдаленномъ будущемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — ея самостоятельнаго развитія. На нихъ смотрѣли, и даже смотрятъ, какъ на зло, всѣ передовики западноевропейскато просвѣтительнаго вторженія въ великое русское займище, но правы они лишь относительно. Эти элементы, оказавшіеся спасительными для насъ въ многовѣковомъ нашемъ прошедшемъ, не потеряли своего охранительнаго свойства и по отношенію къ нашему таинственному будущему. Если всѣ опыты древней цивилизаціи, усвоенные преемственно Западною Европою, оказались неудовлетворительными; если Индія и Китай, съ другой стороны, не дали человѣчеству завидныхъ благъ жизни своимъ отособленнымъ и наконецъ остановившимся развитіемъ; и если среди міра окаменѣлаго и міра развивающагося столь порывисто путемъ сомнительнаго для насъ прогресса, образовался, въ теченіе тысячелѣтія, міръ самобытной жизни, лишь верхушками или фракціями своими уподобляющійся и западному европеизму, и восточному китаизму: то исторія, признающая законность каждаго политическаго и общественнаго явленія, не можетъ

отрицать необходимости, а слѣдовательно и разумности, того явнаго недовѣрія къ прогрессу Западной Европы, которое характеризовало великій русскій міръ со временъ перваго его организатора и характеризуетъ его даже въ настоящее время. Отправлялись отъ этой точки зрѣнія въ наше давнопрошедшее, мы въ польскорусскомъ вопросѣ увидимъ болѣе глубокое и общее значеніе, нежели какое придаютъ ему даже и тѣ европейскіе историки, которые не внемлютъ уже петиціямъ польской интеллигенціи. Что кассается собственно до Галицкой части русскаго міра, то предлагаемая здѣсь точка зрѣнія возводитъ къ общему значенію, не только все, игнорируемое въ ней польскими историками, яко русское, а русскими, яко польское, но и тѣ жалкіе остатки русской народности, которые выражаются ничтожествомъ тамошней русской прессы, печальнымъ состояніемъ педагогіи, упадкомъ народной пѣсенности, громадскимъ безсмысліемъ простонародья и безпутствомъ его грамотныхъ представителей. Галицкая часть великаго русскаго міра представляетъ намъ то самое, что можно было видѣть, столѣтіе или два назадъ, въ другихъ, нынѣ уже нераздѣльныхъ, частяхъ его. Зная, какъ стояли во времена оны вещи, на примѣръ хоть бы въ Кіевщинѣ, мы не смутимся отъ безотраднаго, погибельнаго положенія русской народности въ современной намъ Галичинѣ. Это не обломокъ старой Польши, какъ думаютъ одни, и не заброшенный уголокъ ожидовѣлой Германіи, какъ представляется она другимъ: это — однородная часть великаго русскаго міра, который такъ медленно, такъ трудно, но съ такой неуклонной послѣдовательностью возстановляетъ себя всюду, гдѣ чуждыя народности временно исказили основанный характеръ его.

Между тѣмъ какъ внутри Червонорусскаго края шла дѣятель-

ная и, по видимому, безповоротная переработка мѣстнаго элемента въ пришлый, подъ вліяніемъ латинопольской пропаганды,—этотъ край постоянно былъ предметомъ эксплоатаціи чужеяднаго турецкотатарскаго общества. По свидѣтельству непосредственнаго наблюдателя внутренняго состоянія Турціи въ XVII вѣкѣ, татары ежегодно продавали въ Царьградѣ по 20 тысячъ плѣнниковъ почти что изъ одной Червонной Руси. „Бездна бездну призываетъ", можно было сказать о постоянномъ союзѣ Турка съ Татариномъ для поглощенія русскихъ людей. Но въ самомъ контрастѣ, какой представляла благословенная природа края съ висящею надъ нимъ постоянно грозою непріятельскихъ вторженій, пожаровъ, грабежа, рѣзни и плѣненія, было что то непреодолимо влекущее въ этотъ край для новыхъ и новыхъ выходцевъ изъ мѣсностей сравнительно безопасныхъ. По взгляду современнаго философа, Кромера, вѣчные гарцы съ татарами влекли предпріимчивыхъ людей къ русскому пограничью такъ точно, какъ и необыкновенное плодородіе земли. Отѣненный турецкотатарскою тучею край славныхъ на всю Европу пчелиныхъ сотовъ, пастьбищъ и урожаевъ представлялъ рыцарскому воображенію шляхты двойную картину привольной жизни на лонѣ благодатной природы и вмѣстѣ съ тѣмъ христіянской смерти въ борьбѣ съ врагами св. креста. Густымъ роемъ окружали смѣлыхъ выходцевъ татарскіе недобитки, уходившіе изъ басурманской земли невольники, окозаченные трагическими событіями бездомовники. Новыя колоніи выростали въ одну весну среди цвѣтовъ, питавшихся пролитою недавно кровью предшествовавшихъ колонистовъ. Тоскующія тѣни христіянскихъ богатырей не покидали прославляемой пѣснями арены жизни, носились надъ головами новыхъ осадчихъ и умоляли ихъ объ отмщеніи. „Физическая и умственная энергія (гово-

ритъ знаменитый политикоэкономъ нашего времени) развивается затрудненіями, а не отсуствіемъ препятствій", и это мы видимъ, какъ нельзя яснѣе, на энергіи труда колонизаторовъ, возбуждаемой вѣчно грозящимъ истребленіемъ того, что они успѣвали сдѣлать на перекоръ бѣдственной судьбѣ края. Въ самое короткое время послѣ набѣга, внезапнаго и скоротечнаго, какъ несомая бурею туча,—на мѣстахъ, еще носившихъ слѣды татарскихъ скакуновъ и захваченныхъ татарами стадъ, являлись опять откуда то стада; а засыпанныя пепломъ селища покрывались новыми землянками, мазанками, куренями, кошами. Во времена борьбы потомковъ кіевскаго богатыря Михайла Семилѣтка [1]) съ потомками разорителя древняго Кіева, Батыя, отъ каждаго сколько нибудь крѣпкаго мѣста, именуемаго обыкновенно замкомъ, тянулись подъ землею длинные погреба, шли иногда на протяженіи нѣскольких верстъ ходники и корридоры, которымъ до сихъ поръ дивятся мѣстные жители, передавая младшему поколѣнію, по слухамъ, повѣсти о старосвѣтскихъ сховищахъ, не только для скарбовъ, хлѣбныхъ запасовъ, домашней утвари, суплатья, но и для скота подъ землею. Эти подземныя сховища, въ воображеніи разсказщиковъ, замѣняющемъ имъ историческую память, сливаются съ легендами о запавшихся городахъ и селахъ, о человѣческихъ голосахъ и даже колоколахъ, слышныхъ иногда изъ подъ земли фантастически настроенному уху. Подземные

[1]) Это имя принадлежитъ къ народнымъ миѳамъ, но, по принятому мною способу выражать историческими именами только проявленія коллективной дѣятельности людей, не извѣстныхъ исторіи, Михайло Сѣмилѣтовъ фигурируетъ у меня наравнѣ съ исторически извѣстнымъ Батыемъ. Народная легенда о защитѣ и разореніи Кіева Батыемъ записана мною отъ одного изъ кіевскихъ уличныхъ нищихъ и напечатана въ I-мъ томѣ „Записокъ о Южной Руси“.

тайники, вмѣстѣ съ полевыми могилами и осунувшимся степными шанцами, характеризують всѣ тѣ опасныя мѣстности, въ которыхъ жизнь, свобода и имущество постоянно были игралищемъ непредвидимой и неотвратимой случайности. Въ извѣстіяхъ о татарскихъ набѣгахъ на Червонную Русь замѣтно не уменьшеніе, а постепенное возрастаніе опасности для мѣстныхъ жителей. Съ каждымъ новымъ полустолѣтіемъ, татарская хищность принимала тамъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Но съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, прибывало въ Червонной Руси и Подоліи панскихъ дворовъ и селъ, укрепленныхъ замковъ и мѣстечекъ, шляхетскихъ и простонародныхъ займищъ, называющихся по польски загонами, церквей, костеловъ и монастырей. Край колонизовался и цивилизовался въ постоянной борьбѣ съ хищниками.

Въ ту эпоху когда начинается самый пышный расцвѣтъ польскошляхетскаго элемента въ отособленной Руси; когда козаковъ, обычаемъ шляхты, стали чуждаться и мѣщане, ихъ прежніе сутужники и сотоварищи; когда въ запорожскомъ войскѣ стали преобладать простонародные утикачи изъ пограничныхъ имѣній, арендованныхъ жидами, эксплоатируемыхъ панскими „намѣстниками", обдираемыхъ старостинскими „служебниками",—Русское воеводство Польской Рѣчи Посполитой было такимъ разсадникомъ полонизма, о какомъ только могъ помышлять присоединитель къ Польшѣ Владимірова займища. Въ сѣверной части его широко расположены были влости и ключи такъ называемыхъ великихъ панскихъ домовъ, а полуденное и восточное Подгорье было занято множествомъ панскихъ имѣній средней руки и никогда не сосчитаннымн осадами лановой шляхты, которыя, почти безъ перерыва, тянулись вплоть до волошскихъ

границъ. Уже въ сеймовомъ постановленіи 1564 года говорится o zagęszczeniu i nasiadłości rycerstwa [1]) между Днѣстромъ и горами въ галицкихъ сторонахъ. Этотъ „натовпъ“ людей, умѣющихъ служить сильному пану и пановать въ свою очередь надъ депендентами, только и ждалъ сеймовой сдѣлки старопольскихъ магнатовъ съ новопольскими. Съ 1569 года, запруда, охранявшая нашу Русь отъ польщизны, была снята руками протекторовъ русскаго православія, представляемыхъ знаменитымъ княземъ Острожскимъ. Тогда уже не одно завоеваніе Казимира III, но и вся смежная съ нимъ русская земля начала полонизоваться съ удвоенной быстротою. Движеніе новыхъ землевладѣльцевъ и осадчихъ изъ центральныхъ частей государства къ окраинамъ покрывало здѣсь русскій элементъ, такъ сказать, наносною почвою полонизма. Русь окончательно и, по видимому, безвозвратно превращалась въ новую Польшу.

Какъ мелкая шляхта, такъ и великіе паны, обитатели долинъ и взгорьевъ, трудились ревностно надъ обработкою и обороною своей обѣтованной земли; устраивали доходныя хозяйственныя усадьбы; держали сторожу на татарскихъ шляхахъ; привлекали подъ свою обостроженную селитьбу такъ называемыхъ подзамчанъ, людей мелкихъ, безсильныхъ оборонять собственными средствами хату свою; осаживали мужиками пахарскія, скотоводныя, рыболовныя и медоносныя осады; за обычай съѣзжались на татаръ, какъ на хищныхъ звѣрей; гонялись по слѣдамъ ихъ до самого Перекопа; строили церкви, чаще костелы, и записывали въ нихъ на гробовыхъ камняхъ, кто гдѣ бился съ врагами христіянства, кто какія получилъ во славу Божію раны. Такъ изображаютъ—и весьма вѣрно—

[1]) О сгущеніи и немноженіи рыцарскихъ поселеній.

дѣятельность предковъ своихъ польскіе писатели, упуская изъ виду одну только черту: что это была претворенная въ польское общество русь; что эта русь научилась у поляковъ и широкому хозяйничанью, и вельможному панованью надъ людьми мелкими; что мелкіе русичи, подвигаясь все впередъ и впередъ отъ густо заселенныхъ займищъ, подражали богатымъ и просвѣщеннымъ братьямъ своимъ въ воинскихъ доблестяхъ, но, подражая въ опытныхъ способахъ войны, не могли подражать имъ въ порядочности быта и, одичавъ подъ формою козачества, разбойницки потребовали наконецъ отъ нихъ дѣлежа русскимъ достояніемъ, яко отъ пришельцевъ и отступниковъ. Эта трагическая черта польской цивилизаціи на русской почвѣ не убавила бы, въ глазахъ польскихъ читателей, ни поэтичности, ни грандіозности картины XVII вѣка въ той обширной, богатой дарами природы и покрытой таинственностію древнихъ преданій странѣ, которую, по почину Казиміра III, поляки заблаговременно окрестили именемъ Новой Польши,—картины крушенія польскихъ надеждъ среди забвенныхъ, безформенныхъ и безобразныхъ обломковъ русской народности, уничиженной польскимъ элементомъ. Игнорируемый польской литературою фактъ смѣлаго, но безсильнаго захвата, не отнимая ничего у предпріимчивыхъ предковъ, объяснилъ бы ихъ потомкамъ причину грубыхъ русскихъ требованій стараго времени, причину русскихъ насилій надъ ополяченною шляхтою, причину русскихъ разбоевъ въ безпримѣрно широкихъ размѣрахъ, которыми восхищаются наши пылкіе школьники и о которыхъ сожалѣютъ наши взрослые люди. „Благословенный край, несчастный край (говоритъ полонизованный русинъ Шайноха), онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ краемъ рѣдкаго соединенія сельскаго быта съ воинственностью, помѣщичьихъ добродѣтелей съ богатырскими доблестями, су-

дебъ доброй патріархальности съ высочайшей трагичностью". Эти прекрасныя по своей правдѣ слова относятся къ внутреннимъ частямъ Галицкой Руси, и не одной Галицкой. Но далѣе къ востоку, гдѣ заселенныя, заселяемыя, вновь обезлюдѣвшія и вновь оживляемыя людскими голосами пустыни носили неопредѣленное въ старину названіе Подоліи и еще менѣе опредѣленное географически имя Украины, тамъ смѣлые, весьма часто отчаянные осадники, присяжные мстители кровью за кровь, разореніемъ за разореніе, на половину христіянски-доблестные, на половину татарски-хищные, способные къ братскому великодушію, но гораздо чаще къ измѣнѣ и предательству, селились, можно сказать, у самаго входа въ Басурманщину и знали только боевую жизнь, которая не давала ихъ займищу процвѣтать благами жизни мирной. Тамъ земледѣлецъ былъ, собственно говоря, воинъ. Не было тамъ панскихъ дворовъ съ ихъ дворскими обычаями, этихъ разсадниковъ общественныхъ добродѣтелей и общественныхъ пороковъ. Вмѣсто родственныхъ связей, дѣлавшихъ бытъ сельскаго хозяина веселымъ и разнообразнымъ, завязывались тамъ иного рода связи, говорившія не о домашнихъ радостяхъ, а объ опасностяхъ и бѣдствіяхъ войны,—связи походнаго, боевого, таборнаго, кошевого побратимства. Эти грубые владыки и защитники малолюдныхъ, плодоносныхъ, плѣнительныхъ и опасныхъ пустынь были все тѣ же самые русичи, которые подъ Карпатскими горами, во имя Польши, развили въ себѣ культурныя начала до степени, не достигнутой нигдѣ въ то время на великомъ русскомъ займищѣ. Только по недоразумѣнію нашей все еще юной исторіографіи, днѣпровскій козакъ и червоннорусскій панъ представляются намъ соперниками разноплеменными. Нѣтъ, это были родственные представители русской усобицы, которая, послѣ Казимирова за-

хвата и политической уніи 1569 года, возобновилась у насъ уже не подъ княжими стягами, хоругвями и чолками, а подъ панскокозацкими прапорами и бунчукамм. Мы въ XVI и XVII вѣкѣ продолжали все то же дѣло, которымъ занимались наши предки въ XII и XIII. Одной рукой обороняли мы свое займище отъ чужеядниковъ, другою дѣлили и рвали на куски общее добро у себя дома. Разрозненныя части русскаго міра искали своего центра и въ энергическомъ стремленіи къ прогрессу, и въ дикомъ бореніи съ прогрессистами. Эти слова имѣютъ въ польскорусскомъ вопросѣ болѣе общее значеніе, о которомъ я распространюсь въ своемъ мѣстѣ. Что касается собственно до событій польскоукраинскихъ, то въ нихъ находимъ частное проявленіе общаго движенія славянскихъ элементовъ по законамъ центростремительности и центробѣжности. Козаки были фракціею той самой русской шляхты, которую часто смѣшиваютъ безразлично съ польскою. Русская шляхта на козаковъ смотрѣла сперва дружелюбно, потомъ враждебно, но между дѣтьми европейской культуры и питомцами дикой украинской вольности постоянно существовалъ, такъ сказать, фамильный или родственный компромисъ. Даже въ то время, когда шляхта уже поссорилась и не разъ подралась кровавымъ боемъ съ козаками, на поднѣстрянской Украинѣ, или иначе—на русскомъ Подгорьѣ, этомъ главномъ и самомъ древнемъ сѣдалищѣ русскаго полонизма, днѣпровскій козакъ все еще былъ свой человѣкъ на столько, на сколько онъ сохранилъ въ себѣ шляхетскаго элемента и шляхетской крови. Подобно тому какъ испанскіе, португальскіе, наконецъ нидерланскіе жиды смотрѣли изчужа на своихъ варварски-невѣжественныхъ и развращенныхъ братій, жидовъ польсколитовскихъ, козакующая русская шляхта свысока мѣрила днѣпровское, однородное съ нею по военному ремеслу козачество и

замѣтно импонировала одичалымъ рыцарямъ. Старый, сердитый и вмѣстѣ симпатичный, взглядъ на козака сохранила она до нашего времени, въ лицѣ своего литературнаго потомства; но старый взглядъ козака на его шляхетный прототипъ давно утонулъ въ пролитой имъ шляхетской крови, давно забытъ въ опьянѣніи разбойничьяго восторга козацкой музы, давно изчезъ въ торжествѣ великой русской силы надъ польскимъ безсиліемъ, и только отрезвленная универсальною наукою историческая память старается возстановить между поссорившимися братьями кровное и бытовое родство. Не было бы ничего нелѣпаго въ высокомѣріи осѣдлыхъ русичей, этихъ окатоличенныхъ шляхтичей-землевладѣльцевъ рыцарскаго закала, еслибъ они сохранили традиціи того мѣста, „откуду есть пошла руская земля“, вмѣсто чуждыхъ имъ традицій краковскихъ, гнѣзненскихъ, римскихъ. Сановитый бояринъ съ московскаго Кремля смотрѣлъ высокомѣрно не меньше шляхтича на козаковъ, и однакожъ, при своемъ сравнительно съ польскимъ шляхтичемъ невѣжествѣ, оправданъ въ своей гордости историческими событіями. Даже кіевскіе торгаши, эти осѣдлые промышленники и ремесленники, ставили выше козацкаго уровня свою мѣщанскую статечность, свою магистратскую славетность, и сколько ни пытались козаки подчинить ихъ своему присуду, они остались независимыми господарями въ своей муниципіи. Но все это была одна семья, въ которой старшинство ни для кого не было обидно, а меньшинство—унизительно. Вся бѣда, стало быть, заключалась не въ сословныхъ различіяхъ между козакомъ и паномъ, а въ томъ, что въ нераздѣльную русскую семью впущенъ былъ для благословенія священникъ, отвергавшій достоинство ея древнихъ воспоминаній, вѣрованій, обычаевъ. Это злополуч-

ное обстоятельство, больше нежели что либо другое, было причиною тому, что высокомѣріе русичей осѣдлыхъ и шляхетныхъ глубоко оскорбляло народное чувство русичей-бурлакъ. Слава шляхетныхъ русичей была безславіемъ ихъ отверженныхъ братій, и святыня благословенныхъ иновѣрнымъ священникомъ сдѣлалась для непринявшихъ его благословенія предметомъ дикой ненависти: Если висѣвшая надъ польскимъ цивилизованнымъ обществомъ двойная туча турецкой и татарской грозы придавала его судьбѣ трагическую поэтичность, то роковая измѣна русскимъ преданіямъ сообщала его мрачной будущности самый зловѣщій блескъ, пророча не одной чуткой душѣ потрясенія, избіенія, плѣнъ и руину, какихъ Сарматскія горы не видали съ высоты своей послѣ великой Батыевской катастрофы.

Да, между двумя враждебными лагерями, ожесточенными въ послѣдствіи до крайней, звѣрской ярости, существовало кровное, не изглаженное даже латинскимъ ренегатствомъ родство. И днѣпровскіе козаки, и днѣстровскіе шляхтичи были все тѣ же „храбрые русичи“, которые во времена оны хаживали испивати шеломомъ Дону. Велико или мало было соціальное различіе между ними, но, по существу дѣла, обо всѣхъ падшихъ въ бою съ невѣрными, какъ съ панской, такъ и съ козацкой стороны, можно сказать, что они отстаивали русскую землю. Отстаивали русскую землю даже и тѣ русичи, которые дорожили полученными только отъ польской ойчизны лаврами. Они тѣмъ не менѣе были безустанными, самоотверженными, достохвальными защитниками ея отъ врага, грозившаго смѣнить нашъ христіянскій символъ магометанскимъ полумѣсяцемъ. Невѣжественная въ своей завзятости муза южнорусской пѣсенности не удостоила поставить ихъ имена

въ одномъ почетѣ съ именами героевъ поднятаго козаками простонародья; но муза исторіи не знаетъ ни вражды, ни ненависти. Она толерантна: она, проходя мимо забвенныхъ живою русью панскихъ гробницъ, бросаетъ на нихъ по вѣткѣ лавра и кипариса, въ знакъ своего сочувствія къ ихъ благороднымъ подвигамъ и сожалѣнія объ ихъ политическихъ заблужденіяхъ.

ГЛАВА XXVIII.

Польская героиня, охранительница пограничья.—Появленіе на горизонтѣ панскаго общества пагубной для него шляхетской семьи. — Дворянская формація козачества.—Козацкіе виги и козацкіе торіи.— Связь русскопольской аристократіи съ козачествомъ.—Русская доля исторіи въ польскихъ воспоминаніяхъ.

Польское государство, это собраніе монархій и республикъ въ одно хаотически-цѣлое, возлежало, въ качествѣ отдѣльнаго міра, на плечахъ Атласовъ, выработанныхъ русскимъ Подгорьемъ. Если читатель помнитъ, знаменитый Жовковскій высказалъ это прямо и рѣзко передъ „лицемъ Рѣчи Посполитой", какъ назвалъ онъ сеймовое eобраніе. Нѣсколько панскихъ домовъ, подпиравшихъ Угорскія горы по старинному своими желѣзными полками, гарантировали собою судьбу остальнаго населенія Польши. И всего больше имѣлъ значеченія въ ея судьбѣ домъ поглощеннаго полонизмомъ русина Жовковскаго. Его личный составъ, его внутренній характеръ, его родственныя и общественныя связи выработали ту Польшу, которую знали, съ героической и доблестной стороны ея, въ Москвѣ, въ Стамбулѣ и въ Вѣнѣ. Общественные, экономическіе, семейные и сердечные интересы этого полонизованнаго русскаго дома объясняютъ намъ исторію Руси и Польши со стороны, доселѣ нашей исторіографіею нетронутой.

Въ четырехъ часахъ ѣзды отъ славнаго города Львова къ сѣверу, находится село Винники, напоминающее своимъ име-

немъ тѣхъ винниковъ и броварниковъ, которыхъ бывало козаки, прежде всѣхъ другихъ охотниковъ до козакованья, успѣвали подбивать къ походу на басурманъ. Но кто знаетъ? въ нынѣшнемъ галицкомъ нарѣчіи это названіе присвоено винодѣламъ, а не винокурамъ, и, можетъ быть, это—филологическое свидѣтельство о виноградникахъ, которые, до опустошенія края татарско-козацкою р у и н о ю, существовали даже и на Поднѣпріи. Такъ ли оно есть, или иначе, только село Винники, 1556 году, досталось, по дарственной записи, отцу Станислава Жовковскаго, также Станиславу, русскому воеводѣ. Видно, не въ силахъ былъ прежній владѣлецъ удержаться въ Винникахъ, расположенныхъ на татарскомъ шляху, именуемомъ Ч е р н ы н ъ ш л я х о м ъ, и радъ былъ, что нашелъ болѣе отважнаго и сильнаго защитника края. Отецъ Жовковскаго жилъ въ сосѣднемъ селѣ Туринцахъ, которое своимъ именемъ возстановляетъ въ нашей памяти еще болѣе характерную черту мѣстости: оно говоритъ о томъ отдаленномъ времени, когда туры еще не были баснословнымъ украшеніемъ русской народной поэзіи. По смерти отца, Станиславъ Жовковскій заложилъ въ Винникахъ замокъ, названный панами Жолкѣвъ, а мужиками—Жовква, по имени той Жовквы въ русской Холмщинѣ, которая была гнѣздомъ рода Жовковскихъ. [1]) Съ устройствомъ замка, и село Винники переименовано въ мѣстечко Жовкву. Для привлеченія колонистовъ, владѣлецъ предоставилъ жителямъ новаго мѣстечка самоуправленіе, въ видѣ магдебургскаго права; которое паны давали своимъ подданнымъ совершенно въ той формѣ и на тѣхъ основаніяхъ, какъ и короли—своимъ.

---

[1]) До сихъ поръ существуютъ во Львовѣ ворота, называемые *Жовковскими,* а не Жолкевскими.

Не изъ тщеславія, а для обороны края отъ усилившихся татарскихъ набѣговъ, задумалъ Жовковскій строить свой замокъ. Жовква была заложена въ 1595 году, передъ походомъ обоихъ коронныхъ гетмановъ, великаго и полевого, въ Волощину,—того похода, результатомъ котораго было возведеніе на господарство Іереміи Могилы, дяди нашего знаменитаго Петра Могилы. [1]) Исторія Червонной Руси и въ этомъ пунктѣ соприкасается съ судьбами Руси Кіевской. Въ перспективѣ послѣ похода была у нихъ борьба съ домашнею ордою—козаками. Возможность неудачи въ той или другой экспедиціи требовала точки опоры, и потому то, подвизаясь въ битвахъ съ татарами за ленное право Польской Короны на Волощину, охранителямъ Польши было необходимо помышлять о надежномъ операціонномъ баззисѣ для дальнѣйшихъ дѣйствій по своей гетманской спеціальности. Янъ Замойскій и Станиславъ Жовковскій были не только воины, но и политики. Они предвидѣли опасное столкновенье руси шляхетской съ простонародною, руси богатой съ убогою, руси землевладѣльческой съ бездомовною, можетъ быть, даже руси-католической съ православною, и, въ мѣру своей проницательности, готовились къ нему. Спокойный, но постоянный энтузіазмъ ихъ въ этомъ дѣлѣ былъ тѣмъ сильнѣе, что они разумѣли себя не русью, въ самомъ имени которой таился извѣстнаго рода сепаратизмъ, а поляками, представителями государственнаго единства Рѣчи Посполитой Польской. Заложенный Жовковскимъ замокъ былъ, по своей идеѣ, повтореніемъ крѣпости и города Замостья, устроенныхъ нѣсколько ранѣе его начальникомъ, другомъ и своякомъ, Яномъ Замойскимъ. Онъ предназначался быть устоемъ польской силы на пограничьѣ

---

[1]) См томъ II, стр. 101

противъ напора внѣшнихъ враговъ и въ то же самое время —наблюдательнымъ пунктомъ и арсеналомъ для сдерживанья анархическихъ элементовъ, безпрестанно грозившихъ королевству извнутри. Вмѣстѣ съ тѣмъ—что также было весьма важно—замокъ Жовква долженъ былъ служить административнымъ центромъ нѣсколькихъ десятковъ земледѣльческихъ имѣній, принадлежавшихъ дому Жовковскихъ въ Червонной Руси и въ Украинѣ. Безъ собственныхъ средствъ, коронный гетманъ былъ бы въ Рѣчи Посполитой ничто. Рѣчь Посполитая часто ставила своихъ фельдмаршаловъ, равно какъ и воинственныхъ королей, въ величайшее затрудненіе пустотою своей казны, безпорядочностью своей администраціи, несвоевременнымъ исполненіемъ своихъ обѣщаній, и въ такихъ случаяхъ собственные запасы, наличныя деньги, или же личный кредитъ короннаго гетмана выручалъ изъ бѣды все польское общество. Такимъ образомъ постройка замка была со стороны Станислава Жовковскаго во всѣхъ отношеніяхъ подвигомъ гражданскимъ. Но въ этомъ подвигѣ главную роль игралъ не онъ. Онъ заложилъ замокъ, намѣтилъ верки, далъ общій планъ дѣйствія и отправился съ своимъ ополченіемъ на подмогу Яну Замойскому. Жена его Регина, сестра второй жены великаго короннаго гетмана и канцлера королевства, взяла на себя производство всѣхъ безъ исключенія работъ, и не была она, какъ увидимъ далѣе, ниже принятыхъ на себя обязанностей.

Дочь древняго моравскаго дома Гербуртовъ, Регина внесла въ римскую церковь такой же драгоцѣнный даръ женскихъ добродѣтелей, какъ мужъ ея внесъ въ Палладіумъ польской національной славы. Слова царя Соломона: „мудрая жена устрояетъ домъ свой", внушены ему матронами, подобными Регинѣ Гербуртовнѣ. Съ достоинствомъ сильнаго характера она несла одна домашнее бремя, которое обыкновенно дается

на двоихъ. „Тебѣ лучше нежели мнѣ извѣстны наши домашнія дѣла (писалъ ей мужъ въ духовномъ завѣщаніи): я свои мысли погрузилъ въ дѣлахъ Рѣчи Посполитой, оставляя безъ вниманія собственныя". И дѣйствительно Регина управляла всѣми его мнѣніями самостоятельно. Она была и администраторомъ, и казначеемъ, и даже судьею, какъ въ ближайшей, такъ и въ отдаленной Жовковщинѣ. Что до него самого, то онъ былъ поглощенъ всецѣло одною мыслію. На защиту края онъ смотрѣлъ, какъ на свое призваніе и, въ случаѣ недостатка со стороны казны денегъ, продавалъ бывало родовыя имѣнія для покрытія военныхъ расходовъ. Онъ сына воспиталъ спеціально для борьбы съ азіятскими хищниками, а младшую дочь выдалъ за Станислава Конецпольскаго, провидя въ немъ и готовя защитника границъ, короннаго гетмана. Жена играла у него не только роль хозяйки дома, администратора имѣній, но и военнаго интенданта. Она, по его инструкціи, строила замокъ; она для каждаго похода готовила ему запасы; она сзывала родныхъ и пріятелей съ ихъ боевыми дружинами на помощь своему паладину; и она же даже такимъ людямъ, какъ Ѳома Замойскій, давала при случаѣ нотаціи, выражающія превосходство ея умственныхъ концепцій надъ грубыми понятіями ея вѣка о домашней жизни,—въ родѣ того, что „съ хрустальною посудой надобно ѣздить бережно, а съ женщинами обходиться тихо, ради взаимныхъ радостей и благословенія Божія".

Такая то распорядительница стояла во главѣ управленія всѣми имѣніями, принадлежавшими дому Жовковскихъ, какъ по вотчинному, такъ и по помѣстному праву. На нынѣшній взглядъ, десятки займищъ или осадъ, тянувшихъ къ центру ихъ администраціи—Жовквѣ, представляются жаднымъ захватомъ польскаго плуга, отмѣреннымъ панскою саблею и зане-

сеннымъ въ сеймовую конституцію стараніями пріятелей. Такъ оно и бывало, но не всегда. У входа въ Татарію, или что все равно, въ дикія поля, которыя начинались за чертой, проведенной отъ Кременчука черезъ уманскую пустыню до Подольскаго Каменца, занять займище, со стороны такихъ людей, какъ Жовковскій, было государственною заслугою. Это значило—воспользоваться королевскимъ пожалованіемъ, и среди полнаго безлюдья, на татарскомъ шляху, устроить форностъ подвигавшейся все впередъ и впередъ колонизаціи. Всѣ панскія имѣнія на татарскомъ пограничьѣ, или, какъ говорилось тогда, въ украинныхъ областяхъ, имѣли въ началѣ значеніе смѣлыхъ редутовъ и форпостовъ. Хитрость и Пройдошество, Смѣлость и Предпріимчивость получали ихъ въ потомственное владѣніе подъ однимъ и тѣмъ же условіемъ, которое одни паны нагло профанировали, но за то другіе исполняли свято. Заложить въ дикой пустынѣ осаду значило тогда—вложить капиталъ въ предпріятіе рискованное, хотя въ будущемъ и заманчивое; а управлять пограничными имѣніями значило тогда — согласовать интересы разнаго сорта людей, часто не согласимые. Осадчему, кто бы онъ ни былъ, самъ ли землевладѣлецъ, или его „намѣстникъ", прежде всего предстояла трудная задача—прикрывать свое займище отъ ордынцевъ; потомъ надобно было ему найти экономическую связь между такими соціальными элементами, какъ туземный ратай и выходецъ-прикащикъ, знатокъ хозяйства болѣе совершеннаго,—между такими, какъ охочекомонный козакъ, служащій пану по подобію Наливайка, и такъ называемый слуга шляхтичъ, видѣвшій европейскія арміи, умѣющій вести войну на болѣе цивилизованный ладъ,—наконецъ, и между такими, какъ мѣстное вѣроученіе, выражающееся въ обрядности, которой историческаго смысла никто не зналъ, и вѣроученіе пришлое на Руси, котораго увлекательная для

пановъ исторія не увлекала почему то умовъ необразованныхъ. Пани Регина понимала, видно, искусство колонизаціи, если изъ своего хозяйства могла извлекать столько выгодъ, что доставляла мужу средства для выхода въ поле таборомъ, а на постройку замка собрала довольно рукъ и матеріяловъ. Что касается до религіозной связи пограничнаго общества, то, будучи питомицею католичества, она, безъ всякаго сомнѣнія, желала отъ души, чтобы въ древнемъ займищѣ Кіевскаго Владиміра было одно стадо и одинъ пастырь; но въ ея дѣйствіяхъ не замѣтно такого презрѣнія къ туземной вѣрѣ, какое, на примѣръ, выразила къ ней Анна Острожская въ томъ самомъ замкѣ и городѣ, гдѣ православные такъ еще недавно искали убѣжища отъ уніи. Регина гордовала древнимъ русскимъ благочестіемъ никакъ не больше своего зятя, Яна Замойскаго: она строила православныя церкви изъ дерева, а къ виду ихъ воздвигала костелы изъ камня, давая понять, что время истинной вѣры настанетъ раньше, нежели утлыя храмины потребуютъ возобновленія.

Мудро вела Регина Жовковская дѣло колонизаціи, получая инструкціи отъ своего глубоко чтимаго супруга, который рѣдко имѣлъ возможность проводить время иначе, какъ въ полѣ, и стройно шла подъ ея верховнымъ вліяніемъ пограничная жизнь, опиравшаяся на добрые нравы, воинскія доблести и благія намѣренія обладателей края. Она была запечатлѣна мужественною простотою; она имѣла характеръ сельскаго довольства; роскошь входила въ нее подъ лучшею своею формою, подъ формою богатства природы: огромныхъ сборовъ меду и воску, многочисленныхъ стадъ и табуновъ, урожая полей, изумлявшаго иной разъ даже сѣятелей. Но эта полупахарская, полуномадная, полувоенная жизнь, при своемъ скромномъ характерѣ, не была лишена блеска и гран-

діозности. Старшая дочь Жовковскихъ, прославляемая за свою красоту въ польскомъ обществѣ, была замужемъ за богатымъ землевладѣльцемъ Яномъ Даниловичемъ, потомкомъ галицкаго князя Данила, въ послѣдствіи русскимъ воеводою; меньшая —за Станиславомъ Конецпольскимъ, въ послѣдствіи великимъ короннымъ гетманомъ, знаменитѣйшимъ колонизаторомъ украинскихъ пустынь и славнымъ воиномъ; а сестра Регины Жовковской—за царственнымъ коронпымъ канцлеромъ и гетманомъ Яномъ Замойскимъ. Кромѣ того, домъ Жовковскихъ состоялъ въ давнишнемъ родствѣ по женской линіи и въ тѣсной дружбѣ съ Якубомъ Собѣскимъ, отцемъ будущаго короля Яна Собѣскаго, резидовавшимъ неподалеку въ Злочовѣ. По духовному завѣщанію Яна Замойскаго, Жовковскій нашъ назначенъ былъ опекуномъ его малолѣтняго сына Ѳомы вмѣстѣ съ краковскимъ воеводою Николаемъ Забжидовскимъ и люблинскимъ воеводою Маркомъ Собѣскимъ, отцемъ Якуба Собѣскаго. Столь поважныя, какъ говорилось, особы, вмѣстѣ съ Вишневецкими, Збаражскими, Сѣнявскими, Остророгами, Яблоновскими и другими представителями червоннорусскихъ панскихъ домовъ, съѣзжались въ новомъ замкѣ то по случаю пограничной войны, то по случаю семейныхъ праздниковъ у высоко чтимой четы супруговъ. Замокъ Жовква видалъ въ своихъ стѣнахъ и такихъ гостей, какъ отецъ и дядя нашего Петра Могилы, князья-господари двойственной Волощины, и такихъ, какъ московскій царь Василій Шуйскій съ братомъ Димитріемъ, которыхъ въ плѣну называли за одно московскими царями, и которыхъ Жовковскій, послѣ клушинской побѣды, угощалъ humanissime въ своемъ таборѣ и въ своемъ замкѣ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, на пространствѣ между Краковомъ, Люблиномъ, Варшавою, Москвою и заднѣстровскими Ясами, все,

на чемъ до сихъ поръ сіяетъ пріобрѣтенная такъ или иначе знаменитость, соединялось различными путями въ той жизни, которую устроили наши подгорцы во славу польскаго имени, во славу латинской церкви и чужеземной культуры. Сравнительно съ этой жизнью, убогій, полукочевой бытъ украинскаго козачества былъ, можно сказать, мракомъ, служившимъ какъ бы только для того, чтобы ярче сіяли въ памяти потомства изображенія такихъ доблестныхъ личностей, какъ солоницкій и клушинскій побѣдитель грубой русской силы, Станиславъ Жовковскій, какъ хозяйственная подруга великаго воина и патріота, Регина Гербуртовна. Но картина величавой простоты, классическаго героизма и благородныхъ стремленій подгорскаго передового общества озарена была неестественнымъ, зловѣщимъ блескомъ: восточный горизонтъ ея вѣчно былъ покрытъ загадочными тучами. Баторій, какъ гласитъ преданіе, умирая смотрѣлъ на козацкія пустыни съ мучительнымъ предчувствіемъ. Его наперсникъ Янъ Замойскій вглядывался въ загадочную ихъ глубину съ безпокойствомъ до конца жизни. До конца жизни твердилъ Святопамятный о какой то „ворожкѣ съ Востока", не зная, какъ ему быть съ козаками; а Жовковскій, по убѣжденію львовскаго лѣтописца, погубилъ за Днѣстромъ войско въ 1620 году отъ того, что не умѣлъ поладить съ одичалыми рыцарями. Таинственныя тучи, игравшія въ виду подгорцевъ то розовымъ, то кровавымъ отливомъ, долженствовали рано или поздно омрачить всю сіяющую картину, которая такъ мила живущему прошедшимъ сердцу поляка и такъ прискорбна для живущаго будущимъ сердца русскаго.

Еще не счищена была съ польскихъ доспѣховъ кровь, столь безумно разлитая подъ Лубнями послѣ выдачи Наливайка, еще народное легковѣріе прислушивалось къ реву

мѣднаго быка, доносившемуся изъ Варшавы до самого Запорожья, какъ у воротъ новаго замка Жовквы появился отецъ воскресшаго Наливайка, Михайло Хмельницкій. Нашему умственному оку онъ представляется вѣстникомъ крушенія всего того, что создано было на Руси латинопольскою культурою; но глаза польскорусской Андромахи видѣли въ немъ только убогаго шляхтича, нуждающагося въ пристанищѣ. Онъ объявилъ себя банитомъ, и этого одного было достаточно для того, чтобы двери любого пограничнаго дома, не исключая и канцлерскаго, отворились передъ нимъ гостепріимно.

На пограничьѣ нужда въ людяхъ внушала обществу терпимость относительно прошлаго каждой новой личности, и это— одно изъ тѣхъ роковыхъ обстоятельствъ, которыя привели Польшу къ ея ужасной катастрофѣ. Регина приняла скитальца въ домашнюю гвардію, безъ которой не могъ стоять ни одинъ панскій домъ даже и въ близкихъ къ центру Польши мѣстностяхъ,— приняла его въ число такъ называемыхъ панскихъ слугъ, которые столь часто играли роль гайдамакъ, указывавшихъ дорогу въ панскія влости не только козацкой, но и татарской ордѣ.

По однимъ преданіямъ, Михайло Хмельницкій происходилъ изъ мазовецкой, по другимъ—изъ литовской шляхты. [1]) Но было бы напрасно приписывать той или другой національности выдѣлку Карвацкихъ и Хмельницкихъ. Какъ Мазовія, такъ и Литва производятъ въ наше время энерегически-чест-

[1]) Михайла Хмельницкаго, отца Богдана Хмельницкаго, дѣлаютъ выходцемъ изъ украинскаго мѣстечка Лысянки, да Лысянка то основана только въ 1620 году, какъ гласитъ привилегія Сигизмунда III: „Za wniesioną do nas prożbą y przyczyną W. Jana Daniłowicza, Wdy Ruskiego, pozwoliliśmy na gruncie narzym vkrainnym, nazwanym Lisianka, miastecrco osadzić“, etc.

ныхъ мѣстныхъ хозяевъ, — „господарей“, какъ прекрасно называютъ ихъ z ruska поляки. Причины чисто экономическаго свойства, постоянно державшія Польшу, такъ сказать, на военномъ положеніи, придавали въ старину трудно вообразимую нынѣ завзятость людямъ, которые, при другомъ порядкѣ вещей, отличались бы только предпріимчивостью. Отецъ Богдана Хмельницкаго принесъ на пограничье выразительные признаки бѣдности; но, судя по способностямъ и склонностямъ, которыя онъ обнаружилъ въ Украинѣ, надобно думать, что бѣдность его не была слѣдствіемъ безпорядочной праздности, на которую польскій режимъ обрекалъ значительную часть шляхетскаго общества. Бѣдность банита Хмельницкаго надобно объяснять скорѣе неуживчивостію, которая въ старой Польшѣ однихъ вела къ богатству, а другихъ къ разоренію, однихъ превращала въ героевъ, а другихъ дѣлала отверженцами общества. По замѣчанію Шекспира, жизнь каждаго человѣка есть исторія, отражающая на себѣ характеръ его прошедшаго. Зная, какъ велъ себя и что дѣлалъ отецъ Богдана Хмельницкаго въ новой средѣ, едвали мы ошибемся, если причислимъ его къ мелкимъ землевладѣльцамъ одной изъ внутреннихъ провинцій, гдѣ польскій bezrząd давалъ возможность завести только крупное, но никакъ не мелкое хозяйство. Споръ за перебѣжчиковъ крестьянъ, составлявшихъ у поляковъ основаніе земледѣлія и сельскихъ промысловъ, за межевые знаки, которые всюду на свѣтѣ подвергались уничтоженію со временъ автора книги Іова, за смежныя пастбища, которыя не ссорили только такихъ людей, какъ праведный Авраамъ и праведный Лотъ, требовалъ отъ хозяина готовности отстоять свою собственность во всякое время; а кулачное право, преобладавшее въ Польшѣ надъ всякимъ закономъ, вело къ убійствамъ, которыхъ слѣд-

ствіемъ часто бывала баниція. Не всегда правый на дѣлѣ былъ правъ передъ закономъ; не всегда и обиженный зналъ мѣру самозащитѣ. То, что произошло въ послѣдствіи съ Богданомъ Хмельницкимъ, могло быть только повтореніемъ исторіи съ его отцемъ. То, что вообще происходило въ такъ называемой новой Польшѣ, было не болѣе, какъ повтореніемъ на новый ладъ старопольской исторіи. И какъ Запорожье было пріютомъ для людей, подобныхъ Богдану Хмельницкому, такъ новая Польша служила пристановищемъ выходцамъ, подобнымъ его отцу.

Михайло Хмельницкій понравился Регинѣ своими хозяйственными, а ея мужу — своими воинскими способностями. Когда состоялся брачный союзъ между старшею дочерью короннаго гетмана и богатымъ землевладѣльцемъ Даниловичемъ, онъ составилъ часть почта, съ которымъ новобрачная перешла въ домъ своего супруга. При дворѣ своего новаго патрона, въ замкѣ Олескѣ, Михайло Хмельницкій игралъ видную роль, тѣмъ болѣе, что былъ онъ человѣкъ, какъ говорилось тогда, письменный, умѣлъ вести экономическія дѣла высшимъ порядкомъ. Вскорѣ онъ получилъ еще болѣе почетное назначеніе. Вся Корсунщина и Чигиринщина на Украинѣ принадлежали къ помѣстнымъ владѣніямъ короннаго крайчаго Даниловича, носившаго титулъ корсунскаго старосты. Это значило, что онъ былъ въ тѣхъ пустынныхъ мѣстахъ вицекоролемъ и, въ интересахъ Рѣчи Посполитой, могъ распоряжатся такъ же самостоятельно, какъ и въ своихъ вотчинахъ. Чигиринщина, отдѣленная отъ Корсунщины звенигородскими землями, составляла отдѣльную территорію въ границахъ древнихъ мѣщанскихъ и новыхъ старостинскихъ займищъ, которыя документально были опредѣляемы лишь на случай претензіи другого помѣстнаго владѣльца. Доку-

ментальное свое займище среди займищъ, опредѣлившихся силою вещей, Даниловичъ поручилъ вѣдать экономически Михайлу Хмельницкому, подъ названіемъ своего писаря или администратора старостинскихъ доходовъ. Это былъ и важный и ничтожный постъ, смотря по человѣку. Хмельницкій умѣлъ придать ему относительную важность. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подумалъ и о собственномъ потомствѣ, по примѣру высшаго класса общества.

Не ограничиваясь домомъ въ самомъ Чигиринѣ, Михайло Хмельницкій, съ позволенія своего патрона, завелъ собственное земледѣльческое хозяйство на лѣвомъ берегу рѣчки Тясмина, въ лѣсистомъ урочищѣ Суботовѣ, верстахъ въ осьми отъ Чигирина. Позиція была опасная. Еще недавно за Тясминомъ кочевали татары; теперь они держались лѣваго берега Днѣпра, но могли нагрянуть на тясминскую осаду во всякое время дня и ночи. Полученное отъ пана старосты, какъ говоритъ преданіе, словесное дозволеніе занять займище значило бы много въ послѣдствіи; но вскорѣ послѣ солоницкаго побоища оно имѣло видъ взаимнаго одолженія. Татары ободрились тогда безсиліемъ козаковъ, и пограничная шляхта должна была усилить свою колонизаціонную дѣятельность. На мѣсто побитыхъ подъ Лубнями бунтовщиковъ, подстрекаемыхъ запорожцами, стали паны подкрѣплять пограничное козачество своими вассалами, и хозяйственная предпріимчивость такихъ людей, какъ Михайло Хмельницкій, совпадала съ ихъ цѣлями.

Въ исторіи пограничныхъ пановъ козацкое вассальство не было дѣло новое. Князь Димитрій Вишневецкій окруженъ былъ вассалами козаками. Князь Богданъ Рожинскій имѣлъ тотъ же характеръ козацкаго барона Князья Острожскіе держали при себѣ козаковъ постоянно. Всѣ украинскіе старосты,

собственно говоря были козацкіе предводители или повтореніе древнихъ дружинныхъ вождей. Но каждый изъ нихъ тянулъ къ политическому, а въ послѣдствіи и къ религіозному польскому центру, между тѣмъ, какъ существовало другое тяготѣніе въ той самой средѣ, къ которой они принадлежали по профессіи. Въ слѣдствіе этого тяготѣнія, произошелъ разладъ между козаками-вассалами и козаками-баронами. Оторвавшіеся отъ панской политической системы добычники привлекали къ себѣ остающихся въ правительственной власти, то есть такихъ, которые сидѣли семьями на панскихъ и старостинскихъ земляхъ, обороняя разомъ и собственное хозяйство, и хозяйство своего барона. Мы видѣли на Наливайкѣ, что между козаками вассалами и козаками-своевольниками существовала столь же могущественная сила взаимнаго притяженія, какъ и между баронами пограничныхъ и баронами внутреннихъ областей Рѣчи Посполитой. Ударъ, направленный Яномъ Замойскимъ и нанесенный козачеству Жовковскимъ, ослабилъ эту силу; но то было только кровопусканіе. Законы жизни и взаимной борьбы двухъ соціальныхъ организмовъ, Польши и Руси, продолжали дѣйствовать по прежнему и вели Польшу къ тому, что паны, поборовшіе одного Наливайка, вырабатывали въ собственной средѣ своей другого. „Такъ, видно, самому Господу Богу угодно (писалъ о козакахъ къ своему зятю князь Василій), чтобы что дальше, то все было хуже, какъ и та баба съ востока говорила проклиная". [1]) Эти неясныя слова были какъ бы предсказаніемъ грядущихъ бѣдствій, рождавшихся не только отъ пороковъ, но и отъ добродѣтелей польскорусскаго общества. Предоставленіе вассаламъ-козакамъ права на заселеніе пустынныхъ

---

[1]) См. томъ II стр. 2.

урочищъ не привлекло ихъ къ интересамъ пановъ на столько, чтобъ они совсѣмъ отчуждались вольныхъ бездомовниковъ. Бароны утступали вассаламъ то, чего не могли сами держать въ рукахъ, а вассалы, видя, что сила беззаконнаго Запорожья вліяетъ на ихъ судьбу больше, нежели сила панскихъ законовъ, волею и неволею становились въ нейтральное положеніе между польскимъ государствомъ и его русскими противниками, подобно кіевскимъ мѣщанамъ во время утопленія запоржцами королевскаго посла Глыбоцкаго. Такъ поступали даже независимые землевладѣльцы, даже королевскіе старосты со временъ Стефана Баторія [1]) почти вплоть до самой Хмельнищины; въ такомъ нейтральномъ положеніи держались и украинскіе мѣщане. Но, имѣя въ виду свои фамильные интересы, пограничные бароны Рѣчи Посполитой, подобно Яну Даниловичу, вѣровали, что колонизація пустынь посредствомъ шляхетныхъ слугъ, дворянъ по имени и козаковъ по профессіи, приведетъ къ окончательному устройству новой Польши на русской территоріи.

Разница между старинными Вишневецкими, Рожинскими, Сѣнявскими, Мелецкими и позднѣйшими Жовковскими, Даниловичами, Збаражскими, Конецпольскими, относительно козаковъ, состояла въ томъ, что прежніе пограничные паны гетманили козаками лично, а послѣдніе предоставляли дѣлать это своимъ „намѣстникамъ“ или избранникамъ козацкаго общества. Старинные пограничные бароны Рѣчи Посполитой ходили въ козаки собственною высокоименитою особою и, подобно Самуилу Зборовскому, лично погружались въ козацкую грубую, но геройски закаленную въ варяжской „буести“

---

[1]) Объ этомъ см. 1-й универсалъ Стефана Боторія въ Матер. для Ист. Возс. Р. т. I.

массу. Это потому, что у нихъ война составляла главную цѣль жизни, главное, крайне необходимое ремесло. Они, по требованію строгой и грозной нужды, были больше рыцари, нежели землевладѣльцы, и сабля давала имъ больше доходу, нежели сельское хозяйство. Но иначе относились къ рыцарскому ремеслу пограничники позднѣйшаго вѣка. Они съ интересами войны, какъ защиты и захвата, соединили интересы цивилизаціи, какъ спокойнаго пользованія и обогащенія. И все таки настоятельная надобность въ козакахъ не перемѣнилась. Перемѣнился только взглядъ на козачество. Передовой человѣкъ панской среды, Янъ Замойскій, во имя высшихъ цѣлей гражданственности, вооружился противъ запорожскихъ козаковъ всѣмъ своимъ вліяніемъ, и мечемъ Стефана Баторія отрубилъ головы двумъ именитымъ козацкимъ предводителямъ, Подковѣ и Зборовскому. Въ слѣдъ за тѣмъ, какъ мы видѣли, противъ козаковъ выступили три силы: королевская, панская и татарская, въ неественномъ между собой союзѣ, душой котораго явился могущественнѣйшій изъ русскихъ пановъ, князь Острожскій. Козаки-бездомовники вознепщевали тогда о своемъ побратимствѣ съ панами и непщуя утопили королевскаго посла, русина Глыбоцкаго, въ Днѣпрѣ, а противъ Острожскаго выступили подъ предводительствомъ его вассала Косинскаго. Соціальный характеръ всѣхъ этихъ событій сказывается въ самомъ актѣ примиренія князей Острожскихъ съ побѣжденными козаками подъ Пяткомъ. Уже и въ этой первой транзакціи съ козаками можно замѣтить дѣленіе ихъ на людей, склонныхъ къ миролюбивой сдѣлкѣ, и на рыцарей совершенно одичалыхъ,— дѣленіе, игравшее важную роль во всѣхъ послѣдующихъ транзакціяхъ. Много непонятнаго въ козакошляхетскихъ войнахъ объясняется тѣмъ, что одни козаки были зимовча-

ки, а другіе безхатники, одни были такъ называемые въ неродной поэзіи дуки-срѣбляники, а другіе—нетяги, одни—реестровики, а другіе — выписчики, одни принадлежали къ партіи анархіи, а другіе—къ партіи порядка, одни именовались коренными, старыми, лучшими козаками, а другіе—голотою, сѣромою, гультяями. Сущность всѣхъ этихъ различій заключалась въ томъ, что одни жили собственными домами даже въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ, а другіе, по словамъ кобзарской думы, лѣтомъ луги (то есть низовыя заросли) потирали, своимъ тѣломъ комаровъ, какъ медвѣдей, годували, а зимой находили себѣ пристанище только въ винокурняхъ, броварняхъ и лазняхъ, гдѣ бытъ ихъ представлялъ картину позднѣйшей паліевщины, изображенной намъ московскимъ попомъ Лукьяновымъ.

О происхожденіи козаковъ-нетягъ говорено было въ моей книгѣ довольно. Эти козацкіе виги были чадами всѣхъ нуждъ и несчастныхъ случаевъ, которыхъ такъ много приходилось терпѣть и простолюдинамъ, и самимъ панамъ въ землѣ, текущей молокомъ и медомъ. Что касается до козацкихъ торіевъ, то они произошли отъ разнообразнаго вассальства: во первыхъ, относительно самого короля, въ лицѣ его старостъ; во вторыхъ, относительно вотчинниковъ-мірянъ, и наконецъ, относительно вотчинниковъ-монастырей, которые, въ качествѣ хозяйственныхъ единицъ, обязаны были своими уставными грамотами содержать въ готовности ополченцевъ и имѣли даже собстоенные арсеналы. Въ началѣ всѣ пограничные паны хаживали въ козаки и назывались козаками, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ изданное Эразмомъ Гличнеромъ, въ Краковѣ, руководство для воспитанія дѣтей; потомъ подъ вліяніемъ своего корифея Замойскаго, понизили слово **козакъ** до уровня своевольнаго человѣка, рѣзко отдѣлили ко-

зака отъ рыцаря; но свидѣтельствомъ солидарности панскаго рыцарства съ рыцарствомъ козацкимъ остались понятія козаковъ о своей рыцарской славѣ, сохранившіяся донынѣ въ кобзарскихъ пѣсняхъ и думахъ. Съ своей стороны и козаки еще со временъ Зборовскаго выработали взглядъ на пановъ, какъ на людей изнѣженныхъ. Съ этимъ понятіемъ вязалось у нихъ понятіе о панской продажности, выраженное въ опасеніи: не для того ли плыветъ Зборовскій съ своими вассалами къ Порогамъ, чтобъ перебить запорожцевъ? Это опасеніе, основанное на дознанной уже въ тѣ времена козаками „неблагодарности" къ нимъ пановъ, подтвердилось двуличностью князя Острожскаго, который, подъ покровомъ дружбы съ кочевыми рыцарями, условился съ ханомъ ударить на нихъ съ верху и съ низу Днѣпра. Бились послѣ этого низовцы съ острожанами, но столкновеніе было ослаблено присутствіемъ пановъ, козацкихъ товарищей по войнѣ съ невѣрными: они сдѣлались медіаторами; они, очевидно изъ политико-панскихъ интересовъ развели двѣ озлобленныя другъ противъ друга силы. Нападеніе Косинскаго на Черкасы было повтореніемъ козацкаго мщенія другому аристократу, козацкому товарищу по оружію. Лобода, котораго Острожскій даже заочно титуловалъ паномъ, на салоницѣ, равно какъ и во всю компанію, является медіаторомъ между панскимъ и простонароднымъ элементами пограничнаго рыцарства. Бунтъ противъ Лободы и его смерть имѣли своимъ результатомъ страшное столкновеніе товарищей по профессіи, котораго онъ могъ бы не допустить, какъ человѣкъ одного пошиба съ Сагайдачнымъ.

И прежде лубенской катастрофы, и въ слѣдъ за нею, пограничное рыцарство строитъ себѣ замки, ограждая новыя хозяйственныя займища. Въ этихъ замкахъ продолжаетъ гнѣз-

дится такое же по своему назначенію козачество, какое мы знаемъ со временъ Димитрія Сангушка въ замкѣ Острожскомъ, но уже съ вримѣсью западной образованности, съ примѣсью утонченныхъ рыцарскихъ понятій о достоинствѣ воина, хозяина и семейнаго человѣка. Оно словомъ козакъ пренебрегаетъ; оно присвоиваетъ это имя только легкой своей конницѣ, да тѣмъ слугамъ, которые прежде именовались путными боярами. Но вдали отъ него посѣвъ козачества, сдѣланный Дашковичами, Вишневецкими, Рожинскими, далъ урожай некультивированный, и такова была сила вещей, создавшая козачество, что послѣдователи самаго радикальнаго противника козаковъ, Яна Замойскаго, червонноруссkіе бароны, не столько систематически, сколько по указанію самой жизни, искали медіаторовъ, которые бы, соединяя въ себѣ элементы дикаго развитія съ развитіемъ культурнымъ, помогали имъ въ ихъ великомъ по намѣренію дѣлѣ—придвинуть Русь къ берегамъ Чернаго моря, какъ придвинули ее во времена оны князья Гедиминовичи и какъ связалъ было ее съ моремъ Казиміръ III, великій, подобно червонорусскимъ баронамъ, по намѣреніямъ, но не по результатамъ. Такими медіаторами, какъ мы знаемъ, были: стремившійся къ осѣдлой жизни Григорій Лобода, панскій домашній козакъ и совѣтникъ Янъ Бѣлецкій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ Конашевичъ-Сагайдачный, не говоря о козацкихъ уполномоченныхъ, носившихъ большею частію шляхетскія имена,—и такимъ же среднимъ пропорціональнымъ представителемъ панскаго и козацкаго, рыцарски-аристократическаго и рыцарски-демократическаго элемента является теперь нашъ Михайло Хмельницкій, въ качествѣ панскаго вассала и козацкаго товарища.

Михайло Хмельницкій сѣлъ на рѣчкѣ Тясминѣ, на ея возвышенномъ лѣсистомъ берегѣ, козакомъ, а не шляхтичемъ,

какъ слѣдовало бы ожидать отъ шляхетнаго слуги пана Даниловича, потомка князя Данила Галицкаго. Въ то время существовала неудобоопредѣлимая черта, затертая хаотическимъ смѣшеніемъ событій и юрдическихъ актовъ, которые весьма часто извращаютъ смыслъ исторической дѣйствительности,—черта между территоріею шляхетскою и территоріею козацкою. Тотъ же самый Михайло Хмельницкій въ окрестностяхъ Львова устроилъ бы шляхетскую слободу, а между Корсунемъ и Чигириномъ ему необходимо было основаться хозяйствомъ на казацкій ладъ и самому неизбѣжно сдѣлаться козакомъ. Но его вассальскія отношенія къ потомку князя Данила не измѣнились ни мало. Онъ, съ своими козаками слобожанами, составлялъ аванпостъ колонизаціи, двигавшейся все далѣе и далѣе въ пустыни во имя „милостиваго пана," пограничнаго барона, польскорусскаго маркграфа Даниловича, то какъ вотчиннаго, то какъ помѣстнаго владѣльца. Онъ дѣлалъ обычные разъѣзды; онъ стоялъ по ночамъ на чатахъ; онъ гонялся за татарами, какъ охотникъ за звѣремъ; онъ давалъ подмогу своими охочекомонниками старостинскимъ чатовникамъ, съ которыми имѣлъ такое быстрое и постоянное сообщеніе, какое доступно не для всякой почтовой гоньбы. При этомъ онъ былъ еще и писаремъ, что значитъ актуаріемъ старостинской конторы въ Чигиринѣ. И въ такой то полуцивилизованной, полукочевой жизни протекло дѣтство Богдна Хмельницкаго, о которомъ упоминаютъ лѣтописи этого періода только по случаю смерти отца его на Цоцорѣ, гдѣ онъ подвизался, въ качествѣ панскаго вассала, вмѣстѣ съ единственнымъ, еще несовершеннолѣтнимъ сыномъ. Богданъ Хмельницкій видалъ въ дѣтствѣ и панскіе дворы въ странѣ, довольно высоко цивилизованной, и казацкія чаты въ виду татарскихъ передвижныхъ улусовъ. Какъ человѣкъ домашній

и въ панскомъ обществѣ необходимый, отецъ имѣлъ случай дать ему такое образованіе, какое получали дѣти баронскаго дома. Мы по Журковскому знаемъ, что слуги-шляхтичи не уступали своимъ господамъ въ образованности, а часто дѣлались ихъ наставниками, руководителями и даже біографами. Панъ былъ у себя дома тотъ же король; и шляхтичъ-слуга былъ у пана тотъ же камеръ-пажъ, камеръ-юнкеръ, камеръ-герръ и т. д. Раздробленное на куски зеркало польскаго монархизма въ каждомъ кускѣ и кусочкѣ изображало одно и то же.

Для насъ изученіе панской среды на русскомъ пограничьѣ важнѣе фактовъ, записанныхъ малорусскими лѣтописями. Для насъ тѣмъ интереснѣе знать, какія въ ней господствовали мнѣнія, родники историческихъ событій, что эти мнѣнія имѣли вліяніе не на одного Богдана Хмельницкаго, военнаго дѣятеля мѣстной исторіи: онѣ воспитали и Петра Могилу, знаменитаго въ лѣтописяхъ мѣстнаго просвѣщенія. Дѣтство Петра Могилы совпало съ дѣтствомъ Богдана Хмельницкаго. Петръ Могила принадлежалъ тамъ къ кругу патроновъ, гдѣ Богданъ Хмельницкій вращался въ кругу кліентовъ. Общественныя понятія обоихъ складывались подъ вліяніемъ одинаковыхъ, если не однихъ и тѣхъ же авторитетовъ. Криницы, изъ которыхъ истекли невѣдомые, забытые или упущенные изъ виду притоки нашей исторической жизни, скрываются въ подгорской почвѣ. Наблюдая ходъ событій въ ихъ историческомъ развитіи, необходимо знать вліявшія на него начала.

„Больше нежели меду и молока на землѣ русской (говоритъ Шайноха) было правдивости, просвѣщенія, сердечной и умственной возвышенности у жителей пограничныхъ замковъ", и это совершенно справедливо, когда брать вещи безотноси-

тельно къ отеческой религіи этихъ жителей и къ отеческимъ ихъ преданіямъ. „Сама добродѣтель становится порокомъ, когда употребляется ошибочно“: эти слова, сказанныя Шекспиромъ за два слишкомъ столѣтія до Шайнохи, въ мрачный годъ обнародованія церковной уніи,—могли бы служить эпиграфомъ въ борьбѣ польскаго элемента съ русскимъ; и самъ Шайноха, вдохновенный грустнымъ сравненіемъ героическихъ дѣяній съ ихъ результатами, изобразилъ, въ одномъ мѣстѣ, добродѣтели предковъ своихъ въ видѣ пороковъ. Онъ говоритъ:

„Одною изъ причинъ, ускорившихъ приближеніе грозной бури, было, увы! видимое благосостояніе нашего отечества, подогрѣвавшее какъ полуденное солнце отважный и честолюбивый духъ старшей и младшей шляхетной братіи. Каждый шляхтичъ на своей загородѣ считалъ себя равнымъ воеводѣ, а каждый воеводичъ или каштеляничъ смотрѣлъ на себя, какъ на удѣльнаго князя, сознавалъ за собой право верстаться значеніемъ съ князьями царствующими, заключать съ ними союзы и коллигаціи, искать себѣ наслѣдства ихъ престола. Этимъ способомъ вошло въ обычай думать больше всего о себѣ, и мало по малу изчезала всякая возможность соединенія гордыхъ умовъ въ одно великое, общее предпріятіе. Общественная связь начала распадаться. Необузданныхъ своевольниковъ, составлявшихъ общество, не возможно было ничѣмъ связать въ какой либо союзъ. Сколько разъ ни предпринимала королевская власть отражать наступательно внѣшнія опасности, съ каждымъ разомъ становилось все труднѣе и труднѣе согласить общество или надостаточную поддержку войны, или даже на самое начало ея. А лишь только недостаточно поддержанная война приводила къ сомнительному миру, тотъчасъ находились отдѣльные витязи, охотники воевать собственными средствами, и дерзкимъ задираніемъ непріятеля рвали перемиріе съ нимъ. Былъ у насъ

миръ съ царствомъ Московскимъ, когда Мнишки повели въ него своего зятя Димитрія и зажгли многолѣтнюю московскую войну, въ которой частію неспособность и упорство короля Сигизмунда Вазы, а частью недостаточность усилій со стороны края помѣщали желанному результату. Былъ у насъ миръ съ Турціей, когда польскіе свояки низведеннаго турками господаря Могилы стали добиваться родственной Волощины и тѣмъ привлекли окончательно восточную бурю на землю Рѣчи Посполитой, которая, по словамъ Яна Собѣскаго, и на сей разъ „мало о себѣ заботилась или лучше сказать повелѣла обороняться, тогда какъ для этого не было ни войска, ни денегъ"…. Для гордости и честолюбія шляхты, избалованной удачами, (продолжаетъ Шайноха) условія заключеннаго съ турками въ 1617 году мира показались унизительными. Начался новый рядъ войнъ съ турками, прерываемый болѣе или менѣе продолжительными перемиріями; и тяжко налегли эти войны на народъ, не давая судьбамъ его развиваться безпрепятственно".

Но здѣсь лучшій изъ польскихъ историковъ ошибается. Не на поляковъ, а на насъ, на отособленную русь, падали всею своею тяжестью войны, затѣваемыя въ интересахъ римской политики, нераздѣльной съ польскою, и еще больше—тѣ войны, которыя велись въ интересахъ панскихъ когортъ во имя политики государственной. Каждая катастрофа польской общественной жизни, кто бы въ ней ни страдалъ, кто бы ни торжествовалъ, сопровождалась разливомъ нашей крови. Мы въ польскомъ обществѣ были руками, наносившими удары; мы были въ немъ грудью, получавшею раны отъ оружія непріятельскаго. Коренные полонусы на Вислѣ давнымъ давно удовлетворились политическою и военною славою своихъ Мечиславовъ, Болеславовъ, Казимировъ. Они, по словамъ геральдика

Папроцкаго, жаждали уже только торговать волами да наполнять житомъ закрома. Они перестали уже „звонить въ прадѣднюю славу", облѣнились, защеголялись, запьянствовались, изолгались, исплутовались, и поэтому то на сеймахъ постановляли своимъ большинствомъ рѣшенія, надъ которыми такъ горько смѣялся нашъ воинственный русинъ, Янъ Собѣскій. Даже Папроцкій, будучи что называется малымъ земли, уже во второй половинѣ XVI столѣтія, съ презрѣніемъ бросалъ въ нихъ такими, на примѣръ, сарказмами: „Не въ томъ, господа, вольность, чтобы щеголять пестрыми одеждами: вы бы освѣдомились о ней у тѣхъ, которые побывали въ татарскихъ лыкахъ". [1]) Когда польскіе мемуары изображаютъ геройскія дѣянія, колонизаціонные труды и бѣдствія воинственной части польскаго общества, они говорятъ о н а с ъ, не называя насъ по имени. Русская исторіографія до сихъ поръ упускала это изъ виду; но, изображая судьбы великаго русскаго міра въ связи съ политическими стремленіями католичества, она должна расширить горизонтъ своихъ наблюденій...

---

[1]) Татары ходили въ Польшу почти безъ всякаго вооруженія, съ одними лыками за поясомъ, которыми они вязали руки своему ясыру. — Ради чрезвычайной рѣдкости книги Папроцкаго, привожу подлинные стихи его о польскихъ панахъ:

Ktorzy wolności pragną tylko kupczyć woły.
Żyta nawieść zasieki pełne do stodoły.
Nie toć wolność panowie we pstrych saianikach:
Czyni o tym znać dali, co iuż byli w łykach.

ГЛАВА XXIX.

Русскіе памятники въ Царьградѣ. — Совмѣстныя бѣдствія козаковъ-аристократовъ и козаковъ демократовъ.—Первый укротитель козацкой завзятости преподаетъ практическіе уроки будущему губителю шляхетской культуры. — Первое паденіе Польши. — Мысль о завоеваніи Крыма.

Въ интересахъ идеи болѣе важной, я рѣзко прервалъ во второмъ томѣ повѣствованіе о благороднѣйшемъ изъ русиновъ, измѣнившемъ нашей народности. Его кровавая судьба дала возможность осуществиться самому плодотворному предпріятію, какое когда либо совершали представители южнорусской церкви. Иначе услуга Конашевича-Сагайдачнаго не понадобилась бы королю до такой крайности, и королевская партія не присмирѣла бы до такой уступки православію, какъ существованіе православной митрополіи въ виду митрополіи уніятской.

Жовковскій жаждалъ смерти, въ оправданіе свое передъ неблагодарною Рѣчью Посполитою. Онъ всегда желалъ умереть за отечество, и смерть его дѣйствительно послужила возрожденію отечества, но только не того, которое указано ему латинопольскими прелатами. Отечество, созданное римскою куріею для нашихъ „по истинѣ безупречныхъ и знаменитыхъ Геркулесовъ“, напрасно держали они на своихъ мощныхъ плечахъ. Не смотря на эти гигантскія каріатиды, нагроможденное

хаотически зданіе рухнуло на головы своимъ защитникамъ, завалило ихъ безобразными развалинами, и только въ наше время исторія начинаетъ различать ихъ благородныя черты среди безцвѣтнаго мусора. Дороги намъ воспоминанія о русскихъ герояхъ, которыхъ возвышенныя чувства эксплоатировали іезуиты и всякіе ксензы для своихъ низкихъ или нелѣпыхъ цѣлей. Не смотря на искаженіе, которымъ чуждая сфера жизни подвергла родные намъ по характеру образы великихъ русичей, мы вносимъ ихъ въ пантеонъ отечественной исторіи. Мы не хотимъ разстаться съ Жовковскимъ при плескахъ радости надъ его обезглавленнымъ трупомъ. Мы послѣдуемъ за его Одиссеевскою головою въ Царьградъ.

Она послужила блистательнымъ трофеемъ турецкому оружію: ее повѣсили на цѣпи подъ аркою громадныхъ воротъ, по имени которыхъ имперія оттомановъ прозвала себя Высокою Портою, и турецкій пѣвецъ наругался надъ нею вульгарнымъ четверостишіемъ, объясняя въ немъ чалмоносной публикѣ, что голова лехитскаго сердара не заслуживаетъ высшаго мѣста въ диванѣ падишаха. Но въ русскихъ преданіяхъ это трагическое зрѣлище вяжется съ воспоминаніемъ объ Олеговомъ щитѣ, повѣшенномъ на вратахъ Цареграда, и объ унесенныхъ изъ Кіева Золотыхъ Воротахъ, которыя то блистали надеждою, то померкали отъ унынія, смотря по тому, съ какимъ чувствомъ относились къ нимъ русскіе люди. Тройственный памятникъ русскаго духа составилъ полный аккордъ величавыхъ и горестныхъ воспоминаній въ томъ Цареградѣ, гдѣ, по преданію, еще во времена греческаго господства стояла на гипподромѣ статуя, пророчествовавшая своею надписью о завоеваніи этого города русью.

И видѣли многіе подъ гордою аркою оттоманскихъ воротъ обезображенную смертью голову пана Станислава; и дошелъ

слухъ о томъ до его Андромахи. Регины Гербуртовны; и каждый, кто чуетъ въ исторіи ту жизнь, которою мы продолжаемъ жить среди нашихъ близкихъ и дорогихъ, пойметъ, какою музыкою загремѣла эта вѣсть въ сердцѣ Регины. Съ мужемъ отправился на войну единственный сынъ ихъ, Янъ. Раненый въ ногу на Цоцорѣ, онъ очутился въ плѣну у перекопскаго санджака: добыча драгоцѣнная! Счастливый татаринъ требовалъ за выкупъ гетманича громадную по тому времени сумму—200.000 талеровъ.

Все это сдѣлалось извѣстнымъ не вдругъ въ подгорскомъ замкѣ, ностроенномъ доблестною Региною. Какъ бы щадя любящее сердце, сперва носились приготовительные, темные и разнорѣчивые слухи. Пограничные замки червоннорусскихъ пановъ, по выступленіи въ походъ мужей, братьевъ, сыновей, рѣзко превращались изъ оживленнаго военнаго стана въ безмолвные монастыри. Женщины, до тѣхъ поръ дѣятельныя участницы походныхъ приготовленій, принимали на себя долгъ молитвы и, по духу вѣка, по обычаямъ религіозной практики, одѣвались въ монастырскія черныя рясы, въ монашескіе черные съ бѣлымъ капюшоны. Фамильныя галлереи портретовъ, уцѣлѣвшихъ со временъ оныхъ, полны изображеніями инокинь. То были жены, сестры, дочери козакующей шляхты, заблаговременно обрекшія себя на трауръ. Въ такомъ видѣ дошелъ до насъ и величавый ликъ Регины. Сохранились письма Станислава Жовковскаго, полученныя отъ него Региною изъ за Днѣстра, изъ этой Волощины, которая была ареною стольких рыцарскихъ подвиговъ съ того отдаленнаго времени, когда братья Струси еще не сознавали различія между паномъ и козакомъ, когда родовитые защитники Поднѣстрія были еще русскими среди русскаго народа, и когда о нихъ, какъ въ послѣдствіи объ неизвѣстныхъ въ исторіи Ганжахъ Андыбе-

рахъ, складывались пѣсни, quae dumae vocantur. Въ этихъ письмахъ crescendo сгущается мракъ великой бѣды, наступавшей на козаковъ-акратористовъ за Днѣстромъ. Ихъ печальная прелесть не замѣнима ничѣмъ для польскаго уха, но русскому чувству сказывается въ нихъ та мужественная поэзія, которая въ Словѣ о Полку Игоревѣ ярко живописуетъ намъ изчезнувшее варяжское общество, протопластъ общества полонокозацкаго. И, какъ Ярославна плакала въ пограничномъ городѣ Путивлѣ, такъ Регина тревожилась и тосковала въ своемъ украинномъ замкѣ-монастырѣ.

Нѣтъ, Регина была не способна, подобно Ярославнѣ, безполезно летать зегзицею по дунаевѣ. Она была родственна первой великой русской женщинѣ Ольгѣ: она любила мужа героически, опа служила ему правой рукой, и по его смерти думала только о кровавой тризнѣ. Такая женщина, какъ Регина, снилась въ поэтическомъ снѣ юному генію Мицкевича, когда онъ пробовалъ свои новыя струны, чтобы принести дань сочувствія литовскорусскимъ Гезанямъ, Кадынямъ, Бирутамъ и другимъ пересоздательницамъ Литвы въ Русь, которыя зачастую спасали мужей своихъ отъ позорныхъ узъ и отъ самой смерти. Прежде всего обратилась Регина къ своему племяннику по сестрѣ, Ѳомѣ Замойскому. Въ качествѣ самостоятельнаго государя, кіевскій воевода Ѳома Замойскій не счелъ почему то нужнымъ принять участіе въ походѣ, на которомъ, какъ читатель, конечно, помнитъ, настаивала мѣстная шляхта, терроризуя по козацки своего Гектора. Недавно женился онъ на княжнѣ Острожской и занимался устройствомъ своего государства съ той беззаботностью о цѣломъ краѣ, которая погубила его предковъ, удѣльныхъ князей, не образумленныхъ дяже и такими предостереженіями, какъ вдохновенная пѣснь о рѣкѣ Каялѣ. Регина отправила къ нему

гонца, прося, требуя и заклиная всѣмъ святымъ спѣшить на выручку руководителя юности его, друга отца его, благороднѣйшаго изъ опекуновъ его. Нигдѣ не щадила Регина ни денегъ, ни просьбъ, ни мужественнаго краснорѣчія Девворы, гдѣ только представлялась возможность собрать какое бы то ни было войско. Она нанимала ветерановъ шляхтичей, густо сидѣвшихъ по Подгорью въ своихъ загродахъ съ гордымъ спокойствіемъ воеводъ; [1]) нанимала и козаковъ, которымъ такъ же, какъ и ихъ антиподамъ—шляхтѣ, мало было дѣла до того, что у сосѣда занялась уже хата. Среди хаоса соціальныхъ понятій и воззрѣній, отличавшаго польско-русское общество, героическая Регина Гербуртовна явилась такимъ же вдохновительнымъ дѣятелемъ, какъ и та, которая взывала нѣкогда къ разъединенному Израилю: „Полно вамъ сидѣть между овчарнями да слушать блеяніе стадъ! полно вамъ надмѣваться о себѣ и отстраняться отъ вашего дѣла! Проклятъ городъ Мерозъ! прокляты жители его, за то, что не пришли въ помощь Господню, въ помощь Господню къ героямъ“! [2]) Регина, подобно дочери Лапидоѳовой, быстро собрала войско, и самъ панъ воевода кіевскій, на челѣ восьми сотъ надежныхъ рыцарей, оставилъ свое самостоятельное государство—свои обширныя влости и королевщины. Но было уже поздо.

Уже бѣглецы съ цоцорскаго побоища наполнили все Подгорье страшными вѣстями. Погибли всѣ паны съ своими блестящими почтами; погибли и всѣ козаки, панскіе пріятели или наемники. Палъ и коронный гетманъ, представитель силы аристократической; палъ и Михайло Хмельницкій, о которомъ

---

[1]) Szlachcic na zagrodzie rówien wojewodzie (пословица).

[2]) Книга Судей, гл. V, ст. 16, 23.

никто еще не могъ тогда сказать, которую изъ двухъ противодѣйственныхъ силъ представлялъ онъ, оборѳняя своими чигиринцами имущественные интересы Даниловича, но котораго смерть, однакожъ, запесена въ современные мемуары. Ужасъ воображенія, наведенный на все общество приливавшими съ каждымъ днемъ новыми и новыми вѣстями, смѣнился наконецъ ужасомъ реальнымъ. Тотъ самый Скиндеръ-баша, съ которымъ панъ Ожга, отъ имени Жовковскаго, такъ внушительно бесѣдовалъ надъ Днѣстромъ, разбилъ теперь Жовковскаго на голову, и все Поднѣстріе наводнилъ татарами. Пожары и плѣненія обняли со всѣхъ сторонъ замокъ Жовкву, и Кантемиръ, гордый мурза, памятный читателю по 1617 году, грозилъ овладѣть всѣмъ домомъ лехитскаго сердара. Собранныя Региною ополченія едва успѣли охранить ея резиденцію среди тѣхъ ужасовъ, которые совершались въ непосредственной ея близости. Цѣлый мѣсяцъ наполняли татары львовское Подгорье своими загонами, собирая по селамъ и фольваркамъ ясыръ, угоняя стада, истребляя огнемъ постройки и хлѣбные запасы. Города и замки оборонялись; нѣкоторые землевладѣльцы оплачивали свои хозяйства данью. Татарскіе коши или таборы обращались въ ярмарки, гдѣ продавались плѣнные мужчины, женщины и дѣти вмѣстѣ съ захваченнымъ скотомъ и драгоцѣнными для пановъ и мужиковъ церковными утварями. Въ татарскихъ таборахъ узнавали, гдѣ искать знатныхъ пановъ, зажиточныхъ шляхтичей, поповъ, попадь и поповенъ, уведенныхъ въ татарскую и турецкую неволю. Узнали тамъ и о томъ, гдѣ находится тѣло коронпаго гетмана. Оно, какъ цѣнный товаръ, объявлено въ продажѣ безъ головы. Голова оцѣнена въ извѣстную сумму отдѣльно.

Обстоятельства, предшествовавшія катастрофѣ, характери-

стичны, и мы должны на нихъ остановиться, чтобъ возымѣть болѣе точное понятіе о той малочисленной, всегда малочисленной дружинѣ русской шляхты, которая такъ долго сдерживала напоръ на культивированную Русь азіятской дичи и обуздывала номадные инстинкты козаковъ.

Жовковскаго выпроводили въ походъ съ обѣщаніемъ прислать подкрѣпленіе, и, какъ водилось у шляхетской республики, не прислали. Съ другой стороны обманулъ его волошскій господарь Граціанъ, обѣщаніемъ присоединиться къ нему съ значительными силами. Пришлось воевать какимъ нибудь восьми тысячамъ противъ многихъ десятковъ тысячъ турокъ и татаръ. Но превосходство вооруженія и военнаго искусства совершенно обезпечивало Жовковскому отступленіе. Онъ умудрялся даже давать азіятцамъ битвы въ открытомъ полѣ; онъ разгонялъ ихъ во всѣ стороны и опять замыкался въ свой таборъ, окруженный по козацки тремя рядами сомкнутыхъ возовъ. Такъ небольшое, но сравнительно сильное войско отступало, безпрестанно грозя непріятелю новымъ ударомъ. Пришли наконецъ къ Пруту и 12 сентября расположились въ тѣхъ самыхъ окопахъ на широкой долинѣ Цоцорѣ, гдѣ, 24 года тому назадъ, Жовковскій вмѣстѣ съ Яномъ Замойскимъ отстояли волошское господарство въ пользу Іереміи Могилы. Коронный канцлеръ, онъ же и гетманъ, открылъ съ Искандеръ-башею переговоры, въ надеждѣ выиграть время, въ которое бы подоспѣло отъ короля обѣщанное подкрѣпленіе. Но воюющія стороны обмѣнивались не одними только словами. Скиндеръ-баша частыми натисками на польскіе окопы давалъ осажденнымъ чувствовать опасность ихъ положенія въ чужомъ краѣ, среди многочисленнаго непріятеля; а Жовковскій считалъ необходимымъ отъ времени до времени внушать азіятцамъ почтеніе къ превосходству своего оружія. Игра со-

стороны польскихъ русичей была опасная; но они въ этомъ не смѣли другъ другу признаться. Звѣзда Жовковскаго стояла еще высоко. Его спокойствіе дѣйствовало на окружавшихъ его пановъ магически. Но то былъ послѣдній моментъ вліянія полководца на колеблющееся въ духѣ своемъ войско. Еще наканунѣ постыднаго бѣгства осажденные дали въ открытомъ полѣ шестичасовую битву, и только ночь развела ихъ съ непріятелемъ. Геройскій легіонъ казался еще сильнымъ. Но двѣнадцать предшествовавшихъ дней упорной обороны, при недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, при истощеніи боевыхъ снарядовъ, при совершенной неизвѣстности, идутъ ли на выручку обѣщанныя подкрѣпленія, надломили духъ предвотителей конныхъ отрядовъ. Знатные паны, участвовавшіе въ походѣ своими шляхетными почтами, возымѣли несчастную мысль— оставить таборъ, переправиться ночью черезъ Прутъ и лѣвымъ берегомъ бѣжать къ польскорусской границѣ. Тогда войско раздѣлилось на двѣ партіи: одна вѣровала въ искусство предводителя; другая бредила бѣствомъ. Военный совѣтъ превратился въ крикливую сеймовую толпу. Подъ вліяніемъ увѣренности въ неизбѣжной гябели, забыты были и слава, и опытность вождя. Къ ночи весь лагерь пришелъ въ безпорядокъ. Всадники, полагавшіеся на быстроту своихъ коней, толпами стали переправляться черезъ Прутъ. Татары между тѣмъ свѣдали о разладѣ въ непріятельскомъ стану и заскочили бѣглецамъ дорогу. Остававшимся въ таборѣ слышны были крики тонущихъ на переправѣ, сливавшіеся съ отдаленнымъ гуломъ разсыпного боя и погони. Войско, еще недавно сильное, готово было разбѣжаться во всѣ стороны, какъ испуганное стадо. Удерживала его въ окопахъ только стоическая твердость полевого гетмана Конецпольскаго да нѣсколькихъ ротмистровъ, которые рѣшились умереть вмѣстѣ

съ своимъ предводителемъ. Все таки въ таборѣ осталось около четырехъ тысячъ воиновъ, и съ этою горстью надобно было выиграть кровавую игру у многолюдныхъ азіятскихъ полчищъ.

Спокойствіе, съ которымъ въ это время Жовковскій увѣдомлялъ короля о своемъ положеніи, ставитъ его наравнѣ съ полководцами классической древности. Онъ описывалъ, какъ отражены мусульмане отъ окоповъ, какъ потомъ, съ общаго согласія всего рыцарства, войско вышло въ поле aperto Marte [1]) стройными рядами и отъ полудня до самой ночи билось мужественно въ теченіе шести часовъ, такъ что дѣло между двумя воюющими сторонами стояло, по его выраженію, aequo Marte, [2]) и потомъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ упоминалъ о бѣгствѣ своихъ союзниковъ, не называя никого по имени.[3]) Далѣе онъ говоритъ, что все это предвидѣлъ, что онъ заблаговременно просилъ о подмогѣ, что подмога теперь крайне нужна; но въ его реляціи нѣтъ ни упрековъ, ни тщетныхъ сѣтованій, ни даже героической театральности. „Я увѣренъ (говоритъ онъ), что ваша королевская милость благоволите не забыть о насъ. Мы между тѣмъ ad extremum halitum [4]) сохранимъ вѣрность къ вашему королевскому величеству и любовь къ отечеству". Наконецъ увѣдомляетъ о раненыхъ

---

[1]) Наступательнымъ боемъ.

[2]) Равносильнымъ боемъ.

[3]) Były rzeczy dobrey nadziei (писалъ Жовковскій), że potężnie i daley mogliśmy czynić przeciwko temu nieprzyiacielowi; lecz nazaiutrz, to iest w niedzielę, niemała część ludzi naszych, ktorzy z woyska vciekli, pomieszali nam rzeczy. Nie mianuię na ten czas nikogo, wszak sami tam się vkażą, ktorzy nas tak nieprzystoynie odbieżeli, acz wątpię, żeby ich wiele miało viść.... I ci źli, niebaczni ludzie wszystko woysko zatrwożyli, że blizko tego było, iż iuż wszystko woysko do takowegoż sromotnego vciekania miało się vdać.

[4]) До послѣдняго издыханія.

и, упомянувъ о своемъ племянникѣ и сынѣ, прибавляетъ небрежно, что ранены они не опасно,—вылечатся. Но тутъ онъ горестно ошибался, какъ объ этомъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Еще рельефнѣе выступитъ нравственный образъ Жовковскаго, когда сравнимъ его реляцію съ частнымъ письмомъ пана Мясковскаго, отправленнымъ изъ лагеря черезъ день послѣ гетманской реляціи. Тотъ, не щадя малодушныхъ, перечисляетъ славныя въ Польшѣ имена цоцорскихъ бѣглецовъ, а въ шифрованной припискѣ открываетъ весь ужасъ своего положенія: „Турки и татары облегли насъ кругомъ. Видимъ передъ собой одну смерть и гибель. Непріятель подѣлалъ тутъ же шанцы и коши; пушечныя ядра летятъ въ гетманскія палатки; пороху у насъ не хватаетъ; нѣкоторые ѣдятъ уже конину. А тутъ дождь, холодъ. Все пропало отъ этого бѣгства. Мы уже погибли".

При такихъ обстоятельствахъ, число непріятелей, какъ обыкновенно бываетъ, сильно преувеличивалось. Самъ Жовковскій полагалъ ихъ не менѣе 60.000; добытые языки увѣряли, будто бы турокъ и татаръ не менѣе 100.000. Оставалось, по видимому, только погибнуть. Но геній одаренъ духомъ изумительной жизненности, которая работаетъ въ немъ съ удвоенною силою, когда люди обыкновенные опускаютъ руки, и въ моменты безнадежности, больше нежели когда либо, отличаетъ его отъ менѣе живучихъ индивидумовъ. По словамъ самого Жовковскаго, все войско было близко къ тому, чтобы обратиться въ такое же постыдное бѣгство, какому предались предводители конныхъ отрядовъ; и однакожъ это подорванное и деморализованное соблазнительнымъ примѣромъ войско умѣлъ онъ удержать въ окопахъ еще шесть сутокъ. Онъ озадачивалъ непріятеля искусными

движеніями, манилъ его обольстительными переговорами и останавливалъ рѣшительные натиски татаръ геройскими схватками, а между тѣмъ готовился къ ретирадѣ, которая превзошла бы славою своею извѣстное намъ отступленіе стариннаго аристократа—козака Мелецкаго, [1]) еслибъ въ теченіе двухъ поколѣній паны не отвыкли отъ старинной простоты быта и выносчивости,—качествъ, которыми теперь отличались козаки-демократы, запорожскіе безхатники. Не даромъ Жовковскій насчитывалъ на вѣку своемъ 30 татарскихъ набѣговъ великою ордою: онъ умѣлъ обходиться съ азіятцами, какъ охотникъ съ опаснымъ, но трусливымъ звѣремъ. Въ теченіе шести дней, войско не только было подъ оружіемъ: оно пересмотрѣно, переформировано, пріучено къ занятію новыхъ позицій; возы перебракованы; оружіе и запасы размѣщены сообразно предполагоемому способу путевой атаки; раненые распредѣлены по центрамъ движенія. Въ день Архистратига Михаила, во вторникъ передъ вечеромъ, начало войско отступленіе, прославленное даже въ турецкихъ лѣтописяхъ, какъ нѣчто чрезвычайное. Поражали турокъ сомкнутые тремя рядами, „на подобіе батарей", возы, изъ за которыхъ существовавшія только у нихъ на бумагѣ 20.000 пѣхоты и 30.000 конницы „стрѣляли на всѣ стороны"; самого Зылкуша (Жовковскаго) описываютъ они, какъ героя, который, напередъ уже постановилъ пролить свою кровь въ отчаянной битвѣ.

Семь дней и семь ночей отступалъ Станиславъ Жовковскій, совершая величайшій изъ военыхъ подвиговъ своихъ, и— дивная случайность! въ послѣднемъ, геніальнѣйшемъ изъ своихъ походовъ давалъ онъ молодому питомцу ярославскихъ іезуитовъ и днѣпровскихъ козаковъ первые уроки стратегіи

---

[1]) См. томъ I, стр. 77.

и тактики, которые тотъ, черезъ 28 лѣтъ съ такимъ успѣхомъ приложилъ къ истребленію панскихъ ополченій. Въ цоцорскихъ окопахъ и въ знаменитомъ отступленіи съ долины Цоцоры молодой Богданъ Хмельницкій видѣлъ и слышалъ много такого, что никогда не забывается. Онъ видѣлъ впервые, какъ мало солидарны между собою паны, изъ которыхъ каждый смотрѣлъ вѣнценосцемъ. Онъ видѣлъ впервые, къ чему способенъ козакъ, питающійся одною соломатою. Онъ видѣлъ въ первый и конечно въ послѣдній разъ, какъ много можетъ дѣлать одинъ человѣкъ, употребившій 44 года на то, чтобы, по его собственному выраженію, держать на своихъ плечахъ всю Рѣчь Посполитую. Ночи проводилъ Жовковскій въ трудной ретирадѣ по мѣстамъ бездорожнымъ, перерѣзаннымъ байраками, болотистыми „балками", вязкими „млаками", камышчатыми рѣчками; дни употреблялъ онъ чаще всего на отраженіе постоянно возобновляемыхъ приступовъ. Медленно подвигалось войско впередъ, подобно живому замку, фланкированному пушками и сплошными рядами возовъ. Таборъ составлялъ параллелограмъ въ 600 шаговъ длины, въ 300 шаговъ ширины, и когда останавливался, это значило, что татары, забѣжавъ на передъ, расположились кошемъ, черезъ который надобно было проложить дорогу наступательнымъ боемъ. Въ польскомъ стану были не только ученые иностранцы, но и молодые паны, почти совсѣмъ не умѣвшіе говорить по польски. За то они изучили военное искусство тамъ, гдѣ цѣлый XVI вѣкъ и начало XVII-го города, арміи и государства упражнялись почти исключительно только въ наукѣ обороны и нападенія, при пособіи возродившихся въ новомъ блескѣ математическихъ знаній. Но ни Одиссеевскія ухищренія Жовковскаго, ни та великая подмога, которую въ трудныхъ обстоятельствахъ даетъ людямъ вооруженный чу-

жими опытами умъ, не сильны были остановить въ польскихъ стоикахъ развитія опасной для воина болѣзни—безнадежности. Потеря людей и лошадей, полученныя раны и увѣчья, изнуреніе силъ въ безпрерывномъ бою и, наконецъ, голодъ заговорили въ сердцѣ многихъ, если не всѣхъ, сильнѣе краснорѣчія слова и даже краснорѣчія дѣйствія. Отъ крайняго изнеможенія, жолнеры теряли сознаніе, садились безсмысленно среди дороги, падали какъ мертвые или становились на колѣни, а нѣкоторые впадали въ бредъ и бѣшенство. Уже только двѣ мили оставалось до броду на Днѣстрѣ, называвшагося Субаша, куда направлялось изнемогшее войско; виденъ былъ уже родной плоскій горизонтъ съ праваго возвышеннаго берега. Но здѣсь то и не хватило физическихъ, а еще больше—нравственныхъ силъ. Таборъ, какъ говорилось тогда, распрегся: ротмистры, хорунжіе, полковники, стражники и коронные гетманы — всѣ эти понятія вдругъ потеряли свое значеніе. Войско, соединенное еще недавно чувствами долга, чести, почтенія, страха, повиновенія, превратилось въ безнравственную ватагу. Передъ глазами юнаго Хмельницкаго здѣсь совершилось въ маломъ размѣрѣ, то, что возмужалый Хмельницкій видалъ потомъ въ размѣрахъ огромныхъ. Здѣсь Польша пала впервые, Польша, восемь лѣтъ тому назадъ, владѣвшая московскимъ Кремлемъ и пановавшая надъ полуміромъ.

На канунѣ грознаго момента, совершенно опредѣлившагося уже въ глазахъ многоопытнаго вождя, онъ написалъ послѣднее письмо къ своей Регинѣ, и нашелся такой козакъ, который съумѣлъ его доставить. Оно служитъ свидѣтельствомъ искренности словъ, которыя до сихъ поръ сіяютъ на гробницѣ Жовковскаго: Quam dulce et decorum pro patria mori ex me disce. [1])

[1]) Какъ сладко и доблестно умирать за отечество, учись у меня.

Изъ уваженія къ памяти великаго воина и патріота, я не хочу перевести его предсмертное посланіе на языкъ, ему чуждый, на языкъ ему враждебный, на тотъ языкъ, который сосредоточилъ на нащихъ доблестныхъ, но омороченныхъ латинствомъ русичахъ всѣ поношенія, всѣ хулы, всѣ горькіе докоры, какіе только можетъ высказать озлобленный народъ своимъ супостатамъ. Мы, южные руссы, не станемъ хулить клушинскаго героя, хотя для насъ тоже не „безмолвны Кремль и Прага". Мы скажемъ о немъ то, что сказано черезъ два вѣка послѣ его смерти о Наполеонѣ:

Хвала! онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ...

Но первый обладатель московскаго Кремля далеко превосходилъ второго, какъ гражданинъ, не уступая ему ни въ чемъ, какъ полководецъ.

Заблаговременно этотъ воспитанный классически козакъ завѣщалъ покрыть свой гробъ яркимъ пурпуромъ, въ знакъ радостной для воина смерти; заблаговременно сдѣлалъ онъ и другое козацкое завѣщаніе—насыпать высокую могилу тамъ, гдѣ онъ падетъ среди чужой земли. [1]) Теперь онъ просилъ жену озаботиться его останками. Безъ головы и безъ правой руки найдено тѣло Жовковскаго, покрытое ранами, [2]) но по рубцу отъ старой раны подъ колѣномъ плакавшіе плѣнники узнали своего гетмана среди окружавшихъ его труповъ, и указали татарамъ драгоцѣнную для нихъ находку. Обезглавленное тѣло было выкуплено цѣною фамильныхъ кубковъ, этихъ трофеевъ стариннаго воинственнаго быта. Въ числѣ ихъ были и тѣ, которые Жовковскій привезъ изъ Москвы,—тѣ кубки, изъ которыхъ печально пилъ плѣнный

---

[1]) См. томъ I, стр. 151.
[2]) Тоже самое свидѣтельствуютъ о его тѣлѣ и турецкія лѣтописи.

московскій царь Василій Шуйскій вмѣстѣ съ своимъ радостнымъ побѣдителемъ.

Но 200.000 талеровъ на выкупъ раненаго сына не легко было собрать Регинѣ въ тогдашнемъ пограничномъ обществѣ, богатомъ цѣнными памятниками московской войны, еще болѣе богатомъ сельскимъ хозяйствомъ, но бѣдномъ наличными деньгами. Только энергическая женщина, только мать единственнаго сына, только вдова Станислава Жовковскаго могла въ короткое время нагромоздить массу золота и серебра въ осиротѣломъ своемъ замкѣ. Она испросила у короля разрѣшеніе чеканить дома монету, и все, что составляло гордость панскихъ домовъ: дорогіе доспѣхи, конская литая изъ серебра золоченая сбруя, старинные мечи въ богатой оправѣ, блюда и заздравныя чаши, съ которыми связаны были прадѣдовскія воспоминанія Жовковскихъ и Гербуртовъ, все превращено домашнею миндзою [2]) въ наличную монету на выкупъ милаго сына.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Регинѣ, Жовковскій выразилъ упованіе, что сынъ, по его смерти, возьметъ въ руки отцевскій мечъ, закалитъ его въ бою съ невѣрными и отмстить за смерть своего отца. Для Яна Жовковскаго эти слова были священнымъ завѣтомъ. Онъ остался вѣренъ ему, какъ Ганнибалъ той клятвѣ, которою героическое семейство Барокъ поклялось, въ сознаніи своей изобрѣтательной энергіи. Одно занимало его во весь остатокъ его прекрасной, но кратковременной жизни. Всѣ интересы свои сосредоточилъ онъ на одной мысли; объ одномъ только мечталъ онъ пламенно и страстно. Съ отроческихъ лѣтъ воспринялъ Янъ Жовковскій отъ отца убѣжденія христіянскаго рыцаря и патріо-

---

[2]) Münze, монетный дворъ

та. Въ духовномъ завѣщаніи 1606 года, повторенномъ въ послѣдствіи нѣсколько разъ, отецъ обращается къ наслѣднику своего имени съ такими словами: „Только для того и хотѣлъ бы я остаться въ живыхъ, чтобъ утвердить тебя въ страхѣ Божіемъ и во всякихъ благородныхъ дѣлахъ... Не для хвалы себѣ скажу, что я никогда не оставался позади другихъ въ служеніи Рѣчи Посполитой: говорю для того, чтобы возбудить въ тебѣ желаніе подражать доблести отца твоего. Ступай въ бой съ передовыми и помни, что безъ воли Божіей не упадетъ и волосъ у человѣка съ головы. Но еслибъ пришлось тебѣ и пасть, въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. И язычники такъ думали, что смерть за отечество сладка. Тѣмъ больше сладка она, когда ты будешь воевать за святую вѣру противъ турокъ и татаръ. Положить животъ съ этой цѣлью—и у людей достохвальнό, и передъ Богомъ— что всего важнѣе — дрогоцѣнно. Какъ я получилъ, въ видѣ самаго лучшаго наслѣдства отъ отца моего, эту цѣль жизни, такъ и ты наслѣдуй послѣ меня прежде всего мои убѣжденія, дабы черезъ тебя не умалилась, а увеличилась добрая слава моя“.

Вотъ онъ, древній источникъ богатырскаго стремленія „поборать за христьаны на поганыя полки“! Какъ цвѣтная нитка въ грубой домашней ткани, эта идея проглядываетъ безпрестанно въ будничной, грубой жизни польскорусскаго воинства. Она шла по преданію отъ временъ дотатарскихъ. Она унаслѣдована храбрыми русичами отъ первыхъ защитниковъ христіянства. Развѣтвлялась она между богатыми и убогими въ мѣру общественнаго и національнаго самосознанія; сильно пропагандировалась родоначальниками днѣпровскихъ козаковъ, пограничными рыцарями-панами; но, ослабѣвъ со временемъ въ сердцахъ извращеннаго сословія, осталась до конца люби-

мою мечтою людей, воспитанныхъ въ варяжской буести. Мы не имѣемъ письменныхъ документовъ о томъ, какъ относились козацкія матери къ своимъ сыновьямъ-героямъ. Украинскія пѣсни даютъ намъ поэтическіе образцы только великой матерней скорби о падшихъ на войнѣ козакахъ. Регина смотрѣла на своего единственнаго сына глазами спартанки. Ея любовь была любовью гордаго родовыми доблестями сердца. Когда юный Жовковскій отъ любимыхъ своихъ занятій математикою взятъ былъ отцомъ въ московскій походъ 1609 года, она писала въ лагерь: „Вижу, что военная жизнь уже ему наскучила, но не мѣшаетъ ему еще потерпѣть бѣды въ дымной избѣ, чтобы зналъ, что такое бѣдованье, и умѣлъ бы беречь свое добро, если будетъ имѣть его. Наука весьма полезна, и я сама такого мнѣнія, чтобы чрезъ нѣсколько времени вернулся онъ къ ученію, но и тамъ онъ проводитъ время не въ праздности: видя войска и рыцарскія дѣла, онъ многому можетъ научиться". — „Лучше пусть домъ нашъ останется безпотомнымъ (говаривала Регина), нежели сынъ нашъ не будетъ похожъ на отца и предковъ своихъ. Если суждено гетманскому роду продлиться, пускай онъ даетъ людей богатырскихъ". — И отецъ и мать учили сына смотрѣть на жизнь суровымъ взглядомъ, цѣнить въ немъ больше долгъ и борьбу, нежели удовольствія и богатство.

Такова была среда, ставившая польское имя высоко во мнѣніи католической Европы, — среда, торжествовавшая надъ защитниками Москвы подъ Клушиномъ и подавлявшая московскихъ бояръ Смутнаго Времени нравственнымъ превосходствомъ своимъ.

Но Яну Жовковскому суждено было окончить свое поприще слишкомъ рано. Слава не успѣла свить ему вѣнка, котораго онъ заслуживалъ по свой природѣ и воспитанію. Сидя не-

вольникомъ въ Перекопѣ, онъ возымѣлъ мысль, которая не разъ приходила въ голову воинственнымъ пограничникамъ, но которую осуществить суждено было женщинѣ, —мысль покоренія Крыма. По той самоувѣренной фантазіи, которою мѣрилъ свои ресурсы польскій панъ, король между тысячи королей Рѣчи Посполитой, въ этомъ замыслѣ не представлялось ничего чрезвычайнаго. Наши древніе русичи рыскали ночнымъ волкомъ отъ Кіева до Тмуторокани; подобно вихрю, исторгали они Кобяка отъ великихъ полковъ половецкихъ и побѣждали Редедю передъ полками касожскими; а подгорскіе рыцари были потомки ихъ по прямой линіи. Уже въ XVI вѣкѣ Вишневецкій, Претвичъ, Альбрехтъ Ласкій, и въ особенности Николай Язловецкій, сильно намѣтили въ козако-польскомъ обществѣ мысль овладѣнія Крымомъ, и не дальше, какъ въ 1617 году, панъ Ожга высказалъ весьма положительно возможность этого подвига Скиндеръ-башѣ. Одно только и было къ этому препятствіе: ни князья варяги, ни короли шляхтичи не умѣли соединиться подъ одинъ стягъ. Но сердца ихъ тѣмъ не менѣе пылали высокимъ пламенемъ. Даже меньшіе, полудикіе братья польскорусскихъ пановъ, запорожскіе козаки, и тѣ считали возможнымъ во всякое время „окурить мушкетнымъ дымомъ“ стѣны султанской столицы; и тѣ, выкрадываясь на море противъ воли сеймовыхъ политикантовъ, разоряли за моремъ портовые города и превращали въ кучу развалинъ такія факторіи невольницкаго торга, какъ городъ Кафа. Не доставало только, чтобъ у всѣхъ разорванныхъ и спутанныхъ соціальными недоразумѣніями силъ была „дума и воля едина“, какъ это грезилось Украинѣ въ одинъ изъ несчастнѣйшихъ моментовъ ея исторіи. Увы! польская исторіографія, столь гордая историческою ролью Польши относительно христіянскаго міра, должна бы-

ла сознаться откровенно въ безплодности геройскихъ подвиговъ шляхты своей, не имѣвшей того единства движенія, которое даже и подъ грубою деспотической властью настоящаго вырабатываетъ возможность благороднаго будущаго. „Излишне высокое мнѣніе о достоинствѣ каждаго отдѣльнаго землевладѣльца (горитъ она), каждаго голоса въ кругу политиковъ или рыцарей, придало умамъ необычайно отважный полетъ, поднимало ихъ до удивительнаго преувеличенія собственныхъ силъ, дѣлало ихъ болѣе склонными къ рискованнымъ предпріятіямъ отъ собственнаго имени, нежели къ участію въ великимъ походахъ, организованныхъ надлежащимъ образомъ и поддерживаемыхъ общими силами. Склонить сердца военной шляхты къ общему удару на Крымъ, опредѣленному цѣлою Рѣчью Посполитою и выполненному рыцарствомъ всѣхъ провинцій, было бы рѣшительно невозможно".

Въ этомъ признаніи высказана причина неудачи всѣхъ польскихъ предпріятій, смѣлыхъ классически, отчаянныхъ разбойнически, поэтическихъ гомерически, но ничтожныхъ по своимъ послѣдствіямъ дѣтски. Обратимся снова къ Яну Жовковскому.

Язловецкій управлялся тщеславіемъ. а можетъ быть и патріотизмомъ; но безпощаденъ судъ a posteriori, судъ, основанный исключительно на томъ, въ чемъ человѣкъ успѣлъ. Имя Язловецкаго сдѣлалось притчею во языцѣхъ и покиваніемъ главы въ людяхъ. Но мысль отважнаго русскаго пана, какъ естественное вдохновеніе самозащиты, принадлежала не одному ему. Она принадлежала весьма многимъ козакамъ - аристократамъ и козакамъ - демократамъ. Она, по смерти мечтательнаго Язловецкаго, осталась живою и дѣятельною въ томъ соціальномъ организмѣ, которому организмъ чужеядный не позволялъ развиваться согласно почвѣ и ея

первоначальному засѣву. Она явилась въ умѣ Яна Жовковковскаго тѣмъ же путемъ, какимъ въ послѣдствіи возродилась въ умѣ московскаго полугосударя, князя Василія Васильевича Голицына. Она естественно сдѣлалась достояніемъ Петра Великаго, нужды нѣтъ, что Петръ былъ озабоченъ сверхъ человѣческихъ силъ государственнымъ хозяйствомъ; и Екатерина, осуществивъ наконецъ эту мысль съ той легкостью, которая часто отличаетъ многотрудную работу генія, осуществила только замыслы множества мужественныхъ сердецъ, вдохновлявшихся собственными и чужими бѣдствіями.

Янъ Жовковскій возвращался изъ Крыма черезъ днѣпровскій Низъ и козацкую Украину. Тамъ, больше нежели гдѣ либо, можно было найти людей, сочувствующихъ походу въ Крымъ. Молодой Жовковскій видался съ передовиками запорожскаго рыцарства и заручился ихъ согласіемъ разореніе зловреднаго татарскаго гнѣзда. Для этого онъ вознамѣрился продать вотчинныя владѣнія своего дома и на вырученныя отъ продажи деньги сформировать сильное войско. То было время, послѣдовавшее за хотинской войною, время пыланія сердецъ отмщеніемъ за свѣжія утраты, подъ вліяніемъ недавно доказанной возможности бить турокъ и татаръ „за однимъ заходомъ“. Не долго молодой Жовковскій остался въ своемъ замкѣ съ матерью. Онъ поспѣшилъ въ Варшаву, гдѣ собирался сеймъ. На сеймѣ не таилъ онъ своего намѣренія въ толпѣ воинственныхъ королей, которые постоянно были въ оппозиціи съ королями-домонтарями. Онъ обратился къ царственной руси, къ потомкамъ тѣхъ, что когда то подпирали желѣзными полками Угорскія горы, и королята-подгорцы, представители фамилій, превознесенныхъ Папроцкимъ въ его „Паношѣ“, на досаду засидѣвшимся дома ляхамъ, поддержали энтузіаста. Не противорѣчили ему и люди

менѣе воинственные, коренные лехиты, вмѣстѣ съ волынцами и бѣлоруссцами. Предпріятіе Яна Жовковскаго гармонировало съ такъ называемымъ gieniuszem narodowym polskim. Затѣвалъ ли кто изъ магнатовъ присвоить своему потомству московскую корону, или посадить на господарскій престолъ своего родственника,—ничему подобному серьозной оппозиціи въ обществѣ польскихъ королятъ не было. Тому назадъ немного лѣтъ, одни представители Рѣчи Посполитой, именемъ своего пассивнаго монарха, поддерживали въ Волощинѣ Стефана Потоцкаго; другіе участвовали въ его предпріятіи своими ополченіями, а третьи показывали видъ, что походъ былъ предпринятъ безъ ихъ вѣдома. [1]) Такъ и въ концѣ XVI вѣка, когда Николай Язловецкій рискнулъ всѣмъ своимъ состояніемъ для импровизированнаго имъ похода въ Крымское ханство, сарматская республика королей руководилась правиломъ: „при невозможности разрѣшить похода, не препятствовать ему". [2]) Такъ же точно поступлено было ею и въ фантастическомъ предпріятіи Юрія Мнишка. По заведенному обычаю, имѣвшему въ Польшѣ силу закона, обычаю — не стѣснять никого въ шляхетскихъ вольностяхъ, въ рыцарскихъ подвигахъ и даже въ самостоятельныхъ сношеніяхъ съ иностранными правительствами, планъ Яна Жовковскаго не встрѣтилъ ни малѣйшаго противодѣйствія, какъ будто дѣло шло не о завоеваніи царства, а о пріобрѣтеніи имѣнія. Никогда еще польское общество не было такъ расположено въ пользу покоренія Крымскаго ханства. Хотинская война, прославляемая поляками по всей Европѣ въ видахъ политическихъ, открыла имъ глаза на слабость Оттоманской импе-

---

[1]) См. томъ II, стр. 180.

[2]) Niemcewicz, Dzieje Panow. Zygm. III, t. I, str. 298. Piasecki, Chronica Gestorum etc. 422.

ріи, а королевскій посолъ въ Царьградѣ, князь Христофоръ Збаражскій, подтвердилъ ихъ открытіе поразительнымъ изображеніемъ дезорганизаціи этого чужеяднаго царства. [1]) Уже и въ первомъ упоеніи побѣды надъ Османомъ II, многіе въ Польшѣ сожалѣли, что не поддержали войны съ большей энергіей и щедростью; а папскіе нунціи, такъ тѣ прямо высказали польскимъ магнатамъ, что подъ Хотиномъ поляки потеряли случай, когда могли бы не только истребить войско султана Османа, но и его самого принудить къ капитуляціи. [2]) Po szkodzie Lach mądry, говоритъ польская пословица, а Хотинская побѣда признавалась въ тихомолку шкодою, и вотъ паны рѣшились вознаградить ее ударомъ смѣлымъ и неожиданнымъ. Время было такое, что наставница Польши, римская курія, слѣдя въ Царьградѣ, за безпутствомъ турецкаго правительства, ждала распаденія Оттоманской имперіи. Папскій нунцій при дворѣ Сигзмунда III, какъ объ этомъ уже упоминалось, получилъ небывалый дотолѣ наказъ—внушать королю и сенату, чтобъ они не препятствовали козакамъ и другимъ охотникамъ завоевать себѣ часть Турціи и основать въ этой имперіи отдѣльное королевство. [3]) Имя Жовковскаго, по смерти великаго гражданина и воина, освободилось отъ тумана, которымъ люди среднихъ способностей

---

[1]) Матер. для Ист. Возс. Р. I, документъ XIII.

[2]) Римская курія, съ благословенія которой Польша предпринимала всѣ свои войны съ мусульманами и москалями, обвиняла поляковъ въ безуспѣшности союза христіянскихъ государей противъ враговъ св. креста. Въ инструкціи, данной 14 декабря 1622 года монсиньору Ланчелотти, папскому нунцію въ Польшѣ, Хотинская война критикуется, какъ самая безславная для польскаго оружія, которому противопоставляется оружіе козацкое, торжествовавшее на морѣ, по причинѣ крайняго упадка Турціи.

[3]) Указаніе источника см. на стр. 215.

заволакивають работу генія при его жизни, инстинктивно боясь померкнуть въ его сіяніи. Объявленное въ его сынѣ, это громкое имя могло служить знаменемъ для лучшихъ рыцарей панской республики и для самихъ козаковъ, которыхъ политическій тактъ Сагайдачнаго привелъ на ту пору въ гармонію съ осѣдлыми жителями края. Все такъ сложилось въ это полное тревоги, великихъ утратъ и великихъ надеждъ время, чтобы Польшѣ, однимъ львинымъ прыжкомъ, достигнуть могущества, о которомъ такъ пламенно мечталъ талантливый Баторій. Но Польша не знала, что могущества надобно искать внутри, а не внѣ государства. Польша не умѣла пользоваться элементами для созданія великой монархіи, которыхъ было у нея такъ много, и которые заключались даже въ розбишакахъ козакахъ, носившихъ въ дикой душѣ своей идеалъ единовластія. Иному, болѣе грубому, но сильному самобытностію обществу дано было достигнуть преобладанія на сѣверѣ двухъ материковъ путемъ единства стремленій. Великолѣпный миражъ героизма разсѣялся моментально передъ глазами поляковъ. Сынъ одного изъ четырехъ русиновъ, которымъ Баторій ввѣрилъ свой великолѣпный планъ, отошелъ къ предкамъ, въ пылу великодушныхъ своихъ мечтаній. Полученная имъ на Цоцорѣ рана была серьознѣе, нежели думалъ или желалъ высказать отецъ. Во время пребыванія въ Варшавѣ онъ развередилъ ее и умеръ отъ горячки. Слѣдомъ его существованія осталась только торжественная надпись, начертанная Региною на гробницѣ сына въ виду гробницы мужа: „Великаго отца рожденный для великихъ дѣлъ единственный сынъ. Скончался 1623".

Къ похоронамъ Яна Жовковскаго подоспѣла выкупленная наконецъ изъ плѣна голова знаменитѣйшаго изъ польскихъ патріотовъ и опочила отъ своего поруганія возлѣ рыцарска-

го туловища, котораго правую руку, какъ бы въ свидѣтельство того, что Жовковскій былъ своего рода козакъ, постигла участь, воспѣваемая въ козацкихъ думахъ:

Тодѣ й дрôбна птиця налетала,
Коло жовтои кости тѣло оббирала...
Ще й вôвци сѣроманци нахождали,
Жовту кость по балкахъ, по тернахъ розношали,
Понôдъ зелеными яворами ховали,
И комышами вкрывали..

Регина Гербуртовна жила еще годъ одна, окруженная блистательными и мрачными воспоминаніями. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, въ третій разъ совершились многолюдные похороны въ замкѣ Жовковскихъ, и съ каждымъ разомъ предавали землѣ сердце, какихъ природа производитъ весьма мало. Въ надгробномъ словѣ надъ Региною справедливо было сказано: „Если гдѣ либо въ настоящее время открывался обширный театръ поразительныхъ трагедій, такъ это именно въ этомъ доблестномъ домѣ Жовковскихъ“.

Глухая въ нашихъ малорусскихъ лѣтописяхъ эпоха, наступившая за Хотинскою войною, исполнена была великаго движенія, высокаго трагическаго интереса, глубокаго историческаго смысла. Не замыкаясь въ существующія рамки отечественной исторіографіи, пройдемся изъ конца въ конецъ по великанскому ристалищу нашихъ одичалыхъ, или же замороченныхъ лантинщиною буйтуровъ-всеволодовъ. Не закрывая глазъ ни для какой сферы тогдашней жизни, захватимъ въ нашъ кругозоръ столько поприща для выраженія русской идеи, называемой русскою исторіей, сколько его отмѣрила судьба для воинской предпріимчивости, для дикой славы и тяжкихъ страданій нашихъ предковъ.

„Не буря соколы занесе черезъ поля широкая“, можно сказать о тѣхъ изъ нихъ, которые стояли крѣпко подъ стя-

гомъ Станислава Жовковскаго до тѣхъ поръ, пока стягъ развѣвался роднымъ, прилетавшимъ изъ за Днѣстра вѣтромъ. Да, то не буря гнала соколовъ по широкому полю: то гнали турки и татары въ неволю плѣнниковъ цоцорскихъ. Мы за ними послѣдуемъ въ ихъ неволю, за этими недобитками. Они того стоятъ. Крымъ и Турещина были въ то время мѣстомъ пребыванія не однихъ трусовъ и бѣглецовъ, постыдно связанныхъ татарскими лыками, но и лучшихъ воиновъ русскихъ, — такихъ, какъ сынъ Станислава Жовковскаго, Янъ, и товарищъ его по фельдмаршальству, полевой коронный гетманъ Конецпольскій. Крымъ и Турещина заключали въ себѣ тогда не только такихъ творцовъ могущества Польши, какъ подгорскіе рыцари землевладѣльцы, но и творцовъ ея Руины, какимъ былъ знаменитый въ малорусскихъ лѣтописяхъ Богданъ Хмельницкій.

ГЛАВА XXX.

Торговля невольниками.—Поэзія и бѣдствія невовольничьей жизни.— Характеристическія приключенія съ плѣнниками и плѣнницами. — Христіянскій элементъ въ семейной жизни турокъ.—Пребываніе въ турецкой неволѣ главныхъ представителей козакошляхетской войны.

И шляхетскія, и простонародныя сердца одинаково чувствовали горечь мусульманскаго плѣненія. Но сословіе высшее, въ умственномъ движеніи, или, вѣрнѣе сказать — въ подражаніяхъ иноземнымъ риторамъ и піитамъ, удалилось отъ поэтическаго тока народной рѣчи для выраженія тѣхъ чувствъ, которыми болѣли сердца пограничниковъ. Напротивъ, народъ, развивавшійся изъ собственныхъ своихъ началъ, безъ пособія школы, громко и образно выражалъ безконечныя страданія свои въ борьбѣ съ азіятскими хищниками. Южнорусская лирическая и эпическая пѣсня, чуждая подражательности, обняла всю семейную, бытовую и боевую жизнь того общества, котораго не въ силахъ была захватить подъ свою опеку полькошляхетская письменность. Образовалось даже ремесло уличныхъ и базарныхъ менестрелей, которые понятіе о пѣніи подчинили болѣе строгому понятію о мышленіи, и произведенія своего эпическаго творчества назвали думами. Съ почвы фантазіи, принадлежавшей исключительно лирическому творчеству женщинъ, они шагнули на болѣе реальную почву: они

не столько пѣли, сколько думали, подъ металлическія струны національной бандуры, и въ своихъ думахъ, слагаемыхъ свободнымъ, едва риѳмованнымъ речитативомъ, выражали горестную правду жизни, во всѣхъ ея подробностяхъ.

Въ тѣ времена, когда на юговосточномъ пограничьѣ Рѣчи Посполитой, въ Червонной Руси, Подоліи и Украинѣ, не было почти семейства, не задѣтаго за живое турецкотатарскими набѣгами, [1]) южно-русскій эпосъ безъ сомнѣнія, заключалъ въ себѣ множество поэмъ и балладъ, нынѣ утраченныхъ; а какъ глубоко этотъ родъ поэзіи интересовалъ слушателей, можно заключить изъ того, что даже тѣ имена, которыя потеряли для простого народа значеніе и не извѣстны по лѣтописямъ, перешли къ намъ въ полузабытыхъ, въ полуизуродованныхъ кобзарскихъ думахъ. Звуки нашей простонародной бандуры или кобзы раздавались не только въ Украинѣ, обнимавшей, собственно говоря, весь юговостокъ Рѣчи Посполитой, но и на самихъ мѣстахъ невольницкихъ страданій,— на тѣхъ самыхъ базарахъ, гдѣ продавались наши русскіе плѣнники вмѣстѣ съ угнаннымъ изъ Украины, Подоліи и Червонной Руси скотомъ.

Пребываніе Самуила Зборовскаго за Порогами открываетъ намъ зрѣлище звѣроловнаго, номаднаго и торговаго быта. „Гостеванье“ козаковъ на Черномъ морѣ было своего рода торговымъ промысломъ: грабя купеческія суда и турецкія пристани, козаки устраивали то сямъ, то тамъ импровизированные рынки, чтобъ уменьшить на нихъ волюмъ добычи своей. Въ свою очередь, татарская орда, набѣгая на пограничную Русь, кочевала въ ней съ захваченными стадами, съ

[1]) Надобно помнить, что турки, какъ люди состоятельные, вооружали татарскую орду на свой счетъ изъ половинной добычи, а часто и сами ходили, въ татарскихъ купахъ, на добычу.

громоздкими пожитками, съ человѣческимъ ясыромъ своимъ, и открывала среди полей базары, на которыхъ происходили разнообразныя сдѣлки мѣнового и денежнаго торга. Турецкій невольничій рынокъ въ Крыму былъ не что иное, какъ базаръ для продажи и покупки животныхъ, въ числѣ которыхъ человѣкъ былъ самымъ значительнымъ предметомъ торговли. Лишь только татарскій лукъ и турецкая сабля пріостанавливали свою работу, начиналось обыкновенное дѣйствіе монеты. Свирѣпый наѣздникъ, при звонѣ торговаго металла, становился мирнымъ торгашемъ. Рынки какъ будто возвращали человѣка изъ его временнаго звѣрства въ его естественный образъ. Но тогда трагедія жизни, вмѣсто однѣхъ ужасныхъ сценъ, выражалась другими, на нашъ гуманный взглядъ—еще болѣе ужасными.

Рынки, на которыхъ ежегодно продавались десятки тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, набранныхъ въ пограничной Руси, были сѣдалищами торговли цвѣтущей. Кровавымъ отливомъ блестѣли на нихъ золото, серебро, яркоузорчатыя ткани; но тѣмъ не менѣе—продаваемая изъ рукъ въ руки русская кровь оживляла турецкій и татарскій вялый бытъ, давала движеніе ремесламъ, соединяла разноплеменное много, людство въ призрачно богатое общество. Уличная поэзія, принадлежность неустановившейся гражданственности, имѣла также въ этой фантасмагоріи свою законную долю. Стрыйковскій, любознательный, простодушный странникъ XVI вѣка, въ самомъ Царьградѣ слушалъ на базарахъ славянскія рапсодіи, подъ аккомпаниментъ сербской скрипки и малорусской кобзы. [1]) Турки не всегда и не вездѣ являлись въ томъ страш-

[1]) Въ одномъ ученомъ сочиненіи сказано иронически, будто бы Стрыковскій „собственными глазами видѣлъ щитъ Олега на воротахъ Царьграда“.—Нѣтъ, любезный своею наивностью авторъ громадной

номъ образѣ, какой придаютъ имъ наши невольницкія думы. Самыя сказанія о нихъ паломниковъ обыкновенно преувеличиваютъ ихъ звѣрскія склонности на счетъ человѣческихъ. Не смотря на свою репутацію дикихъ завоевателей, они, у себя дома, на торговыхъ площадяхъ и пристаняхъ, были далеки отъ неуживчивости съ гяурами [1]). Въ Царьградѣ считалось не менѣе ста тысячъ православныхъ жителей, которые, удовлетворивъ турокъ податью, совершали свои обрядныя и религіозныя церемоніи безъ всякой помѣхи со стороны мусульманъ, а въ годовые праздники, когда народъ стекался къ церквамъ толпами, янычары, по распоряженію правительства, держали у церковныхъ дверей охранные караулы.[2])
Доставшаяся османлисамъ столица Палеологовъ привлекала всегда множество славянъ, искавшихъ здѣсь не только зара-

---

„Хроники" не былъ до такой степени легкомысленъ. Онъ разсказываетъ, что, плывя на лодкѣ отъ желѣзныхъ крючьевъ, называемыхъ имъ шибеницею Вишневецкаго, подъ галатскія стѣны, видѣлъ надъ галатскими воротами намалеванный, на подобіе московскаго, гербъ и догадывался: не это ли тотъ гербъ или щитъ (ten podobno herb albo scit), который, „какъ пишетъ Русь", оставилъ Олегъ, на память потомству, въ Царьградѣ? Если его догадка справедлива (заключаетъ онъ), то онъ видѣлъ Олеговъ знакъ собственными глазами въ 1576 году. (См. изд. 1846 г., I, 110.)

¹) Приведу авторитетное мнѣніе Цинкейзена объ этомъ предметѣ, въ настоящее время неудобопонятномъ для большинства читателей: „...war es gewiss nicht der Wille der grössten und einsichtsvollsten Beherrscher des osmanischen Reiches, bloss über verödete, von der Trümmern besiegten Nationen nothdurftig bevölkerte Länder zu gebieten. Männer, wie Mohammed II und Suleiman I, die ihren Ruhm nicht bloss in dem Glück ihrer Waffen, sondern ebedso sehr in einer auf die Gesetze der Mässigung, der Gerechtigkeit und der Milde gegründeter Organisation ihres Reiches suchten, glaubten sicherlich an die Möglichkeit einer versöhnenden Ausglichung der feindlechen Elementen, die sich da überall so schroff entgegentraten". (Gesch. des osm. Reiches, III, 357.)

²) См. у Цинкейзена, т. III, стр. 364.

ботка, но и защиты отъ произвола мѣстныхъ властей, который въ Царьградѣ, болѣе нежели гдѣ либо, смѣнялся гражданственною безопасностью. Не въ характерѣ турецкой простоты нравовъ было перерабатывать славянскіе народные обычаи, воспрещать уличныя сцены, тѣснить врожденную славянину пѣсенность. На Царьградскихъ рынкахъ ослѣпшіе невольники могли звонить въ свои національныя бандуры такъ же свободно, какъ и въ Кіевѣ. Никто не мѣшалъ имъ услаждать собственное и чужое горе. Даже странствующіе пѣвцы, такъ называемые короли нищихъ, находили въ турецкой столицѣ для себя публику, къ какому бы славянскому племени ни принадлежали.... Пѣніе серьезнаго кобзаря составляло во времена оны своего рода религіозную профессію: оно вело происхожденіе свое прямо отъ церковныхъ чтеній, кондаковъ и тропарей; оно возбуждало въ слушателяхъ состраданіе къ бѣдственному положенію невольниковъ, участіе къ судьбѣ человѣка вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ—щедрость въ подаваніи милостыни; оно согласовалось, какъ съ ученіемъ христіянской церкви, такъ и съ духомъ самого Корана, который 113 главъ своихъ начинаетъ словами: во имя благаго и милосерднаго Бога, и только въ одной главѣ обходится безъ этого символа вѣры. [2]) Чѣмъ трогательнѣе изображали базарные Гомеры положеніе невольниковъ въ турецкой землѣ, тѣмъ больше способствовали ихъ выкупу. Такъ называемые невольницкіе плачи, дошедшіе до насъ въ числѣ кобзарскихъ думъ, были своего рода вѣсти, посылаемыя на родину для напоминанія людямъ свободнымъ о выкупѣ томящихся въ не-

[2]) Первый изъ епитетовъ, приданныхъ Магометомъ Богу правовѣрныхъ, въ арабскомъ подлинникѣ, выражаетъ благость ко всѣмъ существамъ, безъ всякаго различія, и только вторый говоритъ о милосердіи собственно къ добрымъ, вѣрнымъ, достойнымъ Божіей благости.

волѣ. Хожденіе отцовъ, родныхъ, побратимовъ [1]) и милосердныхъ иноковъ по невольницкимъ рынкамъ было дѣло обычное и со стороны мусульманъ безпрепятственное. Невольники составляли самый цѣнный продуктъ мусульманской дѣятельности, самую доходную статью мусульманской торговли, и потому со стороны ислама сдѣланы были всѣ уступки въ пользу христіянской публики, заинтересованной выкупомъ. Такая публика глубоко сочувствовала пѣснямъ о томъ, чѣмъ были полны тогда помыслы каждаго пограничника. Намъ, отрѣзаннымъ отъ того вѣка такъ называемою Руиною, или Хмельнищиною, этимъ повтореніемъ татарскаго лихолѣтья въ южной Руси, трудно даже рѣшить: въ турецкіе ли и татарскіе города-рынки занесены невольницкіе плачи и поэмы, или же тамъ они сложены, [2]) въ тоскѣ по родинѣ, и отозвались только громкимъ эхомъ у насъ на пограничьѣ.

Напрасно воображеніе поэта стало бы изобрѣтать болѣе дивныя приключенія, болѣе трагическія случайности, болѣе быстрые переходы изъ одного положенія въ другое, чѣмъ тѣ, которыми была полна турецкая и татарская неволя. Хаотическое смѣшеніе полуварварскаго европейскаго элемента съ наплывомъ азіятской дичи; собраніе людей и вещей, которые не должны бы никогда встрѣтиться; ихъ странная, часто, безобразная связь между собою; крайняя нищета однихъ людей и разбойничья роскошь другихъ,—все это составляло картину сверкающую, яркую, рѣзкую по своимъ тонамъ и контурамъ, дикую по своему смыслу. Она, можно сказать, была нане-

[1]) „Побратимство“ было выше кровнаго братства. Побратавшіеся козаки дѣлились поровну добычею, и когда одинъ попадалъ въ плѣнъ, другой долженъ былъ его выкупить.

[2]) Объ этомъ говорится, съ приведеніемъ цитатъ изъ самихъ думъ, въ I т. Ист. Возс. Руси, стр. 333.

сена свѣжими красками по другой, потемнѣвшей, ветхой живописи высшаго достоинства: сквозь настоящее турецкой жизни проглядывали всюду уходящія въ туманъ и мракъ забвенія воспоминанія классическаго міра, который не былъ чуждъ такимъ плѣнникамъ, какими были въ Царьградѣ Станиславъ Конецпольскій и Богданъ Хмельницкій, на сколько латынь, процѣженная сквозь іезуитскую цѣдилку, напечатлѣла въ ихъ умахъ поэтическій образъ древняго міра. Остатки греческихъ зданій, пренебреженныя гробницы бывшихъ знаменитостей, полусглаженные слѣды древней культуры—мелькали передъ ними, какъ замогильные призраки, среди блестящей новизны турецкихъ пристроекъ, передѣлокъ и новыхъ сооруженій; а роскошь побѣдителей и нагота побѣжденныхъ, золото и грязь, парадъ и лохмотность—дѣлали на душу впечатлѣніе тризны, на которой полудикіе наслѣдники цивилизованнаго, промотавшагося богача пируютъ свой безобразно роскошный пиръ среди голодной толпы нищихъ, питающихся ихъ объѣдками.

Такое зрѣлище представляли, въ общихъ чертахъ, всѣ захваченные азіятцами у европейцевъ города; такое зрѣлище представлялъ въ особенности царь-городъ, столица полугреческаго, полуславянскаго міра. На ветхой, нѣкогда богатой ризѣ его всюду проступало убожество, не достаточно прикрытое свѣжимъ пурпуромъ и драгоцѣнными украшеніями. Осанистые бородачи въ бѣлыхъ, пунцовыхъ, зеленыхъ, пестрыхъ чалмахъ и разноцвѣтныхъ шелковыхъ кафтанахъ; черномазые африканцы въ красныхъ какъ жаръ фескахъ, курткахъ, шароварахъ; сверкающіе золотыми позументами, оружіемъ и дикими своими глазами, картинные азіятскіе рыцари, на картинно изукрашенныхъ коняхъ,—рисовались, какъ дорогіе цвѣты въ заглохшемъ саду, среди тряпично одѣтаго греческаго и славянскаго уличнаго люду, среди голосистыхъ носильщиковъ

и звякающихъ кандалами невольниковъ, среди вьючныхъ верблюдовъ, муловъ, ословъ и запряженныхъ волами фургоновъ; а южное солнце, рѣдко заслоненное облаками въ этомъ благодатномъ климатѣ, яркими бликами и рѣзкими тѣнями рисовало богато развитую растительность, восточную архитектурную пестроту, безпорядочный громоздъ азіятскаго быта, роскошныя одежды, грязныя лохмотья и веселыя лица башибузуковъ, адзамулановъ, ичоглановъ, янычаръ, спаховъ, позолоченныхъ евнуховъ и грустныя фигуры невольниковъ, или ихъ родственниковъ, которые, по словамъ кобзарской думы, не знали, въ которой каторгѣ искать заполоненныхъ отцовъ, сыновей, братьевъ, сестеръ и дочерей: „въ Козловской ли пристани, или въ Царьградѣ на базарѣ". Чаще всего можно было найти плѣнниковъ на тѣхъ судахъ-катаргахъ, на тѣхъ галерахъ, которыми кипѣлъ Босфоръ, въ виду блестящей панорамы царя-города. Тамъ развѣвались по вѣтру козацкіе чубы, которые на родинѣ заплетались въ косу и гордо закладывались за ухо. Тамъ вольные недавно козаки работали тяжелыми веслами, нагіе до пояса, прикованные къ своимъ сидѣньямъ. Тамъ погонщики обращенныхъ въ безотвѣтную рабочую силу людей, галерные ключники, какъ называютъ ихъ кобзари въ своихъ думахъ, полосовали имъ голую спину червонною таволгою, до сихъ поръ памятною южнорусской простонародной музѣ.

Но гдѣ бы ни звякали на невольникахъ кандалы, на какой бы работѣ ни впивались имъ въ тѣло сыромятные ремни, называемые въ думахъ сырою сырицею,—на пристаняхъ ли, на улицахъ, или въ гаремныхъ садахъ,—тоска „вольнаго козака" по утраченной свободѣ была для него мучительнѣе свѣжихъ и присохшихъ ранъ, которыми онъ былъ покрытъ отъ прикововъ и побоевъ. Кто бывалъ въ Турціи, пускай

припомнить особенное воркованье восточныхъ голубей, вѣрнѣе сказать—неумолкающіе стоны ихъ, тоскливо проникающіе въ сердце. Къ этимъ то голубямъ обращались многострадальные герои нашихъ чувствительныхъ Гомеровъ [1]), посылая ихъ къ отцу, матери и роду. Въ кобзарскихъ, то тихихъ, то бурновзволнованныхъ думахъ, разнѣженные стоны восточнаго голубя смѣшиваются съ пронзительнымъ крикомъ степного сокола. Одичалая въ добычной жизни душа козака, однимъ и тѣмъ же порывомъ къ утраченной свободѣ, воспроизводила и впечатлѣніе юности подъ отеческимъ кровомъ, и воспоминаніе о дикихъ поляхъ украинскихъ, гдѣ пугали по байракамъ пугачи, гдѣ квилили соколы и свистѣли коршуны-рароги. Пилигримы, отправлявшіеся на поиски плѣнниковъ, проданныхъ въ турецкую неволю, должны были поддаваться особенно сильной тоскѣ въ Царьградѣ; а кобзари на невольничьихъ рынкахъ поясняли имъ впечатлѣнія мѣстности драматическими описаніями невольницкой жизни, изъ которыхъ только немногія дошли до насъ, людей иного вѣка, иного положенія, иныхъ заботъ и печалей.

Неумолкающій стонъ голубей въ тѣни чинаръ и кипарисовъ; вторящіе имъ съ минаретовъ призывы правовѣрныхъ на молитву; разноязычный говоръ покоренной мусульманами христіанской столицы и рѣзкіе звуки базарной музыки съ пронзительными вскрикиваньями пѣвцовъ, разсчитанными на крѣпкіе нервы,—все вмѣстѣ составляло мучительный концертъ среди блистательной и дикой сцены. Каково же воспринимался этотъ концертъ сердцами, которыя были надо-

[1]) Нѣсколько знакомыхъ автору лично кобзарей не могли пѣть безъ слезъ невольницкихъ думъ. Прерывая речитативъ, они, какъ Гомеровы греки, плакали по дѣтски подъ звонъ своего аккомпанимента, въ молчаливомъ раздумьѣ.

разны великими, незабываемыми утратами! Онъ какъ будто для того былъ и устроенъ, чтобы дать несчастнымъ узникамъ вкусить всю горечь разлуки съ родиной, съ міромъ любви, дружбы и безцѣнной свободы. Все, что видѣлъ глазъ и слышало ухо невольника въ странѣ, прозванной ненасытною пучиной христіянской крови, составляло убійственную противоположность съ тѣмъ, что оставлено имъ „за шеломянемъ". Нѣтъ словъ и красокъ для выраженія чувства, съ которымъ житель червоннорусскаго Подгорья, или плодоносной Подоліи, или кіевскаго Поднѣпрія, сквозь это странное смѣшеніе образовъ и звуковъ, созерцалъ глазами своей души идиллическія картины родныхъ полей, слышалъ ухомъ тоскующаго сердца тихую музыку пустынныхъ дубравъ, за которыми необозримо синѣли нетронутыя плугомъ степи, говорившія плѣнному пану о будущей культурѣ, а плѣнному козаку—объ идеальной, невозможной свободѣ.

Оба представителя пограничнаго быта предавались мечтамъ своимъ съ пылкостью южныхъ характеровъ, и чѣмъ отважнѣе стремились къ ихъ осуществленію, тѣмъ чаще попадали въ руки чужеядниковъ. Но чужеядники, въ свою очередь, были такими же на свой ладъ мечтателями. Они пылкимъ воображеніемъ созидали рай безконечныхъ утѣхъ и наслажденій по сю сторону моста Аль-Сирата.

Декораціонное процвѣтаніе Турецкой имперіи ограничивалось ея пестрыми базарами, для наполненія которыхъ золотомъ, серебромъ и дорогими тканями работали только такія орудія, какъ арканы, луки и сабли. Окрестности немногихъ городовъ, кипѣвшихъ фальшивымъ движеніемъ торговли, промысловъ и мануфактуры, приходили часъ отъ часу больше въ то состояніе, изъ котораго вызвала ихъ нѣкогда грекославянская культура. По разсказу польскаго посла, князя

Збаражскаго, [1]) въ первой четверти XVII столѣтія, обработанной земли мало было видать и подъ самой столицею. Жители Константинополя получали почти всѣ съѣстные припасы съ пристани, такъ что, когда въ Хотинскую войну союзныя Польшѣ силы загородили дорогу съ Архипелага и съ Дуная,— на блестящихъ золотомъ и серебромъ константинопольскихъ базарахъ валялись мертвые люди. По сухопутному тракту между Босфоромъ и Дунаемъ польское посольство 1623 года видало только убогія села, которыхъ существованію угрожали янычары и спахи, разбойничавшіе въ собственномъ краѣ, безъ всякаго страха законной кары. Эти села были отдѣлены одно отъ другого такими разстояніями, что путники часто бывали принуждены устраивать себѣ ночлегъ въ пустынѣ, подъ открытымъ небомъ. Главную и почти единственную статью сельскаго хозяйства составляло въ нихъ скотоводство; но овцы, рогатый скотъ и лошади разводились не дома, а готовыми гуртами пригонялись изъ за границы,—всего больше изъ червоннорусскаго Подгорья, Подоліи и Украины,—путемъ татарскихъ набѣговъ, направляемыхъ и поддерживаемыхъ турками.

Та же хищная орда, которую, по выраженію поляковъ, Турокъ держалъ какъ собакъ на сворѣ, доставляла ему изъ несчастной отрозненной Руси и женщинъ для его гаремовъ. Это похищеніе сабинянокъ чужими руками представляло до того удобный способъ поставки женскаго тѣла для турецкихъ надобностей, что, по свидѣтельству князя Збаражскаго, даже янычары и купцы предпочитали жениться на русскихъ „бранкахъ“, пренебрегая мѣстнымъ гаремнымъ продуктомъ и вообще мѣстными женщинами. Турецкій языкъ въ имперіи Османовъ

[1]) Матер. для Ист. Возс. Р. т. I, докум. XIV.

на каждомъ шагу смѣшивался съ славянскою рѣчью, а турецкая кровь была сильно дистиллирована славянскою. Покупаемые у татаръ русскіе мальчики составляли предметъ особеннаго попеченія султанскаго правительства и носили почетное названіе дѣтей султана. Ихъ заботливо воспитывали въ религіи и обычаяхъ ислама; изъ нихъ выдѣлывали самыхъ безпощадныхъ губителей христіянскаго племени. Не имѣя въ Турціи ни роду, ни старинныхъ дружескихъ связей, они, въ глазахъ падишаха, были надежнѣйшими слугами его престола и династіи. Воспитатели вели ихъ со ступени на ступень въ государственной іерархіи, и наконецъ имъ ввѣрялись самыя важныя должности. Природный умъ, боевое мужество, энергія въ предпріятіяхъ и отвага въ ихъ исполненіи принадлежали преимущественно похищеннымъ на Руси пріемышамъ. Они, можно сказать, составляли душу разслабляемаго восточнымъ бытомъ турецкаго общества. Они правили Турціею; они держали въ своихъ рукахъ ея будущность. У послѣдняго изъ талантливыхъ повелителей Порты, Солимана I, было девять великихъ визирей, и всѣ они были возвышены на свой важный постъ изъ такъ называемыхъ „султанскихъ дѣтей".

Безурядица европейскихъ государствъ, подобныхъ Рѣчи Посполитой,—а она не была между ними исключеніемъ,—болѣе нежели что либо другое, сперва способствовала возрастанію оттоманскаго могущества, а потомъ его поддерживала. Турція, какъ вампиръ, жила высасываніемъ свѣжей крови изъ христіянскихъ націй, преимущественно изъ націй славянскихъ, и всего болѣе изъ населенія Руси, прикованной на нѣсколько столѣтій къ Польшѣ. За то ни откуда не было и такого стремленія къ низпроверженію турецкой силы, какъ изъ среды многоразлично скрещенной южнорусской расы. Не говоря уже

о козакахъ, которые постоянно твердили, что безъ Чернаго моря имъ нѣтъ возможности существовать, сами землевладѣльцы русскіе, принадлежавшіе къ правительственной корпораціи Рѣчи Посполитой, наносили Портѣ много тяжелыхъ ударовъ. Но едвали не больше внѣшнихъ войнъ сокрушали турецкую силу переработанные въ мусульманъ польскорусскіе плѣнники. Янычары, состоявшіе почти исключительно изъ южнорусскихъ дѣтей, работали надъ упадкомъ своего новаго отечества почти столь же для него гибельно, какъ днѣпровскіе козаки—надъ упадкомъ Польши. Исторія русина по происхожденію, Абазы-баши, есть исторія безпримѣрнаго потрясенія Порты, которая, со временъ этого отуреченнаго буй-тура, болѣе нежели когда либо, стала отдѣлываться отъ своихъ бунтовщиковъ повышеніемъ ихъ съ низшихъ должностей на высшія.

Въ свою очередь, и русскія плѣнницы вносили въ гаремы султановъ и башей тотъ же элементъ отчаяннаго своевольства. Одну изъ нихъ, дочь богуславскаго попа, Марусю, обезсмертили наши простонародные Гомеры за то, что она, рискуя собственной жизнью, освободила изъ темницы плѣнныхъ козаковъ. Были въ Турціи изъ нашихъ украинокъ и другія героини отчаянной дерзости, которая свойственна человѣческой природѣ въ безвыходности положенія. Но ни одинъ потурнакъ, ни одна потурначка не возвышались до такого могущества въ чужеядной имперіи и не сдѣлали ей столько зла своимъ революціоннымъ характеромъ, какъ извѣстная въ исторіи подъ именемъ Роксоланы дочь другого русскаго попа, изъ подгорскаго мѣстечка Рогатина.

Лѣтъ за сто до цоцорскаго погрома польской арміи, татары сдѣлали набѣгъ на Червонную Русь и, въ числѣ своего ясыра, увели изъ Рогатина молодую дѣвушку, ока-

завшуюся достойною покупки для султанскаго гарема. Въ то время царствовалъ въ Турціи знаменитый завоеватель и администраторъ Солиманъ I, прозванный Великолѣпнымъ. Рогатинская красавица сдѣлалась въ его гаремѣ что называется звѣздою любви. Но не красотою затмила наша русинка одалисокъ Великолѣпнаго падишаха, выбранныхъ его угодниками въ трехъ частяхъ свѣта: онъ оцѣнилъ въ ней природный умъ и, въ особенности, рѣдкую между покупными женщинами способность оживлять общество неистощимою веселостью. Рогатинская „бранка" была, однакожъ, не изъ тѣхъ чарующихъ все окружающее женщинъ, которыя довольствуются блестящимъ положеніемъ царской фаворитки. Ей была нужна власть надъ милліонами, и она не замедлила овладѣть умомъ деспота, называвшагося „повелителемъ четырехъ концовъ вселенной, тѣнью Бога на землѣ".

Душа Солимана Великолѣпнаго совмѣщала въ себѣ двѣ противоположности: склонность къ самой нѣжной привязанности и къ самой дикой враждѣ. Понявъ это инстинктомъ геніальной интриганки, Роксолана или Росса, какъ ее окрестили въ гаремѣ, постоянно давала пищу поэтической и вмѣстѣ мрачной натурѣ своего обладателя. Она была для него попеременно—то ангеломъ сердечной веселости, то демономъ, нашептывавшимъ мучительныя подозрѣнія, и этимъ способомъ, до конца своей жизни, сохранила неограниченную власть надъ неограниченнымъ владыкою могущественнѣйшей въ мірѣ имперіи [1]). Случай, довольно обыкновенный въ гаремномъ быту,

---

[1]) По словамъ венеціанскаго байло Бернарда Навагеро, Роксолана была tanto amata da suo maiestà, che non fu mai nella casa ottomana alcuna donna che avesse magiore autorità. Si dice che è piàcevole, modesta, e che molto bene conosce la natura del Gran Signore". (Relatione fatta in pregàdi nel mese di Febràjo del 1553, у Альбери, I,

послужилъ ей къ быстрому возвышенію со ступени любимой наложницы на ступень турецкой императрицы.

Солиманъ, въ первой молодости своей, страстно любилъ черкешенку и сдѣлалъ ее законною женою своею, то есть султанщею. Онъ былъ ей преданъ тѣмъ сердечнѣе, что она была матерью наслѣдника престола, Мустафы. Принцъ Мустафа обладалъ съ дѣтства всѣми качествами, какихъ могъ желать азіятски просвѣщенный и по своему геніальный Солиманъ отъ будущаго своего преемника. Это былъ прекрасный, даровитый, смѣлый, благородномыслящій юноша. Принцъ Мустафа составлялъ гордость Солимана и залогъ процвѣтанія возвеличенной имъ имперіи. Черкешенка-султанша видѣла себя обезпеченною въ любви и уваженіи своего царственнаго супруга. Но не могла она выносить предпочтенія, которое Солиманъ оказывалъ уму и очаровательному характеру любимой невольницы, Роксоланы. Долго терзалась она втайнѣ; наконецъ, сдерживаемая разсудкомъ ревность прорвалась въ ней со всей азіятской дикостью. „Предательница!" вскричала она, въ бѣшенствѣ наступая на Роксолану, „ты, проданная говядина, ты хочешь соперничать со мною!" И тутъ же исцарапала ей лицо, истерзала волосы, едва не задушила ее собственными руками. Въ это самое время Солиманъ прислалъ евнуха позвать къ себѣ свою любимицу. Роксолана велѣла сказать султану, что она, „проданная говядина", не можетъ, въ настоящемъ видѣ своемъ, явиться къ своему повелителю, не оскорбивъ его величія. Солиманъ потребовалъ къ себѣ

77). Исторія Солимана и Роксоланы, послужившая основою романовъ и драматическихъ произведеній во всѣхъ европейскихъ литературахъ, имѣетъ двѣ версіи. Болѣе эфектная версія принадлежитъ французскому посланнику при турецкомъ дворѣ, Мишелю де Годиньякъ. Я придерживаюсь изложенія Цинкейзена, по указаніямъ котораго французская версія оказывается созданіемъ молвы.

Роксолану немедленно и, возмущенный тираннією султанши, позвалъ ее къ отвѣту. Та, не остывъ еще отъ гнѣва, отвѣчала запальчиво, что Роксолана заслуживаетъ еще худшаго обращенія: она, любимая невольница султана, забрала себѣ въ голову, что весь сераль долженъ склониться передъ нею! „И склонится", отвѣчалъ мрачно Солиманъ, въ умѣ котораго уже состоялся приговоръ надъ султаншею. Ревнивая черкешенка въ ту же минуту была отправлена къ своему сыну въ его резиденцію, а Роксолана получила титулъ Хасеки-Хурремъ (Радостная) и подъ этимъ именемъ возведена въ санъ императрицы.

Но съ нея было мало одного возвышенія. Русинка наша отличалась той безпощадной мстительностью, которая поражаетъ насъ въ козацкихъ характерахъ. Посреди своего торжества, она, радостная, блистающая умомъ и женственною граціею, которой не могли надивиться въ ней иностранцы, задумала погубить низвергнутую султаншу, погубить вмѣстѣ съ ней и ея блистательнаго сына.

Шли годы. Хасеки-Хурремъ царствовала надъ умомъ и сердцемъ падишаха нераздѣльно. Она была не только женою, но и совѣтницею Солимана. Никогда, ни прежде, ни послѣ Роксоланы, ни одна султанша не играла открыто роли императрицы. Многіе послы европейскихъ государей видали ее на верху политическаго могущества и оставили намъ свидѣтельства о рѣдкомъ ея умѣ, о необыкновенно привлекательной ея личности. Даже европейскія литературы наперерывъ усиливались присвоить эту талантливую женщину, каждая своему народу. Самое имя ея Roxolana пробовали производить отъ словъ Kurrem-sultana, будто бы извращенныхъ переводчиками, „sans se soucier de l'étymologie". Польскіе патріоты отстаивали не меньше французовъ и другихъ иностранцевъ честь со-

племенности съ Роксоланою, и сочинили для этого письмо, которое будто бы польскій посолъ Опалинскій привезъ къ Сигизмунду I-му отъ Солимана. Но современникъ нашъ, графъ Ржевускій, доказалъ несомнѣнно, что великолѣпная султанша была рогатинская поповна. Удивляя, блистая и властвуя, Хасеки-Хурремъ выдала дочь свою за великаго визиря, мрачнаго интригана Рустема, и вмѣстѣ съ нимъ систематически поселяла въ душѣ султана ненависть къ наслѣднику престола. Его мѣсто, во что бы то ни стало, долженъ былъ занять старшій сынъ Роксоланы, Селимъ.

Турецкая политика повелѣвала не держать султаничей ни въ Царьградѣ, ни на европейскомъ берегу Босфора: имъ обыкновенно давались удѣлы или намѣстничества въ Азіи. Ближайшее къ столицѣ намѣстничество, Магнезія, обыкновенно предоставлялось наслѣднику престола. Первымъ актомъ болѣзненной подозрительности Солимана, начинавшаго уже дряхлѣть, было перемѣщеніе принца Мустафы изъ Магнезіи, отстоящей отъ столицы всего на пять или на шесть дней пути, въ Амазію, до которой отъ столицы надобно было путешествовать не меньше двадцати шести дней. Магнезію предоставилъ султанъ Селиму. Эта замѣна была явнымъ знакомъ немилости императора къ старшему сыну. Кругомъ деградированнаго наслѣдника все заговорило объ угрожающей ему опасности, а мать ежедневно предостерегала его отъ отравленія. Но мужественный и великодушный Мустафа не хотѣлъ вѣрить ничему подобному, и старался поступками своими возвыситься во мнѣніи отца. Между тѣмъ столичные наушники перетолковывали ему во вредъ его воинственность, его правосудіе, щедрость, милосердіе, и говорили султану, что Мустафа привлекаетъ къ себѣ сердца народа—съ преступными намѣреніями. До свѣдѣнія Солимана доводили толки янычаръ, что

будто бы, по ихъ мнѣнію, старому султану пора отказаться отъ престола, какъ это сдѣлалъ Баязетъ II, и уступить имперію своему воинственному, талантливому, популярному сыну. Искусно проводимая въ сераль молва мало по малу возымѣла, наконецъ, свое дѣйствіе.

Солиманъ обыкновенно не высказывалъ своихъ намѣреній; но Роксолана и ея зять, великій визирь Рустемъ, знали, что совершалось въ его гордой, страстной и замкнутой отъ всѣхъ душѣ. Въ 1552 году нескончаемая война съ Персіею приняла угрожающій характеръ. По увѣренію серальскихъ клеветниковъ, Мустафа помогалъ персамъ своими совѣтами и ждалъ только выѣзда султана въ дѣйствующую армію, чтобъ овладѣть престоломъ. Султанъ дѣйствительно призналъ необходимымъ личное свое присутствіе на театрѣ войны, и первымъ его дѣломъ по выступленіи въ походъ было—вызвать къ себѣ заподозрѣннаго сына. Въ Амазіи видѣли ясно, къ чему клонится дѣло, и умоляли обожаемаго принца не ѣздить. Но Мустафа оставался глухъ ко всѣмъ убѣжденіямъ. Не подѣйствовала на него даже и суевѣрная примѣта, имѣвшая на Востокѣ значеніе пророчества. Два коня, которыхъ подвели Мустафѣ одного за другимъ, взбѣсились и не дали ему поставить ногу въ стремя. „Я долженъ прежде всего исполнить волю моего отца", говорилъ онъ, „къ чему бы ни привела меня судьба моя. Я не знаю за собой никакой вины, которая грозила бы мнѣ смертью. Я не могу даже представить, чтобы кто нибудь былъ на меня озлобленъ до такой степени. Если же въ самомъ дѣлѣ хотятъ лишить меня жизни, то пусть отниметъ ее у меня тотъ, кто ее далъ". Такія слова вкладывала народная молва въ уста популярнаго принца, представлявшаго собой идеалъ восточнаго рыцаря.

Въ лагерѣ Солимана, между тѣмъ, все было приготовлено

къ пріему сына-измѣнника. Когда несчастный Мустафа прибылъ къ палаткамъ своего отца, онъ не нашелъ ни души въ первой, второй и третьей палаткѣ, которыя представляли рядъ комнатъ. Проходя съ удивленіемъ изъ одной въ другую, Мустафа увидѣлъ наконецъ, въ четвертой палаткѣ, сидящаго на тронѣ падишаха, и почтительно приблизился, чтобы поцѣловать у него руку. „Ты еще смѣешь меня привѣтствовать, собака!" вскричалъ султанъ, и сдѣлалъ условный знакъ. Въ ту же секунду явилось трое нѣмыхъ, подъ командою старшаго комнатнаго слуги. Мустафа долго сопротивлялся ихъ усиліямъ накинуть ему на шею петлю; наконецъ былъ удавленъ передъ глазами отца.

Такъ отмстила туркамъ рогатинская поповна за то, что они сдѣлали изъ нея „проданную говядину". Но послѣдствія ея мстительности были для нихъ еще ужаснѣе.

Объявленный наслѣдникомъ престола, Селимъ представлялъ жалкую противоположность своему отцу и покойному брату, какъ въ наружности, такъ и во внутреннихъ свойствахъ. Съ нескрываемымъ презрѣніемъ отнеслись къ новому наслѣднику престола янычары и всѣ представители гражданскихъ доблестей Порты. Люди смѣлые и сильные, единственно независимые люди въ Турціи, стали толпами окружать младшаго брата его Баязида, такъ же какъ и онъ, давно совершеннолѣтняго. Баязидъ, не помышляя о престолѣ, предавался наукамъ и мирнымъ занятіямъ; но, подъ вліяніемъ патріотовъ, въ виду своего вѣчно пьянаго и преданнаго гаремной чувственности брата, одушевился честолюбіемъ. Партія сераля и партія воинственной части турецкаго общества, во имя двухъ принцевъ, затѣяли междоусобную борьбу, которая, разгораясь все болѣе и болѣе, выразилась наконецъ кровопролитными сраженіями. Престарѣлый Солиманъ нашелся вынужденнымъ

предпринимать походы противъ сына, и въ то же самое время видѣлъ яснѣе, нежели кто либо, какому наслѣднику приходится ему передать созданную и прославленную имъ имперію. Положеніе его было тѣмъ горестнѣе, что его Хасеки-Хурремъ, его Радостная, скончалась въ разгарѣ междоусобной борьбы, и онъ, больше чѣмъ когда либо, замкнулся въ самомъ себѣ со всѣми терзавшими его душу воспоминаніями... Талантъ великаго полководца, къ несчастію его имперіи, не измѣнилъ ему въ борьбѣ съ сыномъ: междоусобная война кончилась пораженіемъ Баязида. Но Баязидъ бѣжалъ съ четырьмя своими сыновьями къ исконному врагу Турціи, персидскому шаху, и повелитель правовѣрныхъ, „тѣнь Бога на землѣ", заплатилъ шаху 400.000 червонцевъ за умерщвленіе своего сына и внуковъ.

Видя начало паденія своей имперіи и зная, что будетъ съ нею дальше, дряхлый и безпомощный султанъ получилъ отвращеніе ко всѣмъ удовольствіямъ жизни. Украшенные золотомъ и драгоцѣнными камнями музыкальные инструменты сераля были разбиты передъ его глазами и брошены въ огонь. Отрядъ красивыхъ мальчиковъ, увеселявшихъ его своими играми, изгнанъ изъ сераля. Купцы получили строжайшее повелѣніе не ввозить въ Царьградъ ни одной бутылки вина. Со стола падишаха исчезла серебряная и золотая посуда; ея мѣсто заняли самыя простыя издѣлія горшечниковъ, и данное ему иностранцами названіе Великолѣпный сдѣлалось какъ бы насмѣшкою гяуровъ.

Турецкая имперія, въ два новыя поколѣнія, превратилась въ широкую сцену неудержимаго извращенія нравовъ, какъ бы по зловѣщему почину послѣдняго изъ великихъ государей своихъ. Въ эти два поколѣнія ее, еще недавно могуществен ную оружіемъ и гордую внутренней организаціей, стали тре-

вожить, унижать въ глазахъ всего подвластнаго ей міра и безнаказанно опустошать невѣдомые исторіи люди—домашніе пираты райзы, и соединившіеся съ райзами козаки. Никогда бы эти разрушительныя начала не въѣлись въ государственный организмъ, никогда бы Турція не дала имъ обильной, легко добываемой пищи, когда бы плѣнная русинка не превратила побѣдоноснаго, талантливаго, прозорливаго и въ своемъ родѣ добродѣтельнаго „повелителя четырехъ концовъ свѣта" въ безсмысленное игралище сераля. Теперь судьба Турціи зависѣла уже не отъ энергіи ея правителей—она никогда къ нимъ не возвратилась,—а отъ энергіи ея дикихъ опустошителей. Подъ предводительствомъ Сагайдачнаго, ученики турецкихъ райзъ, днѣпровскіе козаки, сдѣлали ужасающіе успѣхи въ искусствѣ побѣждать турецкія флотиліи и овладѣвать турецкими рынками. Они вторгались даже въ Золотой Рогъ, который, сосредоточенною въ немъ роскошью гаремной жизни, представлялъ на землѣ подобіе Магометова рая. Имъ оставалось только ворваться въ тѣ ворота, передъ которыми остановился ихъ прототипъ Олегъ. И они бы сдѣлали это непремѣнно, когда бы ихъ родной край не представилъ имъ еще болѣе легкой добычи, чѣмъ сама Турція, по милости того раздѣленія югозападной Руси на ся, которое устроила въ ней объединительная политика Польши.

Странная случайность помѣстила на время въ Царьградѣ и послѣдняго героя польской культуры, старавшагося вредоносную козацкую вольницу обратить на полезное служеніе государству, и перваго изъ козацкихъ предводителей, восторжествовавшаго надъ европейскимъ войскомъ.

Товарищъ и зять знаменитаго Жовковскаго, полевой коронный гетманъ Конецпольскій, не разставался съ нимъ на погибельномъ полѣ битвы до тѣхъ поръ, пока ихъ не раз-

лучилъ послѣдній натискъ татарской орды. Очутясь безъ войска, онъ скоро сдѣлался добычею татаръ, которые признали въ немъ знатнаго плѣнника и доставили къ Скиндеръ-башѣ. Конецпольскій былъ отправленъ въ турецкій Бѣлградъ. Тамъ посадили его въ темницу, описаніе которой доставило бы козацкому барду одинъ изъ тѣхъ мрачныхъ пассажей, которыми такъ богаты невольницкія думы. Это была грязная, полутемная **фурдыга** (козацкое названіе форта здѣсь кстати),—можетъ быть, нѣчто въ родѣ той бани, въ которой томился Сервантесъ. По срединѣ протянута была толстая цѣпь; по ней на кольцахъ двигались цѣпи потоньше. Къ одной изъ такихъ цѣпей прикованъ былъ Конецпольскій. Въ фурдыгѣ, можно сказать, не видать было свѣта Божія, солнца праведнаго, какъ поется въ извѣстной кобзарской думѣ. Она освѣщалась только маленькимъ оконцемъ, въ которое набожные люди подавали узникамъ милостыню. Эта черта турецкой неволи опять говоритъ о человѣчности въ безчеловѣчной басурманской землѣ, и намъ хочется вѣрить, что русскія женщины бранки охристіянили въ этомъ случаѣ магометанское милосердіе.

Но Конецпольскій не долго томился въ бѣлгородской темницѣ. Скиндеръ-баша, которому онъ принадлежалъ, какъ военная добыча, внезапно умеръ, и тогда знаменитаго плѣнника перевезли въ Царьградъ. Здѣсь онъ очутился въ ролѣ Димитрія Вишневецкаго и, безъ сомнѣнія, висѣлъ бы на желѣзномъ крюкѣ, когда бы на немъ, какъ на Вишневецкомъ, лежало пятно обманщика. [1]) Каждому воинственному неволь-

---

[1]) Князь Димитрій Вишневецкій, а по козацкимъ пѣснямъ Козакъ Байда, служилъ съ своими козаками султану до перехода на службу къ московскому царю, а потомъ явился непріятелемъ Порты, въ 1564 году, и очутился ея плѣнникомъ. Этимъ надобно объяснять его

нику предлагали въ Турціи принять магометанство съ обѣщаніемъ почестей и богатства въ новомъ отечествѣ. На этой пропагандѣ строили турки силу свою. Лучшіе воины и лучшіе администраторы были у нихъ „потурнаки". Когда Конецпольскаго привели въ серальный диванъ, великій визирь сказалъ ему:

„Выбирай любое: если пристанешь къ мусульманской вѣрѣ, то повелитель правовѣрныхъ тотъ часъ ввѣритъ тебѣ пятьдесятъ тысячъ войска и пошлетъ въ Персію; что добудешь коштомъ падишаха на войнѣ, все будетъ твое. Если же этого не сдѣлаешь, то пропадешь въ неволѣ".

„Не могу я этого сдѣлать (отвѣчалъ Конецпольскій): потому что, когда бы я Богу и государю моему сломалъ вѣру, то не былъ бы твердъ и въ вашей вѣрѣ".

Этому отвѣту, достойному аристократа-козака, гармонически вторитъ кобзарская дума о козакѣ-демократѣ. Въ ней плѣнный запорожскій гетманъ говоритъ еще энергичнѣе:

Хочъ буду до смерти бѣду та неволю пріймати,
А не буду вѣры христіяньскои пôдъ нозѣ топтати.

„Ступай же на вѣчное сидѣнье въ тюрьмѣ (сказалъ великій визирь). Это ужъ не мой будетъ грѣхъ, не моя вина; на меня не нарекай".

Здѣсь члены дивана съ участіемъ обступили Конецпольскаго, такъ что, по словамъ фамильнаго преданія, онъ „nie wiedział, gdzie się obrócić". [1]) Но великій визирь положилъ конецъ этой сценѣ, приказавъ отправить его въ Черную Башню, въ извѣстную всѣмъ намъ, по отеческимъ воспоминаніямъ, Эдикулу. Тамъ дали ему помѣщеніе получше бѣл-

смерть. Ниже разсказанъ, въ текстѣ, подобный же случай съ княземъ Самуиломъ Корецкимъ.

[1]) Не зналъ куда обратиться, т. е. кому отвѣчать на слова участія.

городскаго. Въ столицѣ турокъ не былъ такъ безпощаденъ, какъ въ провинціяхъ.

Конецпольскій сидѣлъ въ одной залѣ съ 12-ю другими разноплеменными плѣнниками. Каждому ежедневно отпускалось на содержаніе по нѣскольку аспровъ. По два часа въ день позволено было имъ гулять по верхней залѣ надъ моремъ и любоваться пышнымъ, едвали не великолѣпнѣйшимъ въ мірѣ зрѣлищемъ. Остальное время проводили они въ молитвѣ, въ бесѣдахъ, или же убивали за картами. На долю Конецпольскаго выпало еще одно развлеченіе. Ага Черной Башни, то есть комендантъ Эдикульскаго, иначе Семибашеннаго замка, имѣлъ нѣсколько стѣнныхъ часовъ, съ которыми, какъ варваръ, не умѣлъ обращаться. Онъ пришелъ къ плѣнникамъ и спрашивалъ, не можетъ ли кто нибудь изъ нихъ поставить часы. Коронный гетманъ отвѣчалъ: „Я бы могъ, когдабы посмотрѣлъ". Обрадованный ага велѣлъ ему идти за собою. Конецпольскій поставилъ ему двое часовъ. На другой день его позвали опять. Онъ опять исправилъ двое часовъ, а одни изъ вчерашнихъ нарочно остановилъ. Этимъ способомъ онъ устроилъ себѣ нѣкоторое refrigerium, какъ выражается семейная хроника, и нѣсколько разъ выходилъ изъ своего заключенія въ качествѣ часового мастера.

Между тѣмъ варшавскіе друзья открыли съ нимъ сообщеніе. Однажды прислуживавшій плѣнникамъ турченокъ принесъ къ нему для продажи какой то кафтанъ. Конецпольскій чутьемъ узника понялъ, что это значитъ. Въ кафтанѣ были зашиты письма изъ дому и нѣсколько десятковъ червонцевъ. [1]) Два слишкомъ года прошло уже со времени не-

[1]) Семейная хроника Конецпольскихъ говоритъ, что въ кафтанѣ было зашито тысяча и нѣсколько сотъ червонцевъ, но это, безъ со-

счастнаго Цоцорскаго отступленія. Теперь писали Конецпольскому, что вскорѣ прибудетъ въ Царьградъ польскій великій посолъ для заключенія съ турками вѣчнаго мира и освобожденія его изъ неволи. До сихъ поръ онъ какъ будто былъ забытъ родиной, которая, въ лицѣ такихъ людей, какъ Жовковскій, возлагала на него лучшія надежды свои. Неволю его услаждала только привязанность къ нему людей, сторожившихъ тюрьму его.

Жена спаха Челеби, будучи бранкою изъ христіянъ, взяла на себя попеченіе о бѣльѣ Конецпольскаго, и мужа своего сдѣлала самымъ усерднымъ его слугою. Еще сердечнѣе расположился къ Конецпольскому одинъ изъ тюремныхъ сторожей, по имени Гузь. Этотъ Гузь обыкновенно спалъ за желѣзной рѣшеткой, въ той же залѣ, гдѣ содержались плѣнники. Однажды Конецпольскій услышалъ, что онъ горько плачетъ сквозь сонъ и, разбудивъ его посредствомъ палки, спросилъ его:

„О чемъ ты плачешь, Гузь“?

„Мнѣ снилось (отвѣчалъ тотъ), что тебя выкупили, и что ты уѣзжаешь. Мнѣ было жаль тебя; отъ того я плакалъ“.

„Но было и еще не малое искушеніе“ (разсказываетъ авторъ фамильнаго „меморіала“. Конецпольскихъ). Турчанки считали религіознымъ долгомъ навѣщать узниковъ и подавать имъ милостыню. Сестра великаго визиря Гусейна посѣтила Черную Башню и, взойдя въ невольницкую залу въ сопровожденіи двухъ матронъ, которыя вели ее подъ руки, остановила вниманіе свое на панѣ Станиславѣ. Онъ игралъ въ карты съ двумя товарищами плѣна за столикомъ; передъ

мнѣнія, преувеличеніе автора хроники, который не хотѣлъ низойти до печальной реальности пограничнаго быта.

ними стояла фляга съ виномъ и кубокъ. Портретъ коронна-го гетмана представляетъ мужчину, на котораго могла заглядѣться любая женщина. Турчанка, какъ надобно думать, видала его прежде, и плѣнилась его богатырской наружностью, его мужественной красотою. Минуя карточный столикъ, она прошла къ другимъ плѣнникамъ и, вынувъ мѣшокъ съ деньгами, подала каждому по червонцу; потомъ вернулась, подала милостыню товарищамъ Конецпольскаго, а Концепольскому указала на свою калиту и сказала: „Это твое, и я хочу твоею быть". Въ отвѣтъ на комплиментъ (иначе не хотѣлъ онъ понять слова безумно влюбленной въ него женщины) коронный гетманъ, съ рыцарской учтивостью, налилъ кубокъ вина и выпилъ за здоровье высокой посѣтительницы. Она приняла тостъ, и отвѣчала на него, взявъ изъ рукъ въ руки кубокъ; но, надпивши немного, передала своимъ спутницамъ. Въ слѣдъ за тѣмъ поднялась она по лѣстницѣ въ верхнюю залу, давая очаровавшему ее плѣннику болѣе удобный случай для бесѣды. Но, видя, что онъ ее не понялъ, спустилась на послѣднюю ступеньку и стала манить его къ себѣ калитой своей. Это было уже слишкомъ по восточному. Конецпольскій обратился снова къ своему кубку. Она тѣмъ же порядкомъ приняла тостъ его, и снова поднялась по лѣстницѣ въ верхнюю залу. Наконецъ, видя, что искушаетъ его напрасно, вернулась гнѣвная, быстро прошла мимо красавца рыцаря, плюнула и съ укоромъ тряхнула червонцами.

Много ли точности въ этомъ фамильномъ преданіи, трудно сказать, но, въ общихъ чертахъ, оно напоминаетъ намъ приключенія Сервантеса во время его плѣна у африканскихъ мавровъ: тамъ Зораида пустила въ ходъ червонцы своего

отца, съ той же отвагою и слѣпотою страсти, съ какой здѣсь готова была дѣйствовать турецкая аристократка. Напоминаетъ оно также извѣстный вымыселъ Байрона, вѣрный восточной дѣйствительности. Сохранилось и у насъ пѣсенное преданіе о козацкомъ кошевомъ атаманѣ Случаѣ, который, подобно Донъ-Жуану Байрона, увезъ турчанку отъ ея мусульманскаго обладателя. Дерзость покушенія вырабатывалась у турецкихъ женщинъ самимъ насиліемъ деспотизма, а безконечная монотонность гаремной жизни искала конца, хотя бы и трагическаго.

Быстро смѣнялись въ турецкомъ обществѣ сцены жизни. Контрасты являлись въ немъ безпрестанно и повсемѣстно, уже по одному тому, что это общество имѣло формацію вулканическую. Рядомъ съ той залой, въ которой сестра Гусейна предлагала одному плѣннику свободу, сидѣлъ другой плѣнникъ, которому Гусейнъ устроилъ трагическій конецъ.

Князь Самуилъ Корецкій попалъ въ турецкую неволю на той же несчастной долинѣ Цоцорѣ. Это былъ козакъ по призванію, аристократъ—по общественному положенію. Воевать съ невѣрными было его врожденною страстью. Мрачная перспектива военныхъ подвиговъ, намѣченная въ 1564 году Димитріемъ Вишневецкимъ, пугала его такъ же мало, какъ и тѣхъ, которые твердили: не треба смерти боятись: одъ неи не встережесся. [1]) Походъ его въ Волощину вмѣстѣ съ Стефаномъ Потоцкимъ, въ 1616 году, былъ дѣломъ крайне рискованнымъ, и они, вмѣстѣ съ другими русскими панами, попали въ плѣнъ, совершенно по козацки. Но, сидя въ этой самой Черной Башнѣ, Корецкій и Потоцкій нашли способъ уйти. Потоцкій послѣ бѣгства занялся хозяйственными дѣлами; но Корецкій опять явился подъ польскимъ знаме-

[1]) См. томъ I, стр. 68.

немъ противъ турокъ, и, какъ уже сказано, сдѣлался снова плѣнникомъ на Цоцорѣ. Тогдашніе пограничники съ подобными случайностями свыкались отъ юности, и подгорскій козакъ-аристократъ покорился судьбѣ своей съ удивительнымъ стоицизмомъ. [1]) Современный мемуаръ разсказываетъ, что князь Корецкій, при видѣ Стамбула, куда везли его въ другой разъ плѣнникомъ, схватилъ „свою козацкую кобзу" и весело зазвонилъ въ струны, какъ бы торжествуя побѣду. Но въ глазахъ султанскаго дивана уйти изъ плѣна, не заплативши окупа, было дѣломъ безчестнымъ. Подъ предсѣдательствомъ великаго визиря, диванъ рѣшилъ: удавить коварнаго гяура въ темницѣ, если онъ не заплатитъ громадной выкупной суммы. Условіе напрасное. Воинственные русичи-аристократы весьма часто доигривали игру свою на послѣднія средства, подобно своимъ демократическимъ братьямъ, которые обыкновенно говорили: Не на те козакъ пъе, що е, а на те, що буде. Девять мѣсяцевъ ждали турки окупа и, не дождавшись, постановили: исполнить приговоръ дивана. Къ плѣннику явилось девять спаховъ съ фирманомъ въ рукахъ и съ длинными ручниками на плечахъ. Корецкій, говорятъ, оборонялся выхваченнымъ у одного изъ палачей ножемъ. Сцена его обезоруженія и удушенія, сопровождаемая страшнымъ крикомъ, слышна была Конецпольскому и его товарищамъ, какъ на театрѣ. Наконецъ трупъ Корецкаго сброшенъ былъ съ башни и зарытъ подъ окнами въ пескѣ. Конецпольскій видѣлъ въ этомъ грозное предостереженіе отъ покушеній къ побѣгу. Онъ былъ доволенъ своей стойкостью противъ представившагося ему искушенія. Съ сокрушеньемъ сердца, онъ припряталъ поруганный

---

[1]) У козаковъ была даже пословица: „Чи вмрешъ, чи повиснешъ, разъ мати вродила".

трупъ товарища неволи у францисканскихъ монаховъ, которые имѣли въ Царьградѣ свой монастырь на Галатѣ.

И долго еще томился онъ въ своемъ живописномъ заключеніи. Къ нему приходили отрывочныя вѣсти: о Хотинской войнѣ; о жалкомъ возвращеніи въ Стамбулъ Османа II; о его насильственной смерти; о грозномъ бунтѣ Абазы и другихъ турецкихъ сатраповъ; о янычарскомъ террорѣ въ самой столицѣ. Онъ слыхалъ кое что о великодушномъ предпріятіи своего родственника Яна Жовковскаго. Осенью 1622 года, онъ былъ свидѣтелемъ тріумфальнаго вступленія въ Стамбулъ Редшебъ-баши, который одержалъ первую въ теченіе послѣдняго десятилѣтія побѣду надъ козаками-пиратами и привелъ въ Золотой Рогъ 18 козацкихъ чаекъ съ пятьюстами плѣнниковъ. Въ то же самое время, чрезъ посредство цареградскихъ іезуитовъ и францисканцевъ, къ нему приходили глухіе слухи о крестовомъ походѣ, который предпринимало противъ турокъ западное рыцарство подъ главенствомъ папы. Со всѣхъ сторонъ кипѣніе жизни отдавалось въ его слухѣ громкимъ эхомъ. Одинъ онъ, во цвѣтѣ мужественныхъ силъ, былъ осужденъ проводить время въ уныломъ бездѣйствіи.

Наконецъ прибыли таки въ оттоманскую столицу послы Рѣчи Посполитой. Но освобожденіе его изъ турецкой неволи зависѣло отъ заключенія мира съ Портою, а заключить миръ съ Портою не давали его товарищи по ремеслу, его наемные союзники, его завзятые соперники въ обладаньи Украиной — днѣпровскіе козаки. Они, потерявъ множество чаекъ и людей въ несчастномъ гостеваньѣ на морѣ послѣ столькихъ побѣдъ надъ невѣрными, послѣ столькихъ счастливыхъ грабежей на черноморскихъ пристаняхъ, послѣ захвата столькихъ купеческихъ судовъ на древне-Русскомъ мо-

рѣ, были теперь раздражены, какъ шумное гнѣздо шмелей, не знающихъ страха гибели, и въ самое то время, когда въ турецкомъ диванѣ шли многосложные переговоры, наводили ужасъ на черноморскихъ купцовъ, на турецкія катарги, на самихъ обитателей босфорскихъ побережьевъ. Къ этой бѣдѣ присоединился еще вѣчный недостатокъ денегъ въ кассѣ посольства; а турокъ не возможно было склонить къ миру иначе, какъ военною силою, которой у поляковъ не было, или же деньгами, которыхъ было у нихъ меньше всего. Пущены были въ ходъ просительныя письма польскихъ магнатовъ и расположенныхъ къ нимъ иностранныхъ пословъ, щедрыя обѣщанія, героическія угрозы, унизительная для польскаго имени лесть, посредничество папскихъ агентовъ, скудная, но искусная раздача золота членамъ дивана, и послѣ многосложныхъ интригъ и переторжекъ, продолжавшихся цѣлые мѣсяцы, князю Христофору Збаражскому удалось наконецъ выкупить польскаго фельдмаршала за 30.000 такъ называемыхъ twardych talarów. Когда коронный гетманъ выходилъ изъ Черной Башни, благодарный ему за починку часовъ ага или комендантъ велѣлъ зарѣзать нѣсколько барановъ и раздать товарищамъ его неволи, а освобожденному плѣннику подарилъ палку, съ которой бы онъ гулялъ дома по саду.

Мы не знаемъ, какъ разстался симпатичный для турокъ русинъ съ пріятельницею своею, женою Челеби; но ея мужъ и тутъ еще оказалъ ему важную услугу.

Еще въ 1616 году, вмѣстѣ съ Самуиломъ Корецкимъ, попалъ въ турецкую неволю близкій родственникъ Конецпольскаго, панъ Пшерембскій, состоявшій въ родствѣ съ волошскими Могилами, и потому считавшій долгомъ принять участіе въ неудачномъ походѣ 1616 года для поддержанія ихъ на

господарствѣ. У турокъ, такъ точно, какъ у мавровъ, о которыхъ повѣствуетъ Сервантесъ, только тѣ невольники высылались на работу, за которыхъ не было надежды получить выкупъ. Хотя Пшерембскій принадлежалъ по родству къ первымъ домамъ Рѣчи Посполитой, но срокъ, назначенный для его выкупа, прошелъ, а денегъ ни у кого изъ его родныхъ не оказалось. Пана Пшерембскаго вывели на невольничій рынокъ, и персидскій купецъ, видя въ немъ дюжаго мужчину, заплатилъ за него 200 талеровъ, какъ за добраго ломового коня. Родственникъ владѣтельныхъ князей и магнатовъ былъ уведенъ, такимъ образомъ, въ Персію для исправленія должности купеческаго носильщика. Интересно то обстоятельство, что азіятскіе невольники совершенно тонули въ морѣ незнанія того, что дѣлалось въ Европѣ. Въ теченіе пятилѣтней неволи, Пшерембскій не слыхалъ ни о Цоцорѣ, ни о Хотинѣ въ своихъ странствованіяхъ съ купеческими караванами по Абушерамъ, Басорамъ, Таврисамъ, Ширванамъ. Наконецъ торговые интересы привели его хозяина снова въ Царьградъ. На ту пору въ Царьградѣ происходили важныя для Польши сдѣлки. Королевскій великій посолъ, князь Збаражскій, хлопоталъ о вѣчномъ мирѣ. Козацкій флотъ распространялъ тревогу по всему черноморскому побережью. Поляки въ сотый разъ отрекались отъ солидарности съ козаками и обѣщали обуздать, даже истребить это „лотровство.“ Іезуиты старались низвести съ патріаршаго престола Кирилла Лукариса, памятнаго намъ своимъ участіемъ въ южнорусскомъ православномъ движеніи, и таки успѣли въ этомъ, но только на шесть дней. Францисканцы задѣлали тѣло князя Корецкаго въ смоляную бочку, и примкнули къ обозу великаго посла, прикидавъ купленными имъ въ Цареградѣ коврами и обоями. Много вексельныхъ сдѣ-

локъ было заключено безденежными панами съ богатыми константинопольскимими жидами. Много плѣнниковъ было выкуплено или вымѣнено на плѣнниковъ, захваченныхъ козаками со времени Хотинской войны. Все это, должно бы, казалось, было произвести въ цареградскомъ населеніи большой говоръ, который довелъ бы до свѣдѣнія персидскаго носильщика о пребываніи польскаго посольства и его знатнаго родственника въ Царьградѣ. Но такъ ничтоженъ былъ Лехистанъ съ его вѣчнымъ безденежьемъ въ глазахъ мусульманскаго купечества, занимавшаго высокое положеніе въ мѣстномъ обществѣ, [1]) что только случай открылъ обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ ихъ одновременное пребываніе въ Царьградѣ.

Одинъ изъ дворянъ Конецпольскаго, панъ Домбровскій, прибывшій изъ подгорской Руси съ королевскимъ посольствомъ,— на канунѣ выѣзда персидскаго купца въ обратный путь, зашелъ въ его лавку для какой то покупки и былъ узнанъ паномъ Пшерембскимъ. Домбровскій побѣжалъ къ Конецпольскому съ извѣстіемъ о его родственникѣ. Но купецъ дорожилъ своимъ носильщикомъ; ломилъ за него въ открывшейся переторжкѣ крупную сумму денегъ; выкупить пана Пшеремб-скаго было не на что. Тутъ то пригодилась Конецпольскому дружеская къ нему расположенность Челеби. Спахи пользовались правомъ выкупа братьевъ своей жены, чьими бы не-

---

[1]) Шарденъ, путешествовавшій по Персіи и другимъ восточнымъ странамъ во второй половинѣ XVII столѣтія, говоритъ: „Le nom de Marchand en Orient est un nom de grand respect, etc. И въ другомъ мѣстѣ: En Orient les Negocians sont des gens sacrez, à qui on ne touche jamais: eux et leurs effets passant libres au milieux des armées. C' est à leur egards sur tout, que la sûreté des chemins est si grande en toute l' Asie, et particuliérement en Perse“. (Voyages de Chevalicr Chardin en Perse et autres lieux, IV, 255, 266).

вольниками они ни были, хотя бы и султанскими. Призванный для совѣта, Челеби предложилъ Конецпольскому свою готовность объявить пана Пшеремвскаго братомъ своей жены. Съ этою цѣлью паны отправились цѣлымъ обществомъ на базаръ, вмѣстѣ съ Челеби и его женою. Предупрежденный о заговорѣ противъ персіянина панъ Пшеремвскій выскочилъ изъ лавки и, съ восклицаніями радости, бросился обнимать мнимую сестру свою. Персіянинъ хотѣлъ было прекратить непріятную для него сцену посредствомъ нагайки; но тутъ нашлись люди для поддержанія привилегіи спаха, и персидскій купецъ считалъ себя счастливымъ, когда ему возвратили 200 талеровъ, заплаченныхъ имъ за невольника.

Такъ бѣдствовалъ и такъ вышелъ наконецъ изъ своего бѣдственнаго положенія герой украинской колонизаціи, соперникъ Густава-Адольфа по военному таланту, знаменитый охранитель польскорусскихъ областей отъ азіятскихъ хищниковъ и завоевателей.

Одновременно съ нимъ находился въ турецкой неволѣ и тотъ, кто на сценѣ его культурной дѣятельности появился въ слѣдъ за нимъ, какъ трагическая противоположность. Но пребываніе Богдана Хмельницкаго въ плѣну у турокъ покрыто забвеніемъ, свойственнымъ средѣ, къ которой онъ принадлежалъ. Равнодушные ко всему, что человѣческій умъ пытался создать благороднаго въ тѣ трудныя для его дѣятельности времена, козаки не дорожили и воспоминаніями о своемъ прошедшемъ. Только отъ шляхты, болѣе или менѣе одичалой въ ихъ невѣжественной средѣ, да отъ людей, издали глядѣвшихъ на истребительную работу козачества, мы знаемъ кое что о человѣкѣ, справедливо прозванномъ въ Украинѣ козацкимъ батькомъ.

Молодого Богдана Хмельницкаго, взятаго въ плѣнъ на Цо-

цорѣ, купилъ у татаръ богатый турокъ и продержалъ у себя два года. Ни греки, пропагандисты древняго русскаго благочестія среди подгорскихъ, волынскихъ, бѣлорусскихъ и кіевскихъ русиновъ; ни францисканцы, имѣвшіе тогда свой монастырь на Галатѣ; ни іезуиты, крѣпко засѣвшіе въ Царьградѣ для борьбы съ греческимъ патріархатомъ въ турецкомъ диванѣ; ни козаки, которыхъ турецкая каторга не удерживала отъ варяжничанья по Черному морю и которые даже потурчившись уходили въ Зопорожскую Сѣчь,—никто не сохранилъ для насъ яснаго воспоминанія о пребываніи въ Турещинѣ будущаго козацкаго батька. Носились только слухи, что молодой плѣнникъ, для своего самосохраненія, прибѣгнулъ въ турецкой неволѣ къ той двуличности, которою онъ, во время своей извѣстности, обладалъ въ совершенствѣ, и которая провела его до конца черезъ всѣ опасности жизни. У турокъ, сверхъ того, о Богданѣ Хмельницкомъ сохранилось лѣтописное сказаніе, что все время своего плѣна провелъ онъ, какъ мусульманинъ. Этимъ объясняютъ и его необыкновенную между козаками грамотность въ арабскомъ языкѣ, и его рѣдкое знаніе восточныхъ обычаевъ, и, наконецъ, то обстоятельство, что, подвергаясь опасностямъ среди разузданной имъ черни, среди цѣлаго полчища банитовъ шляхтичей, составлявшихъ кадры его козацкой орды, среди множества завистниковъ военной славы своей, онъ постоянно содержалъ на жалованьѣ пять тысячъ мусульманской конницы.

Могъ ли Богданъ Хмельницкій сдѣлаться потурнакомъ? искренно ли, или притворно онъ „потурчился“? Объ этомъ напрасно разсуждать, когда рѣчь идетъ о человѣкѣ, котораго сынъ мѣнялъ православнаго государя на католическаго, а католическаго на мусульманскаго, и былъ сперва козакомъ, потомъ архимандритомъ, наконецъ магометаниномъ. Въ каждомъ изъ

положеній, въ которыя ставила Богдана Хмельницкаго „щербатая козацкая доля", у него было на столько искренности, на сколько внушала ее личная выгода или безопасность. Въ тѣ шаткія времена, необходимость балансировать между Польшею и Москвою, между Москвою и Турціею, между папизмомъ и православіемъ, между православіемъ и магометанствомъ — должна была каждаго обработаннаго по иноземному русина предрасполагать къ двуличности; а Богданъ Хмельницкій съ самого дѣтства впитывалъ въ себя шляхетную иноземщину. Его отецъ, служа Жовковскому и потомъ Даниловичу, откуда бы ни вышелъ, неизбѣжно долженъ былъ подчиниться тому сильному преобладанію польщины надъ русчиною, которое дома Замойскихъ, Острожскихъ, Корецкихъ, Потоцкихъ, Вишневецкихъ и т. д. пересоздало въ локомотивы польской національности. Для этого ему не нужно было мѣнять ни вѣры, ни даже языка. Еслибъ Михаилъ Хмельницкій вышелъ на червоннорусское пограничье не изъ Мазовіи или Литвы, откуда производятъ его родъ современники, а изъ самаго православнаго въ его время города Острога, или даже, какъ этого хочется украинскимъ историкамъ, изъ мѣстечка Лысянки, которое тогда не было еще основано; то и въ такомъ случаѣ, онъ, въ качествѣ панскаго слуги, былъ бы могъ бы быть и долженъ былъ бы быть не иного разряда козакомъ, какъ Бѣлецкій, извѣстный намъ по Солоницѣ и потомъ по Оринину. [1]) Въ немъ сохранилась вѣра предковъ его, сохранилась и ихъ національность; но вѣра его была „упослѣжена" лучшими русскими людьми, въ томъ числѣ и его патрономъ, потомкомъ Данила Галицкаго, а его родная рѣчь низведена этими людьми до діалекта, необходимаго для объясненія съ черныю. Если и дома такихъ православниковъ, какъ Острожскіе, Со-

[1]) См. томъ II, стр. 135 и 299.

ломирецкіе, Кисели, оказывались фабриками для выдѣлки изъ русскихъ людей польскихъ дѣятелей, то было бы неестественно сѣдалищамъ строгаго католичества, червонпорусскимъ панскимъ домамъ, оказываться въ этомъ отношеніи вовсе бездѣйственными. Какую бы роль ни игралъ Богданъ Хмельницкій въ послѣднее десятилѣтіе жизни своей, во всякомъ случаѣ онъ былъ завоеванный польскимъ элементомъ русинъ, и ничѣмъ инымъ не оставалось ему возможности быть. Польскій элементъ, въ смыслѣ національности, вовсе не былъ такъ слабъ, какъ польская государственность. Доказательствомъ его побѣдительной силы служитъ всего больше то обстоятельство, что онъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ, проявляетъ себя еще и въ наше время весьма энергически. Во времена Хмельницкаго онъ такъ могущественно вліялъ на воспитанныя подъ его вліяніемъ личности, что лишь только козакъ примыкалъ къ составу Московскаго царства, какъ уже начиналъ оглядываться съ сожалѣніемъ на покинутое имъ польское общество и, питая антипатію къ новымъ друзьямъ своимъ, относился симпатически къ бывшимъ своимъ непріятелямъ. Виговщина и послѣдовавшія за нею усобицы подтверждаютъ это замѣчаніе слишкомъ краснорѣчиво.

Послѣ освобожденія изъ плѣна,—путемъ ли бѣгства, или путемъ выкупа, не извѣстно,—мы видимъ молодого Хмельницкаго наслѣдникомъ того положенія, которое занималъ его отецъ въ панскомъ обществѣ. Этимъ положеніемъ онъ, въ свою очередь, представилъ доказательство, что предводители козачества были демократическія копіи съ предводителей шляхетства. Заложенный Михайломъ Хмельницкимъ хуторъ былъ незначительною поземельною собственностью въ глазахъ его патрона Даниловича и всякаго другого крупнаго пана; но въ глазахъ степняковъ, которые вели простую, номадную жизнь,

собраніе мазанокъ и землянокъ, вокругъ которыхъ волновалась роскошная украинская жатва, паслись стада, гуляли табуны лошадей, „осада“ Хмельницкаго была достаткомъ панскимъ и давала ея владѣльцу значеніе дуки въ бродячей козацкой средѣ. Вспомнимъ, какъ татары нуждались въ помощи осѣдлыхъ за Днѣстромъ турокъ для своихъ набѣговъ, имѣвшихъ цѣлью общій тѣмъ и другимъ заработокъ. Такъ точно нуждались козаки въ зажиточныхъ пограничникахъ, которые въ однихъ случаяхъ давали имъ пристановище, въ другихъ—снабжали ихъ лошадьми и военными снарядами; а нуждаясь въ пограничныхъ дукахъ, они помогали имъ восполнять заработки мирнаго плуга заработками наѣзднической сабли.

Операціоннымъ базисомъ бездомнаго козачества всегда было домовитое общество Рѣчи Посполитой. Изъ какихъ бы классовъ оно ни состояло, оно постоянно давало козачеству свой контингентъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщало ему свои соціальныя стремленія. Первый изъ извѣстныхъ намъ документально представителей этой корпораціи, Остапъ Дашковичъ, является на исторической аренѣ вмѣстѣ и хозяиномъ, и наѣздникомъ. Такой же двоякій образъ жизни виденъ и въ тѣхъ „мужественныхъ львахъ“ Папроцкаго, которые „жаждали одной только кровавой бесѣды съ невѣрными“. Всѣ пограничные старосты, начиная съ тѣхъ, которыхъ Стефанъ Баторій такъ сильно осуждалъ за увлеченіе козачествомъ, были съ одной стороны сельскіе хозяева, съ другой—степные наѣздники. И до самого Сагайдачнаго мы находимъ въ предводителяхъ и главныхъ дѣятеляхъ козачества фундаментъ экономической зажиточности, безъ котораго собиравшейся на Низу голотѣ напрасно было бы думать о морскихъ походахъ. Правительственныя распоряженія о регуляціи козацкихъ дѣй-

ствій были безсильныя попытки одолѣть силу вещей. Сознаваясь молчаливо въ своей слабости, мѣстныя власти предоставляли частнымъ лицамъ воевать съ врагами христіянства въ мѣру возможности и охоты каждаго; а что только козацкій способъ войны съ ними былъ выгоденъ и успѣшенъ, тому доказательствомъ служитъ противузаконное участіе въ ней пограничныхъ старостъ и державцевъ почти вплоть до самой Хмельнищины. Этимъ объясняются извѣстныя слова Кромера о движеніи населенія изъ внутреннихъ областей государства въ пограничную Русь „ради плодородности почвы и безпрестанныхъ гарцевъ съ татарами". Двѣ, по видимому, противоположныя профессіи помогали одна другой, такъ что ни земледѣліе безъ войны, ни война безъ земледѣлія не могли существовать въ передовыхъ мѣстностяхъ Украины. Этимъ же надобно объяснять и желаніе Михайла Хмельницкаго — изъ безопаснаго сравнительно края, изъ общества образованнаго, къ которому онъ принадлежалъ, выдвинуться съ своею слободой на Тясминъ, у котораго еще недавно кочевали татары.

Богданъ Хмельницкій, вернувшись изъ неволи, могъ бы, какъ человѣкъ образованный и бывалый, примкнуть къ двору своего патрона; могъ бы, какъ знатокъ турецкаго языка и мусульманскихъ обычаевъ, участвовать въ посольствахъ на Востокъ; могъ бы, принадлежа, какъ шляхтичъ, къ гербу Абданкъ, составить себѣ, подобно знаменитому Стефану Хмелецкому, блестящую карьеру въ обществѣ русинской шляхты. Нѣтъ, онъ предпочитаетъ удалиться въ пограничную глушь; онъ довольствуется тѣмъ, что отцовское займище отдали ему „на саблю"; но тѣмъ не менѣе идетъ все той же торною дорогой польскорусскаго дворяньства, соединяя сельское хозяйство съ пограничною войною. Люди, подобные Михайлу и Богдану Хмельницкимъ, были одинаково

способны къ устройству свободной ассоціаціи, какъ земледѣльческаго, такъ и военнаго труда. Они становились на челѣ двоякаго стремленія колонизаторовъ — хозяйственнаго захвата обѣщающихъ много пустынь и военнаго захвата „турецкаго добра", какъ называлась вообще добыча, пріобрѣтаемая въ набѣгахъ на оттоманскія владѣнія. Кромѣ того, охраненіе пограничныхъ замковъ, селъ, хуторовъ, пасѣкъ и какихъ бы то ни было панскихъ и козацкихъ осадъ было соединено съ отбиваніемъ у татаръ лошадей, рогатаго скота, овецъ и всякой иной добычи, за которою татары прокрадывались мимо козацкихъ чатъ обыкновенно во внутреннія, менѣе воинственныя мѣстности. Козаки, не обращая вниманія на ропотъ бѣлорусской, волынской и привислянской земледѣльческой шляхты, съ умысломъ пропускали орду на переправахъ и татарскихъ шляхахъ, чтобы ограбить ее на возвратномъ пути, когда ея движенія будутъ затруднены воровскою поживою. Этимъ способомъ они заставляли хозяйства внутреннихъ земель, чрезъ посредство азіятскихъ хищниковъ, дѣлиться своимъ добромъ съ пограничниками и вызывали на передовую линію украинской колонизаціи новыхъ и новыхъ искателей „козацкаго счастья". Понятно, что въ поступательномъ движеніи этой колонизаціи главныя роли принадлежали такимъ людямъ, какъ Богданъ Хмельницкій, можно сказать, наравнѣ съ такими людьми, какъ Станиславъ Конецпольскій. Чѣмъ эти люди были энергичнѣе въ стремленіи къ обогащенію, чѣмъ они были популярнѣе среди вольныхъ колонистовъ и добычниковъ, тѣмъ больше они значили въ глазахъ людей, которымъ обладаемыя ими фактически земли принадлежали юридически. Въ старой Польшѣ, подъ которой разумѣлись и русскія, издавна заселенныя области, выше всего цѣнилось происхожденіе; но въ Польшѣ новой, отво-

еванной у татаръ путемъ боевой колонизаціи, уже и во времена Папроцкаго знатнымъ людямъ вмѣнялась въ достоинство простота быта, не дававшая распознать, кто панъ, а кто его слуга. [1]) Если, такимъ образомъ, и родовые паны, въ силу вещей, уподоблялись по внѣшности безземельнымъ товарищамъ своихъ рыцарскихъ подвиговъ, то тѣмъ паче должны были подлаживаться къ убогимъ козакамъ мелкіе аспиранты на панованье въ родѣ Хмельницкихъ. Въ дружбѣ и ассоціаціи съ воинственными дикарями, они составляли силу, и съ ними предержащія власти ладили, въ свою очередь, до такой степени, что, очевидно, выгораживали ихъ даже изъ отвѣтственности за козацкія возстанія, какъ это случалось и съ Богданомъ Хмельницкимъ. [2]) У польскихъ королятъ это была та самая политика горькой необходимости, которой держалось турецкое правительство относительно такихъ башей, какъ Абаза, и такихъ мурзъ, какъ Кантемиръ, которыхъ оно усмиряло чаще всего повышеніемъ. Какъ своевольные баши и мурзы предоставляли членамъ дивана иг-

---

[1]) См. томъ I, стр. 109, и томъ II. стр. 426.

To vyrzysz v Podolan, gdy przydzyesz do niègo,
Nie poznasz, gdzye pan siedzi, abo sługa iego.

[2]) Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, въ письмѣ къ зятю своему Радивилу, говоритъ, что онъ торговался съ козаковатымъ шляхтичемъ Косинскимъ. Сохранилось даже указаніе, что онъ уступилъ Косинскому два села. Подъ Пяткомъ, очевидно, было признано полезнымъ пощадить „козацкаго гетмана“. Ладилъ Острожскій и съ другимъ шляхтичемъ-козакомъ, Лободою, который, съ своей стороны, подобно Богдану Хмельницкому по отношенію къ Конецпольскому, заискивалъ благосклонности магната. Съ братомъ своего придворнаго протопопа, Наливайкомъ, Острожскій поступалъ такъ поблажливо, что даже его подвоеводій, князь Вороницкій, открыто участвовалъ въ наѣздахъ этого ухо и носорѣза на панскія имѣнія. Ростъ и значеніе Сагайдачнаго не иначе можно объяснить, какъ необходимостью третировать предводителей козачества, по примѣру Ѳомы Замойскаго, humanissime.

рать роль всемогущей силы, такъ точно и козацкіе ватажки, атаманы и гетманы не мѣшали ни мало польскимъ королямъ наслаждаться европейскою славою побѣдителей Москвы, Турокъ и Шведовъ, съ которыми безъ козаковъ никогда бы они не совладали. Козацкіе дуки преслѣдовали свои ближайшіе интересы и, въ свою очередь, играли роль магнатовъ среди людей, которые не знали выписныхъ винъ и пили свою оковитую деревянными ковшами. [1]) Правительствовавшіе въ Польшѣ паны потакали ихъ экзорбитанціямъ тѣмъ охотнѣе, что они довольствовались даже „словесною даровизною на саблю" того, что было фактическою ихъ собственностію.

При томъ же—и это всего важнѣе—осѣдлые козацкіе предводители изъ мелкой шляхты были наилучшими пропагандистами польщизны; а вопросъ о распространеніи среди руси польскаго элемента занималъ ученаго Кромера еще въ половинѣ XVI вѣка, когда вопросъ религіозный на Руси считался дѣломъ, не заслуживающимъ упоминанія. Религіозная пропаганда и въ XVII вѣкѣ интересовала далеко не всѣхъ окатоличенныхъ пановъ. По духу отдѣльности интересовъ, какой былъ свойственъ панскому обществу, паны смотрѣли на церковный вопросъ, какъ на принадлежность духовныхъ сановниковъ, интересовались имъ только въ качествѣ родныхъ и пріятелей такихъ лицъ, каковы были православный архіерей Гедеонъ Болобанъ, уніятскій митрополитъ Ипатій Потѣй, латинскій архіепископъ Димитрій Суликовскій и знаменитый Петръ Могила, люди происхожденія знатнаго Каждому изъ

---

[1])
Чи чарка то, чи кôвшъ буде,
Не глядять перемѣны:
Гладко пьють, якъ зъ лука бьють
До ночнои тѣни.

Надпись подъ извѣстнымъ изображеніемъ козацкаго рыцаря.

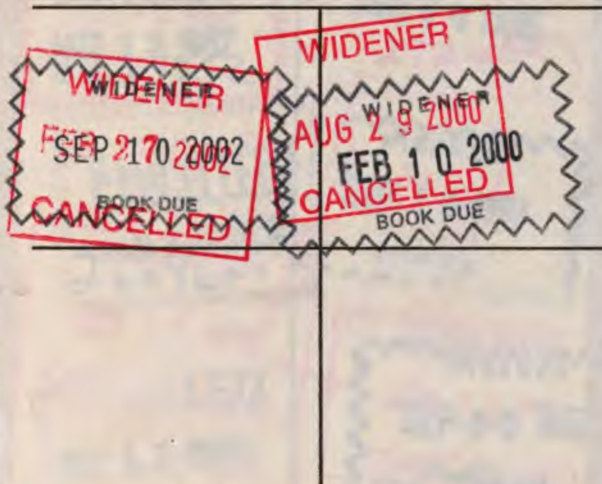
нихъ польскіе королята предоставляли достигать своихъ даже противоположныхъ цѣлей на церковномъ поприщѣ, такъ точно, какъ сами безпрепятственно дѣйствовали на поприщѣ политики, войны и царственной колонизаціи пустынь. Но элементъ польской народности, элементъ единенія государства языкомъ, нравами и обычаями, входилъ въ ихъ интересы глубже. Пріятно и необходимо было каждому пану, въ толпѣ предводителей козацкой „русчины", презираемой и въ школахъ, и въ средѣ убогаго православнаго духовенства, находить людей, отличающихся языкомъ, симпатіями и склонностями образованнаго общества. Съ своей стороны, и козаки охотно принимали въ демократическую среду каждаго, кто видалъ панскіе дворы, кто пользовался служилыми связями съ великими панскими домами и умѣлъ вести переговоры съ польскими королятами. Взаимность удобствъ и естественное уваженіе русскихъ людей къ языку правительства привели дѣло ополяченія руси, помимо религіи, къ тому, что не только героическія дѣянія русскихъ предковъ, но и чудеса печерскихъ святыхъ описывались уже по польски. Не маловажное было это дѣло. Русскій элементъ мало по малу отступалъ передъ польскимъ на городскіе рынки и въ городскіе кабаки, между тѣмъ какъ элементъ польскій, чрезъ посредство школъ и общежитія, преобладалъ даже и надъ богословскимъ русскимъ языкомъ. Въ двадцативосьмилѣтнее мирное козакованье Богдана Хмельницкаго (то есть до 1648 года) польщизна въ сферѣ высшаго духовенства и высшаго козачества, а равно и мѣщанства, не говоря уже о русскихъ землевладѣльцахъ, дѣлалась такимъ же естественнымъ, какъ бы природнымъ діалектомъ, какимъ она была въ XVI вѣкѣ только въ аристократическихъ домахъ, подобныхъ дому князя Острожскаго. Десять революціонныхъ лѣтъ дѣятельности Богдана Хмельницкаго не уничтожили въ

южнорусскомъ обществѣ иноплеменнаго элемента, внѣдрившагося въ его правила жизни симпатіи. Онъ бѣдственно и постыдно для насъ обнаруживался въ дѣйствіяхъ Виговскаго и подобныхъ ему малорусскихъ передовиковъ до временъ Мазепы и его дворянской партіи. Сознательно ли распространялся онъ въ средѣ церковныхъ, то есть главныхъ, если не единственныхъ, защитниковъ православія, или же то было естественное дѣйствіе соціальной динамики, только этимъ путемъ достигался весьма важный для Польши результатъ: что въ то время, когда во главѣ козачества стояла образованная по польски шляхта, не чуждавшаяся ковша оковитой горѣлки,—во главѣ южнорусскаго духовентсва, вмѣсто Вишенскихъ и Борецкихъ, очутились русскіе поляки, отличавшіеся отъ Кунцевича и Смотрицкаго только тѣмъ, что защищали, а не опровергали православіе. Различіе, по видимому, глубокое, радикальное; но, подъ его прикрытіемъ, южная русь, помимо исповѣданія вѣры, претворялась въ поляковъ такъ тотно, какъ это случилось передъ глазами православныхъ съ княземъ Константиномъ-Василіемъ Острожскимъ и со многими подобными ему русскими панами, которые обороняли русскую вѣру на сеймахъ, и въ то же самое время вводили польскую жизнь въ свои семейства. Въ ту радостную для нашихъ историковъ эпоху, когда православіе торжествовало въ Кіевѣ побѣду надъ покровителями церковной уніи, искра русской самобытности на Югѣ догорала, и самыми опасными ея гасителями были именно тѣ, на которыхъ мы все еще смотримъ, какъ на спасителей русской народности. Ни эпоха, предшествовавшая церковной уніи, ни эпоха, слѣдовавшая непосредственно по ея обнародованіи, не были для малоруссовъ такимъ отчаяннымъ кризисомъ, какъ цвѣтущій періодъ нашихъ заимствованій изъ сокровищницы

польской образованности, періодъ 1630-хъ и 1640-хъ годовъ, заключавшій въ себѣ причины цѣлаго ряда такихъ явленій, какъ Виговщина, Брюховещина и Мазеповщина.

Но прежде, чѣмъ распространиться объ этомъ поучительномъ времени со стороны гражданственности, необходимо намъ вмѣшаться въ боевую толпу пановъ и панскихъ завистниковъ, продолжавшую развивать свою двоякую дѣятельность. Эта толпа, состоявшая съ обѣихъ сторонъ изъ людей русскихъ, лишь съ небольшою примѣсью иноплеменниковъ, готовилась отъ временъ Наливайка, съ одной стороны, къ дерзкому нападенію, съ другой — къ гордой защитѣ; но результатами кровавыхъ ихъ усобицъ, къ счастью человѣчества, не суждено было воспользоваться ни цивилизованнымъ по западному представителямъ олигархіи, ни дикимъ по восточному представителямъ охлократіи.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.


WIDENER
WIDENER
SEP 17 2002
BOOK DUE
CANCELLED
WIDENER
WIDENER
AUG 29 2000
FEB 10 2000
CANCELLED
BOOK DUE